Радиевская

Ракитская
Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Том четвёртый

Теория и практика социально-трудовых отношений

Социальная политика

Москва
Школа трудовой демократии имени Г.Я.Ракитской
2017

Ответственный за выпуск
Б.В. Ракитский

УДК 316.334.3
ББК 66.3,4
Р19

Р19 **Ракитская Г.Я.**
Основные труды. Том четвёртый. Теория и практика социально-трудовых отношений. Социальная политика. – М.: Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской; ПРОБЕЛ-2000, 2017. – 592 с.

ISBN 978-5-98604-623-5
ISBN 978-5-98604-652-5 (Том IV)

«Основные труды» классика нового, современного обществознания Галины Яковлевны Ракитской (1939-2013) содержат произведения по широкому кругу идеологических, теоретических и практических проблем.

В четвёртый том вошли произведения, посвящённые теории и практике социально-трудовых отношений и социальной политике.

Для исследователей-обществоведов, преподавателей, активистов рабочего и профсоюзного движения.

УДК 316.334.3
ББК 66.3,4
Р19

Составление, макетирование
и подготовка к изданию четвёртого тома
Б.В.Ракитский

© Ракитская Г.Я. и наследники, 2017
© Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской, 2017
© ПРОБЕЛ-2000, 2017

ISBN 978-5-98604-623-5
ISBN 978-5-98604-652-5 (Том IV)

Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской
119361 Россия. Москва. Улица Озёрная, 25-287

Четвёртый том «Основных трудов» издан на средства:

Ракитского Бориса Васильевича,
Манделя Давида,
Бима Александра Семёновича,
Никулиной Ларисы Георгиевны

Ракитская
Галина Яковлевна

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

(Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)

Москва
Институт перспектив и проблем страны 2003

2003

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

(Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России)

ВВЕДЕНИЕ

Конкретно-исторические обстоятельства, требующие существенного развития представлений о труде и трудовых отношениях

Наука — познавательная сторона практики (преобразовательной деятельности). Когда меняются исторические условия практической деятельности, когда надо "привязать" научные истины "к обстоятельствам места и времени", тогда требуется развить, углубить, пересмотреть и даже заменить прежние научные представления, выработать новые подходы и новые теории.

Потребность такого типа сформировалась в современной России применительно и к обществознанию в целом, и к важнейшим его отраслям. Потребность иначе, чем ещё сравнительно недавно (чем лет 15-20 назад), понимать важнейшие общественно-экономические процессы и явления ощущается и практиками-управленцами, и практиками-законодателями, и практическими участниками этих процессов.

Труд, трудовые отношения, общественные отношения, так или иначе существенно связанные с трудом, относятся к разряду стержневых (каркасных, основных) в обществе. В реальных общественных условиях труда и в реальных отношениях по поводу труда произошли и продолжают происходить кардинальные перемены. А вместе

с тем сформировавшиеся в XX веке и господствующие в отечественном обществоведении теоретические представления о трудовых процессах и отношениях остаются в основном неизменными. Потребность осмыслить перемены не только оперативно (в режиме, обеспечивающем своевременную оперативную реакцию), а и системно, на уровне фундаментальных знаний в последние десятилетия даёт о себе знать.

Трудовые отношения, взятые не узкопроизводственно, а в их полном общественном контексте, столь комплексны и столь укоренены во всю ткань общественной жизни, что актуальность их существенного научного переосмысления прямо сопряжена с кардинальными, действительно историческими переменами в жизни общества. Так что не будет ни малейшей натяжки, если станем обсуждать и выяснять актуальность инвентаризации и развития фундаментальных знаний о труде и трудовых отношениях, отправляясь от таких перемен в жизни общества, которые являются несомненно историческими.

Здесь уместно отступление от прямого хода изложения. Наука обладает способностью предвидеть, более того — это основная функция её фундаментальных разработок. Именно поэтому наука вовсе не обязана дожидаться, когда перемены исторического масштаба произойдут фактически, когда выявятся и будут взяты на учёт все их итоги. Фундаментальная наука начинает изучать исторические перемены и их последствия *заранее*, когда они ещё вызревают до фазы реально возможных, то есть до фазы *реально возможного варианта исторического будущего.*[1]

---

[1] ***Теоретические представления о вариантности будущего — непременная составная часть историко-материалистического мировоззрения, отличающая его от экономико-материалистического (экономико-детерминистского) и иных метафизических (недиалектических) мировоззрений. Теоретические представления о вариантности будущего стали остро актуальными в СССР с конца 70-х - начала 80-х годов в связи с назреванием революционной***

Фундаментальная наука способна изучать предстоящие перемены не только в целом (вообще), но и *предметно*, то есть выделяя важнейшие содержательные процессы общественно-экономической жизни, например, трудовые отношения.

Именно этим объясняется, что автор данной работы обратился к фундаментальным исследованиям труда и трудовых отношений ещё в начале 80-х годов, рассчитывая выработать новые принципиальные подходы и осуществить новые теоретические разработки. Первые этапы такой работы дали, смею надеяться, полезные результаты. Часть из них опубликована в 1982-1986 гг.[2]. Однако исторические перемены, назревание которых стало импульсом упомянутых разработок, развернулись в действительности. Четвёртая русская революция стала реальностью. Вместо обсуждения возможных вариантов исторического будущего пришлось включиться в живую борьбу за "свой" вариант против "чужих" вариантов. Несколько лет практического участия в революционных событиях и синхронного (в режиме "реального времени")

ситуации. Едва ли можно сказать, что среди советских обществоведов нашлось много учёных, своевременно ответивших своими работами на эту потребность.

[2] Гребенников В.Г., Ракитская Г.Я. Социально-трудовые аспекты совершенствования хозяйственного механизма // Социально-экономические проблемы совершенствования хозяйственного механизма. Сб. тр. Вып.3. М.: ВНИИСИ. 1982; Ракитская Г.Я. Преобразования в труде в условиях интенсификации производства // Социально-экономические проблемы интенсификации общественного производства. Сб. тр. Вып.2. М.: ВНИИСИ. 1983; Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса // Экономика и общество (истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сб. тр. Вып. 8. М.: ВНИИСИ. 1983; Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. М.: ВНИИСИ. 1986.

осмысления переходных процессов подвели автора к выводу о необходимости возобновить фундаментальное (общетеоретическое) исследование социально-трудовых отношений, но, как говаривают теперь, уже в другой стране, в новой России.

Вернёмся к основной канве изложения.

Итак, я исхожу из того, что обсуждать и уяснять актуальность инвентаризации и развития фундаментальных знаний о труде и трудовых отношениях следует, отправляясь от назревших или совершающихся кардинальных (коренных) перемен в жизни общества, то есть от перемен исторического масштаба. Это соответствует месту труда и трудовых отношений в ряду содержательных (каркасных, основных) общественных процессов. Именно в виде состояния таких процессов вызревает необходимость и закрепляются результаты крупных общественных перемен.

Каковы же потребности исторических перемен? Каковы сами исторические перемены? В каких главных направлениях обозначились их последствия? В каких плоскостях (общественных пространствах) расположились результаты перемен?

Все эти вопросы касаются ***исторических сдвигов,*** не могущих не вызвать существенные сдвиги в трудовых отношениях и труде. Обозначу те, которые представляются мне важнейшими.

1. Тоталитарный строй, будучи в принципе общественной деформацией (перманентно кризисным общественным устройством), пережил в 50-70-е годы фазу загнивания и разложения (по терминологии КПСС, фазу "застоя"), противостоять которым не смогли хорошо организованные и великолепно скоординированные усилия тоталитарной власти[3]. Изображать советскую систему послес-

[3] Раскрытию существа тоталитарного строя в СССР как казарменной деформации социализма посвящён ряд публикаций автора и других представителей научной школы, к которой принадлежит автор. См., например: Очерки по-

талинского периода в карикатурно-оглуплённом виде (а тем более — в “обзывательно-разоблачительном”) — значит отступать от научности, от объективности, расписываться в неспособности или в невежественном нежелании что-либо серьёзно понять в истории (и в вероятном будущем).

Загнивание и разложение (как следствие деформированности) отчётливо проявлялись в характере труда и трудовых отношений — прежде всего в неспособности провести демократизацию социально-трудовых отношений. Попытки провести оздоровительные реформы предпринимались неоднократно, но реальным финальным результатом оказывалась эскалация загнивания и разложения организации труда, трудовой морали, систем стимулирования, трудовых мотиваций.

2. Тоталитарный строй в СССР предпринял попытку перестройки, то есть попытку самореформирования, “революции сверху”. Опыт перестройки в СССР подтвердил выводы тех, кто считал тоталитарный строй неспособным к самореформированию из-за отсутствия адекватного субъекта — исторически влиятельной общественной силы, способной осуществить (или заставить осуществить) самореформирование. Опыт показал также, что общественная сила, выступающая *против* самореформирования, как раз была — это тоталитарная КПСС.

В период перестройки практически выяснялось, является ли советское общество деформированным социалистическим или же оно является казарменным перерождением общества. Вопрос был крайне актуален для уяс-

литической экономии социализма / Под ред. академика Н.П.Федоренко. — М.: Наука. 1988. С.57-65; Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. — М.: Наука. 1990. С.20-43; Ракитский Б. Основы теории переходного периода / В кн.: Через тернии / Сост. А.А. Протащик. — М.: Прогресс. 1990. С.264-270.

нения перспектив активизации общественных сил для разрешения революционной ситуации (так называемого системного кризиса).

Ответ на этот вопрос не был получен. Период перестройки был исторически крайне коротким, можно сказать, прерванным. Но он обнажил существо проблемы и бросил наличным общественным слоям вызов активно включаться в изменение общественных условий жизни, а через них — и общественных условий труда. Трудовые слои общества не успели ответить на этот вызов, исключая, разве что, шахтёрское рабочее движение и разрозненные забастовки в разных отраслях (но, конечно, не в привилегированных отраслях — не в “оборонке”).

Ряд существенных фактов, событий и обстоятельств позволяет предположить, что продолжение перестройки как “революции сверху” сформировало бы условия для активизации трудящейся массы и её более весомого участия в исторических преобразованиях. К обнадёживающим событиям тех лет отнесу создание советов трудовых коллективов на предприятиях; принятие Закона СССР “О государственных предприятиях (объединениях)” (1987 г.); явочное освоение забастовки как формы массового конструктивного давления на администрацию и власти; создание в 1989-1990 гг. забастовочных комитетов и рабочих комиссий по контролю за выполнением достигнутых соглашений; возникновение новых демократических (свободных) профсоюзов и других демократических организаций трудящихся и общедемократических организаций; введение альтернативных выборов и начавшееся оживление мёртвых прежде, фактически назначаемых советов; заметную демократизацию союзной законодательной власти; введение гласности (при одновременном, правда, усилении цензуры) и т.п.

3. Развитие событий привело к перемене типа политической власти в России в течение 1990-1991 гг. Последовавшие за политическим переворотом (в августе 1991 г.) коренные реформы в хозяйстве, в собственности, в социальной сфере, в государственном устройстве и го-

сударственном строительстве (включая введение многопартийности и новый федерализм), в идеологической обстановке (конституционный запрет государственной идеологии, запрет цензуры и т.п.) — все эти коренные преобразования позволяют определить характер общественных перемен *как революцию* — четвёртую русскую революцию*, антитоталитарную и антиимперскую по своей пафосной направленности* (то есть "*против чего* революция, что она отрицала в истории?"). Что касается содержательной направленности четвёртой русской революции (то есть — "*за что* она, *ради чего* она?"), то её исторической задачей был выход общества из тоталитарного состояния как исторического тупика, выход в сторону демократического общества (либо буржуазно-демократического, либо народно-демократического — в зависимости от соотношения общественных сил).

Кардинальные перемены в собственности, в механизме хозяйствования (так называемый переход к рыночной экономике), шоковый метод осуществления реформ и многие иные столь же коренные перемены по сути дела привели ***к фактическому осуществлению необъявленных революционных реформ всей системы социально-трудовых отношений.*** Однако полноценного объёмного анализа реальных перемен в социально-трудовых отношениях в России 90-х годов пока ещё не имеется. Забегая вперёд, отмечу, что в данной работе предлагается принципиальный план такого анализа, предложены теоретические подходы к нему и выполнены некоторые фрагменты анализа.

4. Переходные реформы в послереволюционной России завершены (в основном к середине 90-х годов). С тех пор вот уже несколько лет предпринимаются попытки перейти к объявленному ещё в 1995-1996 гг. "новому этапу реформ", перейти "от инфляционного этапа к инвестиционному этапу".

Трудности налаживания общественного воспроизводства на новых основаниях не опровергают, а только подчёркивают факт ликвидации прежних основ. Действительно, основы функционирования хозяйства, социальной сферы, всех иных сфер жизни общества кардинально изменены. Прежний тоталитарный строй перестал существовать. Новые экономические и общественные порядки возникли. В их составе и новые общественные условия труда и трудовых отношений. Но это только одна сторона дела.

Другая состоит вот в чём. Трудности "запуска" нового капитализма ("рыночной экономики") в России поначалу наводили на мысль, а теперь приводят к выводу, что функционирование нынешней российской экономики не удаётся удовлетворительно описать ни моделями А.Смита и Д.Рикардо, ни моделями К.Маркса, ни моделью Д. Кейнса, ни моделями фундаменталистского либерализма, ни иными моделями, описывающими *развивающееся* (воспроизводящееся на собственной основе) капиталистическое хозяйство. Стало быть, правомерен вопрос: а применимы ли к нынешним трудовым отношениям в России и соответствующие теории капиталистических трудовых отношений (отношений труда и капитала)?

И более того: жизнеспособны ли вообще экономические и социальные порядки, сложившиеся в современной России? Не вышла ли Россия из тоталитарной деформации в иную деформацию, то есть из одного перманентно кризисного состояния в другое перманентно кризисное[4], из одного исторического тупика в другой исторический тупик?

---

[4] При всей легковесности рассуждений такого политика, как Б.Е.Немцов, нельзя не отдать должное его меткой характеристике возникшего в итоге шоковых реформ в России общественного устройства как "бандитского капитализма". Эта оценка была дана Б.Е.Немцовым в бытность его первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации и повторяется им до сих пор. Для нас важна не обзывательная сторона немцовской оценки, а подчёркивание адептом либеральных реформ полного провала созидательной задачи ельцин-

Этот вопрос заставляет посмотреть на современные проблемы труда и трудовых отношений в России ещё с одной точки зрения (в создавшихся общественных условиях остро актуальной). А именно: складываются ли и развиваются ли эти отношения в общественных условиях, установившихся “всерьёз и надолго”? Или же имеющиеся в нынешней России общественные условия труда и трудовых отношений недолговечны, вынуждены будут перемениться, вызывая в ближайшем будущем новые существенные пертурбации в организации, условиях и оплате труда, во взаимоотношениях работодателей и работников, в занятости, в конкуренции на рынках труда и т.п.?

5. Характер осуществлённых в 90-е годы реформ отечественная общественная наука осмысливает (притом вполне правомерно), как правило, в двух отношениях:

а) эти реформы были шоковыми (по методу проведения). Из этого проистекают выводы о их недемократичности, фактической принудительности для массы населения, а потому и выводы об отчуждённости большинства населения от результатов реформ и о социально-психологических (“ценностных”) затруднениях включения населения и трудящихся в новые порядки;

б) эти реформы были первоначальным накоплением капитала (по целевому назначению) со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими следствиями, описанными, допустим, в главе 24 первого тома “Капитала” К.Маркса. Для современных условий в описании этих следствий нередко (иногда даже на государственном уровне) используется терминология типа “экономический геноцид населения”, “ограбление”, “разграбление страны”,

ских преобразований. На бандитском фундаменте не может быть нормального воспроизведения общественно-экономической жизни. При бандитском общественном устройстве каким же должен быть труд: рабским, разбойным, нелегальным, каким? Ясно, что нормальным, созидающим общественный прогресс и народное благосостояние он быть не может.

“мародёрство” и т.п. Либеральный лагерь называет то же самое “перемещением России в точку невозврата” и ставит себе в заслугу.

Сколь ни важны два названных аспекта анализа характера (да и результатов) реформ, есть ещё равноценно важный третий аспект, который до сих пор крайне недостаточно вовлечён в анализ. Это ***глобализационный аспект российских рыночных реформ и их результатов.***

Господствующее представление о соотношении российских реформ и глобализации: Россия всё ещё не вовлечена в процессы глобализации, ей ещё предстоит сделать выбор – остаться или не оставаться за рамками этих процессов. Либеральная (по своей идеологии) правительственная программа (“Программа Г.Грефа”) – яркий пример такого неадекватного представления (изображения). Эта программа в 2000 г. с озабоченностью констатирует: “К рубежу третьего тысячелетия Россия утратила положение страны-супердержавы и столкнулась с угрозой оказаться на периферии формирующегося нового мира. Опасность остаться за рамками процессов глобализации, становления открытого сообщества и постиндустриальной, информационной экономики является для России всё более реальной”[5].

Однако ещё до 2000 г. по программе Международного валютного фонда в России проведены шоковые реформы глобализационного типа, в ходе и в результате которых Россия включена в мировое капиталистическое хозяйство как страна-донор международного финансового капитала, как страна зависимая. Упорные и тяжёлые, надо признать, усилия Президента В.В.Путина и его Правительства освободиться от фактора внешней зависимости дока-

[5] “Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу”. Проект. Июнь 2000 г. С.6.

зывают, что это так. Глобализация для России не впереди, она для неё состоялась.

Она состоялась и для отечественных товаропроизводителей, и для наёмных работников. “Открытая экономика” ввергла их без всякого времени на подготовку, рывком, “большим скачком” (по выражению Е.Гайдара, “прыжком”: ему виднее, насколько присовокуплять к скачку фактор сознательности этого действия) в среду международной конкуренции на рынках сырья, капиталов, товаров и рабочей силы. Жёсткость критериев минимально достаточной для выживания эффективности резко возросла. Вопрос стал так: тот, кто не может конкурировать на мировом рынке, должен покинуть и отечественный рынок. Вместо ожидавшегося оздоровительного воздействия конкуренции в этих условиях развился уход отечественного производителя “в тень”, в подполье, в криминал.

Здесь пока не место развивать тему глобализации и её влияния на социально-экономические процессы, включая труд и трудовые отношения. Достаточно зафиксировать её первостепенную актуальность.

Резюмирую. Актуальность исследований труда и трудовых отношений в современной России складывается под воздействием ряда существеннейших факторов. Требуется не только обобщать новые явления и тенденции в труде и трудовых отношениях, как это и делают обычно исследователи-трудовики в обстановке установившейся и качественно воспроизводящейся общественно-экономической формации. Требуется в должной мере (требуемой наукой и практикой) увязать изучение социально-трудовых проблем с происшедшими, происходящими и предстоящими сдвигами в общественном устройстве, в общественных условиях труда и трудовых отношений. Требуется также не забыть и глобализационные аспекты.

Так понимаемая актуальность существенного развития представлений о труде и трудовых отношениях в немалой мере предопределяет цели, характер, методологию и содержание настоящей работы.

Её цель двоякая:

— выстроить общую теорию социально-трудовых отношений;

— обосновать круг узловых приоритетных социально-трудовых проблем и предметно разработать методологические подходы к исследованию каждой из них, вовлекая в содержательное рассмотрение наиболее злободневные аспекты современной российской практики.

РАЗДЕЛ I

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

==========

Глава 1
Постановка проблемы (темы). Об общей теории и методологиях

1.Труд и трудовые отношения как общественные реалии, как объект и предмет исследования

Понятием “общественная реалия” в последние годы исследователи-трудовики и экономисты стали пользоваться чаще. Это помогает точнее обозначать предмет обсуждения. Реалия — фактическое явление, процесс, то, что реально есть в жизни, притом именно такое, каково оно в реальной жизни. Имеющие обычно то же название, что и реалия, научная категория, понятие, термин – отражение реалии. Они относительны в смысле полноты отражения, в смысле улавливания связей между реалиями, они зачастую несут на себе печать целенаправленности не всеобщего (или нейтрального), а обособленного, частного интереса.

В обществознании ***системы*** понятий, терминов, научных категорий, как правило, отражают неоднородность исследовательского (познавательного) интереса, ибо практикующий субъект социально структурен, состоит из социальных групп (и классов) с противоречивыми интересами. В этом смысле системы представлений (науки) об общественных явлениях партийны, а общественные реалии сами по себе не партийны, они просто процесс и результат деятельности разных социальных сил (частей, по-французски — “part” или “partie”).

Философски невежественное шараханье от понятий “партийность” и “классовость” в науке, несущее, конечно, на себе генетическую память о пошлом диктате

правящей КПСС в любой науке, надо бы поскорее преодолевать. Обществоведам без понимания партийности (частич-ности и разной практической целеориентированности) представлений о социальных реалиях работать очень трудно, а обществоведам-теоретикам — вообще невозможно. Пока категория партийности в обществознании не освобождена от следов опасений идеологического диктата или плебейского мелкого мщения “задним числом”, тлетворное дело тоталитарной КПСС всё ещё делается.

Труд есть целенаправленная практическая (то есть преобразовательная) деятельность. Его исходной основой является осознанное отношение человека (и как индивидуума, и как рода) к окружающему миру (к природе). По Гегелю, человека не удовлетворяет окружающий его мир и он решает изменить его. Человеческая способность представлять сущее в изменённых видах, то есть идеально, — основа целеполагания как выделения себя в природе, основа потребностей как желаемого (идеального улучшенного) состояния собственных взаимосвязей с природой. Цель — не что иное, как осознанная потребность.

Но труд — не цель, а процесс её достижения. Все цели труда располагаются (в конечном счёте) в пространстве связи человека с природой. Но и все средства (способы) труда располагаются в этом же пространстве. У человечества нет иных реальных возможностей достигать изменений в окружающем его мире, кроме как воздействовать природой на природу, познавать природные силы и направлять их действие на желательные преобразования чего-то в природе. В этом человечество продвинулось так значительно, что ныне говорят даже о двух природах — исходной, первичной и созданной человеком среды своего обитания и жизнеобеспечения (города, коммуникации, сооружения, искусственные водоёмы, вся техника и вся технология). В этих плоскостях располагаются такие реалии, как средства труда, результаты труда, орудия труда и т.п.

Весь массив труда огромен и включает в себя и сумму индивидуально совершаемой целесообразной преобразовательной деятельности, и то, чем целостное

превосходит простую сумму. Ибо люди живут и трудятся не поодиночке, а совместно, в обществе, взаимно дополняя друг друга в труде. Преобразовательная деятельность складывается и развивается как структурная целостность. Основные характеристики этой расчленённой целостности — разделение и кооперация труда, а поточнее — кооперация разделённого труда, или разделение кооперированного (обобществлённого) труда.

Для целей нашего исследования нет необходимости рассматривать труд со стороны его свойств преобразовывать природу. Поэтому оставим в стороне такие интересные реалии, как масштабы хозяйства, производительность общественного труда (удельная скорость преобразования вещества природы), отраслевая структура производства, размещение труда по территории страны (территориальная структура производства) и т.п. У нас также нет задачи исследовать труд как конкретную человеческую деятельность. Не то мы углубились бы в такие области, как мускульные усилия, энергетические затраты организма, рациональность трудовых операций, физиология труда, воздействия производственной среды на организм работника, процесс трудового мышления и т.п. В этом направлении немало и полезно трудились такие исследователи, как Ф.У.Тейлор, А.А.Богданов, А.К.Гастев и др.

В нашей работе исследуется не труд как таковой, как преобразовательная деятельность, а *те общественные формы*, в которых он протекает, *общественная атмосфера труда — отношения между людьми по поводу труда.*

Трудовые отношения — общественные реалии. ***Трудовые отношения — отношения между участниками преобразовательной деятельности по поводу её целевой направленности, способов осуществления, организации, оперативного координирования, получения и предназначения результата труда, распоряжения результатом труда.*** По-другому то же самое содержание укладывается обычно в понятия “общественный характер труда”, “труд как гуманитарная ценность

(или самоценность)”, “характер организации труда”, “общественная форма труда”, “трудовые мотивации”, “стимулы к труду”, “отчуждённость от результатов труда”, “чувство хозяина” и т.п.

Предметной областью всякого действительно обществоведческого изучения труда являются именно трудовые отношения между людьми, а *объектом* — труд и трудовые отношения как целостная реальность текущей преобразовательной деятельности. Именно таким образом соотносятся предметная область и объект и в нашем исследовании. Различия между научными школами, исследующими проблематику труда, и теориями как результатами этих исследований — не в расхождении по поводу соотношения объекта и предметной области (стороны объекта, исследуемой данной отраслью науки). Различны ***цели*** (задачи) и тем самым ***предметы*** разных обществоведческих исследований труда при общности объекта и предметной области. При определении предмета каждого исследования на первый план выступает именно его целевая ориентированность, ответ на вопросы “для чего исследование? для какой практики?” Ещё точнее – для практикующего субъекта ***с какими представлениями*** о реальности, об обществе вообще и о труде и трудовых отношениях в обществе — в частности?

К примеру, предприниматель в своей практической деятельности относится к труду как к одному из факторов производства, который он оптимальным образом должен скомбинировать с машинами, оборудованием, природными и финансовыми ресурсами. Как источники образования издержек производства они для него взаимозаменяемы, а его цель — минимизировать сумму издержек и тем самым повысить экономическую конкурентоспособность. Тот факт, что фактор труда, оказывается, имеет (в отличие от земли или оборудования) гражданские права, женат и имеет детей, — обстоятельство либо не касающееся предпринимателя, либо осложняющее его заботу о конкурентоспособности.

В то же самое время наёмный работник в своей практической деятельности озабочен необходимостью иметь такое занятие, которое доставляло бы ему доход, достаточный для достойного существования и развития его самого и его семьи. Заботы предпринимателя о повышении конкурентоспособности воспринимаются работником либо как чужие заботы, либо как касающиеся забот работника опосредованно. Так что там, где предприниматель ищет пути понизить издержки, работник предпочёл бы понизить прибыль. Их интересы не совпадают, более того — они противоречат друг другу.

Исследователи труда и трудовых отношений, работающие в интересах предпринимателей, во многом иначе понимают и рассматривают предмет своих исследований, иначе ставят исследовательские задачи, нежели те учёные, которые работают в интересах наёмных трудящихся. Это азбука, азбука классовости (партийности) общественных наук. Разумеется, в такой ситуации всегда появляются писатели, которые предлагают надклассовые или общечеловеческие трактовки самых злободневных практических проблем, в том числе и трудовых. Эти трактовки обычно остаются в стороне от серьёзной науки. За исключением тех якобы "классово стерильных" трактовок, которые крайне удачно маскируют классовость в интересах господствующих классов. Таким трактовкам время от времени могут даваться Нобелевские премии.

2. Множественность методологий Исследования труда и трудовых отношений как отражение в научной сфере множественности идеологий

Одно из самых крупных демократических завоеваний четвёртой русской революции — конституционный запрет государственной или обязательной идеологии. В главе 13 Конституции РФ (от 12 декабря 1993 г.) первые два пункта — именно об этом:

"Статья 13.

1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной".

Идеология — мировоззрение, картина мира, угол зрения на всё многообразие событий и процессов. Признание множественности идеологий равноценно в связи с этим признанию, что нет единой научной правды в обществознании, ибо обществознание по самой своей природе основано на многообразии представлений об обществе, на различающихся картинах мира, мировоззрениях. Истина многообразна (а точнее — истина как процесс структурна, многосубъектна). Мировоззрения устойчиво различаются в результате различий в общественном положении социальных групп, классов. Следовательно, демократическая конституционная норма о признании идеологического многообразия обеспечила прочную правовую основу социально-классовому подходу к исследованиям общественных процессов, не отнимая ни у кого свободы блуждать в лабиринтах внеклассовости или надклассовости.

В тоталитарном обществе подходы к подобным вопросам иные и, на первый взгляд, вроде бы даже и здравые. Считается, что истина одна (и при этом, конечно, что она — не процесс, а результирующий, а то и задаваемый вывод). Отсюда: то, что не есть истина, — заблуждение, ошибка. Широта взглядов на свободу научного творчества простирается аж до "вольнодумного" допущения: "Учёный имеет право на ошибку"[6]. И т.д. В тоталитарном СССР

[6] В порядке иллюстрации. Летом 1987 г. Отдел науки ЦК КПСС попросил нескольких экономистов написать критический разбор идеологии перестройки (по-видимому, собирались какие-то материалы в связи с подготовкой книги М.С.Горбачёва). Время было уже перестроечное, жёсткость контроля за "нашими учёными" чуть смягчалась. Первый зам. зав. Отделом, желая "раскрепостить" учёных и стимулировать их смелость в критике и поста-

фразеология о классовости, партийности науки была вульгаризацией первоначального (середины XIX века) марксизма. На деле же никакого многообразия исследовательских подходов, как и многообразия идеологий, не допускалось.

Об этом следует говорить не к тому, чтобы лишний раз покритиковать тоталитарные подходы, а к тому, чтобы подчеркнуть: в освоении демократических возможностей обществоведческих исследований мы (все вместе) сделали ещё совершенно недостаточно. Многообразие идеологий вроде бы уже стало общественной реальностью, но воспринимается, как бы это сказать?... неконструктивно, что ли. От многообразия идеологий обществоведению пока мало проку. Во-первых, потому, что одна из идеологий (либерализм экстремального толка) упорно продавливается как практически государственная, если и не принудительно обязательная, то имеющая во всяком случае приоритет при подготовке государственных решений и охранную грамоту от критики на стадии подготовки таких решений (вплоть до подготовки стратегических социально-экономических решений правительства в закрытом режиме). Во-вторых, социально-групповой (классовый) подход шельмуется, дезавуируется, считается "отрыжкой тоталитаризма". То есть идеологическое многообразие признаётся на словах, но не признаётся и не используется во благо на деле.

А между тем восприятие и освоение идеологического многообразия как реальной идейной основы и демократической атмосферы исследований общественных процессов позволяют резко, по нашим представлениям,

новках, промолвил доверительно: "Пишите смелее, никто не собирается никого наказывать. Учёный ведь имеет право на ошибку. Не так ли?" Вопрос был задан, видимо, как риторический. Но один из участников разговора (Б.В.Ракитский) вдруг возразил: "Конечно, не так. Учёный имеет право на истину. От этого права мы не отказываемся и на право на ошибку не обмениваем". Начальство было в недоумении.

качественно повысить результативность научных исследований. Эффект заложен в обогащении самой исследовательской культуры — в обогащении методологий.

Методология не существует вне самого исследовательского процесса, хотя и может быть описана специально. Она, прежде всего, не является совокупностью (суммой, набором, агрегатом) конкретных методов исследования и изложения исследовательских результатов, а также рекомендаций для действий. Сумма качественно отличается от целостности, а методология — реалия целостная. Исходными свойствами, характеризующими и дающими понять методологию, являются свойства целого.

В самом деле, приступая к исследованию новых предмета и объекта (а, находясь в развитии, объект всегда нов, а прогрессирующая практика всегда ставит исследовательские задачи по-новому), исследователь никогда не может исходить из того, что накопленная совокупность конкретных методов достаточна для исследования. Одновременно приходится допускать, что не все имеющиеся методы необходимы. Круг методов, который будет применён при исследовании, сложится в ходе исследования, и останется лишь аргументировать их корректность, необходимость и достаточность для обеспечения достоверности выводов. Что же касается методологии, то она у исследователя должна быть в полной готовности с самого начала, что не исключает её критической проверки и развития в ходе и в результате исследования. Скажем то же иначе: **целостный взгляд** на предмет и на подход к изучению объекта у исследователя должен быть с самого начала. Это основа исследовательской культуры в обществознании. В противном случае получится не исследование, а "шарение" в пространстве объекта с выуживанием из него так называемых "элементов научной новизны"[7].

[7] ***Современная философия справедливо признаёт минимальной единицей нового научного знания новую теорию, а не высказывание, формулировку или факт.***

В задачи данной работы не входит трактовка *содержания* методологии. Нам достаточно добиться признания читателя, что в методологии доминирующим, организующим (конституирующим, сущностным) её свойством является свойство целостности знания, системности, а не суммарности конкретных методов. Мы, во всяком случае, исходим именно из этого.

Чем обеспечивается целостность методологий в науках об обществе? Их связанностью с идеологиями. Это принципиально важно и должно быть объяснено специально.

Повторю своё исходное положение: наука есть познавательная сторона практики; наука обслуживает практику. Но практика общественного развития — деятельность всегда сознательная, деятельность практикующих субъектов, ставящих цели и (или) добивающихся сознательно поставленных целей. А откуда берутся цели общественного развития?

У экономических детерминистов цели преподносят обществу развивающиеся производительные силы, из которых самый революционный элемент (по И.В.Сталину) — орудия труда. У технических детерминистов цели преподаёт технический прогресс (лет 20-30 назад в ходу была знаменитая формула о “требованиях научно-технического прогресса”). У рыночных детерминистов цели общества выдвигает и формирует рынок. И т.д.

Исторический материализм исходит из того, что движущими силами общественного развития являются не вещи и не бездушные общественные механизмы вроде рынка, денег, конкуренции, монополии или, допустим, глобализации, а люди, их социальные группы, социальные общности[8]. Именно эти субъекты исторической практики и вырабатывают цели, и руководствуются ими.

[8] Это исчерпывающе объяснено ещё К.Марксом в учении о товарном фетишизме и его тайне (см. К.Маркс. Капитал. Том первый. Глава первая, параграф 4).

Но как они их вырабатывают? Решающим является выработка представлений о желаемом (идеальном) будущем и превращение этого идеала в осознанную цель действий той или иной социальной группы или общности (народа, например). Это и есть идеология как *идеал, укоренённый в массовом сознании*[9]. Множество идеологий есть дифференцированная общественная цель, общественная множественность целей. Цель организует практику социальной группы. Реальное множество целей организует практику общества (практическое взаимодействие социальных сил).

Если идеологии нацеливают общественную практику, а науки об обществе обслуживают практику общественных субъектов, то не просто по формальной логике, а и по логике жизни на научную деятельность в обществоведении проецируется идеология. ***Именно идеология придаёт научной методологии свойство целостности***[10].

[9] Об идеологии как форме общественного сознания и об общественном субъекте идеологии подробнее см.: Ракитская Г.Я. Идеологии экономических преобразований как фактор исторического выбора (теория, методология анализа, развитие идеологий в ходе четвертой русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып.6. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1997. С.51-62.

[10] Следует, по-видимому, специально объясниться насчёт роли идеологии в науке. Я не случайно постоянно оговариваю, что идеология играет своего рода задающую и формирующую методологию роль именно в общественных и только в общественных науках. Вульгаризированное представление о партийности в науке, насаждавшееся со времён массовых репрессий 30-х годов в СССР, настроило большинство естествоиспытателей (да и обществоведов тоже) резко против и партийности, и идеологий. Но от этого структура научного знания не переменилась. Эта структура и в естествознании, и в обществознании предполагает опору теоретического знания как процесса на мировоззрение, на “общую картину

Какие именно существуют в обществе идеологии и какие именно разные методологии и как отражают их при исследовании проблем труда и трудовых отношений — это не предмет нашего исследования. Нам достаточно аргументировать утверждения, что методологии разные, единой методологии быть не может (или она будет трактовать совсем уж о банальных, несодержательных, практически бесполезных вещах). Непосредственная причина этого — реальная множественность идеологий, а конечная (глубинная) — структурность общества, социальная структурность общественной практики.

Вывод этот очень конструктивен в том отношении, что позволяет понять и учесть разные трактовки не как ошибочные, а как относящиеся к разным методологиям и классово по-разному ориентированным системам знаний. Чтобы не вести пустую полемику, достаточно констатировать и воспринять эти различия. Тогда вместо дурной перепалки в социально-трудовых исследованиях утвердится объёмное знание, учитывающее многообразие социальных интересов и способы их взаимодействия. Знание поднимется качественно — на уровень социально-политического.

Представлению о классовом (партийном) характере идеологии, формирующей цели и методологию всякого серьёзного обществоведческого исследования, противостоит позиция, отстаивающая необходимость “очищения” исследований от каких бы то ни было социально-групповых пристрастий в целях так называемой объективности. Если обществовед нацелен на подобную “чистую” науку и это ему удаётся, то он — в лучшем случае — не выходит за

мира”. А иначе зачем А.Эйнштейн бился над общей теорией поля? Зачем каждый физик и в наше время, тысячи раз повторив, что атом неисчерпаем, ищет те неделимые далее “кирпичики”, из которых сложен весь мир?

Так вот: для общественных наук роль “общей картины мира” выполняет идеология, точнее – множество идеологий. Только и всего.

рамки описательности, созерцательности. А в худшем — не выходит за рамки апологетических описаний существующего под маской объективности. В созерцательных ветвях литературного труда, претендующего на научный, неразрешимой задачей является внятное различение объекта и предмета анализа. Их различение блокируется бесцельностью анализа. У апологета они не различаются, так сказать, по определению, ибо апологетика не ставит самостоятельных целей, боясь продвинуться вперёд, дать что-либо новое.

3. Познавательные задачи и возможности общей теории и её познавательно-практическая направленность

Общая теория — та часть теоретического знания относительно того или иного предмета, которая:

— обосновывает возможность и содержательность (практическую ценность) целостного знания о предмете;

— формирует целостное содержательное знание о предмете;

— удерживает целостное содержательное знание в актуальном виде (в кондиции, подходящей для теоретического и практического применения);

— является познавательной (гносеологической) предпосылкой систематизированной целенаправленной конкретизации и — в этом смысле — общей методологией развития системы знаний о предмете.

Даже если бы идеология была единственной (то есть если абстрагироваться от множественности идеологий в обществе), то и тогда проблема целостности знаний о предмете была бы актуальной. Собственно говоря, так оно и есть в реальной науке. Только называется это не общей теорией изучаемого предмета, а весьма неточно — обобщениями. Эта неточность оборачивается неоправданной скидкой для исследователя: он выдаёт резюмирующий реферат о “степени разработанности проблемы”, он сводит, суммирует накопленное, а затем исходит из

этого суммированного как из стартового рубежа исследования. Ничего солидного из таких занятий не получается, одни только сентенции об отсутствии единого мнения и “с этим нельзя (!) согласиться”.

Между тем единое мнение, единая точка зрения на предмет (не путать с идеологией!) не только не нужны, но и невозможны. И исследователю для старта нужно не суммарное обобщение накопленного (хотя при правильном восприятии оно и не вредно как информация), а целостное знание. Если по какому-либо предмету общая теория (целостное знание) отсутствует или покуда, по мнению исследователя, она неудовлетворительна, то он вынужден будет выстроить (выдвинуть) гипотезу, выполняющую роль общей теории.

Так или иначе, но исследователь не может не “привязать” своё исследование к тому, что у естественников называется “картина мира”, а у обществоведов любого дисциплинарного профиля — идеологией. Так удовлетворяется потребность в целостности для обеспечения полноценности, доброкачественности и достоверности теоретического знания. Суммирующие обобщения могут в этом деле выручить и не подвести только в том случае, если все суммируемые выводы были достигнуты в ходе теоретической деятельности, исходящей из общей теории, основанной на достаточно ёмкой увязке с идеологией.

Но мы получили такие выводы, допустив, строго говоря, недопустимое: единственность идеологии в обществе. Такое может быть лишь при жесточайшем подавлении субъектности всех социальных групп, кроме одной, и при принудительной обязательности единственной идеологии. В обычном случае общество реально структурно, многосубъектно, общественная практика социально дифференцирована, а потому социально дифференцировано и научное обществоведческое знание. Потребность в общей теории реально возникает и воспроизводится у исследователей каждого социально-классово ориентированного (партийно-научного) направления (научной школы).

Поэтому реальна *множественность общих теорий одного и того же, казалось бы, предмета.* “Казалось бы”, говорим мы и не оговариваемся. У разных по классовой ориентированности научных школ предмет лишь внешне один и тот же. Но на самом деле у них — один и тот же объект изучения (одна и та же реальность). Предмет же (задачи исследования) разный, и это различие привносится различием интересов “социальных заказчиков” — субъектов общественной практики.

Издавна в общественных науках завелись понятия “в широком смысле слова” и “в узком смысле слова”. Завелись не от нечего делать, а из нужд и для нужд познания. Используются эти понятия, правда, совершенно поразному. Но при любом использовании они суть инструментарий выхода из того закономерного состояния познания, когда сам процесс познания фактически многопредметен при едином объекте исследования.

Объект общественного характера (это обычно общественные отношения) отражается в научном познании с *позиций разных социальных интересов*, а потому отражается *вариантно*. Разброс отбора актуальных для изучения свойств (сторон), круга анализируемых фактов и измерений, интерпретаций и выводов — весьма значителен. Как быть с этой вариантностью научного обществоведческого знания, создающей впечатление расплывчатости, неточности знаний в общественных науках?

Само собою, затеваются свары, споры, возникают дезавуирование и остракизм, привлекаются в качестве оценщиков истины авторитеты и, особенно охотно, влиятельные в обществе структуры (“у них” — общественное мнение, у нас по традиции — властные структуры). Но это всё и невежественно, и зря. Ведь по-разному социально ориентированные исследования добыли разные части правды, все они вместе и есть реальный процесс истины. Поэтому серьёзные учёные пытаются обобщить (рационально охватить) вариантное знание. Вот тут-то и пригождается понятие “в широком смысле слова”.

Мы уже отметили, что ученые пользуются методом “расширения смысла” по-разному, весьма по-разному. До такой степени по-разному, что разработанные ими категории “в широком смысле слова” имеют не только мало общего, но и существенно разное содержание.

Об эклектиках мы не говорим: результаты их “обобщений” научного смысла не имеют.

Часть исследователей (не эклектиков) принимается обычно извлекать общее из вариантных результатов, погашая различия, отшелушивая их от результирующих выводов. Этот приём даёт, по справедливой оценке Ф.Энгельса, весьма банальные результаты. Смысл (содержание) выводов оказывается не только не шире каждого из вариантных результатов, но и худосочнее, легковеснее.

Другая часть учёных, использующая понятие “в широком смысле слова”, воспринимает вариантность результатов по-разному социально ориентированных исследований как позитивное познание. В марксистской (не вульгаризированной сталинизмом и маоизмом) общественной науке опыт обобщений классово вариантного знания накапливался с самого начала. Такие труды, как “Манифест Коммунистической партии” (1848 г.) или “Капитал” (1867 г.) — добротные примеры подобных обобщений[11].

Точность общественных наук состоит не в очищенности от вариантов единого (то есть бесспорного, инвариантного, но для всех чуждого) вывода, а в адекватном отражении процесса классово-дифференцированного познания и результатов этого процесса. Просто пользоваться обществоведчески точным знанием следует совсем не так, как пользуются знанием естественнонаучным.

Общая теория при обобщении, дорожащем вариантностью классово-дифференцированного знания, приобретает вид целостного знания, пригодного для практики взаимодействия реальных социальных групп в обществе, то есть для социально-политической и политико-экономической практики. Целостность такой общей теории обеспечивается признанием множественности идеологий в едином обществе, множественности методологий исследования одного и того же объекта при реальной классовой вариантности предмета исследований.

В ходе нашего исследования будет предложена общая теория социально-трудовых отношений именно такого типа, способная выполнить те функции и задачи, круг которых очерчен в начале настоящего параграфа. То, что здесь сказано о ней до сих пор, — постановка темы, обозначение существа задачи.

4. Целостнообществоведческий подход (метод). Мера целостности знания как мера его необходимой и достаточной практичности

Исследовать проблему так, как она нами поставлена, — значит выполнить задачу тоже социально-классово ориентированную. А если так, то в полном соответствии со сказанным выше требуется осознать и зафиксировать социально-классовую ориентированность нашего исследования и на уровне идеологии, и на уровне отражающей её методологии. Очерчу кратко свои исходные теоретико-мировоззренческие позиции.

1. Идеология, ориентируясь на которую велось исследование, излагаемое в настоящей работе, — ***идеология последовательного (или реального) гуманизма***. Несколько идеологий стараются изобразить себя реально гуманистическими. К минимально необходимым признакам идеологии последовательного гуманизма я отношу:

---

[11] К примеру, “Манифест Коммунистической партии” не только излагает доктрину пролетарского социализма, но и очерчивает спектр классово дифференцированных доктрин социализма (реакционный социализм — феодальный, мелкобуржуазный, “истинный”; консервативный, или буржуазный социализм; критически-утопический социализм и коммунизм).

— представление о *желаемом* и реально *возможном* социальном будущем как об обществе без эксплуатации, без любых способов угнетения, произвола и насилия над личностью (без принудительного социального донорства, без разделения на господствующие и подчинённые социальные группы, на угнетающие и угнетённые народы);

— установка на утверждение *последовательной (реально народной) демократии* на основе действительного участия большинства во власти в обществе и во власти в хозяйстве (собственности);

— признание ключевой роли категории *"свобода"* в представлениях о критериях общественно-экономического прогресса (прогрессивная направленность исторического процесса – направленность не только на повышение благосостояния граждан, более справедливое распределение ресурсов и результатов общественного производства, смягчение эксплуатации трудящихся, но и на всё более свободное выявление, реализацию и развитие индивидуальных свойств личности в процессе активной общественно полезной деятельности, на реализацию принципа "свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех");

— представление об *историческом творчестве организованных масс* как социальном механизме создания жизнеспособных прогрессивных и последовательно гуманистических форм общественной жизни.

2. История есть результат взаимодействия социальных сил, социальных групп, классов, общностей. Прогрессивный исторический процесс *многосубъектен*. Каждая из социальных сил отстаивает свой интерес в общественном развитии.

В связи с этим возможно движение общественного целого по руслам разнокачественной социальной направленности — с разбросом возможных вариантов будущего от гуманного до антигуманного. В условиях системных общественных кризисов возникает *реальная многовариантность* социального типа будущего, а выбор обществом

одного из вариантов (исторический выбор) становится актуальным предметом противоборства социальных сил[12].

3. *Множественность идеологий* и недопущение на деле государственной и обязательной идеологии — критерий здоровой духовной атмосферы в обществе.

4. Научный процесс классово (социально) дифференцирован. Многосубъектность общественного развития и идеологическое многообразие предопределяют *множественность методологий и подходов.* Эта множественность должна восприниматься не иначе как закономерное явление и ресурс научного развития.

5. Идеологии реального гуманизма адекватен *целостнообществоведческий подход (метод)*, целостнообществоведческая методология.

О целостнообществоведческом подходе сейчас, при постановке исследовательской задачи (темы), следует сказать лишь то, что требуется для ориентирования читателя. Более же подробно этот подход продемонстрирован и объяснён по ходу изложения.

Целостнообществоведческий подход — высокая методология, обладающая разрешающими (познавательными) способностями (возможностями), необходимыми и достаточными для общественной практики. Впервые в научном виде[13] этот подход как культура мышления сформи-

---

[12] Представления о социальной многовариантности будущего разрабатывались автором с начала 80-х годов (см.: Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса // Экономика и общество (истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сб.тр.. Вып.8. М.: ВНИИСИ, 1983). Краткое изложение концепции исторического выбора см., например: Ракитская Г.Я. Общественно-экономические стратегии в современной России // Вопросы экономики. 1996. № 8.

[13] Оговаривая "в научном виде", мы отдаём должное, например, очень многим античным мыслителям (исключая таких, как Демокрит), у которых целостность воспри-

ровался в XIX веке, но не только не стал всеобщим методом, но подвергся явному остракизму и вульгаризации и фактически оказался утерянным в XX веке. Основоположниками целостнообществоведческого подхода по праву должны быть признаны Карл Маркс (1818-1883) и Фридрих Энгельс (1820-1895). Изначальное наименование метода как универсального — диалектический материализм, а как метода обществознания — *исторический материализм*.

Конечно, метод развивался и развивается. Но процессы вульгаризации, к сожалению, преобладали. Тем более, что и сами основоположники в порыве открытия нового метода и воодушевлённые его мощью не оберегли последователей от опасностей разрыва с методом в особо тонких местах, требующих особой чуткости и культуры мышления[14].

Вульгаризация метода исторического материализма (целостнообществоведческого подхода) прошла как минимум три фазы. Первая — после (и в ходе) превращения марксизма в идеологию широкого европейского рабочего движения в конце XIX века. Вторая — в период третьей русской революции и сразу после революции (ленинский этап). Третья фаза — сталинская эпоха и тоталитарный режим, оставивший от исторического материализма одно лишь наименование, под которым стал существовать его антипод — *вульгарный экономический материализм и догматизм.* Эту идеологию (сталинизм) мы в советское время изучали в вузах. Вместо целостнообществоведческого подхода нас вооружили представлениями вроде того, что экономика связана с политикой, а политика — с экономикой, что экономика — базис, основа всего развития, а всё остальное —- надстройка, которая “оказывает обратное влияние” и т.п. Не вдаваясь в обсуждения, отмечу, что

ятия мира ещё не была нарушена глубокой специализацией знания и распространившейся на её почве метафизичностью мысли.

[14] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.370. Т.39.С.84. Т.37. С.394-396.

всё это и подобное не только не имеет ничего общего с диалектическим и историческим материализмом, с целостнообществоведческим подходом, но и прямо им враждебно. Как говаривали в сталинскую эпоху, диаметрально противоположно.

В силу того, что наши коллеги твёрдо уверены, будто что-что, а марксизм и исторический материализм им прекрасно известны, мы просим читателей внимательно отнестись ко всему в этой работе, что касается методологии, научного метода. Именно в применении целостнообществоведческого подхода вместо привычного подхода (по большому счёту — экономико-материалистического, экономико-детерминистского) коренится новизна и постановок, и теоретических решений ключевых социально-трудовых проблем. Кроме того, только благодаря использованию целостнообществоведческого подхода стала возможной разработка общей теории социально-трудовых отношений.

Очертим те свойства целостнообществоведческого подхода, которые — независимо от классовой ориентации исследования — позволяют обеспечивать качественно превосходящий, чем при иных подходах, уровень научности (адекватности и строгости) в изучении общественных явлений, в том числе социально-трудовых, а потому и качественно более высокий уровень практичности научных исследований.

Главная особенность использования целостнообществоведческого подхода — **выделение предмета в актуальном целостном контексте.**

Прежде всего, что понимается под целостным контекстом? Это общество, всё целиком, без каких-либо произвольных или “хитромудро” обоснованных изъятий. Что бы обществовед ни исследовал (неважно, какой он специализации — экономист, социолог, трудовик, юрист или политолог), предмет его исследовательского интереса не просто расположен в обществе, а активно взаимодействует ***со всем*** в обществе, зачастую ***встроен*** во все общественные реалии. Ведь все обществоведы, говоря обоб-

щённо, изучают общественные отношения. А отношения есть общественная ***форма*** протекания реальных процессов, и потому вместе с содержанием она сама — общественная реалия.

Целостность общественного контекста, в котором изучается любой специальный предмет любой отрасли (дисциплины) обществоведения, позволяет сохранять в подлинном (не препарированном научной дисциплиной) жизненном виде все существенные взаимосвязи предмета с реальностью. В силу большой сложности общественных явлений круг существенных связей подвижен, изменчив, гибок. Большой вопрос, обеспечивает ли какое бы то ни было даже самое тщательное научное препарирование действительности (ради более удобного изучения предмета) необходимую и достаточную полноту круга существенных связей предмета с общественной реальностью. По нашему мнению, едва ли. И уж точно — далеко не всегда: хорошо, если через два раза на третий. Целостно же обществоведческий подход не препарирует общественную реальность для изучения, а сохраняет её целиком в процессе изучения как целостный реальный жизненный контекст бытия изучаемого предмета.

Это во-первых. Во-вторых, целостнообществоведческий подход предлагает научно обоснованный ориентир для выявления круга действительно существенных взаимосвязей предмета изучения с иными реалиями. Целостный контекст — это великолепно, это идеально в смысле неутраты при исследовании каких-либо существенных связей и отношений. Но ведь этот контекст огромен, бесконечен в своих конкретностях, помноженных на динамичность! Как выбрать, отобрать, сгруппировать существенное, выделить существенное в смеси существенного и несущественного?

Решение задачи таково: предмет изучения следует выделять не в целостном общественном контексте вообще, а в ***актуальном*** целостном контексте. Это значит, что целостный контекст и изучаемый предмет в этом контексте берутся не абсолютно, а относительно, а именно ***применительно к задачам практики, то есть актуально***. Истина практична, процесс истины имеет положительный (конструктивный) смысл не иначе как сторона практики, для практики. Известны суждения: “Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна” или вот — “Практика есть критерий истины (истинности)”. Если эти суждения не окостеневают и не используются как потерявшие живой смысл догмы, то они верны[15].

Характеризуя целостнообществоведческий подход, важно отметить, что он **всегда конкретно-исторический.** Собственно говоря, это вытекает из принципа практической актуальности знания, из рассмотрения целостного общественного контекста в актуальном измерении. Конкретно-исторический подход означает, что достоверными являются и признаются не любые знания, взятые вне исторического времени и пространства, а непременно соотнесённые со временем и пространством общественной практики, для которой они актуальны. Кстати, почти прямое следствие из этого — признание вздорными идей трансплантации практического зарубежного опыта, если не учтены социокультурные сходства и различия стран и их общественной практики.

---

[15] Трудно устоять против искуса оттенить водораздел между целостнообществоведческим подходом и прагматизмом. Ведь и прагматизм ставит практику на пьедестал и считает её критерием истинности (у него это, правда, не истинность, а, скорее, пригодность, ценность). Сходство есть, не так ли? Так, да не так. Прагматизм не заботится о целостности общественного контекста, он для него непрактичен. Сама практика у прагматизма не целостная общественная, а фрагментарная, в ареале интереса практикующего субъекта. А субъект этот — частный субъект, частичный. То, что выглядит как общее, на самом деле составное, а не целостное. Так что у прагматизма из практики есть актуальность, но нет целостного общественного контекста. Схожие критерии истинности на самом деле глубоко различны.

При целостнообществоведческом подходе совершенно иначе, чем при любых иных методологиях, стоит и решается проблема конкретности и практической пригодности теоретического знания. Эта сторона вопроса методологически исключительно важна и, насколько нам известно, не освещалась до сих пор никем из методологов обществознания. Поэтому раскроем её по существу (хотя и в тезисном виде).

Как изучает свой предмет любая из методологий, не являющаяся целостнообществоведческой? Она как бы останавливает объект, расчленяет его, отделяя ту часть, которую будет изучать под своим предметным ракурсом. Она, стало быть, препарирует объект для изучения, упрощает объект, делает его частичным, неполным. Это неизбежное следствие глубокой специализации общественных наук. Их предметы частичны, очень специализированы. Ситуация такая, как в медицине, где врачи специализируются на конкретных болезнях отдельных органов, но никто не занят здоровьем организма в целом. В общественных науках такое предметное дробление сильно отдаляет изучаемую часть объекта от реальной практики, от живой взаимосвязи в рамках практического целого. Отсюда их специфическая проблема — обрести практическую ценность, по возможности вернуть или компенсировать потерянную целостность. Решается эта проблема в последние десятилетия практически “на ощупь”: с помощью междисциплинарного подхода, многофункционального анализа, а там, где объект устроен попроще, нежели общество, — с помощью системного подхода, синэргетического подхода и т.п.

Словом, все методологии (кроме целостнообществоведческой) культивируют исследовательские подходы по схеме *“утратить, а потом вернуть или компенсировать”*, добыть сперва упрощённое знание, отражающее усечённый объект, часть объекта с “обрубленной частью связей”, а затем складывать из добытого частичного знания более ёмкое, более или менее приближающееся к полному.

Целостнообществоведческий подход основан на совершенно иных принципах. Прежде всего, основоположники исторического материализма исходили из настоятельной потребности восстановить целостность обществоведения. Это не означало нигилистического отношения к узко предметным общественным наукам, а означало актуализацию целостного знания об обществе. Такие великие труды, как “Капитал” и “Положение рабочего класса в Англии”, — разве укладываются первый в политическую экономию, а второй — в конкретные социологические исследования? Конечно, не укладываются. Поэтому К.Маркс — основатель такой политэкономии, какой не было до него, а Ф.Энгельс — такой социологии, какой и теперь считай что нет.

Знание, добытое с помощью целостнообществоведческого подхода, сохраняет в себе отражение связи предмета с актуальным целостным контекстом. Это изначально придаёт ему высокую меру практической пригодности. Этот вывод можно выразить и по-другому: **сущностное знание, полученное на основе целостнообществоведческого метода, обладает свойствами особой конкретности.** Конкретность в нём как бы архивирована (свёрнута) и легко и эффективно разворачивается. Это можно обозначать (трактовать) терминами “жизненность”, “практичность”. То есть это та самая хорошая теория, практичней которой, по выражению Л.Больцмана, нет ничего. Да и то сказать: все мы попривыкли к странному представлению о конкретном как о детальном описании устройства. А ведь конкретное-то — это ***единство*** многообразного, ***целостная*** полнота связей и отношений. Конкретное содержательно разнообразием единого, но не суммированного, а целостного.

Но довольно “чистой методологии”. Однако прежде чем перейти к выстраиванию общей теории социально-трудовых отношений и к использованию при этом на деле целостнообществоведческого подхода, обратим внимание ещё на два аспекта.

Первый — *тупиковость попыток использовать суррогаты целостности.* Прежде всего это относится к методам агрегирования эмпирических знаний и к конструкциям междисциплинарного знания. Они не имеют шансов когда-либо дорасти до качественной высоты целостного знания (и это, вроде бы, не следует повторно объяснять). Более того, они в своём прогрессе не приближаются к целостному знанию, а удаляются от него. Они безнадёжно, необратимо метафизичны. Они — игра в кубики знаний, упражнения в суммировании фрагментов, среди которых не хватает и всегда не будет хватать тех, которые обеспечивают движение, жизнь, развитие. Целостность обладает свойством ухватывать причины движения, движущие силы не по отдельности, а в динамичном взаимодействии.

Второй аспект (он для нашего исследования более важен) — *мера целостности знания*.

Отмеченные преимущества целостнообществоведческого подхода вовсе не обеспечивают ему свойства давать абсолютные знания. Об этом речь не должна вестись. Проблема в достижении не абсолютного, а практически эффективного знания. Целостнообществоведческий подход открывает принципиальную возможность такого процесса познания, который непрерывно обеспечивает практически эффективное знание. Однако эта возможность не реализуется автоматически. Возможность открыта, но как её реализовать?

В самом деле, знание, добытое в исследованиях на базе целостнообществоведческой методологии, может оказаться практически неэффективным. Что это означает: фиаско самого подхода или изъян в его применении? Сам по себе подход (как таковой) не содержит внутри себя каких-либо препятствий для непрерывно эффективного познания. Изъян следует искать в применении подхода исследователем. В общем виде этот изъян всегда связан с недостаточностью целостности, с тем, что исследователь посчитал некие взаимосвязи объекта несущностными для предмета, тогда как в действительности они оказались сущностными. То есть исследователь вывел предмет из

актуального целостного контекста и тем лишил результат эффективной практической конкретности.

Стало быть, при пользовании целостнообществоведческим подходом перед исследователем всегда стоит задача соблюдения меры целостности знания как меры необходимой и достаточной практичности.

Проблема “раздвижения” целостного до достаточно целостного, или (что то же) проблема удержания предмета в пространстве актуального целостного контекста — это проблема охвата всего существенного для практики, проблема обеспечения достаточной (практически актуальной) конкретности и теоретического, и прикладного знания.

Где же граница целого? Вернее, каковы признаки достаточной полноты актуального целостного контекста? В разных отношениях целостность имеет разные границы. Можно проиллюстрировать это на примере социально-трудовых отношений.

Пользователь знаний — практика. В этом своём качестве пользователя она и критерий истины, то есть мера должной (с точки зрения пользователя знания) целенаправленности процесса истины, содержательности, достаточной наполненности этого процесса. Истина — не продукт, не завершённый результат, а процесс, включаясь в который, пользователь знаний использует текущее состояние этого процесса как продукт (знание).

Принцип соразмерности (качественного соответствия) практике определяет подход к параметрам необходимой и достаточной целостности.

Но что есть практика? Преобразовательная деятельность — это несомненно. Преобразование может быть рассмотрено со стороны изменения преобразуемого объекта. Это правомерно, но неполно. А для труда как преобразовательного процесса явно недостаточно, ибо ухвачен (как говорят философы) результат преобразования, *результат* труда, а *не процесс*.

Процесс же труда может быть рассмотрен со стороны структуры и механизмов его преобразовательных функций (цель, способы, методы, приёмы и т.п., касаю-

щиеся процесса преобразования). Опять-таки верно и допустимо. Но недостаточно. Недостаточно потому, что труд — процесс человеческий, а выше очерченное рассмотрение труда пахнет тейлоризмом, игнорировавшим в трудящемся человеке именно человеческое. Значит, актуальный целостный контекст изучения труда не может не включать его человеческую сторону.

Но, впрочем, мы начинаем вторгаться в рассмотрение проблемы по существу. Но такое рассмотрение начинается со следующей главы.

Глава 2
Социально-трудовые отношения: сущность, круг основных (содержательных) отношений и категорий

1. Историческое вызревание целостного представления о труде и трудовых отношениях

Задача настоящего параграфа — подготовить читателя к восприятию относительно новой научной категории “социально-трудовые отношения” — центральной в общей теории социально-трудовых отношений.

Труд и отношения по поводу труда — это, как уже было отмечено, общественные реалии. Их научное отражение менялось в течение времени, а структура научного знания о труде и трудовых отношениях давным-давно приобрела социально-классовый характер, отразила и продолжает отражать состав и интересы социальных субъектов трудовых процессов.

Каковы основные из этих социальных субъектов? Чьи интересы прежде всего отражены в научных представлениях о труде и трудовых отношениях?

Господствующими в хозяйствах народов на протяжении столетий и тысячелетий были уклады, основывавшиеся на принципах господства-подчинения. Самостоятельный работник, не зависящий от господина и сполна распоряжающийся результатами своего труда, во все времена был дополнительным хозяйственным укладом, не определявшим господствующий в обществе характер всех воспроизводственных, а в их составе и трудовых отношений[16]. Значит, основные представления (то есть форми-

[16] В 90-е годы в России была выдвинута концепция смешанной экономики, стержнем которой было утверждение о возможности такого многоукладного хозяйства, в котором ни один из укладов не будет господствующим. Такое хозяйство мыслилось как рыночное (см.: Смешанное

рующие основное содержание общественного научного сознания относительно рассматриваемого предмета) о труде и трудовых отношениях должны отражать интересы и “угол зрения” эксплуатируемых и эксплуататоров (а для открещивающихся от понятия “эксплуатация” — зависимых от работодателей работников и работодателей).

И действительно, век за веком общественная, в том числе научная мысль развивает представления о труде и трудовых отношениях именно в такой двойственной структуре, отражающей реальные социальные различия субъектов трудовых отношений.

Стержневые вопросы, в постановке и решении которых принципиально расходятся эксплуататоры и эксплуатируемые, таковы:

— кто есть трудящийся — человек или рабочая сила?

и

— справедливы ли отношения эксплуатации?

Это многовековые проблемы. И стоят они, начиная от рабства и крепостничества и кончая самым современным и самым цивилизованным капитализмом, принципиально (то есть в своём корне) одинаково.

При капитализме, начиная от его индустриальной стадии (когда машинное производство стало господствующим производственным укладом), основными субъектами трудовых отношений стали:

общество. Российский вариант / Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е., Миженская Э.Ф. и др. М.: Наука. 1999). По нашему мнению, построенная на таких основаниях теория смешанной экономики не располагает одним важным компонентом, наличие которого не позволяло бы сомневаться в её научности. А именно: требуется объяснить, какие объективные или субъективные факторы и силы не позволят укладу, выигрывающему в рыночной конкуренции, стать господствующим в обществе и привести ситуацию в обычный вид: многоукладность при господствующем укладе, по имени которого и принято называть весь способ производства, будь он сколь угодно смешанным (в смысле: многоукладным).

— частные капиталистические собственники;

— наёмные работодатели;

— наёмные работники.

Общественное (в том числе научное) осмысление труда и трудовых отношений как реалий приобрело структуру, соответствующую такому составу субъектов трудовых отношений.

Общественное сознание и осмысление наёмными работниками своего социального положения в целом, проблем труда и трудовых отношений существенно отставало от подобных процессов у господствующих классов (господствующих в обществе и в производстве). Более того, из среды наёмных работников крайне редко вырастали мыслители, учёные и идеологи собственно рабочего движения. В Российской империи формирование собственной классовой идеологии и научного уровня мышления со стороны и в интересах эксплуатируемого народа очень задерживалось необычной для Европы устойчивостью феодальных, полуфеодальных и явно колониальных форм эксплуатации, самодержавностью власти и засилием недемократической государственной идеологии, включавшей в себя и идеологию русской православной церкви, и имперство[17].

---

[17] Российская “историческая заминка” (в сравнении с Европой) обернулась (по принципу “нет худа без добра”) таким приятным сюрпризом истории, как нарождение русской интеллигенции. Революционная ситуация в Российской империи длилась от послевоенных лет (после Отечественной войны 1812 г.) до конца XIX века. Но для демократической революции не было, не скапливалось критической массы активных революционных социальных сил. Движение дворянских революционеров было жестоко искоренено. В других сословиях не возникало массовых демократических движений — инициаторов и носителей революционных идеологий. В этих условиях и возникла русская интеллигенция, заполнившая идейный вакуум на стороне замедленно формирующихся демократических сил.

В Европе формирование научной идеологии освобождения трудящихся от эксплуатации взяли на себя выходцы из господствующих классов. Великолепные творения мыслителей из рабочих не покрывали в полном объёме задачу выработки научной идеологии[18]. Не будучи профессиональным историком, не отважусь давать очерк вызревания представлений (в том числе и научных) о труде и трудовых отношениях, отвечающих общественному положению наёмных эксплуатируемых работников и распространявшихся в их среде. Замечу только, что в трудах идеологов трудящегося и эксплуатируемого народа труд почти всегда — синоним трудящегося. Целостное представление о человеке не утрачивается, когда этот человек рассматривается как фактор производства (труд как производственная функция). Дж.Ф.Брей, рассматривая проблемы несправедливости, постоянно оперирует понятием "производительные ***классы***". Термин "производящий класс" больше подошёл Ф.Энгельсу в 1875 г., чем термины "труд" или "наёмный труд", для объяснения финальной развязки взаимоотношений труда и капитала[19]. Когда К.Маркс дотошно анализирует механизм экономической эксплуатации наёмного труда, он для этой надобности углубляется даже в препарирование понятия "труд", привлекает к анализу категорию "рабочая сила". Но отходит от этой крайне специализированной категории уже при объяснении заработной платы как стоимости рабочей силы, так как в двадцатой главе первого тома "Капитала" привлекает к объяснению социокультурные факторы (исторически сформировавшиеся системы потребностей и т.п.). Когда же речь заходит об исторических тенденциях, то в формуле противоборства труда и капитала место "труда" занимают "народные массы", "работники", "рабочий класс".

К.Маркс, быть может, даже больше, чем многие другие идеологи, учёные, мыслители и просто "народные заступники", стоящие на идейных позициях трудящихся и эксплуатируемых, отдал дань рассмотрению экономической стороны труда и трудовых отношений (не забудем, что он отдал немалую дань политэкономии А.Смита и Д.Рикардо). Но и у К.Маркса категории "труд" и "рабочая сила" лишь временно, лишь при доказательствах некоторых специальных вопросов замещают категории, отражающие полноту социального положения и социальных проблем трудящегося человека, трудящихся людей. У других трудящийся человек — всегда цельная общественная фигура, и это проистекает из демократизма и гуманистичности идеологий трудящихся эксплуатируемых классов[20].

Скажем так: мы усматриваем у идеологов, мыслителей, учёных, отражающих социальные позиции и интересы трудящихся и эксплуатируемых, отчётливо выражен-

[18] В 1839 г. в Лидсе вышла книга рабочего-наборщика Дж.Ф.Брея— Bray J.F. Labor`s Wrongs and Labor`s Remedy. — Leeds. 1839. Рус. перевод: Брей Дж.Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или век силы и век справедливости. 1839 г. (Предисловие Д.Розенберга). — М.: Гос. изд. полит. литературы. 1956. 259 с.

К.Маркс критически рассмотрел основную идею этой книги, которую он назвал "замечательным произведением". Книга рабочего-наборщика интересна ещё и тем, что он избрал в доказательстве несправедливости эксплуатации труда, по нашему мнению, гораздо более прямой и гораздо более целостнообществоведческий подход, чем применённый К.Марксом в "Капитале".

[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.34, с.138.

[20] У русских революционных демократов это отчётливо заметно, да и ещё раньше — у А.Н.Радищева в "Путешествии из Петербурга в Москву". Трогательно и мощно продемонстрирован целостный подход к трудящемуся как к человеку, как к социальному типу в "социологической поэме" Н.А.Некрасова "Кому на Руси жить хорошо". Там семь русских социологов, получив грант, с самого начала стали исследовать социальные типы — духовенство, купечество, госслужащих, дворянство и т.п. Не был забыт и гендерный разрез.

ную тягу к такой постановке и к таким решениям проблем труда и трудовых отношений, при которых трудящийся человек остаётся целостным общественным явлением, при которых он представлен в реальных процессах не отдельным своим свойством — способностью трудиться, быть рабочей силой, а сам является индивидуальным представителем типичного социального множества, социальной группы, класса. Здесь тяга к целостнообщественному видению проблем и решений, отказ от размена целостнообщественного видения на специализированные подисциплинарные анализы (экономический, юридический и др.). Отказ этот не случаен: общественное сознание эксплуатируемых слоёв и обслуживающие (выражающие) их интересы идеологии и научные разработки вольно или невольно, сознательно или бессознательно тяготеют к пониманию необходимости формирования классовой социальной субъектности, активного социального действия. В профсоюз вступает, на забастовку встаёт, петицию царю несёт, партию создаёт, совет своих представителей как орган двоевластия или власти организует, рабочий контроль учиняет не рабочая сила, а рабочие, трудящиеся, класс.

Специальная научная проверка нашего утверждения о тяготении идеологов, мыслителей, учёных, выражающих интересы трудящихся, к целостному видению общественных проблем представила бы большой интерес.

Логическую (и жизненную) противоположность общественному сознанию, идеологиям и научным разработкам, отражающим социально-классовые интересы трудящихся и эксплуатируемых, должны представлять и действительно представляют идеологии и наука, отражающие социально-классовые интересы капиталистических собственников и капиталистических предпринимателей, других эксплуататорских классов и групп (крупных землевладельцев, государственной бюрократии, духовенства и др.).

Капитал как социальная реалия в развитой своей фазе структурировался с образованием капитала-собственности и капитала-функции (функции эксплуатирующего предпринимательства). Это разделение отразилось и на

структуре идейных представлений и научных разработок. Чем далее, тем более капитал-собственность стал сосредоточивать своё внимание на проблемах, которые в духе современной терминологии можно было бы назвать макросоциальными, а также проблемами социальной безопасности. Их суть и содержание — проблематика обеспечения социальной устойчивости общества, налаживание таких взаимодействий социальных сил (прежде всего взаимодействий эксплуатирующих и эксплуатируемых классов и социальных групп), которые удерживали бы стабильность существующих общественных порядков, не приближали бы общество к революционной ситуации (к “системному кризису”, как теперь называют обычно революционную ситуацию). В этой плоскости лежит проблематика моделей современного капитализма (“шведская” модель”, американская, японская, модель “социального рыночного” хозяйства и т.д.) и моделей классовых взаимодействий (модель социального партнёрства, модель “шоковой терапии” и др.). В XIX веке в принципе схожая, хотя вроде бы и гораздо более конкретная проблематика обсуждалась, например, при теоретизировании вокруг продолжительности рабочего дня (знаменитый “последний час” Н.Сениора) или так называемого “рабочего фонда”.

Всё из проблематики взаимоотношения классов, что поконкретнее и что существует в пространстве предприятия, уже с конца XIX века стало передаваться “профессионалам-управленцам”, менеджерам по персоналу и учёным, изучающим труд и трудовые отношения сугубо конкретно, то есть в желательно полном отрыве от социального и особенно классового контекста. Апофеозом этого направления развития стал, конечно, тейлоризм, но не только он. Так называемая промышленная социология (социология труда) может сравниться с тейлоризмом своими заслугами перед капиталом: именно она изобрела способы социологического сыска в ситуациях производственных конфликтов. В ряду научно-практических разработок этого же направления — спектр форм и систем организации труда, трудовые мотивации, социальные факторы роста про-

изводительности труда, модели “человеческих отношений” и т.п.

Рабочему и профсоюзному движению приходится обсуждать всю такую проблематику “профессионалов” по управлению трудом (персоналом) в повестке дня, формируемой именно стороной капитала. Сторона труда, как правило, оказывается *вынужденной реагировать,* притом в сроки, диктуемые обстоятельствами, не контролируемыми трудящимися. Это явление называют по-разному: “хвостизм”, вынужденно-реактивное поведение, политическая пассивность, оборонительность. Но суть в том, что наука трудящихся не поспевает в своих разработках за “профессионалами” управления трудом. Не поспевает она и за оперативными постановками макросоциального плана, предлагаемыми наукой капитала. Беда даже не в самом “хвостизме” (ведóмости), а в том, что вынужденно-реактивный характер обсуждений приводит сторонников трудящихся к утрате должной увязки с актуальным целостным контекстом. Возникает опережение на стороне капитала и отставание в темпе осмысления событий и проектов — на стороне труда.

Итак, современный капитал специализировал свои идеологические и научные усилия, постарался полностью оторвать производственно-трудовую проблематику от общественного контекста, а в общественном контексте рассматривает исключительно проблемы укрепления устойчивости системы, в рамках которой он господствует. Варианты будущего, соответствующие идеологии эксплуатируемых, исключаются из рассмотрения как утопические, а наиболее откровенными идеологами капитала – и как преступные[21].

[21] В России, где новый капитал ещё нагл, циничен и откровенен, это особенно легко проследить на фактах. В годы перестройки народный депутат СССР Н.Н.Энгвер услужливо предлагал узаконить уголовную ответственность за пропаганду против частной собственности. И.о. Председателя Правительства РФ Е.Т.Гайдар прославился не только геростратовскими реформами, но и методом вменения ни во что альтернативных предложений: всё, что пахло альтернативой, он “с порога” объявлял нереальным, ненужным, ерундой. Прекрасен в своей откровенности был А.Б.Чубайс, когда неоднократно с телеэкранов предупреждал: “Станете пересматривать результаты приватизации — будем стрелять!”. Вот так действуют сторонники социального мира, если они на стороне капитала.

Полагаю, что обсуждение поднятых здесь вопросов без развёртывания возможной аргументации не вызывает недоумения или недовольства читателей. Я даю не исторический очерк, а апеллирую к широко известному с целью констатировать: представления и научные разработки о труде и трудовых отношениях уже давно сложились и развиваются как разноплановые, плюралистические по подходам, целям, способам и т.п. Целостный общественный контекст не является чем-то совершенно новым и абсолютно неожиданным. К нему вольно или невольно тяготеют одни идеологи и исследователи и его же по убеждениям или из опасений намеренно избегают другие. Крупных (тем более фундаментальных) исследований на темы исторического вызревания целостного представления о труде и трудовых отношениях нет. Но сам процесс вызревания идёт давно. Только на это и требовалось обратить внимание.

В нашей стране трудовая проблематика издавна сконцентрирована (если не целиком, то в основном) в такой дисциплине, как экономика труда. Если говорить более точно, то следует отметить ряд наук, захватывающих своими предметными областями и такие реалии, как труд и трудовые отношения. Это закономерно, ибо трудовые отношения — социальная форма очень многих реальных процессов. Из-за этого медицина распространяется на изучение профессиональных заболеваний, безопасных условий труда и т.п. Проблемы трудовой морали не может не изучать этика. Так же и с культурой труда, и с обучени-

ем. Ближе всего к экономике труда примыкает социология труда. Но в нашей стране её судьба сложилась как сугубо деформированная и прерванная.

Ф.Энгельс, мы полагаем, был основоположником социологии, нацеленной на идеологию и интересы трудящихся и эксплуатируемых. Русская социология конца XIX века стала одним из лидеров мировой социологии потому, что подпитывалась идеологией народничества, а затем марксистской методологией. Достижениями конца XIX — начала XX века в области изучения социально-трудовых процессов, положения рабочего класса в России российская наука никогда не перестанет гордиться.

Но наша славная социология труда была полностью уничтожена[22]. Она не возродилась из пепла, а была, ненужная власти, заведена заново.

---

[22] Вот как о полном уничтожении социологии мягко написано в "Философской энциклопедии" (Кон И. Социология // Философская энциклопедия. Т.5. М. 1970. С.83): "Однако в конце 1930-х гг. под влиянием культа личности Сталина развитие советской социологии затормозилось. Эмпирические исследования социальной действительности были либо вовсе прекращены, либо ограничены частными вопросами, разрабатываемыми специальными науками. Некоторые общественные дисциплины, органически связанные с социологией (социальная психология, демография, социальная медицина, антропология), перестали развиваться или получили одностороннее направление. Теоретические исследования, сосредоточенные в рамках исторического материализма, ... тормозились. Творческое изучение актуальных проблем нередко подменялось простым комментаторством".

По нашим личным наблюдениям, все подобные оценки ("тормозилось", "ограничивалось", "подменялось") вполне подходят для развития социологии уже после её "второго пришествия", начиная с 60-х годов. А с середины 30-х годов и все 40-е и 50-е годы социология в СССР отсутствовала вовсе. В 1958 г. была создана Советская Социологическая Ассоциация (ССА) АН СССР. Исследования пошли под присмотром, с разрешения и под цензурой

Судьба экономики труда была не столь трагична. Она прошла свой путь содержательных перемен. Очерчивать его вехи следует, нам кажется, начиная с Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Эти революции всколыхнули всю массу трудового народа, включив его в политическое действие во всех сферах жизни и уровнях управления. Порождённая первой русской революцией форма народно-демократической власти — Советы депутатов трудящихся — нашла повсеместное плодотворное применение, начиная с предприятий и мест и кончая высшим государственным уровнем. Двоевластие оказалось гарантом мирного развития революции именно потому, что советы трудящихся реально действовали и признавались населением. В частности, на предприятиях Советы учинили реальный рабочий контроль[23].

парторганов и КГБ. Изучение социальной структуры общества было фактически запретной областью. В сообществе социологов царили взаимное доносительство, "подковёрные интриги".

В 1987-1991 гг. мне довелось тесно и непосредственно сотрудничать с социологами труда в Комитете 30 (Социология труда) ССА АН СССР. Это были увлечённые люди. Но они уже не продолжали традиций прежней советской и дореволюционной социологии труда. Они либо закладывали новые собственные подходы, либо — что гораздо чаще и успешнее — усваивали подходы и методы западной социологии, нередко просто механически переносили их на советскую почву. С некоторыми направлениями (социальные технологии, социологическое экспериментирование, не говоря уж о методах социологического сыска) приходилось воевать как с чуждыми интересам трудящихся и вообще антигуманными. Поражало отставание теоретических концептуальных разработок.

[23] Обращаю внимание российских специалистов на докторскую диссертацию "Эволюция классового сознания петроградских рабочих в 1917 г.", защищённую в 1977 г. в одном из лидирующих университетов США — Колумбий-

Времена и обстоятельства Февральской и особенно Октябрьской революций могут быть отнесены к тому типу исторического развития, который называется “революционным вихрем”. Здесь события протекают стремительно, здесь обычное расположение причин и следствий не складывается и не удерживается, здесь и массовое и научное сознание развиваются и формируются особенным образом. Здесь в действиях общественных субъектов нет того, что обычно понимается под научной или программной обоснованностью, происходит исторический экспромт[24]. Но делается (и переделывается) реально очень много,

---

ском университете Нью-Йорка. Её сокращённая версия опубликована в русском переводе: Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда, или почему на самом деле в 1917 году было две революции и можно ли из этого опыта извлечь уроки для сегодняшнего дня? — М.: Школа трудовой демократии. 1994. 58 с.

[24] Вот ценное историческое свидетельство одного из вождей революции и руководителя Правительства РСФСР В.И.Ульянова (Ленина): “Всё, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью... Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразований, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания... Поэтому мы знаем, что дело организационное, которое составляет главную, коренную и основную задачу Советов, что оно неизбежно несёт нам массу опытов, массу шагов, массу переделок, массу трудностей...” (Речь на I съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. / Ленин В.И. ПСС. Издание 5-ое. Т.36. М. 1969. С. 379-380).

общественное сознание исключительно активно, инициативно.

Весь пореволюционный период (вплоть до сталинской контрреволюции конца 20-х — начала 30-х годов) опыт миллионов и в самом деле порождал новые и эффективные формы организации социальных, в том числе трудовых отношений. Некоторые из них и до сих пор не имеют аналогов в мире, многие принципы и формы нашли свое развитие в практике капиталистических социальных государств и могут пригодиться новому демократическому рабочему движению в России. Систематическое и научно глубокое изучение этого опыта, освобождённое от догматизма и сталинистских схем, ещё ждёт своих исполнителей.

С 30-х годов началась так называемая сталинская эпоха, эпоха тоталитаризма. Характер и сама общественная обстановка развития общественных наук в условиях тоталитаризма кардинально изменились. Что произошло с социологией, — об этом уже сказано. Экономика труда не была упразднена. Но вектор её развития переменился.

Прежде экономика труда как бы наполнялась содержательным материалом, расширяющим её предмет за пределы узкотрудовой, узкопроизводственной проблематики. Социальное содержание трудовых процессов и отношений не игнорировалось, не отгораживалось от собственно экономических и собственно трудовых. Конечно, имели место и крайне зауженные (в технарски-тейлористском духе) разработки. Но были постановки и разработки, великолепные своим улавливанием связи трудовых проблем с актуальным целостным контекстом (к примеру, подходы наркома Н.А.Семашко к принципам охраны труда; социально-политический контекст дискуссии о профсоюзах и т.п.). То, что вся область знаний о социально-трудовых отношениях называлась в то время “экономика труда”, было, на наш взгляд, просто данью преувеличенного увлечения экономикой, проистекающего из тенденций вульгаризации первоначального марксизма в широком рабочем и особенно в рабочем революционном движении. Не

забудем, что даже учебники по философии назывались в то время не “Исторический материализм”, а “Экономический материализм”. Так что название “Экономика труда” не означало в 20-е годы фактического заужения предмета изучения труда и трудовых отношений и не препятствовало наполнению предмета, необходимому и достаточному для выработки эффективного практического знания, адекватного актуальному целостному контексту.

Перемена вектора развития знаний о труде произошло под влиянием превращения экономического материализма (в предельно вульгаризованном И.В.Сталиным виде) в обязательную государственную идеологию и методологию. Все теоретические обществоведческие знания искусственно сосредотачивались в трёх базовых дисциплинах (исторический материализм, политическая экономия и научный коммунизм). Им отводилась роль методологии для конкретных дисциплин. Так теория ушла из экономики труда. В ней остался набор конкретных знаний об организации и оплате труда, о статистике труда, ряд иных тем, касающихся, как правило, трудовых процессов на предприятиях и специфики организации и оплаты труда в отраслях и на территориях. Учебники по экономике труда больше напоминали инструкции, чем теоретическое рассмотрение проблем.

Положение отчасти стало меняться в 60-е годы под влиянием непродолжительных тенденций к переменам, названных “хрущёвской оттепелью”. Сказалось и то, что в 1955 г. был заново организован государственный орган, ведающий проблемами труда, — Госкомтруд (Государственный комитет по труду и заработной плате). Обоснование предмета его ведения требовало выхода за пределы заводской экономики труда и учёта отраслевой и районной специфики организации и оплаты труда. На пользу пошло и вечное стремление любого ведомства расширять сферу своих компетенций. Всё вместе повело к тому, что шаг за шагом утвердилось понимание узости дисциплины “Экономика труда”, необходимости изучения управления трудом[25]. Управление трудом как более ёмкая научная категория сыграла свою положительную роль в вызревании более целостного представления о труде и трудовых отношениях, нежели закладывалось в тогдашней экономике труда.

Однако формирование категории “управление трудом” не решало в полной мере проблем возвращения исследований труда и трудовых отношений в русло целостнообществоведческого подхода. Не решала этих проблем и новая социология труда. Она наладила изучение некоторых “человеческих измерений” трудовых процессов и отношений (удовлетворённости трудом, например, или типов реальных трудовых мотиваций и т.п.). Но её теоретическая слабость и особенно несамостоятельность, производность от западной социологии труда (промышленной социологии) не позволяли и до сих пор не позволяют подняться до целостного видения, выйти за пределы узкоклассового буржуазного видения проблем. Она всё время сбивалась и сейчас сбивается то на “человеческий капитал”, то на “человеческий фактор” и никак не освоит категории “трудящиеся”, “трудящийся и эксплуатируемый народ”, “рабочий класс”, “интересы трудящихся” и т.п. Недостаёт гуманистического и последовательно демократического научного настроя и достоинства.

С конца 70-х — начала 80-х годов исследователи, применявшие целостнообществоведческий подход, стали всё настойчивее предлагать новую научную категорию — “социально-трудовые отношения”. В систематическом виде обоснование этой категории и её места в социально-экономических отношениях предложено мною в плановой на-

[25] Финальная фаза усилий по формированию управления трудом как относительно самостоятельной предметной области экономических наук — издание крупного труда “Система управления трудом в развитом социалистическом обществе (под ред. Б.М. Сухаревского)”. М.: Экономика. 1983.

учной разработке 1984 г.[26]. Работа опубликована в 1986 г.[27]. Речь не идёт об изобретении или первичном употреблении мною термина “социально-трудовые отношения”. Нет, я опиралась на имеющиеся к тому времени суждения и фрагменты. Речь о другом — об обосновании сущности и содержания круга явлений и придании термину “социально-трудовые отношения” свойств научной категории.

Сейчас, к счастью, не редкость употребление этой категории. С моей точки зрения, она есть фундаментальная категория всей социально-трудовой проблематики. Перехожу к изложению результатов её научной разработки.

2. Сущность социально-трудовых отношений

2.1. Труд (процесс труда) и рабочая сила

Труд как реалия относится к области практики[28]. Проблематика труда веками рассматривалась именно в

[26] Отчёт о научно-исследовательской работе “Системный анализ социальных проблем, повышения народного благосостояния и развития культуры в СССР. Часть II. Основные проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР”. ВНИИСИ ГКНТ СССР и АН СССР. 1984.

[27] Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. М.: ВНИИСИ. 1986. 61 с. Ещё ранее, в моих исследованиях 1981 г. была сделана постановка проблемы, введены и раскрыты по основным аспектам категории “социально-трудовое положение” и “социально-трудовые отношения”. Эти наработки нашли отражение уже в статье 1982 г. (см.: Гребенников В.Г., Ракитская Г.Я. Социально-трудовые аспекты совершенствования хозяйственного механизма // Социально-экономические проблемы совершенствования хозяйственного механизма. Сб. тр. Вып.3. М.: ВНИИСИ. 1982. С.3-13).

[28] Считаю удачным следующее определение практики: “Практика (от греческих слов, означающих “дело”, “действие”) — чувственно-предметная форма жизнедеятельности общественно развитого человека, имеющая своим содержанием освоение природных или социальных сил и выражающая специфику человеческого отношения к миру, способ бытия человека в мире” (Огурцов А.. Практика // Философская энциклопедия. М. 1967.Т.4). Определение это выстроено в основном на мотивах и идеях “Тезисов о Фейербахе” К.Маркса (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 3. М. 1955. С.1-4). То же самое, но более “инструментально” и кратко можно определять так: практика — преобразовательная деятельность человечества и человека.

составе рассуждений об общественной практике, что вполне логично и правомерно.

В XIX веке, с формированием зрелых форм капитализма сложился класс наёмных эксплуатируемых рабочих, ставший субъектом общественной жизни и осознавший себя идеологически. Трудовая деятельность и нанятость — решающая форма социализации этого класса. Задачи классового действия трудящихся (в частности, задачи обоснования социальных претензий, социальной роли трудящихся в общественном прогрессе) заставили по-новому, более дифференцированно взглянуть на практику, выделить в её составе собственно процесс труда. Именно в этом смысле иногда утверждают, что “последовательно научное понимание труда как определяющей силы общественного развития — заслуга марксизма, рассматривающего труд как основную форму жизнедеятельности человеческого общества, исходное условие его бытия, определяющий способ отношения человека к миру”[29].

Марксизм, действительно, выделил труд в составе общественной практики, но он не пересмотрел принципиально понимание самого процесса труда, а дополнил категорию труда социальным смыслом, социальной ролью трудящихся[30]. Процесс труда определяется, например,

[29] Спиркин А. Труд // Философская энциклопедия. М. 1970. Т.5. С.262.

[30] Не вина основоположников марксизма, что его вульгаризаторы доводят положения о месте и роли труда в

К.Марксом без всякой “революционной” нагрузки и без претензий на какой бы то ни было прорыв в трактовках. В параграфе 1 пятой главы первого тома “Капитала” К.Маркс считает возможным и необходимым рассмотреть процесс труда “сначала независимо от какой бы то ни было определённой общественной формы”[31]. Вот что получается при таком рассмотрении:

“Потребление рабочей силы — это сам труд. ...

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя её, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он

обществе до абсурдных деклараций, согласно которым рабочий (уже даже не рабочий класс, а любой рабочий) — самая прогрессивная сила, самая умная часть общества, способная не отходя от станка всем руководить, всё стратегически решать и т.п. В вульгарном левацком варианте получается, что самый неразвитый отряд трудящихся — рабочие физического тяжёлого труда — самые революционные, самые прогрессивные и самые готовые взять власть и построить новое справедливое общество. Такая вульгарная дурь очень вредила и вредит практическому рабочему движению, интересам трудящихся. В недавнее время (начиная с 1989 г.) подобный мотив можно было отчетливо наблюдать, например, в шахтёрском движении СССР, России и Украины. Эти вульгарные амбиции части участников (и части лидеров) шахтёрского движения во многом обусловили использование реформаторами движения в целом во вред интересам большинства трудящихся.

[31] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. М. 1960. Т.23. С.188.

развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. ...

Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда. ...

Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам”[32].

Таково изображение труда, подчеркнём, “*в простых и абстрактных его моментах”.* Примерно таким оно остаётся и в современной социально-экономической литературе и в литературе по экономике труда[33]. Значит, дальнейшая конкретизация для отображения “труда как такового”, “труда вообще”, процесса труда -— не требуется.

Между тем параллельно представлениям о труде и (в качестве самого простого и абстрактного вида таких представлений) представлениям о процессе труда сложились представления о ***рабочей силе*** и её движении в общественном воспроизводстве. Встречаются даже прямые утверждения, что в узком смысле основой экономики труда можно считать экономику рабочей силы. Этот “узкий смысл” является своего рода абстракцией от воспроиз-

[32] Там же. С.188-189, 195.

[33] Спиркин А. Труд // Философская энциклопедия. М. 1970. Т.5; Сонин М.Я, Якимов В.Н. Труд // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М. 1980. Т.4; Экономика труда (социально-трудовые отношения) / Под ред. Н.А.Волгина и Ю.Г.Одегова. М.: Экзамен. 2002. С.9; Волгин Н.А. Труд // Социальная политика. Толковый словарь. М.: Изд-во РАГС. 2002; и мн.др.

водства в его полном объёме, но абстракцией, по нашему мнению, недопустимой с научной точки зрения. Поясним, почему.

Если такой сильный методолог европейской научной культуры, как Карл Маркс, подчёркивает, что он рассматривает процесс труда “сначала независимо от какой бы то ни было определённой общественной формы”, да ещё добавляет “мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах”, в это надо внимательно вникнуть. В ряду *простых моментов* процесса труда у К.Маркса фигурирует *целесообразная деятельность, или самый труд.* Простой момент — значит не подлежащий аналитическому разложению на ещё более простые моменты, то есть та минимально критическая “масса” общественной реалии, которая ещё сохраняет качественную определённость целого (“клеточка” — хорошо известный методологический феномен). Уже само выделение труда в целостном контексте практики требует осмотрительности: как бы не переборщить, не утратить бы некие свойства практики, без которых труд станет абстракцией ненаучной. Любая новая ступень абстрагирования резко ограничивает способность абстракции адекватно отражать свойства полного целого, требует обоснования круга аспектов (отношений), в которых эта абстракция не искажает сущности смоделированной реальности.

Категория “труд” годится для абстрактного отображения практики, по крайней мере, в обществоведческих исследованиях. И годится, надо полагать, потому, что в нём (в труде) сохраняются качественные (конституирующие) свойства практики — во-первых, ***реальная (актуальная) деятельность,*** во-вторых, ***целесообразность (целенаправленность — так точнее) этой деятельности.*** По моему мнению, именно единство этих двух свойств удерживают категорию “труд” в рамках “нетощей” (научной) абстракции, то есть в рамках актуального целостного общественного контекста (см. параграф 4 главы 1).

Замена категории “труд” на категорию “рабочая сила” подрывает сразу оба основания, на которых держится

научность категории “труд” в качестве моделирующей практику как реалию. Не уничтожает, а именно подрывает, снижает степень адекватности, делает *возможно (потенциально),* а не *надёжно* адекватной применяемую абстракцию (научную категорию). Во-первых, речь уже идёт не о реальной (актуальной) деятельности, а о возможной (потенциальной). Во-вторых, целенаправленность фактически пропадает, так как должна была бы относиться уже не к труду, не к деятельности, а к ... рабочей силе (что можно объяснять только с явной натяжкой). Забегая вперёд, отмечу, что по части целенаправленности, целесообразности даже категория “труд” опасно абстрактна, способна неправомерно отрываться от практики. Как ниже будет показано, эта опасность оказалась неучтённой К.Марксом при рассмотрении некоторых ключевых сюжетов в “Капитале”, что в этих случаях ослабило доказательства.

Подмена предмета изучения (рабочая сила вместо труда) имеет свой практический источник, вызвано практическим импульсом. Практика целостна, но структурна. Рассматривать практику (и что-то с точки зрения практики) можно и в целом, и в рамках её структурной составной части. Есть народнохозяйственная (и даже мирохозяйственная) практика, а есть практика хозяйствующего субъекта, звена хозяйства, предпринимательская практика.

Предприниматель, особенно если он частный и частный капиталистический, всегда обособлен от хозяйства в целом. Этим обособлением порождается иное видение целого хозяйства. Со стороны предпринимателя народное (национальное) хозяйство представляется как среда (поле) конкурентного выживания предпринимателя. Экономическая конкурентоспособность становится законом, целью и критерием успешности предпринимательской деятельности. Быть конкурентоспособным на немонополизированном рынке с добросовестной конкуренцией — значит не отставать в понижении издержек на единицу реализованной продукции (при достаточно высоком соответствии объёма и структуры выпуска конъюнктуре спроса).

Обеспечение экономической конкурентоспособности целиком поглощает внимание и таланты предпринимателя. Всё прочее в мире и в обществе для него представляется менее важным. На всё он смотрит сквозь проблему относительного понижения издержек. И на работника, на труд — тоже именно так. Труд производит продукцию, но он же производит и издержки. Труд надо дозировать так, чтобы на единицу качественной продукции издержки понижались. Предприниматель лучше других знает, что процесс труда состоит не из рабочей силы, а из труда, предмета труда и средства труда. Эти три момента, с точки зрения формирования издержек, взаимозаменяемы. Цена рабочей силы, сырьё, износ оборудования — издержки. Нет необходимости стремиться к минимизации каждого слагаемого, достаточно минимизировать сумму. При некоторых комбинациях выгодно труд заменить машиной, а в иных — машину трудом. Логично? Конечно, логично. Но это логика предпринимателя. В конечном счёте труд и его затраты оправданы и интересны их конечным результатом — относительным понижением издержек. Поэтому рабочая сила, её качество (свойства) и цена для предпринимателя по практическому счёту — производственный ресурс, один из производственных ресурсов наряду с иными ресурсами. Поэтому вся экономика труда (и вся проблематика труда) — это экономика и проблематика комбинирования их с рабочей силой как с ресурсом, удельные траты на который надо либо прямо минимизировать, либо допускать в оправданной комбинации, минимизирующей суммарные издержки.

С точки зрения предпринимательства такие подходы азбучно оправданы. С точки зрения работников и общества, они слишком лихие. Предприниматель, по логике необходимости обеспечить собственную конкурентоспособность, абстрагируется от того реального обстоятельства, что у одного из ресурсов, которые он включает в производственные комбинации, есть гражданские права, семейное положение и семейные обязанности, есть присущий ему уровень культурной развитости, интересы, права,

претензии и т.п. Предприниматель оперирует рабочей силой как ресурсом, и логика предпринимательства заставляет его отвлекаться от очень важного обстоятельства — от того, что он оперирует человеком, людьми. Уж если и вовлекать в рассмотрение экономико-трудовой проблематики рабочую силу (или — скажу точнее — рассматривать всю трудовую проблематику сквозь призму рабочей силы), то надо тогда в полной мере обнажать реальный драматизм и даже трагичность предпринимательской практики: это не рабочая сила предлагается на рынке труда, а человек нанимается для использования другим человеком; это не ресурс “рабочая сила” включается в комбинирование с иными ресурсами, а с человеком обращаются как с вещью; и т.п.

Для работника и для общества предпринимательский подход к рабочей силе не может быть единственным и исчерпывающим. Абстрагирование от человеческой пол-ноты рабочей силы в непосредственно трудовых отношениях, в секторе производства, в производственных условиях, характерных для рыночной экономики, должно быть компенсировано в составе целообщественной жизни, условиями жизнедеятельности в иных социальных секторах.

Из сказанного вытекает вывод: упрощение категории “труд” до категории “рабочая сила” корреспондирует только с представлениями о национальном хозяйстве и об обществе как о частной лавочке, как о частном предприятии с наёмным трудом. Если же всю систему общественных отношений не сводить к предпринимательству, не отождествлять с ним, то упрощение категории “труд” до категории “рабочая сила” недопустимо, способствует по существу искажённому отображению реалий как общества, так и хозяйства.

Рассмотрение поднятых вопросов получилось полемическим. Но дело вовсе не в том, что кто-то вслед за предпринимателем смотрит на труд так узко, как не могут позволить себе и предпринимателю смотреть на него работники и общество. Дело в том, что даже в секторе соб-

ственно трудовых (непосредственно трудовых) отношений, в секторе производства, где протекает этот самый "процесс труда", взятый и рассмотренный даже "независимо от какой бы то ни было определённой общественной формы" и "в простых и абстрактных его моментах", ***человек, а не его отдельное свойство является стороной отношений, носителем трудовых отношений.*** Находиться в актуальном целостном контексте при рассмотрении труда и трудовых отношений, то есть сохранять необходимые предпосылки научности рассмотрения труда и трудовых отношений ***можно, лишь ведя это рассмотрение применительно к человеку как к целостности, неразложимой далее на элементы.***

Значит, оставаясь в рамках науки, мы не вправе сужать, скажем, экономику труда до экономики рабочей силы, трудовую этику — до управления мотивациями, а социологию труда — до социальных технологий. Во всех подобных случаях ***предметом***, а не только объектом изучения остаётся ***трудящийся человек***. Получается: экономика труда — это экономические взаимоотношения с трудящимися людьми, трудовая этика — это трудовая мораль трудящихся, социология труда — это изучение положения трудящихся в сфере трудовой жизнедеятельности.

2.2. Социально-трудовые отношения как общественная реалия и как категория науки

Общее определение социально-трудовых отношений. *Социально-экономические отношения в сфере (по поводу) трудовой жизнедеятельности* — самое общее определение социально-трудовых отношений.

Трудовая жизнедеятельность — одна из сфер в структуре жизнедеятельности людей в современном обществе. Другие сферы — семейно-бытовая, досуговая, общественно-политическая. Таким образом, данное выше общее определение указывает, во-первых, на ***место*** объекта исследуемых отношений в структуре общественных процессов.

При изучении социально-трудовых отношений неизбежно и постоянно приходится пользоваться двумя классификациями одних и тех же общественных процессов. Одна отображает их как сферы *индивидуальной* жизнедеятельности, а другая — как сферы *общественного воспроизводства в целом*. Уместно отметить, что в основу классификации общественных процессов на сферы индивидуальной жизнедеятельности и на сферы общественного воспроизводства в целом положены различные и независимые признаки. Сферы жизнедеятельности составляют объективную логическую структуру жизни индивидов. Сфе-ры общественного воспроизводства в целом (производство, распределение, обмен, потребление) выделены в соответствии с логической структурой движения ресурсов в обществе. Формы и результаты движения общественных ресурсов выступают по отношению к жизнедеятельности человека экономическими *условиями* и материальными *средствами* существования и развития людей, то есть объективными условиями удовлетворения их потребностей, порождаемых всеми сферами их жизнедеятельности.

Данное выше общее определение социально-трудовых отношений указывает, во-вторых, на ***целостный обществоведческий подход*** к анализу отношений в сфере трудовой жизнедеятельности.

Встречающиеся в литературе суждения о том, к какой области явлений относятся отношения в сфере труда (к экономической ли, социальной, организационной или социально-психологической и т.п.), отражают неправомерный, по нашему мнению, взгляд на общественную реальность, который был порождён и существует в силу разделённости исследований на различные специальные общественные науки. Каждая из этих наук, не умея наладить взаимодействие с другими в исследовании труда, стремится изобразить трудовые отношения в целом как часть своего предмета. Получается, что единый (и первичный по отношению к наукам) объект (трудовая жизнедеятельность людей) искусственно "разрывается" различными фундаментальными и конкретными общественными науками.

Поэтому получить выводы, значимые даже для теории и практики управления трудом (не говоря уж о теории и практике социальной политики), невозможно без какого-то объединения (интегрирования) подисциплинарных фрагментов. Предпринимаются попытки междисциплинарной координации исследований, которую, однако, осуществить весьма сложно и научный результат которой, как уже обосновывалось выше, весьма всё-таки недостоверен (хотя “в нём что-то есть”).

Целостнообществоведческий подход к изучению труда означает, что исследователь в ходе анализа применяет всю совокупность теоретико-методологических знаний о взаимосвязях общественных процессов и отношений. Стремление следовать этому принципу выражено в данном нами общем определении социально-трудовых отношений как отношений социально-экономических (а не, скажем, только экономических).

И для научного предвидения перспектив, и, тем более, для решения проблем совершенствования способов трудовой жизнедеятельности деление отношений по поводу этой жизнедеятельности на экономические (базисные, не зависящие от воли и сознания людей) и социальные (как надстроечные или часть надстроечных) не имеет практического смысла, неприменимо. Действительно, для человека важны все условия трудовой жизнедеятельности — всё, что влияет на развитие индивидуальных свойств личности, а тем самым и на образ жизни. В то же время способ жизнедеятельности людей не определяется лишь объективными условиями. Он всегда опосредуется индивидуальным осознанием объективных обстоятельств, является проявлением субъективного отношения человека к объективным условиям удовлетворения его потребностей. В жизнедеятельности человека объективное и субъективное нераздельно слиты, едины, могут быть лишь искусственно разорваны формально-логическим анализом. Это не значит, что, исследуя процессы и пути изменения образа жизни, надо перейти исключительно в область действия индивидуальных сознаний (психологическую). Это значит, что в нашем исследовании

следует опираться *на представление о человеке как о совокупности всех общественных, а не только экономических отношений*[34].

Зафиксируем наше методологическое кредо ещё раз, объяснив ту же мысль иными словами.

Анализируя систему общественных отношений того или иного формационного типа **в целом**, вполне оправдано и даже вполне безупречно рассматривать структуру общественных отношений в классификации “базис — надстройка”. Этим способом можно выходить на достоверные выводы относительно характера (типа) устойчиво воспроизводимой системы (формации) общественных отношений. Но эта классификация *неприменима при рассмотрении какой-либо части или сферы общественных отношений.* В частности, сфера социально-трудовых отношений не может быть рассмотрена методом препарирования таких отношений на базисные и надстроечные. И базисные, и надстроечные отношения в социально-трудовых отношениях содержатся, но их реальная компоновка определяется не их соотношением в целостности (во всяком случае, не только их соотношением в составе целостности), а особенностями *участников* этих отношений. Эти участники — более конкретные целостности. Это люди, общности, социальные группы и их представители (институты). В советской политико-экономической литературе ещё в конце 60-х годов отмечалось, насколько недиалектично рассматривать, например, предприятие как базис, а государство как надстройку. Базисные и надстроечные отношения движутся и в форме предприятия, и в форме государства. Точно так же они движутся в форме участников социально-трудовых отношений, и недопустимо разымать любого из них на базисную и на надстроечную часть. Та-

[34] Критика (а отчасти и самокритика) одностороннего выпячивания экономических факторов дана Ф.Энгельсом (см.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.394-395, 396. Т.39. С.82-84) и В.И.Лениным (см.: Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т.18. С.151. Т.1. С.149).

кой подход — методологическое предохранение от зачатия и порождения всем известного теоретического ублюдка (недопустимо абстрактной модели человека) — Homo economicus (человека экономического).

Конечно, сказанное не означает, что все факторы, влияющие на характер и конкретные формы жизнедеятельности людей, являются равнозначными, а потому должны исследоваться с равной степенью конкретности. В зависимости от задач исследования определённые причинно-следственные связи оказываются в центре внимания, а потому в исследовании должна доминировать та или иная сторона обществоведческих знаний и её специфические методы анализа и обобщения.

Для нашего исследования это означает, что от наиболее общего определения социально-трудовых отношений следует перейти к более содержательному, отражающему их органическую включённость в ***качественно определённую*** систему общественных отношений.

Сущность социально-трудовых отношений. Соотнесение с целевой направленностью общественного развития — непременная предпосылка их содержательного анализа. В данном выше общем определении социально-трудовых отношений часть сущностных характеристик уже налицо: это сферные отношения (не полные общественные, а в составе общественных); это отношения, совмещающие в себе индивидуально-жизнедеятельностные и целостно-воспроизводственные черты. Недостаёт указания на специфичность социально-трудовых отношений, которая возникает и существует в разных типах обществ (в разных формациях, деформациях, в переходных обществах).

Известны Марксовы выводы об основаниях качественной определённости (качественных различий) устойчивых состояний общества. Именно К.Маркс первым и предложил классификацию таких состояний в виде общественно-экономических формаций. Чаще всего обращаются к способу производства как к указанному Марксом основанию. Но каким-то странным образом получилось, что сама

категория способа производства утратила в XX веке свой главный акцент. Стали рассуждать, что главное в способе производства заключается в том, какими орудиями труда осуществляется производство. Характер взаимоотношений основных общественных групп (классов) и основных общественных сил в обществе и в хозяйстве отъехал на второй план (а то и на третий). Между тем в развитии формаций и, тем более, переходных обществ первичным являются столкновение социально-групповых интересов, соотношение движущих социальных сил и их результирующий вектор — социально-целевая направленность развития.

Введу определение сущности социально-трудовых отношений, отвечающее требованию учитывать качественную специфику общества.

Сущность социально-трудовых отношений состоит в том, что они — ***отношения между участниками общественной практики (преобразовательной деятельности) по поводу её социально-целевой направленности, социальных результатов и по поводу формирования и изменения условий и способов трудовой жизнедеятельности***[35]***.***

Содержание социально-трудовых отношений — более конкретная их характеристика, нежели сущность. Содержание социально-трудовых отношений может быть и должно быть представлено *вариантно* именно потому, что определённому типу общественного устройства присуща своя, отличная от обществ других типов, целевая направленность (социальная тенденция) развития. Поэтому важнейшие процессы и взаимосвязи, составляющие объективное (закономерное для данного типа общества) содер-

[35] Определение трудовых отношений, данное нами в первой главе (с. 20) содержит моменты, характеризующие их сущность. Но там акцент был сделан на трудовых отношениях как предметной области общественных исследований труда. Здесь же акцент смещён на то, что речь должна идти о социально-трудовых отношениях.

жание социально-трудовых отношений, можно обозначать даже в самом общем плане лишь с учётом особенностей ***системы общественных целей (интересов)***. Именно она формирует содержательную специфику (тип структуры) социально-трудовых отношений.

Изложенный подход был разработан и применён автором в 80-х годах в теоретическом исследовании социально-трудовых отношений. При рассмотрении проблематики целей предметом анализа были целевые характеристики развития общества в *теоретической* модели социализма, то есть как *должно и может быть*, если выйти из исторического тупика тоталитаризма в сторону социализма[36]. В реальной истории наше общество переходит (точнее, пытается перейти) от тоталитаризма к буржуазной демократии. Но методологический подход и теоретический вывод о задающем характере целевой направленности общественного развития для рассмотрения содержания социально-трудовых отношений — этот подход и вывод остаются в силе. Для анализа содержания капиталистических социально-трудовых отношений точно так же требуется учёт социально-целевой направленности капиталистической общественной практики.

Существенно важно, что направленность развития капиталистического общества формируется в условиях ***противоположности интересов основных классов***, составляющих его социальную структуру.

Нормальным для капитализма является доминирование интересов капиталистического класса. В проекции на трудовую жизнедеятельность это воплощается в такой направленности изменения условий и способов жизнедеятельности трудящихся классов, которая соответствует цели воспроизводства и совершенствования отношений капиталистической эксплуатации (специально об эксплуатации — в следующей главе). Их сохранение и упрочение являются условиями удовлетворения интересов всех других классов и социальных слоёв.

Социальные интересы (цели) трудящихся классов капиталистического общества – не только уменьшение степени экономической эксплуатации (в стратегическом плане, в идеале – освобождение труда от эксплуатации), но и гуманизация условий и способов своей жизнедеятельности, в том числе трудовой. В современном последовательном гуманизме прогрессивная с позиций трудящихся направленность их изменения осознана как необходимость создания и расширения *собственного демократического пространства жизни трудящихся классов в рамках буржуазного общества* — для накопления ими и реализации демократического социального опыта в их взаимоотношениях с капиталистическим классом. Этот опыт мог бы стать и гарантией от казарменных перерождений (как произошло в СССР) целей и методов руководства обществом, производством и трудом, если политическая

---

[36] См.: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. М.: ВНИИСИ. 1986; Ракитская Г.Я. Развитие социалистического отношения к труду // Вопросы экономики. 1988. № 7.

Отсутствие свободы мысли и подцензурный характер печатного слова в СССР заставляли производить подмену понятий. Перспективы выхода из тоталитарного (казарменного) состояния социально-трудовых отношений излагались в указанных работах в форме задач совершенствования социально-трудовых отношений в соответствии с требованиями перехода к развитому социализму. Подразумевалось: выход этих отношений из тупикового тоталитарного состояния в демократическое социалистическое состояние. При таком подразумевании все содержательные задачи развития социально-трудовых отношений можно было обсуждать и серьёзно, и научно строго. Пришлось при этом анализировать состояние социально-трудовых процессов в СССР в терминах "отклонений" от нормального для социализма и найти приемлемую для подцензурной печати форму характеристики типа социально-трудовых отношений в СССР, избежав открытого отождествления этого типа с адекватными тоталитаризму (см.: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. С.41-48).

революция передаст трудящимся классам власть в обществе и в хозяйстве.

Противоположность классовых интересов в капиталистическом обществе не следует толковать упрощённо. Функционирование капитализма, расширение эксплуатации труда нуждаются в росте рынка потребительских товаров. Они нуждаются в предложении определённых видов труда, в развитии определённых качеств людей как “рабочей силы” — определённых способностей к труду. Капитализм нуждается также в разнообразии этих качеств, а отсюда — и в известном многообразии потребностей наёмных работников. Капиталистический класс нуждается, наконец, в юридической свободе граждан и, поскольку такая свобода дана, в политической и моральной поддержке с их стороны. В той мере, в какой для всего этого требуется изменение условий жизнедеятельности трудящегося населения и в какой капитализм в связи с их изменением не рискует утратой своего социального своеобразия, имеет место ***пересечение (сочленение) интересов классов-антиподов***. Такое сочленение — один из факторов благоприятных для трудящихся при прочих равных условиях перемен в условиях и способах их жизни. (Второй фактор – борьба самих трудящихся за свои права и интересы). К числу таких прогрессивных процессов относится повышение благосостояния трудящихся классов: растёт оплата труда, увеличиваются масштабы и каналы социальной помощи, совершенствуются формы бытовой и досуговой жизнедеятельности, обеспечиваются сохранение и развитие способностей людей к труду, облегчаются условия и расширяется содержательность труда. Появляются и юридические (формальные) гарантии равноправия и личной свободы, трудящиеся вовлекаются в общественную и политическую жизнь.

Перечисленные социальные следствия капиталистического способа производства – подлинные достижения цивилизации, в которых реализуется единство потребностей в обществе, порождаемое зависимостью всех его членов от природы и друг от друга. Другое дело, что

это – единство противоречивых (вплоть до антагонизмов) потребностей. Именно поэтому человечество на каждом историческом этапе вновь решает одну и ту же проблему – преимущественно в чьих интересах пойдёт дальнейшее развитие, каким будет социальный облик прогресса.

Кроме очерченной взаимосвязи интересов капиталистического и трудящихся классов (противоположность и сочленение) есть ещё одна принципиальная особенность системы общественных целей капитализма. Это ***противоречивость интересов капиталистического класса в целом*** и ***составных частей этого класса***. Установка частнокапиталистических хозяйствующих субъектов на реализацию своих, обособленных интересов делает необходимым классу в целом (в лице государства в первую очередь и в лице других социальных институтов) ограничивать претензии отдельных капиталистов, тех или иных их групп. Ограничивать для того, чтобы сохранить целостность и социальную специфику строя. В жертву этой цели иной раз приносятся целые социальные группы из состава капиталистического класса.

Капиталистический класс ***в целом*** нацелен на так называемую добросовестную конкуренцию, то есть на ограничение хищнических претензий, хищнического социального поведения отдельных частнокапиталистических предпринимателей. Социальные следствия этого имеют существенное значение для устроения социально-трудовых отношений.

В отечественном обществоведении в течение XX века укоренился стереотипный подход к характеристике капиталистического класса. Зачастую без доказательств считается, что интересы отдельных капиталистов и класса капиталистов — почти одно и то же. При этом охотно подчеркивается конкуренция между капиталистами. Более практическое рассмотрение межклассовых взаимодействий требует понимания, что конкуренция между капиталистами *касается и рабочего класса* и далеко не всегда она выгодна рабочему классу. Чаще невыгодна, так как капи-

талисты конкурируют между собой за счёт ущемления интересов трудящихся.

3. Круг основных (содержательных) социально-трудовых отношений и категорий

Процессы, составляющие трудовую жизнедеятельность, сходны в разных типах обществ. Поэтому абстрактная (внеисторическая) структуризация социально-трудовых отношений может быть представлена в терминах типа: отношения по поводу подготовки к труду, отношения по поводу собственно трудового процесса и т.д. Такая структуризация имеет мало практического смысла в силу её оторванности как раз от социальной специфики строя, которая вносит своеобразие в отношения по поводу и трудовой жизнедеятельности в целом, и составляющих её процессов.

Рассмотрим основные содержательные стороны социально-трудовых отношений в капиталистическом (буржуазно-демократическом) обществе, противопоставляя их содержанию социально-трудовых отношений в условиях тоталитаризма и в теоретической модели социализма[37].

Типы социально-трудовых отношений. Характер (тип) жизнедеятельности класса. Для капитализма как эксплуататорской формации характерно качественное различие типов жизнедеятельности (образа жизни) разных социально-классовых групп и в первую очередь — различная роль труда в их жизни.

Основным источником средств существования капиталистического класса являются доходы от собственности. Жизнедеятельность этого класса не связана жёстко с необходимостью трудового участия в общественном производстве. Социально обусловлен (и в этом смысле нормален) для этого класса ***нетрудовой*** тип жизнедеятельности, хотя реальные индивидуальные судьбы могут складываться и по трудовому (точнее, трудоподобному) типу.

Жизнедеятельность рабочего класса и других социальных групп трудящихся, напротив, жёстко связана с трудом как основным источником средств их существования. Тип жизнедеятельности трудящихся классов в капиталистическом обществе — ***вынужденно-трудовой***.

В концепциях, *признающих существование эксплуатации* как типа социально-трудовых отношений[38], к категории “трудящиеся” (“работники”) относятся только такие социальные группы, основным источником существования которых является *эксплуатируемый* обществом труд. Люди, которые в силу своей должности или профессии по преимуществу представляют и обслуживают интересы капиталистического класса (в частности, наёмные работодатели) считаются субъектами *эксплуатирующего* труда, а не трудящимися (работниками).

В концепциях, *отрицающих существование эксплуатации*, под трудом понимается любая деятельность, необходимая для функционирования производства и общества или приносящая доход (в более жёстком варианте – законный доход). Трудящимися считаются и рядовые наёмные работники-исполнители, и наёмные управляющие, обслуживающие интересы собственников, и сами собственники, если они выполняют какие-либо из функций по организации и управлению производством.

---

[37] Их противопоставление необходимо, во-первых, в связи с генезисом современного российского общества (антитоталитарная революция) и с практической ориентацией данной работы на формирование принципов демократического регулирования социально-трудовых отношений; а во-вторых, потому, что один из типов массового и научного сознания, распространенный в современной России, обращён в прошлое как к утраченному будто бы социалистическому “раю”. Важно констатировать принципиальные отличия социально-трудовых отношений в теоретической модели социализма от советских казарменно-“социалистических” (тоталитарных).

[38] Эксплуатация как тип социально-трудовых отношений специально рассматривается в главе 3.

В социалистических концепциях устранение из жизни общества эксплуатации — коренной интерес трудящихся классов, стратегическая целевая направленность социалистической революции. Освобождение от эксплуатации, то есть замена ***эксплуататорского типа социально-трудовых отношений неэксплуататорским их типом*** — характеристика коренных интересов трудящихся классов в области труда в негативных, так сказать, терминах. В позитивных терминах перемена, которая, по теории, должна произойти (не *от чего*, а *для чего* освободить), выражается следующим образом: поворот от нетрудового типа жизнедеятельности эксплуататорских классов и вынужденно-трудового типа жизнедеятельности эксплуатируемых классов к ***добровольно-трудовому*** характеру жизнедеятельности всех членов общества. Социализм (в той его теоретической модели, от которой неотъемлема демократия, гарантированность прав и свобод личности) не приемлет принудительные методы привлечения к труду. Основой образа жизни всех социальных групп представляется добровольный (по сути, а не только по форме) общественно полезный труд как составная часть социально активной и гуманистически ориентированной жизнедеятельности.

В тоталитарном обществе (включая общество, существовавшее в СССР) социально-трудовые отношения носят эксплуататорский характер. Но не только. Это ***казарменно-эксплуататорский*** тип отношений***.*** Характер жизнедеятельности трудящихся масс — ***принудительно-трудовой****.* Формы реального принуждения к труду могут быть разнообразными — от полпотовских военизированных лагерей-коммун и маоистских “народных коммун” до значительно менее насильственных, внешне подчас даже якобы добровольных форм. Но существо всегда одно и то же. Социальный портрет образцового труженика в тоталитарном обществе являет собою – в полном объёме или в явной тенденции – тип *солдата трудовой армии*. Он либо вообще лишен прав и свобод человека, либо они лишь записаны на бумаге и не реализуются.

Применительно к тоталитаризму (как устойчиво репрессивному режиму) понятие “трудящиеся” правомерно толковать предельно широко — как синоним понятия “народ”. В таком социальном контексте трудящимся (народу) противопоставляется правящая каста и государственный аппарат, обслуживающий её цели и интересы. В СССР, как известно, в качестве антинародной, эксплуатирующей и подавляющей силы выступала партийно-государственная и хозяйственная номенклатура вместе с обслуживающим её командно-карательным аппаратом.

О явно принудительных видах труда в СССР (в частности, о сталинских лагерях) написано много. Одним из первых шагов в демократизации трудового законодательства России было принятие в начале 90-х годов конституционной нормы о запрете принудительного труда, что соответствует современным общепринятым международным принципам. Трактовка понятия “принудительный труд”, соответствующая этим принципам, имеет более узкий смысл, чем социальные механизмы принуждения к труду, адекватные тоталитаризму.

Отношение к труду. Отношение к труду – основополагающий элемент социально-трудовых отношений и важнейшая характеристика отношения людей к обществу в целом.

Чтобы направить активность ***юридически свободного человека*** в русло трудового образа жизни, общество формирует и выдвигает перед ним заинтересовывающие условия – *стимулы к труду*. Они связывают материальное вознаграждение за труд и другие вознаграждающие условия с определёнными требованиями к работнику – нормами и правилами труда. Это требования к количеству и качеству результатов труда, к способам их достижения, к способностям человека к труду (профессиональной подготовке, уровню квалификации и пр.).

Стимулы к труду — только одна из предпосылок привлечения юридически свободного человека к труду. Вторая — наличие у человека *интереса* к тому или иному труду, возникающего лишь при соответствии вознагра-

дающего компонента стимулов его потребностям (материальным, моральным, творческим). Третья предпосылка — *оценка индивидом того или иного труда как посильного* для него (с учётом возможностей развить нужные трудовые потенции).

Сопоставление, сознательное соотнесение человеком выдвигаемых обществом стимулов к труду со своими потребностями и реальными возможностями и есть процесс формирования его отношения к труду как субъективного отношения к кругу совершенно объективных обстоятельств. Категорией *"личная заинтересованность в труде"* фиксируется определённое соотношение стимулов к труду, личных интересов и оценки человеком своих возможностей – их соответствие друг другу[39].

Исходя из сказанного, правомерно дать следующее определение.

Отношение к труду – это форма индивидуального сознания, выражающая зависимость степени приятия или неприятия индивидом реально доступных ему в данном обществе условий и способов трудовой жизнедеятельности от уровня и реальных возможностей развития в данном обществе самого человека (его потребностей и способностей).

Рассмотрим содержание такого отношения к труду, которое должно лежать в основе добровольно-трудового характера жизнедеятельности, адекватного ***теоретической модели социализма***. Это позволит с определённых позиций посмотреть на отношение к труду, закономерное для капитализма, и на направленность изменения отношения к труду в современной России.

[39] Такое понимание личной заинтересованности является обобщением и развитием позиции относительно сущности материальной заинтересованности (см.: Ракитский Б.В. Что такое экономические методы хозяйствования. М.: Московский рабочий. 1969. С.49-50).

Добровольно-трудовой тип жизнедеятельности совокупного трудящегося может быть обеспечен следующими характеристиками социальной роли труда:

— труд должен быть для каждого трудоспособного человека *основным источником средств существования и развития.* Это означает недопустимость отстранения людей от участия в производстве (недопустимость безработицы как устойчивого явления);

— поприщем применения способностей к труду должна быть *общественно полезная* деятельность. Это означает непризнание трудом деятельности, свободной от гуманистической общественной значимости и от моральной ответственности человека за её результаты;

— труд должен быть *средством и способом развития* человека[40]. Это означает недопустимость таких видов труда, которые способствуют стагнации или деградации социально значимых сторон личности (будь то физические, интеллектуально-творческие или социально-нравственные).

Сказанное позволяет сформулировать следующее определение: отношение к труду, формирующее добро-

[40] То есть удовлетворял бы потребности человека в интересной для него деятельности, в её разнообразии, в проявлении инициативы и самостоятельности, в совершенствовании его способностей, словом, потребность человека в развивающей деятельности. Это представление существенно отличается от возведения в ранг социального идеала творческой деятельности в буквальном значении этого слова (как деятельности, непременно порождающей нечто новое для человечества). Строго говоря, такая установка, антигуманна, ибо чревата выведением новой, "высшей" породы "гомо сапиенс", вместо того чтобы создавать общественные условия для свободного развития каждого человека, своеобразного по своим естественно-природным данным. Развивающий характер труда может и должен быть обеспечен социально направленным развитием технико-технологической базы общественного производства.

вольно-трудовой образ жизни, – это ***заинтересованное и ответственное отношение людей к нему одновременно как к общественно полезной деятельности, основному источнику средств существования, средству и способу развития личности.***

Отдельные стороны такого типа отношения к труду отражаются такими категориями, как личная материальная заинтересованность в труде, моральная заинтересованность, заинтересованность в труде как в развивающей деятельности (её можно называть творческой заинтересованностью, если учитывать сказанное в сноске 40).

Добровольно-трудовой образ жизни реально может сложиться лишь ***при сбалансированности, уравновешенности*** всех трёх видов заинтересованности. Другими словами, ни один из трёх видов заинтересованности не должен играть доминирующую, ведущую роль в формировании характера индивидуального социального поведения.

Реальная демократия (реальный доступ всех социальных групп к управлению общественными процессами, производством и трудом на всех его уровнях — от общественного целеполагания до управления предприятиями) — необходимая социальная основа добровольно-трудового образа жизни. Без этого добровольность участия людей в общественно организованном производстве сохранится лишь на уровне формальных признаков. А по своей сути способ жизнедеятельности будет вынужденно-трудовым, в основе которого — механизмы манипулирования трудящимися во имя целей, связь которых с их интересами им самим не ясна, ими не осознана, а то и вовсе отсутствует.

В ***капиталистическом*** обществе формальные признаки добровольности участия трудящихся классов в производстве налицо. Новейшие методы управления трудом расширяют систему стимулов к труду, используют для повышения эффективности производства разнообразные социальные факторы, в том числе привлечение рабочих и рядовых служащих к управлению производством.

Однако отсутствие стратегической однонаправленности интересов господствующего класса, частнокапиталистических предпринимателей и эксплуатируемых трудящихся неизбежно ограничивает функции последних в управлении сферой принятия решений текущего или локального масштаба. Одновременно с этим капиталистический способ производства закономерно развивает как предпосылку манипулирования трудящимися социальные механизмы, стандартизирующие личность и потому сдерживающие социальную активность трудящихся.

Капитализму (в том числе и современному) адекватен такой тип отношения эксплуатируемых классов к труду, в котором *доминирует* (играет ведущую роль) один из видов заинтересованности в труде — *материальная заинтересованность.* При этом тенденция формирования потребительской системы интересов и ценностей (поскольку она захватывает все более широкие слои населения) становится самым тревожным явлением в развитии личности трудящихся.

Анализ отношения к труду в ***советском тоталитарном*** обществе на основе разработанной автором в 80-х годах и изложенной выше концепции, позволил строго обозначить различные типы индивидуального трудового поведения в их закономерной связи с той или иной *разбалансированностью* материальной, моральной и творческой заинтересованности в труде. Укажу на одну из типичных казарменных деформаций отношения к труду, которую можно назвать аскетической. Для этой деформации характерно существенное ослабление материальной или творческой заинтересованности в труде. Важнейшая причина такой деформации — реальная недоступность для индивида тех или иных средств, способов развития и сфер применения своих способностей, в том числе перемены труда. Другая, не менее важная, — усвоение и приятие индивидом демагогических морализаций критериев гражданского долга, закономерно формируемых казарменным обществом.

Отношение к труду может быть, конечно, рассмотрено как социально-психологическая категория. В этом случае в поле зрения должны попасть явления такого уровня конкретности, как сходство и различия типов индивидуального психологического склада, специфика окружающей человека социальной среды и т.п. Выше шла речь об отношении к труду в ином его качестве – в его социально-экономической определённости, то есть в том его качестве, которое закономерно определяется спецификой общественного строя.

Социальный тип (характер) индивидуальных трудовых судеб. Вынужденно-трудовой, добровольно-трудовой, принудительно-трудовой образ жизни – категории, обозначающие характер жизнедеятельности *социальных групп, классов*. Эти категории абстрагируются от того, что жизнедеятельность каждого человека разворачивается во времени и что её составляют различные конкретные процессы — функционально и по содержанию различные *стадии жизненного цикла*.

Трудовая судьба человека — это определённая последовательность различных стадий его трудового жизненного цикла.

Индустриальной ступени обобществления производства (если отвлечься от его социальной формы) соответствует следующая структура трудового жизненного цикла, а именно следующая последовательность его стадий:

а) общеобразовательная подготовка;

б) включение в производство в качестве исполнителя определённых трудовых функций (с предваряющей это включение профессиональной подготовкой к труду или без неё);

в) трудовая деятельность (совмещаемая со специальным профессиональным обучением или без него);

г) перемещение в системе общественного разделения труда (с предваряющей его профессиональной переподготовкой, повышением квалификации или без них);

д) выход из системы общественного разделения труда в связи с утратой трудоспособности.

Понятно, что в обществе одновременно реализуются как существенно разные, так и сходные индивидуальные трудовые судьбы. Нас интересуют не любые различия и сходства, а те, которые связаны со спецификой общественного строя, то есть *социальные типы трудовых судеб*.

Определю ***социальный*** тип трудовой судьбы как ***нормальную (по критериям данного общества) динамику социально-трудового положения трудящихся на протяжении их жизни.***

В теоретической модели *социализма* нормальной по типу трудовой судьбой является такая, в которой от стадии к стадии трудового жизненного цикла социально-экономическое положение трудящегося, по меньшей мере, *не ухудшается по причинам, зависящим от общества*, — от существующих реальных возможностей приложения труда, от общественных условий формирования и развития способностей к труду и социально значимых свойств личности в целом.

Нормальная по типу трудовая судьба *для капитализма*: социально-экономическое положение трудящихся при переходе к следующей стадии трудового жизненного цикла *может и ухудшаться, и улучшаться по причинам, не зависящим от самого человека,* а проистекающим из отношения к трудящимся как к одному из факторов производства, затраты на совокупность которых (факторов) следует минимизировать.

Для жизнедеятельности эксплуатируемого наёмного класса в целом закономерно отстранение части класса от участия в общественном производстве (безработица). Поэтому для социального типа трудовых судеб в условиях капитализма периоды лишения возможности работать – явление нормальное, если норму понимать как социальную обусловленность явлений, а не как их этическую или

какую-либо иную оценку[41]. Точно так же нормально (по критериям капиталистического общества) угасание способностей к труду не по причинам исключительно естественно-физиологического порядка, а из-за реальной недоступности видов деятельности, сохраняющих (воспроизводящих) и развивающих социально значимые свойства личности.

На новейшей стадии развития капитализма выявляется тенденция формирования устойчивых и всё более широких социальных слоёв, образ жизни которых можно определить как ***вынужденно-нетрудовой***. Это социальные слои, которые оттесняются от участия в общественной практике не в форме временной безработицы, а в форме ***социальной резервации*** (подробнее – в следующей главе).

Труд в жизни оттеснённых и оттесняемых в социальную резервацию носит *не более чем эпизодический характер*. Социальный тип их индивидуальных судеб — деградация личности, люмпенизация.

На двух следующих страницах представлена в схематическом виде классификация современных и прогнозируемых (вероятных в будущем) типов жизнедеятельности неэксплуататорских социальных групп.

[41] В качестве иллюстрации — выдержка из Справочника к Европейской социальной хартии: "… Право на труд в том смысле, в каком оно понимается в Хартии, не означает, что государство должно гарантировать работу любому лицу, которое этого пожелает, так как подобное положение было бы неосуществимым" (Европейская социальная хартия: Справочник: Пер.с фр. М.: Междунар.отношения. 2000. С.123).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЭКСПЛУАТОРСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ОБЩЕСТВАХ РАЗНОГО ТИПА (в современных обществах и прогноз)

* Механизм Ха- *формиро- рактер *ания связи с со-* зидательной * практикой	В своей основе (по сути добровольный	В своей основе (по сути недобровольный	
		вынуж- денный	принуди- тельный
Трудовой характер жизнедеятельности	***Гуманистический вариант будущего (теоретическая модель социализма:*** *Добровольно-трудовой* (для всех членов общества)	***Капитализм XIX-XX вв.:*** *Вынужденно-трудовой* (с безработицей как нормальной стадией трудовых судеб)	***Тоталитаризм XX в.:*** *Принудительно-трудовой*
Трудовой характер жизнедеятельности		***Тенденция современной глобализации капитализма (устойчивая сегрегация подчинённых групп)*** *Вынужденно-трудовой* (для меньшинства)	***Постиндустриальный тоталитаризм*** Созидательная деятельность — привилегия господствующей касты и её обслуги

Нетрудовой характер жизнедеятельности	***Цивилизация искусственно созданных разумных существ*** *Добровольно-нетрудовой* (добровольный уход человечества в социальную резервацию)	*Вынужденно-нетрудовой* (социальная резервация для большинства)	*Принудительно-нетрудовой* (социальная резервация) для подчинённых групп

Глава 3.
Эксплуатация как тип социально-трудовых отношений

Предваряющее замечание

Перед этой главой требуется сделать пояснение в интересах обеспечения в полной мере научной атмосферы её восприятия и обсуждения предложенных трактовок.

Проблематика эксплуатации воспринимается в условиях современных революционных реформ донельзя политизированно (в худом смысле этого слова, в смысле оголтелой предвзятости). Реформаторы-либералы не любят, мягко говоря, и отрицают понятие “эксплуатация”, поскольку их идейные наставники объявили и эксплуатацию, и классовое деление общества, и типизацию обществ (социализм, капитализм и все прочие “измы”) “давно прошедшими” (Plusquamperfekt) заблуждениями. Защитники же прежнего общественного устройства, всё ещё пропагандирующие его как социализм и продолжающие применять социалистическую и марксистско-ленинскую фразеологию, рассуждают об эксплуатации в “уличающе-обличительном” ключе. Ни те, ни другие не судят об эксплуатации в пространстве точного обществознания и научной (классовой по самому своему определению) политической экономии.

Это затрудняет изложение результатов моего исследования. Я опасаюсь, что каждая из отмеченных сторон начнёт “приписывать” меня к сторонникам противоположного идейного лагеря, тогда как на самом деле я принципиально противостою каждому из них. Не потому, что мню себя “стоящей над схваткой” так называемым “объективным учёным”, а потому, что отстаиваемая мною идейная позиция в главном не совпадает ни с одной из обозначенных позиций.

Обойтись без рассмотрения проблем эксплуатации никак невозможно, если рассматривается ***тип*** общест-

венных отношений вообще и социально-трудовых отношений в частности.

Просьба к читателям: отвлечься от остро актуального политического и идеологического контекста проблематики эксплуатации, сосредоточиться на научной стороне этой проблематики, то есть на вопросе о научных подходах и способах типизации общественных отношений, поскольку и наш предмет — социально-трудовые отношения — относится к области общественных (общественно-эконо-мических) отношений.

1. Общая теория эксплуатации и эксплуатации труда. Современная теория эксплуатации

Выделим (вычленим) качественное содержание тех отношений, для научного отражения которых применяется категория эксплуатации. Будем исходить из того, что не в наименовании дело и что не наименование является исходным и требующим содержательного наполнения. Напротив, в реальной общественной системе имеется нечто содержательное, требующее точного (определённого) научного понятия. Такой подход выводит дискуссию об эксплуатации из пространства спора о словах, ставит на обсуждение вопрос о том, существует или нет в реальности некий содержательный тип и круг социальных отношений (процессов).

Исходный и не требующий специальных доказательств факт — такое свойство преобразовательной практики (труда и производства), как её *социализированность* (обобществлённость, совместность). Формы социализированности практики — её разделение (специализация) и кооперация (обмен деятельностью). Историческая тенденция, воспринимаемая наукой как прогрессивная, — углубление разделения труда и производства и всё нарастающая потребность скоординированности, связанности воедино специализированных трудовых и производственных процессов. Именно эта тенденция является постоянно действующим фактором роста производительности общественного труда, повышения эффективности общественного производства.

Не является особенно скрытым, не подвергается обычно сомнению и факт *неравномерного распределения* между участниками практики эффекта, полученного как результат социализированного труда и производства. Вопрос о справедливости или несправедливости такого распределения — это уже вопрос восприятия и ценностной оценки самого реального факта неравномерного распределения эффекта. Проблема эксплуатации располагается в пространстве ценностных оценок реальных процессов и фактов.

Этот момент надо особенно подчеркнуть. И те, кто признают и обосновывают наличие эксплуатации, и те, кто отрицают её и обосновывают её отсутствие или даже невозможность, имеют перед собою одни и те же реальные процессы и факты. Они по-разному к ним относятся, по-разному, то есть с разных мировоззренческих позиций их рассматривают и оценивают. Именно этим объясняется то поразительное для “объективного вроде бы ученого”[42] обстоятельство, что учение об эксплуатации может вполне (в высшей даже мере, безупречно) отвечать (соответствовать) практике, иметь высокую практическую ценность, не имея на определённых этапах своего развития достаточно строгих научных доказательств.

Я предлагаю современную теорию эксплуатации не как отрицающую прежние концепции, а как строящуюся на

[42] Если бы кто-то пожелал проверить, может ли обществовед быть так называемым объективным ученым и существует ли вообще так называемая объективная (внеклассовая или надклассовая) общественная наука, ему следовало бы предложить исследовать объективно любую ценностную категорию. Очень годятся для этого “справедливость” и “несправедливость” и частный случай этих ценностей — отношения эксплуатации или её отсутствие.

более строгих научных доказательствах[43]. Выдвижение современной теории эксплуатации актуально, поскольку в ходе рыночных реформ 90-х годов отечественные адепты западных либеральных учений стали активно переносить в научную литературу на русском языке давно известную аргументацию буржуазной политической экономии об отсутствии, невозможности или исторической преодолённости отношений эксплуатации в современном капиталистическом обществе (имеется в виду не иначе как капиталистическое общество в лидирующих капиталистических странах).

Напомню, что в первый же год шоковых реформ в журнале "Мировая экономика и международные отношения" был устроен заочный круглый стол "Эксплуатация: марксистская теория и реальность" на явно заказанный результат – показать несостоятельность Марксовой теории эксплуатации и доказать, что в "нормальном" капитализме (в развитых капиталистических странах) эксплуатации не существует. Участники круглого стола явно не справились с поставленной задачей ни в плане научной строгости своей аргументации, ни в плане соответствия своих утверждений современным реалиям[44]. Но о своём переходе в иную "веру" участники круглого стола заявили вполне чётко. Приведу лишь некоторые из типичных утверждений.

"Капитализм, выйдя из своего начального периода, когда родимые пятна насильственного присвоения чужого труда были ещё весьма заметны, постепенно превратился в социально-экономическую систему достаточно сбалансированных интересов лично свободных и равноправных индивидов. …Отношения между нанимателем и наёмным работников перестали быть отношениями классового антагонизма и приобрели в значительной мере партнёрский характер. Эти субъекты вступают в специфическую обменную сделку. …При наличии равновесия спроса и предложения труда и полной мобильности всех ресурсов производства ни один из контрагентов не может навязать другому невыгодную сделку и получить чужой неоплаченный прибавочный труд. …Внутри высокоразвитых стран рыночного хозяйства эксплуатация труда в принципе ушла в прошлое. Этот тип межличностных отношений изжил себя и экономически, и морально"[45].

"При всех несправедливостях по отношению к наёмному труду со стороны капитала – (несправедливостях, имевших место в прошлом, возможных в настоящем и будущем) – теория эксплуатации труда по Марксу – несостоятельна"[46].

"Против марксистской теории эксплуатации, которая исходит из представления о труде как "субстанции" ценности, существует один, убийственный по своей простоте аргумент: она "не работает", потому что *заведомо*

[43] Эти представления развиваются мною в последние 10 лет. См.: Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии (идейные представления и требования трудящихся в ходе четвертой русской революции). М.: КАС-КОР, ИППС, ИЭ РАН. 1993 (2-е издание – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001); Ракитская Г.Я. Взаимосвязь политической и хозяйственной власти // Перспективы и проблемы России. Вып.1. Есть ли у России будущее? М. 1994; Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвёртой русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып.2. Идейная борьба за будущее России. М. 1995.

[44] Справедливости ради следует отметить, что одна статья, опубликованная в рамках круглого стола, хотя и ориентирована на тот же заранее заданный результат, тем не менее интересна некоторыми суждениями методологического характера. И в ней верно подмечен ряд действительных слабостей Марксовой теории эксплуатации (см.: Чешков М. Эксплуатация: марксистская теория и реальность // МЭ и МО. 1993. № 3).

[45] Шишков Ю. Эксплуатация труда: история против марксистской теории // МЭ и МО. 1992. № 12. С.72, 73.

[46] Майбурд Е. О понятии "эксплуатация" у Карла Маркса // МЭ и МО. 1993. № 1, с.85.

(курсив мой. Заметьте: *заведомо!* – Г.Р.) несостоятельна трудовая теория ценности, составляющая ее основу"[47].

"При капитализме или, вернее, при том общественно-экономическом строе, который, используя созидательную функцию капитала, развивается на Западе – в отличие от социализма, пытавшегося прийти ему на смену, эксплуатации, как таковой, теперь в принципе нет и *быть не может* (курсив мой. – Г.Р.)"[48].

Материал такого сорта *не может быть* предметом научной дискуссии. Но целесообразно иметь его в виду для точного представления об уровне развития современной апологетики капитализма. Подчеркну ещё раз, что доводы нашей отечественной апологетики практически целиком заимствованы из-за рубежа.

Оно бы пусть себе переносили и переводили с английского на русский азы либеральной аргументации. Но адепт устроен так, что ему надо отличиться. В ходе упомянутого перенесения адепты западного либерализма взялись критиковать учение об эксплуатации (особенно Марксову теорию прибавочной стоимости) как заведомо слабенькое, ненаучное, игнорирующее факты и давным-давно отставшее от исторической практики.

В советское время отповедь была бы коротка: попытка с негодными средствами, "Моська лает на слона" и т.п. Критика адептами либерализма учений об эксплуатации и в самом деле научно жиденькая, что называется "на босу ногу". Её методологический уровень на позволяет вести серьёзную контраргументацию. Но дело-то в том, что *имеющиеся теории эксплуатации (в том числе и Марксова) не используют ряда фундаментальных обоснований.* Защищать от критики (не от такой, как у отечественных адептов либерализма, а от значительно более квалифицированной) целесообразно лишь конечный вывод, а не строй имеющихся аргументов и доказательств. Есть возможность и необходимость подвести под идеологически и научно обоснованный вывод об эксплуатации как системе (типе) общественных отношений фактически новую систему доказательств и аргументов, вобрав в неё кое-что ценное и несомненное из прежних представлений.

В этом, не более чем в этом и состоит новизна предлагаемой мною современной теории эксплуатации.

До сих пор идеологии и теории, оперирующие понятием "эксплуатация", выстраиваются на представлениях о социальных и экономических отношениях, складывающихся по поводу социализированной практики и распределения полученного эффекта, как о *несправедливой* (с точки зрения трудящихся классов) системе. Несправедливой потому, что пропорции распределения эффекта от социализированной практики между её участниками не соответствуют (несоразмерны) соотношению их трудовых вкладов в этот эффект: доля трудящихся классов меньше, чем доля их трудового вклада в общий эффект. Зафиксирую два основных содержательных постулата[49] теорий эксплуатации.

Первый постулат: противоречие социализированности труда и производства и несоразмерности ре-

[47] Капелюшников Р. Эксплуатация: термин с блуждающим смыслом // МЭ и МО. 1992. № 12. С.76.

[48] Эльянов А. Возможна ли эксплуатация при развитом рынке? // МЭ и МО. 1992. № 12. С.87.

[49] Постулат здесь употребляется в своих двух (из многих) смыслах: как "положение, принимаемое без доказательств в данном контексте, хотя и доказуемое (возможно) в некотором другом контексте" и как "очевидное положение, которое именно в силу своей очевидности не нуждается в доказательстве" (см.: Новоселов М. Постулат // Философская энциклопедия. Т.4. М. 1967. С.326-327).

Разумеется, и очевидность, и принятие без доказательств в обществознании (в отличие от естественных наук) неразрывны с выбором идеологии и с выстроенными на идеологиях теоретическими системами. Так что постулаты в обществознании столь же партийны, как и теоретические системы, и идеологии.

ального присвоения трудящимися эффекта их реальному участию в труде и производстве *не есть нарушение* общественно-экономического устройства (порядка), а *есть само существо*, генетический код определённого общественного устройства. Это существо воплощается в регулярно воспроизводимый и совершенствующийся механизм осуществления общественного воспроизводства (распоряжения ресурсами, организации хозяйства, распределения эффекта). Другими словами, эксплуатация есть *устойчивая система* общественных отношений, формирующая и воспроизводящая социальную структуру общества.

Второй постулат: эксплуатация как система общественных (общественно-экономических) отношений *не есть нечто естественное и вечное*, самой природой заведённое, а *исторически преходящее*, возникшее как следствие противоположности интересов разных частей общества и состоящее в присвоении эффекта, несоразмерном вкладу в него разных участников социализированного производства (общественного организованного труда). Фиксировалась и ставилась в центр внимания и изучения именно исторически возникшая и систематически воспроизводящаяся несправедливость распределения эффекта, разделения эффекта. Именно этот содержательный смысл чаще всего, почти всегда и всеми вкладывается в понятие *“присвоение”*. Категория “присвоение” (это удивительно, но факт) не имеет специальной научной трактовки и не встречается в специальных научных словарях и энциклопедиях, хотя её присутствие в ряде ключевых политико-экономических дефиниций – обычное дело. Это можно считать косвенным аргументом в пользу того, что понятию “присвоение” оставляется его обыденный (“здравый”) смысл: “присвоить ─ значит взять себе, оставить за собой, не отдать другим”.

Прежде чем продвигаться к новой системе обоснований феномена эксплуатации, повторю ещё раз, что теории эксплуатации присущи науке, базирующейся на

идеологиях, отражающих интересы трудящихся и цели устранения несоразмерности (непропорциональности) присвоения эффекта и вклада в общественную практику. Эти идеологии исходят из представлений, что все богатства общества созданы и создаются трудом и только трудом.

Идеологии же, отражающие интересы тех социальных групп, в чью пользу действует система несоразмерности доли присвоения эффекта и трудового вклада, не только не признают эксплуатацию, но отрицают и саму отмеченную несоразмерность. Культивируются теории, обосновывающие такую позицию. Вести научные дискуссии между учёными, отражающими противоположные классовые позиции и интересы, конечно, можно. Но нет шансов переубедить теоретических противников. Польза от подобных дискуссий, впрочем, немалая: они помогают тем и другим углубиться до сути вопроса и развивать собственную классовую науку и идеологию как составную часть культурного исторического пространства жизни класса.

Рассмотрим те звенья доказательств в существующих теориях эксплуатации, которые в современных условиях можно считать слабыми и подлежащими “снятию с вооружения”.

Обратимся к типичным дефинициям эксплуатации.

Наиболее распространённые определения эксплуатации – присвоение результатов чужого труда или присвоение результатов неоплаченного труда. К примеру: “**Эксплуатация** ─ ... присвоение результатов чужого труда собственниками *средств производства* в классово антагонистических общественно-экономических формациях...”[50]. Или: “Наёмный рабочий при вступлении в сделку с капиталистом получает от него лишь эквивалент стоимости рабочей силы и ничего более. Своим же трудом он не только воспроизводит стоимость рабочей силы, но создаёт

---

[50] Хандруев А.А. Эксплуатация // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Том 5. М. 1980. С.558.

и **прибавочную стоимость,** а капиталист присваивает этот результат неоплаченного труда наёмного рабочего"[51].

Присвоенный результат чужого труда или присвоенный результат неоплаченного труда — эти определения ухватывают одну из содержательных сторон эксплуататорских отношений. Но они недостаточно строги, неполны, особенно если выводятся (вырываются) из контекста общественно организованного труда и производства. Такая примитивизация — не редкость для обыденного сознания и даже для нестрогого научного и пропагандистского сознания. Сама по себе несоразмерность присвоенного результата и вклада в его производство, если не уточняются социальные условия её превращения в эксплуатацию, может стать основанием для излишне расширительной трактовки эксплуатации и даже доведения до абсурда. Так, к эксплуататорам ни с того, ни с сего начинают относить детей, которых содержат родители, инвалидов, которых содержит общество, квартирных воров, присваивающих чужое имущество, и т.п.

Разумеется, когда наука изучает отношения эксплуатации, имеются в виду не отношения внутри семьи, между обществом и общественными иждивенцами, между работающими и ворами-преступниками и т.п.[52] В рассмотрение таких вопросов заводит ненаучная постановка проблемы эксплуатации и низведение этой проблемы до разбирательства, кто ухватил чей "кусок пирога"[53].

---

[51] Политическая экономия. Учебник для вузов. /Медведев В.А., Абалкин Л.И. и др. М. 1988. С.167.

[52] Несомненно, внутрисемейные взаимодействия, иные своеобразные отношения в "нишах" и "сегментах" общества не исключены из системы общественных отношений. Однако макросоциальные взаимодействия (отношения) и их тип устанавливаются как доминирующие в системе, как в решающей мере обеспечивающие её устойчивость (возобновляемость в динамике) и вектор (историческую направленность).

[53] Приходится употреблять этот широко известный в буржуазном обществоведении термин. Оно старательно

Сделаем, однако же, отступление и установим первоисточник распространенных ныне стереотипных определений эксплуатации. Рассмотрим учение К.Маркса об эксплуатации, как оно дано в первом томе "Капитала", особенно в главе четвёртой "Превращение денег в капитал". К.Маркс велик, его и Ф.Энгельса открытия дали принципиально новое обществознание, новую идеологию и методологию. Последователям грех предавать своих предшественников и трусить перед напором критики, канонизировать тексты и не отступать от буквы. Если требуется развитие учения, надо его развивать.

Учение К.Маркса о прибавочной стоимости, считающееся теорией эксплуатации, сегодня не может быть удовлетворительной базой теории эксплуатации. Либеральная критика этого учения всё ещё настолько беспомощна, что не может его опрокинуть. Но это только потому, что методология либеральной науки метафизична и не даёт ей возможности взглянуть на проблему целостно. Заменить "краеугольный камень" требуется не ради отпора либеральным критикам К.Маркса, а ради идейного перевооружения классов трудящихся и эксплуатируемых. Ныне программы действий этих классов могут и должны базироваться на более развитом научном фундаменте.

Прежде всего приходится с большим сожалением отметить, что в четвёртой главе первого тома "Капитала" К.Маркс с излишним старанием втискивает человека в модельное прокрустово ложе "экономического человека", азартно не принимая во внимание всё человеческое, общественное и гражданское, что лишне для модели "экономического человека". К.Маркс убирает из поля анализа

культивирует терминологию, подменяющую научные категории понятиями аттракционов и детских игр. Кроме "куска пирога" в ходу "игроки" (вместо субъектов общественного действия, даже и мирового масштаба) и другие подобные сюсюльки.

всё, что “выходило бы за рамки анализа товара”[54]. Такой ход мысли был продиктован, по-видимому, внутренней установкой, согласно которой противоречия товара и логика развития товарного обращения порождают деньги, а деньги сами собой (в порядке самодвижения) превращаются в капитал. В истории, однако же, не так. Не деньги порождают капитал как исторически новую форму эксплуатации, а развитие системы эксплуатации на определённом этапе *осваивает товарно-денежные отношения* и перебирается из своей шкуры по преимуществу внеэкономического насилия в шкуру капитала.

То, что внутренняя установка, которую мы предположили, существовала и действовала, подтверждает, мне кажется, и то обстоятельство, что *у К.Маркса, Ф.Энгельса, у В.И.Ленина уничтожение эксплуатации мыслится непременно как уничтожение товарно-денежных отношений, рыночных отношений* (у Сталина и Пол-Пота это доведено до гротеска, до абсурда). Классики марксизма рассуждают так, будто рынок и товарно-денежные отношения порождают капитал и капиталистическую эксплуатацию. Это заблуждение дорого обошлось рабочему движению и существенно ослабило тактику большевиков после Октябрьской революции 1917 г., поставило под угрозу завоевания социалистической революции уже в 1918-1920 годах. Введение НЭПа (это при государственной-то власти у трудящихся и при сохранении “командных” высот на рынках) считалось отступлением.

Методологически слабый и неприемлемый для меня (и для научной школы, к которой я принадлежу) момент в Марксовом доказательстве эксплуатации (точнее, экономического механизма эксплуатации) можно выделить очень определённо. В четвёртой главе первого тома “Капитала” К.Маркс задался целью доказать, что возможность

[54] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. М. 1960. С.180 (далее цитирую первый том “Капитала” по этому же изданию).

самовозрастания стоимости (коренное, по его мнению, свойство капитала) заложена в особом свойстве товара рабочая сила. Если рабочая сила применяется не как товар, у неё этого свойства нет. В связи с этим К.Марксу требуется выявить и обозначить условия, необходимые “для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар”[55].

Таких условий, оказывается, два. Сводя их вместе, К.Маркс пишет: “Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий – свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы”[56].

И следом за этим идёт абзац, который обозначает ту ***развилку мысли***, от которой К.Маркс повёл анализ не лучшим, по моему мнению, образом. Вот этот текст:

“Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих

[55] Маркс К. Капитал. Том первый. С.179.
[56] Там же. С.179

экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства"[57].

Вот видите: "мы теоретически исходим из фактического положения вещей", нас мало интересует, откуда взялся "рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка". Позвольте, да К.Маркс ли это? Да, К.Маркс, поскольку целостный конкретно-исторический контекст изучаемого вопроса ему виден. Виден, но "пока интересует мало", "выходит за рамки анализа товара"[58].

Вывести эксплуатацию из внутреннего свойства отдельного товара! – вот исследовательское наваждение К.Маркса. Ради этого убираются все свойства и способности человека, кроме способности быть рабочей силой и на срок продавать её как товар. К.Маркс тем самым полностью выводит человека из целостного общественного контекста ради того только, чтобы изобразить его равноправным с капиталистом товаровладельцем, юридически равным капиталисту лицом, который вёл бы с капиталистом взаимоотношения как собственник с собственником[59]. Это, что называется, тощая абстракция, выведшая К.Маркса из русла его гениального целостнообществоведческого, историко-материалистического подхода.

Следуя не К.Марксу, писавшему четвёртую главу "Капитала", а заложенной К.Марксом и Ф.Энгельсом историко-материалистической методологии, мы бы от процитированной развилки пошли *не к анализу товара рабочая сила, а к анализу социального положения человека, трудящегося, рабочего* и выявили бы реальную, а не формальную природу его свободы в двояком смысле. Мы бы сняли с трудящегося человека шутовские одежды "собственника", "товаровладельца", "равноправного с капиталистом юридического лица" и обнаружили бы следующее:

1) Ценность, которая называется личной свободой работника, оказалась использованной работодателем (капиталом) в корыстных целях понижения затрат на воспроизводство рабочей силы. Работодатель покупает рабочую силу исключительно на время, не берёт на себя риск постоянного включения работника в процесс производства, оставляет за собой право не продлевать контракта. А работник нуждается в постоянной занятости. Риск необеспеченности средств существования при невозобновлении контракта несёт лично свободный работник. Личная свобода работника позволяет работодателю обращаться с работником как с явлением временным. Что было с работником до найма и что будет после прерывания найма, — это "не интересует" нанимающего.

2) Называть человека, продающего рабочую силу, её собственником и товаровладельцем – такое возможно разве что в угоду модели, сводящей все общественные отношения к сугубо экономическим, а человека – к "экономическому человеку". Об этом уже говорилось и ещё будет говориться в этой книге.

3) Вслед за К.Марксом подчеркнём *вынужденность* "свободной" продажи рабочей силы. Лишённость нормальных условий для производства конкурентоспособного товара (для продуктивной занятости) – не случайность, не природный результат, а результат общественного развития в эксплуататорских формах.

Таким образом, двигаясь от "развилки мысли" по пути историко-материалистического анализа, мы пришли бы к иному, чем К.Маркс, выводу: чтобы эксплуатация могла начаться и осуществляться в капиталистической форме, она должна была иметься как тип (система) общественных отношений в докапиталистических формах, ибо *рыночные механизмы, товарно-денежные отношения, товары, деньги сами по себе ничего капиталистического (шире – ничего эксплуататорского) в себе не содержат.* Законы рыночных механизмов – стоимостные (косвенные) соразмерения эффектов, эквивалентные обмены. У механизмов эксплуатации законы совсем иные.

Однако К.Маркс задался задачей, которую сформулировал так:

[57] Маркс К. Капитал. Том первый. С.180.
[58] Там же. С.180.
[59] См.: Маркс К. Капитал. Том первый. С.178.

“Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т.е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов”[60]. В примечании к этой фразе К.Маркс усугубляет постановку задачи: “иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена”[61].

Мы уж знаем, как развязал эту интригу К.Маркс. Он объявил, что один товар – товар рабочая сила – имеет свойство обмениваться эквивалентно и в то же время неэквивалентно. Кто знает, уж не повлияла ли в этом месте на К.Маркса, уже создавшего диалектический материализм, методология Эпикура, об атомистическом учении которого К.Маркс защитил докторскую диссертацию. У Эпикура все атомы двигались строго упорядоченно, но некоторые иногда и вдруг отклонялись от своих предопределённых путей.

Рабочая сила продана за эквивалент. Результат труда продан за эквивалент. Прибавочная стоимость, тем не менее, произведена. Но разве “образование капитала” произошло “на почве товарного обмена” (а именно задача доказать это ставилась К.Марксом, стр.176-177)? Нет. По предложению К.Маркса (стр.186-187), мы оставили “шумную сферу обращения” и опустились “в сокровенные недра производства” и познакомились “не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят”. Так полагал К.Маркс. Но с ним очень трудно согласиться.

Не требуется большого воображения, чтобы убедиться, что из выручки за товары, произведённые наёмным трудом, капиталист уплачивает наёмным работникам только часть. Более того, он уплачивает только часть из того прироста стоимости, которую дало полезное (эффективное) применение рабочей силы. Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости.

[60] Маркс К. Капитал. Том первый. С.176.
[61] Там же. С.177.

Но разве такое соотношение – прирождённое, естественное свойство рабочей силы? Почему стоимость рабочей силы и заработная плата не могут достигать величины всей вновь созданной стоимости? Или могут? Эти вопросы остаются за пределами исследования, не выходящего, по словам Маркса, “за рамки анализа товара”. Законы товарного эквивалентного обращения в этом анализе не нарушены. Образование капитала (самовозрастание стоимости) произошло, может быть, и “на почве” товарного обмена, но всё же не в товарном обмене, а за его пределами. Стало быть, не рыночные отношения порождают капитал (но этот вывод не делается К.Марксом и “антитоварниками” вплоть до современных троцкистов, считающих себя последователями К.Маркса). Единственное, что установлено, так это факт уплаты наёмному работнику не всей, а лишь части вновь созданной живым трудом стоимости. Отсюда и берут своё начало стандартные определения эксплуатации и прибавочной стоимости типа приведённых выше.

Обсудим теперь по существу слабости (недостаточность) существующих обоснований феномена эксплуатации. Именно недостаточность, а не ошибочность. Оба постулата, на которых основаны существующие теории эксплуатации, не содержат в себе неверных положений. Все положения этих постулатов верны. Положения обоих постулатов верны. *Верны, но недостаточны. Для чего недостаточны?* Для проникновения в существо отношений эксплуатации. В этих положениях — из-за методологического сбоя — ухвачено не всё существенное. Сбой состоит в том, что предмет исследования (отношения эксплуатации как тип общественных отношений) выведен, оторван от целостного общественного контекста, помещён в контекст “анализа товара” и товарного обращения, а когда этого оказалось недостаточно для доказательства, — в контекст индивидуального (единичного) капиталистического (с наёмным трудом) предприятия, в контекст производства конкретным капиталистом конкретного товара с использованием наёмного труда.

Всё исследование замкнулось у К.Маркса в *экономической* сфере. Всё, что связывает эту сферу с целым обществом, его интересовало “пока столь же мало”, как и владельца денег. И напрасно. Потому что владелец денег, желающий превратить их в капитал, не выясняет суть системы капиталистической эксплуатации, не озабочен закладыванием краеугольного камня пролетарской политической экономии и идеологии рабочего движения.

Выводы, полученные из “анализа товара”, научно гораздо скуднее выводов, полученных из анализа общества в целом. Товар непригоден как клеточка для исследования общественной системы. Исследуя товар и его противоречия, можно логично дойти лишь до появления денег, но невозможно объяснить, почему деньги превращаются в капитал. Сама научная постановка проблемы оказывается неудовлетворительной. Вместо того чтобы доказывать, что деньги, осуществляя самодвижение, превращаются в капитал, надо было бы поставить вопрос иначе: *зачем, при каких обстоятельствах система эксплуатации овладела товарно-денежными механизмами и породила свою качественно новую форму – капитал* (не как вещь, не как имущество, а как тип отношений эксплуатации).

В этой связи требуется присмотреться к категории *“присвоение”*. Она используется обычно так, будто её смысл не требует раскрытия, будто он изначально понятен и однозначен. Я уже упоминала, что “по умолчанию” понятию “присвоение” придаётся смысл обыденного “взять себе”.

В этом своём значении понятие “присвоение” может вполне успешно обслужить научное описание лишь имущественных отношений (то есть субъектно-объектных) и быть конкретизировано в присвоение-распоряжение, присвоение-владение, присвоение-пользование и др. В этом же своём значении понятие “присвоение” пригодно для описания гражданско-правовых имущественных отношений (когда употребляются такие, например, обороты: “собственность и другие

вещные отношения”). На таком смысле понятия “присвоение” покоятся размышления тех критиков теорий эксплуатации, которые под эксплуатацией понимают использование, полезное применение, разработку, вовлечение в хозяйственный оборот. Для них что эксплуатация труда, что эксплуатация газовых месторождений, что эксплуатация оборудования – всё одно и то же[62].

Конечно, и “имущественный” смысл присвоения (“взять себе”, “отхватить”, “не отдать другим”), говоря словами К.Маркса, “несёт на себе следы своей истории” и целостного общественного контекста. Это воспроизводственный контекст. Логическая структура воспроизводства известна: производство – распределение – обмен – потребление. Присвоение в “имущественном” смысле оказывается процессом и результатом фазы (сферы) *распределения*. Однако одного только “имущественного” смысла присвоения обществоведению и даже политической экономии мало.

Выявляя законы движения тех или иных типов обществ, политическая экономия и обществоведение в целом обращаются к противоречию характера производства (точнее – воспроизводства) и характера присвоения. К примеру, противоречие общественного (обобществленного) характера капиталистического производства и частнокапиталистической формы присвоения. Категорию “присвоение” привлекают здесь к обозначению свойств *общественной формы* воспроизводства. Может быть, этого

---

[62] Например: “Как было показано целым рядом исследователей, при капитализме эксплуатации подвергается не только товар рабочая сила, но все товары. По словам Дж. Рёмера, вполне можно было бы выдвинуть “стальную” теорию эксплуатации, “нефтяную”, “зерновую” и столь же убедительно доказывать, что прибыль может быть положительной тогда и только тогда, когда имеет место эксплуатация стали, нефти или зерна” (Капелюшников Р. Эксплуатация: термин с блуждающим смыслом // МЭ и МО. 1992. № 12. С.78).

делать и не следует, оставив присвоению его “имущественный” смысл. Но факт есть факт: присвоение употребляется и в ином смысле, нежели имущественный. Принципиальное расхождение между этими смыслами в том, что в “имущественном” смысле присвоение есть отношения субъектов к объектам, а в другом (неимущественном) смысле — отношения между субъектами, субъектно-субъектные отношения.

Субъектно-субъектные отношения присвоения – это *властные отношения*, в том числе властно-хозяйственные (собственность есть власть в хозяйстве; это понимание собственности в политической экономии достаточно известно).

Внимательный анализ показывает, что существующие теории эксплуатации, применяя понятие “присвоение”, применяют его в “имущественном” смысле. ***Трактовка эксплуатации через “имущественное” понимание отношений присвоения – трактовка плоская, недостаточная, оставляющая в стороне самое главное в отношениях эксплуатации.***

В самом деле, что, собственно говоря, даёт нам для понимания отношений эксплуатации её определение как присвоения результатов чужого труда или результатов неоплаченного труда? Какие позитивные и негативные познавательные и практические следствия проистекают из такого подхода, порождённого научным анализом, ограниченным “анализом товара”?

Первое. Превращение денег в капитал трактуется как закономерное следствие саморазвития товарно-денежных отношений. Оно (это превращение) проистекает якобы из внутренних свойств товара и денег (говоря словами К.Маркса, “на основе имманентных законов товарообмена”, “на почве товарного обмена”[63]). Как только пространство рынка (товарно-денежного обращения) распространяется настолько, что товаром становится рабочая сила и деньги могут покупать этот товар, деньги превращаются в капитал. Наём, получается, порождает капитал.

При таких трактовках устранение капиталистической формы эксплуатации из жизни общества неизбежно требует отказа от использования в организации хозяйства товарно-денежных отношений и рынка. Антитоварная идеология при таком подходе становится единственно адекватной социалистической (и коммунистической) идеологии.

История приступа к хозяйственному строительству после Октябрьской революции (1917 г.) показала всю тупиковость и все трудности, проистекавшие на практике из такого отождествления социализма (коммунизма) и безтоварности. Но история тоталитаризма в СССР показала ещё более отчётливо, как опасна антитоварная идеология. Реформы 1929-1933 гг., закрепившие в хозяйственной сфере сталинскую контрреволюцию, сломали наладившиеся было механизмы социалистического рынка, перевели хозяйственный механизм в режим командно-карательного управления, сделали идеалом хозяйственного оборота “прямой продуктообмен”. Хозяйствование “без услуг прославленной стоимости” (выражение Ф.Энгельса) оказалось в практике XX веке адекватным сталинистской (и не только сталинистской) разновидности фашизма.

---

[63] В русском переводе слова “на основе”, “на почве” предоставляют возможность отступления и обороны Марксовой методологии “анализа товара”. Как-никак, а он увел исследование из обращения в производство, а к тому же предупредил, что капитал “должен возникать в обращении и в то же время не в обращении” (с.176).

И всё же …Тайна прибавочной стоимости раскрыта как тайна, свойственная не рабочей силе как таковой, а рабочей силе, ставшей товаром. Наём, использование в производстве купленной-проданной рабочей силы, вовлечение рабочей силы в рыночный оборот в качестве товара – вот причина превращения денег в капитал по методологии “анализа товара”. Говоря просто, по логике этого анализа, деньги превращаются в капитал не потому, что их много, а потому, что их способность всё покупать добралась до особого товара – рабочей силы.

К счастью, капитал возникает не из обращения, не из-за превращения денег в средство покупки рабочей силы, не из-за превращения рабочей силы в товар. Более того, капитал возникает не из внутренних закономерностей собственно экономической (хозяйственной) системы. Мы это покажем чуть ниже. И покажем тем самым, что идеология и теория антитоварности, враждебности к товарно-денежным отношениям и к рынку, то есть "рыночный нигилизм", свойственный догматическим и левацким течениям (называющим себя то марксистскими, то левыми) — следствие методологического заблуждения у основателей-идеологов, излишней прямолинейности у первого поколения их последователей и фанатического скудоумия – у современных последователей.

Второе. Суть эксплуатации усматривается в том, что часть вновь созданной стоимости присваивается (берётся себе) капиталистическим предпринимателем, собственником средств производства.

Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости – вот часть открытой К.Марксом тайны прибавочной стоимости. Однако подобная пропорция характерна не только для капиталистического способа производства, но и для всякого расширенного воспроизводства. Деление на необходимый и прибавочный продукт – пропорция любого расширенного воспроизводства. Капитал не изобрел этого деления и не он одарил человечество этой пропорцией. Докапиталистические формы эксплуатации состояли в изъятии (присвоении) прибавочного продукта эксплуататорами (господствующими социальными группами – собственниками).

Вопрос о том, почему прибавочный продукт стал так называемой прибавочной стоимостью, не может быть решён на основе "анализа товара". Всё, что можно извлечь из "анализа товара", — это то, что в стоимости товара содержится стоимость прибавочного продукта, а в цене товара – цена прибавочного продукта. Из "анализа товара" не доказывается капиталистический характер движения

прибавочного продукта и даже вообще эксплуататорский характер его "присвоения".

Вспомним, как заговорил К.Маркс, когда в качестве социалистической альтернативы был предложен неурезанный трудовой доход. Почитаем его "Критику Готской программы". Стало быть, и К.Марксу было ясно, что само по себе присвоение прибавочного продукта не тем конкретным работником, который создал его своим трудом, не есть ещё свидетельство эксплуатации.

Чтобы доказать превращение прибавочного продукта в сугубо капиталистическую форму эксплуатации – по терминологии К.Маркса, в прибавочную стоимость – одного только "анализа товара" недостаточно. Да, строго говоря, он для этого и вообще не нужен.

Третье. Из "анализа товара" проистекает вывод об *объективном характере* стоимости рабочей силы. Сам по себе этот вывод (что стоимость рабочей силы есть объективная экономическая реалия) верен, но тот способ, каким этот вывод получен, затемняет содержательную природу этой объективности и не подвигает рабочего к социальной активности, к классовой борьбе.

В самом деле, при методологии "анализа товара" К.Маркс начинает "ближайшее рассмотрение" своеобразного товара, рабочей силы, с весьма и весьма сомнительного утверждения: "Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью"[64]. Далее следуют попытки провести аналогии стоимости рабочей силы и всякого другого товара. При этом вновь и вновь отодвигается в сторону не только общество, в котором живёт носитель рабочей силы, живой целый человек, но и сам этот человек. Способность к труду вырвана из целостного контекста, человек низведён до экономического человека, до фактора производства. Объективность стоимости товара рабочая сила, по К.Марксу, состоит в том, что "его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определённое

[64] Маркс К. Капитал. Том первый. С.181.

количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы …"[65].

Вот к чему приводит методология "анализа товара". Получается некая *предопределённость* уровня нормального заработка. Нормальный заработок – тот, который в точности (или почти в точности) соответствует стоимости, а она, в свою очередь, определяется величиной рабочего времени, которое требуется для производства определённой суммы жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы.

К.Маркс мало обращает внимания на то обстоятельство, что в состав необходимого продукта (необходимых жизненных средств) включается только то, что *необходимо покупателю и пользователю* наёмной рабочей силы. Кто формирует состав подлежащих воспроизведению качеств рабочей силы? Разве не покупатель? А как же продавец – он может требовать чего-то, что необходимо ему как человеку, хотя не необходимо работодателю?

Так поставленные вопросы наталкиваются на холодную отповедь "анализа товара": они выходят за его рамки и "мало интересуют" анализирующего товар. Однако такая постановка вопроса правомерна. И она заставляет оставить в стороне "анализ товара", а заняться анализом общества, его структуры, социально-структурными пропорциями, соотношением и борением социальных сил. Массовые общественные силы, действующие сознательно и в соответствии со своими интересами, ─ феномены реальные, объективные, а по К.Марксу, даже и материальные. Но такой анализ идёт к стоимости рабочей силы как к объективной категории совсем с другой стороны, чем "анализ товара".

Такой анализ ставит в центр внимания соотношение социальных сил, выходит на социальное положение трудящегося как на результат этого соотношения. Для данного конкретно-исторического соотношения социальных сил и соответствующего ему социального положения

[65] ***Там же. С.184.***

трудящихся рассматривается далее нормальный уровень экономических ресурсов существования и развития. Вот он-то и есть уровень необходимого продукта, объективная стоимость рабочей силы. При купле-продаже рабочей силы эта объективная стоимость и служит законом цен на рабочую силу. В конце концов вроде бы так же, как у Маркса при "анализе товара". Но это вроде бы и в конце концов. На самом деле разница принципиальная, поскольку при "анализе товара" стоимость рабочей силы – явление по природе своей рыночное, экономическое, а при целостнообществоведческом анализе – явление макросоциальное, результат соотношения классовых сил в обществе, что в экономике и, в частности, при купле-продаже рабочей силы проявляется. Не формируется, заметьте, а проявляется. Стоимость рабочей силы объективно складывается не в экономике, а на уровне общественного устройства, в итоге взаимодействия (столкновения) и соотношения социальных сил. Но ведь точно так же обстоит дело не только со стоимостью рабочей силы, а со всеми экономическими категориями, которые отражают общественные интересы. Поэтому-то они и называются не просто экономическими, а гораздо точнее и глубже – политико-экономическими.

Кстати сказать, методология "анализа товара" в принципе не способна объяснить, отчего это в 90-е годы в России сперва цена, а затем, очевидно, и стоимость рабочей силы понизилась в разы, притом скачком. Что произошло в экономике, в мире товаров объективного, чем можно этот скачок объяснить? Причины лежали не в экономике, а в обществе, в социально-структурных переменах.

Я полагаю, что сказанного достаточно, чтобы уяснить, чем именно не удовлетворяют современного обществоведа, продолжающего историко-материалистическую линию первоначального марксизма, существующие теории эксплуатации. Нужна более мощная, более доказательная, современная теория эксплуатации.

Посмотрим ещё раз и критически на постулаты, сформулированные на стр. 98-99. Мы зафиксировали их в том содержательном виде, в каком они обычно используются в концепциях, базирующихся на Марксовой трактовке эксплуатации в первом томе “Капитала”. Строго говоря, оба этих постулата изложены К.Марксом так, что позволяли последователям идти дальше доказательств, ограниченных методологией “анализа товара”. Вот это место у К.Маркса, уже цитированное нами выше: “Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства”.

К. Маркс написал это как раз перед тем, как с головой окунулся в “анализ товара”, написал для того, чтобы не думали, будто он не видит большого исторического контекста проблемы. Последователи же К.Маркса, воспринявшие его схему “анализа товара” для объяснения эксплуатации, уже не вспоминают об этом большом историческом контексте. А в нём-то как раз и расположено и существо проблемы, и её решение.

Первый из двух постулатов (об эксплуатации как общественной системе) известен с древних времён. Что касается второго, то и он в сущности высказывался вполне отчётливо и разнообразно (к примеру, известная формула П.-Ж. Прудона: “Собственность — это кража”). Однако в отечественном обществознании с конца XIX века был исключительно влиятелен марксизм, а в XX веке псевдомарксизм в форме сталинизма и вовсе стал государственной, обязательной для всех идеологией. Марксова трактовка эксплуатации стала безальтернативной. Теория эксплуатации (теория прибавочной стоимости), выдвинутая в “Капитале”, с моей точки зрения, если не утрачивает, то как

минимум *отводит на второй план решающую причину капиталистической эксплуатации — узурпацию (монополизацию) капиталом власти в обществе и в хозяйстве.* Об этом речь ещё пойдёт. Сейчас же важно выпятить главное: второй постулат недостаточен, он не должен ограничиваться вопросом о несправедливом распределении эффекта, о присвоении результатов чужого труда. Вывод о несправедливом присвоении верен сам по себе, но сосредоточение на нём уводит из зоны предмета исследования ***причину*** несправедливого присвоения. То, что предложено по этому вопросу на основе методологии “анализа товара”, не может нас удовлетворять (почему – об этом уже сказано выше).

В науке имеется удачная попытка продвинуться в трактовке эксплуатации дальше — до представлений об эксплуатации как *общественной системе принудительного социального донорства* одних, подчинённых социальных групп (эксплуатируемых) в пользу других, господствующих социальных групп (эксплуататоров)[66].

Трактовка эксплуатации как общественной системы принудительного социального донорства – это, несомненно, шаг вперёд в сравнении с концепцией, основанной на “анализе товара” и доходящей до установления феномена присвоения результатов чужого труда (результатов неоплаченного труда). Как-никак, но рассмотрение поднято с микроуровня на уровень взаимоотношения классов (социальных групп). Однако и концепция принудительного социального донорства не преодолевает до конца недостаточности существующих теорий эксплуатации. Её полезные приращения могут и должны быть использованы в современной теории эксплуатации. Но останавливать развитие теории эксплуатации на ступени теории принудительного социального донорства не следует, неправомерно, нецелесообразно.

---

[66] См, например: Социальная политика: Толковый словарь. Издание второе, доработанное / Общ. ред. д.э.н., проф. Н.А.Волгин. М.: Изд-во РАГС. 2002. С.448-451.

Прежде всего, следует принципиально иначе трактовать ***корень (причину)*** системы эксплуатации вообще и капиталистической в частности. Нужно, по-моему, решительно отказаться от поиска корня (причины) эксплуатации в особенностях оборота рабочей силы в хозяйстве, в характере труда, в имущественных отношениях, особенно на микроуровне (собственность на средства производства у частного капиталистического предпринимателя и отсутствие средств производства у работника). *Это не причины, а следствия, проявления системы эксплуатации.*

Выскажу ту же мысль "более научно": то противоречивое общественное отношение, которое находит свое идеологическое и классово-теоретическое (политико-экономическое то есть) осознание как эксплуатация***, есть отношение структурное, макросоциальное (или макросоциально-экономическое).*** Это означает, что в научном отношении недопустимо (неправомерно) опускать трактовку отношений эксплуатации на *микро*социальный (а тем паче на микроэкономический) уровень[67]. Существо

[67] ***Критику Марксовой теории эксплуатации вроде бы с таких же позиций повёл было Ю.Чешков в статье упомянутого выше заочного круглого стола: "Специфика нашей критики заключается в том, что мы рассматриваем эксплуатацию как феномен социальный, а не узкоэкономический, а её теоретическое осмысление – как макросоциологическое, а не чисто экономическое" (МЭ и МО. 1993. № 3. С.79).***

Однако идеологическая установка автора статьи трансформировала заявленный им методологический подход и повела его не к трактовке причин и содержания эксплуатации с целостнообществоведческих позиций, а к обобщениям явно апологетического характера, игнорирующим действительные особенности современной мировой капиталистической системы (включая содержание и социальные следствия глобализации капитализма). Например, к такому обобщению: "Наиболее серьезный "вызов" дан реальностью современного западного капиталистического общества с переходом его в пост-

и механизмы эксплуатации суть реалии, категории и закономерности из разряда составляющих каркас устойчивого общественного устройства, из разряда, как теперь выражаются, системных основ.

Такой подход к отношениям эксплуатации наилучшим образом может быть развит и развивается на базе целостнообществоведческой методологии. Любые метафизические и эклектические методологии не в состоянии последовательно, строго и в полном объёме раскрыть отношения эксплуатации, так как не сохраняют при их рассмотрении должной содержательной связанности отношений эксплуатации с таким масштабным (но минимально необходимым) контекстом, как общество в целом (а иной раз — ниже в этой же главе покажем — и мировое человечество в целом). У метафизиков и эклектиков происходит ***не выделение*** отношений эксплуатации в контексте общества, а по существу ***вырывание*** предмета рассмотрения из контекста общественного устройства. В итоге — фрагментарные истины и их конгломераты вместо целостного и глубокого понимания существа эксплуатации.

Из этого вывод, ближе подводящий к выявлению причины эксплуатации: причину (корень) эксплуатации надо искать в области взаимоотношений основных структурных элементов общества, в области взаимоотношений социальных групп, классов. Причина эксплуатации, следовательно, не экономическая, а ***политическая***. Причина эксплуатации располагается в тех аспектах существования и развития общества, в которых "политика не может не

индустриальную эру. Деполяризация и дезантагонизация основного классового отношения означали изменение природы прежних отношений присвоения – оно теряло характер эксплуатации и приобретало облик экономического неравенства" (Там же. С.79). Все аргументы Ю. Чешкова в этой статье (как и сами выводы) противоположны нашему видению общественных реалий, которое представлено в данной главе.

иметь первенства над экономикой" (эти слова В.И.Ленина тут очень к месту).

Причина эксплуатации – в особом типе политических (социально-групповых) взаимоотношений, а именно ***в монополизации власти в обществе и в хозяйстве частью социальных сил*** и – соответственно – в отстранении от власти в обществе и в хозяйстве остальных социальных сил.

Исходя из этого, сформулирую основные положения современной теории эксплуатации.

1. Суть эксплуатации *(*в том числе капиталистической) **как системы общественных отношений:** господствующие социальные группы, монополизируя власть и управление обществом и хозяйством, обеспечивают устойчивое доминирование своих интересов, в том числе устойчивое воспроизведение своего привилегированного общественного положения за счёт распоряжения результатами ***всего*** общественного производства, созданного трудом подчинённых социальных групп.

Стержнем социальной структуры эксплуататорского общества являются *господствующие социальные группы (эксплуататоры)* и *подчиненные социальные группы (эксплуатируемые)*. Первые составляют меньшую, а вторые ─ большую часть населения.

Механизмом осуществления отношений господства-подчинения является ***власть***[68]. Тысячелетнее функ-

[68] Относительно устойчивое состояние общества устанавливается и воспроизводится как результат относительно неизменного соотношения самых влиятельных социальных сил. Взаимодействия этих сил называются, как известно, политикой, а способ (система способов) поддержания устойчивости общественной системы – властью. (О власти как способе обеспечения целостности и устойчивости общества в процессе его развития см. подробнее: Ракитская Г.Я. Взаимосвязь политической и хозяйственной власти // Перспективы и проблемы России. Вып.1. Есть ли у России будущее? М.1994).

ционирование власти как базы отношений господства-подчинения породило представление, будто никакой иной, кроме как господской и принуждающей, власть быть не может. В этих представлениях истоки, с одной стороны, анархизма, а с другой ─ неверия в реалистичность общества без эксплуатации.

Система власти охватывает общество в целом и его "ресурсную подсистему" ─ хозяйство, то есть включает в себя политическую власть и собственность (власть в хозяйстве). Непременное условие для достижения и удержания устойчивости общественного устройства ─ однокачественность (соответствие) политической власти и власти в хозяйстве.

Главное в устройстве власти в эксплуататорском обществе: власть и управление обществом и хозяйством сосредоточены в руках господствующих социальных групп. Подчинённые же (эксплуатируемые) социальные группы по сути принудительно отстраняются (отчуждаются) от власти и управления обществом и хозяйством.

Господствующие классы (или касты) подчиняют своим целям и интересам развитие производства и всю общественную жизнь, провозглашая их обычно целями и интересами всего общества. Используя свою монополию на власть и управление, они обеспечивают доминирование своих интересов в обществе за счёт *ущемления* интересов других (подчинённых) социальных групп.

2. Понятие частной эксплуататорской собственности. Сосредоточение всей или решающей власти в обществе *у части* общества не нашло специального понятия, а вот сосредоточение власти в хозяйстве *у части* общества, у *части*[69] субъектов хозяйственной (социально-

[69] Наши коллеги-политэкономы, профессиональное сознание которых было сформировано и "отрихтовано" идеологией и теориями сталинизма, бывают совершенно парализованы задачкой: какой была собственность в СССР? По сю пору думают, что общественной. При этом прекрасно знают и не отрицают, что большинство было

экономической) деятельности имеет широко распространённый термин — ***“частная собственность”***.

Понятие частной собственности не требует уточнений для гражданско-правовых отношений (отношений по поводу имущественных прав). Но для понимания структурных общественных, макросоциальных отношений, какими являются отношения эксплуатации, понятие “частная собственность” должно и может быть существенно уточнено. Оно должно и может быть уточнено как раз в аспекте разнокачественности пространства хозяйственной власти хозяйствующих субъектов разных типов. Есть хозяйствующие субъекты, которые хотя и ведут своё хозяйство “самовластно”, однако реально не причастны к эксплуатации как эксплуататоры. В их пользу нет принудительного социального донорства. Таковы все *трудовые частные* (индивидуальные, семейные или коллективные) хозяйства. Их и собственность в них (трудовую, неэксплуататорскую частную) следует отличать от *частных эксплуататорских* хозяйств и частной эксплуататорской собственности.

Господствующие социальные группы, поскольку им принадлежит власть в хозяйстве, являются реальными собственниками, то есть распоряжаются результатами всего общественного производства и труда (“присваивают” их). *Доходы от собственности* (по праву собственников), а не от собственного труда являются основным доходом господствующих классов или каст. Для трудящихся основным источником средств существования и фактором, определяющим их социально-экономическое положение, положение членов их семей, являются не доходы от собст-

---

отстранено от власти, что распоряжалась всем в хозяйстве номенклатура (правящая каста). Номенклатура — не общество, а его обособившаяся господствующая часть. Тот факт, что эта часть не дробилась в своём функционировании на индивидуумы, а была корпоративно спаяна, мешает нашим политэкономам разглядеть корпоративную (совместную) частную собственность номенклатуры.

венности, а *собственный труд* в общественно организованном воспроизводстве.

3. Эксплуатация как общественный режим движения ресурсов. Предметом (поводом, целевым началом, объектом интересов взаимодействующих сторон) являются при отношениях эксплуатации ресурсы существования и развития, добываемые и используемые общественно (социализированно). Ресурсы существования и развития включают в себя накопленные прежде и добавляемые общественно организованной преобразовательной деятельностью текущего периода.

Расхождение (противоречивость) интересов и действий субъектов общественной (в том числе и экономической) жизни коренится в вариантных (разных) представлениях о возможном социальном режиме движения ресурсов существования и развития. К содержательным характеристикам режима движения ресурсов могут быть отнесены в первую очередь их функциональное социально-экономическое назначение (направленность на удовлетворение тех или иных потребностей), доступность для использования и условия доступности, регулярность использования и т.п. Основными вариантами возможного и желаемого режима движения ресурсов являются режим *равенства* и режим *неравенства* субъектов.

Режим неравенства может быть подразделён на различные варианты в зависимости от основания (критерия), которое признаётся базовым для дифференциации субъектов в сфере *реального использования* социализированных по своему происхождению ресурсов существования и развития. Пример режима равенства: разделение (обеспечение доступности) ресурса в равных долях между потребителями или участвующими в его добыче. Примеры режимов неравенства: разделение (обеспечение доступности) ресурсов а) между участниками его создания по вкладу в создание (идеал — прямая пропорциональность), б) между нуждающимися в ресурсе по степени нужды, в) между претендентами по соотношению их сил (по принуждению). Могут быть и иные варианты, обычно производ-

ные от названных: по знатности, по авторитетности, по совести (по добровольной договорённости), по традиции (обычаю) и т.п.

Варианты возможного режима движения ресурсов существования и развития носят очевидный характер субъектного происхождения и отражают систему представлений того или иного субъекта общественно-экономической жизни о желаемом и реально возможном для этого субъекта общественном положении. То есть варианты рождаются как идеологии, материальность (объективность) которых состоит в их принадлежности массовым субъектам общественного и экономического действия, способным активно действовать в пользу реализации своего варианта и противодействовать реализации не своих вариантов.

Режим общественного движения ресурсов существования и развития устанавливается политически и воспроизводится властно. Современной цивилизованной формой политических и властных систем считается государственность. Властные отношения по поводу общественного режима движения ресурсов существования и развития имеют своё особое название ─ собственность. Собственность есть система власти в хозяйстве, система властно-хозяйственных отношений.

Эксплуатацией ─ если она рассматривается со стороны движения ресурсов существования и развития ─ правомерно считать (и называть) такой общественный режим их движения, при котором они (ресурсы), будучи социализированными (обобществлёнными) по способу своего происхождения и воспроизведения, распределяются между претендентами на их использование (присваиваются ими) ***по силе*** (в соответствии с соотношением сил), то есть ***принудительно*** для части реальных участников добычи и воспроизведения ресурсов.

Если бы речь шла о разовой акции, то содержательный смысл эксплуатации уместно было бы отобразить такими понятиями, как принудительное (силовое) изъятие, грабёж, открытое похищение и т.п. Но если акции повторяются, становятся системой, то возникает новое качество, и оно носит уже название дани, набеговой экономики и т.п. Прогрессивное развитие человечества порождало одну за другой формы принудительного изъятия ─ чем дальше, тем более жёсткие по существу и более мягкие по форме осуществления.

Принудительное изъятие (грабёж), устроенное и воспроизводимое, защищаемое и развиваемое как устойчивая социальная система, называется эксплуатацией.

4. Эксплуатация как принудительное социальное донорство. Ограбление ─ точное и подходящее понятие для описания содержательного смысла эксплуатации. Но очень уж обличительное, не способствующее культивированию иллюзий социального партнёрства. Можно применить понятие донорства (в отношениях донорства-жертвенности сторонами являются донор и реципиент), однако с одним непременным сущностным признаком ─ ***принудительное*** донорство, где донор не добровольно жертвует, а приносится в жертву, а реципиент принуждает к донорству[70]. Тогда систему эксплуатации со стороны её социально-экономического содержания можно определить как *исторически устойчивую общественную систему принудительного социального донорства одних социальных групп (эксплуатируемых) в пользу других социальных групп (эксплуататоров).*

Ущемление интересов подчинённых (эксплуатируемых) социальных групп может происходить ─ как из-

[70] Специальной теории соотношения свободы (реальной добровольности) и принуждения не существует. Зачаток глубокой теории принуждения – учение К.Маркса о реальном подчинении труда капиталу. Ценность Марксова подхода: намечена не формальная, а реальная сторона взаимоотношений господствующего и подчинённого. Капиталист и рабочий равноправны при заключении договора найма, а фактически капиталист господствует на рынке труда, поскольку его класс господствует в устроении межклассовых отношений в обществе.

вестно из теории и из прошлой и современной истории — в двух формах: а) как более медленное улучшение их фактического положения по сравнению с улучшением положения господствующих групп (относительное обнищание) и б) как прямое ухудшение их положения (абсолютное обнищание).

5. Эксплуатация отторгает неэксплуататорские хозяйственные уклады. Отношения эксплуатации относятся к отношениям типа "***господство-подчинение",*** но это господство и подчинение макросоциального происхождения. Общество и хозяйство устроены на базе господства и подчинения, а потому и все внутриобщественные сферы и институты воплощают в себе в конечном счёте именно это макросоциальное устройство. Попытки построить нечто вразрез с эксплуататорской системой общественных отношений возможны, но они отторгаются как чуждое, а преодоление отторжения требует немалых дополнительных усилий.

По моей оценке, эта сторона отношений эксплуатации теоретически исследована крайне мало, хотя имеется значительный практический материал для анализа действительных возможностей *устойчивого* существования неэксплуататорских укладов в рамках ("в недрах", как любят говорить политэкономы) эксплуататорских обществ. Интересен не только давний опыт Роберта Оуэна в Нью-Ленарке. Интересен массовый опыт единоличного крестьянства без наёмного труда, ремесленничества, мелких торговцев, предприятий с акционерной собственностью работников, кооперативов без наёмных работников и др. Исследование реального пространства "смешанности общества" могло бы закрыть многие утопические проекты и похоронить множество прекраснодушных и соглашательских иллюзий в движениях и идеологиях трудящегося и эксплуатируемого народа.

Один из идейно-теоретических мифов, распространённых в левой научной среде, относится к коллективно-трудовому хозяйственному укладу (предприятиям с коллективной собственностью работников – акционерной, кооперативной). Этот уклад (особенно кооперативную его форму) трактуют как прообраз хозяйствования в неэксплуататорском обществе и даже как элемент (росток) социалистического будущего в капиталистическом настоящем[71].

Упускается при этом из виду, что предприятия с коллективной собственностью возникают обычно (и при капитализме, и при тоталитаризме) по причине хозяйственных и социальных трудностей в сравнительно отсталых отраслях или в сферах повышенных хозяйственных и

---

[71] Отмечу в связи с этим, что идеология передачи предприятий в коллективную собственность работников, понятая как обозначение магистрального направления преобразования отношений собственности в интересах трудящихся, — такая идеология, по моим убеждениям, бесперспективна, реакционна.

Аргументация этого тезиса применительно к общественной организации производства в теоретической модели неэксплуататорского (социалистического) общества выходит далеко за пределы предмета настоящей главы и потребовала бы к тому же полемики со сторонниками иных взглядов. Отмечу только, что бесперспективность и реакционность коллективистской идеологии, усматривающей истоки эксплуатации в наёмности труда, в полной мере выявились в период четвёртой русской революции. В 1990-1991 гг. идея бесплатной передачи предприятий в собственность трудовых коллективов серьёзно сбивала с толку участников движения трудовых коллективов и нового профсоюзного движения. Она мешала осознать или удержать осознание ключевого значения передачи государственных предприятий в управление (полное хозяйственное ведение) трудовых коллективов для обеспечения демократического характера реформы собственности. В современной российской обстановке, когда нельзя рассчитывать на минимально необходимую поддержку государства, передача (переход) предприятий в собственность трудовых коллективов означала бы дополнительное перекладывание экономических трудностей на плечи трудящихся.

социальных рисков, а также в любых отраслях и сферах в периоды (в ситуациях) социальной напряжённости и хозяйственных рисков. Конкретными социальными опасностями, ведущими к возникновению коллективных предприятий, могут быть угрозы банкротств, массовой безработицы, нищеты, возникновение депрессивных местностей, разорение градообразующих предприятий и т.п. В подобных случаях работники по собственному почину, при поддержке или по принуждению государства объединяют усилия для борьбы с социальными рисками и для выживания за счёт более напряженного труда или более высокой сознательной самоорганизации. Таковы были колхозы (артели) в СССР, такова Мондрагонская кооперативная корпорация (Испания, Страна басков), кибуцы в Израиле, народные коммуны в Китае. Таковы же и предприятия, созданные по программе ESOP в США.

Предприятия с коллективной собственностью работников не порождают своего собственного типа социально-экономических отношений, а осваивают господствующий в обществе тип отношений. Работники-собственники оказываются в той социально-экономической обстановке, которая доминирует в обществе, в той же *принципиально*, но *менее развитой*, не доходящей до последовательных положительных и отрицательных для работников проявлений. Поэтому теоретически неверно (а для практики рабочего движения крайне опасно) ставить знак равенства между коллективными и демократическими и, тем более, неэксплуататорскими формами трудовой жизнедеятельности. Ущемление личных интересов и прав работников в угоду всему коллективу или каких-либо его групп – типичное (закономерное) явление для коллективных предприятий и в тоталитарных, и в буржуазных обществах. Не менее типичен переход коллективных предприятий к эксплуатации наёмного труда, то есть их трансформация в коллективных эксплуататоров.

Весьма поучителен в этом отношении опыт Мондрагонской кооперативной корпорации, на который горячие сторонники коллективной собственности работников обычно ссылаются как на якобы достойный распространения образец коллективного владения и коллективного демократического самоуправления. Однако судить о мондрагонских кооперативах (как и о любых предприятиях с собственностью работников) следует не по их уставным и другим нормативным документам и не по их рекламным проспектам, а по *реальному* положению работников.

Реальное же положение (если говорить кратко) таково: производственной демократии в полном значении этого слова – как действительно коллективного демократического самоуправления – в кооперативах Мондрагона нет; уровень социальной защищенности рабочих-собственников ниже, чем наёмных работников капиталистических предприятий (социально-трудовые права членов кооператива, в том числе уровень оплаты труда, режим работы и пр., не гарантированы государством и не защищаются профсоюзами); существует фактическая эксплуатация рабочих-собственников руководящими структурами (устойчиво лучшее положение специалистов и управляющих обеспечивается за счёт рабочих); кооперативы, входящие в корпорацию, и корпорация в целом эксплуатируют наёмный труд, то есть выступают коллективными эксплуататорами.

Недовольство рабочих-собственников и наёмных рабочих в кооперативах Мондрагона не выливается в открытые конфликты из-за страха рабочих потерять работу, ибо главное (и крайне существенное!), что даёт рабочим кооперативная форма предприятия – это *устойчивость занятости*[72].

Предприятия, основными или единственными собственниками которых являются работающие на этом предприятии (трудовой коллектив), имеют важные положи-

[72] ***Подробнее см.: Ракитская Г.Я. Мифы правых и левых (сюжет первый: миф левых о Мондрагоне) // Перспективы и проблемы России. Вып.3. М.1995. Второе издание: Ракитская Г.Я. Миф левых о Мондрагоне (рабочий колхоз при капитализме) // Трудовая демократия. Вып.15. М. 1998.***

тельные свойства. Они помогают трудящимся выживать в трудных ситуациях и свидетельствуют о способности работников управлять производством (быть эффективным собственником) даже в гораздо более сложных условиях, нежели те, в которых хозяйствует капитал.

Итак, наша гипотеза, отчасти проверенная, состоит в том, что эксплуататорский строй и доминирующие в нём хозяйственные уклады (при капитализме – частно-капиталистический и государственно-капиталистический, с которыми другим укладам приходится конкурировать) активно отторгают любые попытки выкроить и тем более удержать пространство, свободное от эксплуатации. Следовало бы обобщить исторический и современный опыт и осмыслить его в двух аспектах. Один аспект – причины и условия, закономерно подталкивающие к трансформации неэксплуататорских хозяйственных укладов в эксплуататорские. Другой – закономерные факторы и социально-экономические механизмы, формирующие подчинённое (эксплуатируемое) положение в обществе коллективного и индивидуального трудовых укладов в целом.

6. Механизм эксплуатации – не чисто экономический (объективный), а общественно-экономический, включающий фактор реального соотношения социально-классовых сил.

Методология “анализа товара” при обосновании механизма эксплуатации имеет существенный изъян: она изображает этот механизм как сугубо экономический и вроде бы сугубо объективный. Стоимость рабочей силы (величина необходимого продукта) выглядит как феномен, объективный для капитала. Так получается из-за подмены понятий “капитал” и “единичный (конкретный, отдельно взятый) капиталистический предприниматель”.

Для единичного предпринимателя уровень оплаты труда (цена труда) и в самом деле объективно (общественно) предопределён стоимостью рабочей силы – реалией рынка труда обычно странового, а то и межстранового масштаба. В либеральных концепциях (начиная от Адама Смита) уровень оплаты труда, который выступает для отдельного капиталистического предпринимателя как в основном объективный (внешне заданный), как нормальный не по индивидуальным, а по общественным меркам, объясняется сугубо экономически – как следствие (функция) соотношения спроса и предложения. Механизм спроса и предложения, самобалансирующийся на точке равновесия, даёт, как объясняет теория, цену рабочей силы в этой точке равновесия. К.Маркс оставил в стороне критику этой доктрины. Между тем она в принципе игнорирует влияние социальных и иных неэкономических факторов на рынок труда и его важнейшие процессы и отношения, включая цену рабочей силы.

Развёрнутое нами понимание эксплуатации как общественной системы не позволяет игнорировать социально-политические факторы, прежде всего – фактор соотношения социальных (классовых) сил. Формой реализации господства эксплуататорских и подчинённости эксплуатируемых классов является специфическое устройство экономического механизма эксплуататорского общества (включая и капиталистическое). Специфика – в том, что господствующий класс *распоряжается движением не только присваиваемой им части общественного продукта, а движением* ***всего*** *результата общественного производства.*

В рамках этого своего распоряжения всем результатом общественного производства господствующий класс определяет границу, разделяющую необходимый и прибавочный продукт. Граница необходимого продукта – отношение не сугубо экономическое, а *политико-экономическое,* то есть прямая проекция на экономические отношения соотношения классовых сил. Именно этот смысл и эта специфика делают необходимый продукт (и границу, отделяющую его от прибавочного продукта) реалией (и пропорцией) макросоциально-экономической. Господствующий класс (действуя в рамках ряда ограничений, одно из которых – сила эксплуатируемых классов) ***выделяет*** из всего общественного продукта фонд жизненных средств трудящихся (необходимый продукт), полагая этим своим

социально-экономическим действием макросоциально-экономическую пропорцию, воспринимаемую индивидуальными эксплуататорами как общественно нормальная, объективно заданная им обществом величина. Для индивидуального капиталистического предпринимателя это и есть стоимость рабочей силы. Если бы всё было не так, то не требовалось бы существовавшее и существующее во всех эксплуататорских формациях социальное и социально-трудовое законодательство.

Выстроенное нами понимание эксплуатации позволяет отойти от суженного (весьма конкретизированного) её понимания. Благодаря этому из-за различий в конкретных способах и формах принудительного социального донорства не будет потеряна из виду однотипность макросоциальных отношений капитализма и других общественных систем эксплуататорского типа (феодализм, тоталитаризм, колониализм и пр.). Система капиталистической эксплуатации возникает не из наёмного характера труда и не из особенностей товара “рабочая сила”, а из определённого соотношения классовых сил по поводу власти в обществе (в том числе и в хозяйстве). Система капиталистической эксплуатации поддерживается перевесом сил капитала в межклассовых отношениях.

7. Понятие нормальной степени эксплуатации класса наёмных работников. Основным подчинённым классом в капиталистическом обществе является класс наёмных работников. Наёмные работники лично (юридически) свободны, но вынуждены наниматься на предприятия, которые не являются их собственностью. В основе экономического механизма *нормально* функционирующего капиталистического производства лежит присвоение господствующим капиталистическим классом так называемой прибавочной стоимости: господствующий класс присваивает результаты общественного труда, превышающие стоимость совокупной рабочей силы.

Исторический опыт учит, что “нормальная” эксплуатация, при которой стоимость рабочей силы (величина необходимого продукта) относительно стабильна и достаётся-таки работникам[73], а господствующий класс присваивает прибавочную стоимость (в размере прибавочного продукта), — такая “нормальная” эксплуатация возможна и реализуется только при осуществлении “нормальной” классовой борьбы, то есть если эксплуатируемый класс активно борется, сопротивляется повышению степени эксплуатации, снижению цены и стоимости рабочей силы.

8. Состав социальной группы “эксплуатируемые трудящиеся” в капиталистическом обществе. В капиталистическом обществе социальная группа эксплуатируемых трудящихся имеет свою внутреннюю структуру. Она складывается под влиянием развития общественной организации производства, разделения и кооперации общественного труда. В этой структуре существенно влияние демографических, профессиональных, этнических факторов (складываются различные социально-профессиональные, социально-демографические, социально-этнические и пр. группы).

Наиболее существенны и устойчивы различия между трудящимися, занятыми в разных социально-экономических укладах общественного производства, — частнокапиталистическом, государственном, коллективном, индивидуальном. Сосуществование этих разных укладов (разных типов ведения хозяйства) формирует наличие следующих основных групп трудящихся:

а) наёмные работники, не имеющие иных постоянных доходов, кроме дохода от продажи своей рабочей силы (трудового дохода);

б) наёмные работники, имеющие несущественную добавку к своему основному (трудовому) доходу в форме дивидендов (доходов от акций и т.п.). Владение несколькими акциями не превращает трудящихся в реальных собственников предприятий, поскольку не дает им реального доступа к управлению предприятиями, не обеспечивает

[73] Необходимый продукт движется, как известно, в форме оплаты труда и в других формах обеспечения необходимых средств существования и развития.

сколько-нибудь заметного их влияния на важные управленческие решения, не определяет их социально-экономическое положение;

в) работники индивидуального труда (владельцы своих или семейных предприятий);

г) работники коллективного труда (трудящиеся-совладельцы своих предприятий).

Эти группы трудящихся отличаются друг от друга как по социально-экономическому положению, так и по интересам и идеологии (взглядам и конкретным требованиям). Но *характер* их взаимоотношений с капиталистическим обществом, с господствующими классами *один и тот же*. Работники-собственники, как и наёмные трудящиеся, не имеют реальной возможности существенно влиять на те принципиальные властные-управленческие решения общенационального (и более широкого) масштаба, которые определяют *основные* условия их жизни, труда, ведения хозяйства. И наёмные трудящиеся, и трудящиеся, занятые на собственных предприятиях, являются *эксплуатируемыми* трудящимися. Различным является только конкретный социально-экономический механизм (конкретные способы, формы и методы осуществления) эксплуатации рядовых наёмных работников и работников-собственников (крестьян, торговцев, владельцев мелких предприятий сферы обслуживания, других "самозанятых").

Не будем забывать также, что в современной России значительная часть эксплуатируемых работников занята в теневом и криминальном производстве, в котором формы и методы осуществления эксплуатации имеют свою специфику.

Завершая эту главу, сделаю отступление от "чистой" теории.

Где проходит грань между эксплуатирующим и эксплуатируемым классами *на капиталистическом предприятии*? Эта проблема гораздо более важна в практическом, чем в теоретическом плане. На любом капиталистическом предприятии есть наёмные работники-исполнители (так

называемые "рядовые" работники разных профессий – рабочие, служащие, ИТР) и наёмные руководители (администраторы-управляющие, руководители различных служб).

Наёмные руководители в силу своей должности или профессии представляют и обслуживают на предприятии в первую очередь интересы собственников предприятий (государства, частных собственников-капиталистов). Поэтому такие работники — субъекты *эксплуатирующего* труда, то есть по существу все они (от генерального директора до мастера, прораба и т.п.) являются неотъемлемой частью системы "работодатель".

Если мы возьмёмся анализировать современные российские законы, то обнаружим, что понятия "работники" и "работодатель" законодатели определили таким образом, что невозможно, опираясь на законы, провести грань между двумя разными социальными группами наёмных работников: между эксплуатируемыми работниками и работниками эксплуатирующего труда.

Одно из главных практических следствий того, что наши правовые нормы не различают эксплуатируемых наёмных трудящихся и наёмных работников, обслуживающих интересы собственников, – ***смешанный социально-классовый состав*** большинства российских профсоюзов. В одних и тех же профсоюзных организациях состоят и наёмные трудящиеся, и наёмные управляющие (наёмные работодатели) — на том законном основании, что они тоже являются наёмными. Такой состав профсоюзов значительно затрудняет формирование механизмов независимого представительства и последовательного отстаивания интересов эксплуатируемых трудящихся. В первую очередь это относится к профсоюзам, входящим в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), которая унаследовала смешанный социально-классовый состав от прежних СССР-овских времён. Если рассуждать строго, то *ФНПР вообще не является профсоюзным объединением*, поскольку в членских организациях ФНПР состоят работ-

ники и эксплуатируемого труда, и эксплуатирующего труда (говоря менее строго – и работники, и работодатели)[74].

В большинстве *новых* российских профсоюзов в более или менее жёсткой форме принят классовый критерий членства: их уставы не позволяют состоять в этих профсоюзах тем или иным работникам администрации. Поэтому (а также потому, что эти профсоюзы ориентированы на сознательное членство, на объединение наиболее активной части работников) пока ещё немногочисленные новые профсоюзы не раз оказывали гораздо более сильное воздействие на ситуацию на предприятиях и в стране, чем многочисленные старые профсоюзы, входящие в ФНПР.

Формирование самостоятельной и эффективной стратегии и тактики движений эксплуатируемых трудящихся в современной России невозможно, если наёмные руководители будут по-прежнему состоять с ними в одних и тех же профсоюзах и потому будут по-прежнему в существенной мере определять позицию профсоюзов в их взаимоотношениях с собственниками предприятий, хозяйственной администрацией и государственными властно-управленческими органами.

То же самое относится и к трудовому коллективу (собранию или конференции “работников организации”, по терминологии нового Трудового кодекса РФ). Собрание работников (конференция) принимает ряд важных для трудящихся решений, в частности принимает или утверждает такое важнейшее решение, как объявление забастовки. Смешанный социально-классовый состав существенно влияет на меру радикальности позиции собраний (конференций), предопределяет в острых ситуациях соглашательский характер их решений.

[74] Известны случаи выхода работников администрации предприятий из профсоюзов ФНПР. Но это, как правило, не результат изменения профсоюзной политики, а видоизменение стратегии взаимоотношений самой администрации с профсоюзом.

На любом капиталистическом предприятии есть работники, для социального положения которых характерна *промежуточность, противоречивость*: они наёмные, тоже эксплуатируемые, но одновременно и управляющие, призванные эксплуатировать, часть системы “работодатель”. Такой социальной группой являются, безусловно, мастера, прорабы и т.п. Именно в их лице рядовой работник ежедневно сталкивается с системой “работодатель”.

На семинарах, организуемых для рабочих и низовых профсоюзных активистов Школой трудовой демократии, мы много раз обсуждали следующие вопросы. Можно ли и нужно ли в интересах улучшения положения трудящихся наладить реальное сотрудничество с работниками, занимающими противоречивое, промежуточное положение на предприятии? Должны или не должны мастера, прорабы, бригадиры находиться в одной профсоюзной организации с рабочими, другими рядовыми работниками? Или же лучше заранее, раз и навсегда исходить из того, что такие работники не могут быть товарищами, соратниками, союзниками рабочих и других рядовых эксплуатируемых трудящихся?

Как правило, в результате обсуждения этих вопросов участники семинаров – члены новых профсоюзов — приходят к такой общей позиции: мастеров и других работников, занимающих промежуточное положение между эксплуатируемыми и эксплуатирующей системой “работодатель”, можно принимать в профсоюз, но только *персонально,* то есть только в тех случаях, когда подчинённый им коллектив (бригада, смена и т.п.) считает, что данный конкретный непосредственный начальник (мастер и т.п.) заслуживает доверия, не предаст рабочих в сложной ситуации. При этом чаще всего высказывается мнение, что не следует избирать людей, занимающих промежуточное положение, в руководящие органы профсоюза (цехком, профком и т.д.).

Противоположное мнение высказывают обычно члены старых профсоюзов. Они никак не могут взять в толк, почему мастер, начальник цеха, директор завода не

должны находиться в одном профсоюзе с рабочими. Доводы приводятся самые разные. Один из самых распространённых: у начальников неплохая зарплата, и если их не брать в профсоюз, то будет меньше членских взносов. Практика профсоюзной борьбы не раз показывала, чем оборачивается такая позиция, когда надо принимать решения и требования, всерьёз расходящиеся с интересами администрации и собственников предприятий.

Можно утверждать, что устойчиво неблагоприятное для эксплуатируемых трудящихся соотношение социальных сил в России имеет место не в последнюю очередь потому, что органы и организации, которые должны представлять интересы эксплуатируемых трудящихся, даже по формальным признакам не являются независимыми от “работодателей”, а точнее — от наёмной администрации, обслуживающей интересы господствующего капиталистического класса.

2. Социально-трудовые отношения в глобализуемом мире

Современная наука испытывает частые фиаско при определении типов социально-трудовых отношений. Конечно, мы имеем в виду действительно науку, а не большой наукообразный шум, изобилующий концепциями-однодневками, а то и просто отрывочными суждениями. Более или менее серьёзные концепции (доктрины) выделения типов социально-трудовых отношений дают явную осечку, пытаясь определить существо социально-трудовых перемен такого масштаба и характера, как, например, произошедшие только что в нашей России.

Несколько лет (сразу после начала коренных перемен в обществе и в социально-трудовых отношениях) научная общественность пробавлялась заимствованными представлениями сомнительного характера (такими как: “деление на капитализм и социализм ушло в прошлое”; “Россия исчерпала свой лимит на революции”; “Россия должна освоить такие отношения, как во всём цивилизованном мире”; труд в России станет “трудом свободных людей в свободной стране”; “цель переходных преобразований — рыночная экономика” и т.п.). Сомнительность этих представлений — в их крайней расплывчатости и метафоричности, тогда как наука обязана пользоваться содержательным категориальным аппаратом. И аппарат этот должен обладать свойством совместимости с “большими доктринами”, объясняющими общество пусть и классово (партийно), однако системно.

Были распространены претенциозные оценки. Их суть — возведение деклараций о намерениях, деклараций о желаемом в ранг установленного и доказанного наукой фактического качества. Одни находили и находят, что хозяйство в России стало (или становится) социальным рыночным, а социально-трудовые отношения — социал-партнёрскими. Другие уверены, что экономика России стала либеральной, вовсю списывают тексты законов западных государств и утверждают в качестве российских законов. Новые, либеральные якобы социально-трудовые отношения оформляют новым Трудовым Кодексом западного образца.

Если оценивать строго суть и терминологическую сторону дискуссий по поводу характера социально-трудовых (и шире – социальных) отношений в России, то придётся констатировать, что для их характеристики не подходят такие определения, как "социализированные" (соответствующие социальному государству; осторожному, социально “укрощённому” капитализму) или "либеральные" (соответствующие жёсткому капитализму). Эта типизация правомерна, когда речь идёт о *развитых* капиталистических странах. Терминология и обсуждаемые проблемы заимствованы из реальности таких стран.

Большим достижением для многих, подвизающихся в российских общественных науках, явилось признание-таки капиталистического типа общества, складывающегося в новой России, а тем самым и признание отношения “капитал — наёмный труд” стержневым общественным отношением. Если дело так пойдёт, то станут признавать и

эксплуатацию, заговорят о ней смелее. Только всё это — неудовлетворительно, так как недостаточно и по темпам, и по глубине осознания природы общественных перемен и достигнутых состояний.

Не осознаётся фундаментальный новый факт: Россия со времени шоковых реформ оказалась ***на периферии мировой капиталистической системы***. При этом разрушительные, социально-деградирующие процессы преобладают в России над процессами прогрессивно-созидательными. Новые правовые демократические нормы были фасадом, за которым сложился и развивается ***периферийно-колониальный капитализм***.

Разбираться в создавшейся ситуации, пользуясь привычным арсеналом науки о капитализме, неплодотворно. Есть потребность уяснить, подходят ли привычные представления о капитализме для описания современного состояния российского общества, а в его составе и социально-трудовых отношений. В связи с этим и в теоретическом, и в практическом планах актуально определиться по вопросу о том, каковы необходимые условия для становления и устойчивого функционирования буржуазной демократии вообще и, тем более, буржуазно-демократического социального государства.

Представления о капитализме, о капиталистической эксплуатации, о социальном антагонизме эксплуатируемого труда и капитала требуют существенного развития. Развитие целесообразно предпринять в следующих двух направлениях.

Первое: прекратить рассмотрение ***нормальной (закономерной)*** системы эксплуатируемого наёмного труда как безуровневой (одноуровневой) во всех звеньях капиталистической системы хозяйства. Капиталистическая система никогда не была изолированной от общемировой арены. Она всегда была частью хозяйства и хозяйственных связей, выходящих за пределы конкретных буржуазных государств.

Второе: учесть качественные сдвиги в современном мировом хозяйстве, фиксируемые ныне крайне неточ-

ными терминами “глобализация”, “глобализация экономики”, “финансовая глобализация”.

Мы не обнаруживаем Россию в пространстве, научно описываемом теориями капитализма А.Смита, Д. Рикардо, К.Маркса, Д.Кейнса, неолибералов. Видимо потому, что они описывают капитализм так называемых развитых капиталистических стран. Это заставляет осмыслить всё пространство капиталистической системы. Но обнаруживается, что пространство это качественно неоднородно, имеет структуру, типы капиталистических отношений разного уровня. Только так мы найдём Россию в этом пространстве не “вообще”, а с присущими ей социально-экономическими содержательными характеристиками.

Здесь попутно необходимо отметить одну из новых методологических задач. Современные российские обществоведы наталкиваются на факты существенных, а то и принципиальных (качественных) различий современного российского капитализма и капитализма стран-лидеров капиталистического мира. Те учёные, которые работают на западных грантах или воспринимают западных коллег-либералов как корифеев и своих учителей, чаще всего без особенных размышлений объясняют эти различия стадийностью, разными стадиями развития капитализма в странах-лидерах и в России. Вопрос о векторе исторического развития решается прямо по методу КПСС: “Капитализм — светлое будущее всего человечества”. То есть получается, что достижение такого типа и состояния капитализма, как в США, Японии, Западной Европе, — это функция от времени. Но что сложившаяся траектория развития ведёт именно к таким состояниям — это считается очевидным.

Между тем это не только не очевидно, но не вяжется с массовыми фактами и качественными параметрами капиталистических систем в лидирующих странах. Настало время расставаться с исторической эйфорией, приблизиться к реальности, в которой капитализм капитализму — рознь.

Придётся рассмотреть ***нормальную*** систему эксплуатируемого наёмного труда на двух уровнях абстракции:

а) без учёта того, что мировая структура капиталистического производства (хозяйства) была с самого начала (от возникновения) целостной системой, а не потом стала целостной мировой, расширившись якобы из целостной немировой (европейской, континентальной) системы. Такой подход может быть выражен примерно так: “Капитализм, который в Европе, он и в Африке капитализм”;

б) дать методологическое обоснование ***недопустимости*** рассмотрения капиталистической системы наёмного труда при абстрагировании от двухполюсного её устройства (метрополии и колонии или полуколонии).

Система капиталистической эксплуатации, включая и систему эксплуатации наёмного труда, исторически ***с самого начала*** обладала возможностью вынесения части своих противоречий на так называемую “периферию” мира. Именно это обеспечивало в более развитых (лидирующих) капиталистических странах качественно более благополучный, чем в периферийном мире, и **для метрополий нормальный** (закономерный) тип протекания всех процессов эксплуатации и, в частности, избавление “первого” мира от явлений “язвы пролетариатства” (массового “социального дна”).

Возможности роста производительности и повышения качества товаров, открытые уже первым промышленным переворотом, казались намного превосходящими осознаваемые обществом привычные цели развития. Но дозирование практической реализации этих нарастающих возможностей было в руках частной собственности. Именно частная капиталистическая собственность — в соответствии с системой своих интересов и критериев эффективности — ввела ограничения, определила векторы использования и сделала недоступным для массы населения использование новых возможностей машинного производства. Отсюда проблема “лишнего населения”.

Проблема лишнего населения стояла с самого начала как социально особенно острая. Компенсирующим механизмом выступало разномерное распределение негативных (для трудящихся) социальных последствий капиталистической индустриализации: в большей мере эти последствия ударяли по периферии мирового “пространства эксплуатации”, по колониям. Классический пример – массовое разорение индийских ткачей.

Не станем вдаваться в описание истории мировых экономических связей и фаз обобществления, вызревания мирового хозяйства. Нам просто нужно обратить внимание на одно важное обстоятельство. Традиционно в теориях капитализма употребляется метод моделирования капиталистического хозяйства с абстрагированием от внешнего для страны “жизненного пространства” капитала, пространства эксплуатации. Этот метод упрощает реальную ситуацию. Для некоторых исследовательских задач такое упрощение допустимо. Например, для исследовательской задачи, которую решал в “Капитале” К.Маркс. Но сам факт этого абстрагирования забывать не следует, и руководствоваться абстрактной теорией эксплуатации в условиях современной глобализации неправомерно. Абстрагирование от “периферии” капиталистической эксплуатации делает ненаучными практически все суждения о социально-трудовых отношениях в современной России, да и не только в России.

Раскроем суть процессов глобализации, выделив в первую очередь те их характеристики, которые напрямую касаются существа и закономерностей формирования социально-трудовых отношений в России. Без учёта аспекта глобализации капитализма как общественной системы общая теория социально-трудовых отношений была бы недопустимо абстрактной, выходящей из актуального целостного контекста (о важности этого контекста выше специально говорилось как о ключевом методологическом преимуществе целостнообществоведческого подхода).

Глобализация[75] ***капитализма –*** современный этап развития мировой капиталистической системы, особенности которого как новой формы социальной организации человечества обозначились в конце XX века[76].

Термином "глобализация" в последнее десятилетие двадцатого века стали обозначать совокупность ряда явлений и процессов капиталистического развития, сфера распространения которых выходит за рамки отдельных государств, охватывает целые регионы, континенты и – реально или в тенденции – приобретает мировой (планетарный) масштаб.

Социальная сущность глобализации состоит в формировании *единого во всемирном масштабе и существенно нового* (по сравнению с предыдущими этапами развития мировой капиталистической системы) *типа жизнедеятельности человечества* в ходе, в результате и при решающем воздействии *монополизации распоряжения* современными ключевыми средствами и условиями развития мирового сообщества *крупным международным*

[75] "Глобализация" в буквальном переводе с английского (the globalization) означает "распространение во всем мире", "всемирнизация" (французский термин с таким же смыслом – "la mondialisation").

[76] Литература по теме глобализации обширна. Излагаемая здесь платформа изложена полнее всего в следующих публикациях: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости). Доклад на Научно-геополитической конференции "Глобализация и антиглобализм". Москва, 9 ноября 2001 г. М. 2001; Трудовая демократия. Вып.41. Перспективы труда и трудящихся в условиях глобализации. М. 2002; Трудовая демократия. Вып.30. Глобализация: модное слово или новые задачи для рабочего и профсоюзного движения? М. 2000; Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. Пер. с немецкого. М.: Издательский Дом "АЛЬПИНА". 2001.

капиталом и структурами, представляющими его интересы и цели.

Основная прогнозируемая черта этого нового типа жизнедеятельности (если не удастся перевести ход всемирной истории в иное, гуманистическое русло) – **глобализация тоталитаризма** в форме *устойчивого* разделения человечества на две неравные части, одна из которых (меньшая) будет субъектом исторического творчества, а другая (большая) лишится возможности быть субъектом исторического творчества, участником созидательной деятельности человечества.

О формировании указанного нового типа жизнедеятельности человечества свидетельствуют следующие главные тенденции (направления развития):

а) разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения; создаётся всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность; социально-трудовые отношения трансформируются в сторону расширения пространства эксплуатации, усиления эксплуатации, обновления и ужесточения её форм;

б) всё большее число стран фактически лишается государственного суверенитета, теряет экономическую и политическую независимость; подрываются и разрушаются системы национальных и международных демократических институтов, создаются предпосылки для тоталитарного перерождения демократических форм и способов жизнедеятельности; появляются новые способы угнетения и господства, произвола и насилия над личностью, в том числе новые формы принудительного, подневольного труда;

в) всё большая часть человечества (по прогнозам – до 80% в конечном счёте) оттесняется от участия в формировании средств и условий общественного развития, от их использования для прогресса созидательной деятельности – *"исключается"* из общества;

г) *“исключенные”* из общества вытесняются, выбрасываются в социальную резервацию с суррогатными, стандартизированными, человекоподобными (виртуальными, как теперь говорят) формами жизнедеятельности – формами, имитирующими интеллектуально-творческую, социально-политическую и даже сексуальную активность.

Перечисленные тенденции – это не побочные и не случайные следствия современного капиталистического развития. Они складываются как результат *социально направленного* отбора и использования соответствующих новейших технико-технологических возможностей, финансово-экономических механизмов и социальных технологий — социально направленного интересами крупного международного капитала-монополиста.

В настоящее время анализ социальных аспектов глобализации (даже если он ведётся с позиций интересов трудящихся) сводится, как правило, к изучению её различных социальных *последствий*. Сама же глобализация понимается как становление единого всемирного хозяйства (всемирно организованных производства, торговли, финансов, рынка труда и пр.) на базе и в результате использования новейших технологий. Прижившийся в литературе термин “глобализация экономики” отражает именно этот – сугубо *экономический* (точнее даже, экономико-технологический) подход к определению содержания глобализации. Из такого подхода вытекает ставшее модным утверждение, что глобализация объективна, неизбежна, что выступать против нее – это значит выступать против естественного хода общественных процессов, научно-технического и экономического прогресса, пытаться повернуть историю вспять. Отсюда делается стратегический вывод: надо использовать положительные стороны глобализации и направлять усилия на смягчение, ликвидацию и, по возможности, на предупреждение её отрицательных социальных последствий.

Принятие такой стратегии рабочим и профсоюзным движением если и не губительно, то как минимум проигрышно и неплодотворно. Такая стратегия игнорирует классовое различие положения субъектов общественного действия и их коренных интересов. Требуется, напротив, ясное понимание тесной связи отрицательных (с точки зрения трудящихся) сторон глобализации с интересами крупного международного капитала, который осуществляет политику глобализации, руководит на деле этим процессом. Иначе говоря, требуется осознание закономерной связи отрицательных социальных так называемых “последствий” современной стадии формирования единого всемирного хозяйства с общественной формой, в которой осуществляется этот процесс.

Позиция “борьбы со следствиями” позволяет отвоевывать что-то для трудящихся тех или иных регионов, стран, отраслей, корпораций. Но непременно – лишь временно или за счёт других частей населения планеты. Преодоление таких антигуманных тенденций, как разрушение демократических институтов, оттеснение большинства населения планеты в социальную резервацию, требует радикального поворота в самой идеологии рабочего и профсоюзного движения – переход на конструктивную платформу, ориентирующую на перелом социальной направленности развития мирового сообщества.

Глобализация сделала объективно настоятельной общеклассовую самоорганизацию трудящихся не только в национальных масштабах, но и в интернациональном и в мировом масштабах — для защиты гуманистических, в том числе демократических ценностей, для противостояния тенденции оттеснения всё большей части населения планеты (“лишней” для капитала) в социальную резервацию.

Глобализация вызвала к жизни в конце XX века новые протестные социальные движения, самоопределяющиеся как оппозиционные глобализации (антиглобалистские) или неолиберальной капиталистической глобализации (альтерглобалистские).

Современные социальные движения отличаются от традиционных форм профсоюзной и политической само-

организации трудящихся по социальному составу, идеологии, практической ориентации, способам действий.

Основные факторы появления и расширения новых социальных движений:

— кризис рабочего и профсоюзного движения в странах Западной Европы. Он связан с окончанием “золотого тридцатилетия” — периода послевоенного экономического роста и относительного социального благополучия. Рабочее и профсоюзное движение оказалось неспособным противостоять переходу правительств к либеральной политике, углубляющей социальную поляризацию общества, ухудшающей положение трудящихся (урезание социальных программ, распространение частичной занятости, наступление массовой безработицы, ухудшение режима и условий труда и пр.);

— идейный кризис левых политических движений, представляемых традиционными коммунистическими, социалистическими, социал-демократическими партиями. Этот кризис связан, во-первых, с фактической либеральной политикой левых партий или поддержкой левыми партиями либеральной политики практически во всех случаях их реального участия в государственной власти. Во-вторых, он связан с антитоталитарными (общедемократическими) революциями в СССР и странах советского блока в конце 80-х-начале 90-х годов. Отказ от сталинистской модели казарменного “социализма” в пользу буржуазной демократии был воспринят по большей части как историческое поражение идеологии и политической практики социализма (коммунизма);

— идейно-политический кризис национально-освободительных (антиколониальных) и демократических (против диктаторских, военных и т.п. режимов) движений в странах “третьего мира”. Кризис этих движения связан с неспособностью новых правительств, пришедших к власти с помощью этих движений, провести эффективные реформы для существенного улучшения положения населения, преодоления отсталости, нищеты, безработицы, неграмотности, голода, болезней и пр.

Социальный состав современных социальных движений весьма широк и разнообразен. Это обусловлено следующими тенденциями: уменьшение численности и удельного веса индустриального рабочего класса в общественной структуре; увеличение численности социальных слоёв, устойчиво “исключенных” из общества (безработных, бездомных, бесправных мигрантов и т.п.); ухудшение социально-экономического положения крестьянства; ослабление социальной защищённости трудящихся государственного сектора экономики и государственных служащих; обострение проблем национальной, расовой, по признакам пола и пр. социальной дискриминации в условиях возникновения глобального (всемирного) рынка труда.

Социально-групповой состав населения, страдающего от последствий неолиберальной политики и глобализации капитализма, зеркально отражается в возникновении и активизации организаций и движений людей “без” (людей без работы, без жилья, без документов — иммигрантов без легального статуса), женских, крестьянских, правозащитных и пр. организаций и движений. Они существуют и действуют в масштабах отдельных стран, отдельных регионов и континентов. Проводятся различного рода акции локального, национального и более широкого масштаба.

В последние годы наблюдается стремление к согласованию действий, к организационному объединению вокруг тех или иных инициатив и к созданию устойчивых структур социального движения в континентальных (в том числе европейском) и мировом масштабах. С конца 1990-х годов организуются регулярно международные встречи (социальные форумы). Такие встречи были в Париже, Сиэтле, Женеве, Праге, Порту-Алегри, Генуе и др. В рамках этих встреч проходят дискуссии по теоретическим и практическим проблемам движения, организуются пикеты, митинги, демонстрации. Крупные международные встречи и протестные акции проводятся, как правило, параллельно (одновременно или близко по времени или же по времени и месту) мероприятиям финансово-экономических и поли-

тических организаций международного капитала (ООН, Всемирная торговая организации, Всемирный экономический форум в Давосе и др.).

Цели и лозунги современных социальных движений носят по преимуществу *протестно-оборонительный*, часто боевой, но не радикальный характер. В документах и акциях доминирует мотив сопротивления (мотив *"против"*), что соответствует самоопределению движения как оппозиционного.

В основе этого лежит боязнь фактических лидеров движения вызвать раскол неокрепшего и организационно неоформленного объединения многообразных ветвей движения, если вести серьёзные дискуссии на тему *"за что"*, то есть дискуссии о программно-стратегических ориентирах, о наступательной стратегии и тактике. Говорят, напротив, о кризисе старого (марксистского) "социального проекта" и о сложности выработки (даже невозможности и ненужности) позитивной новой платформы, единой для всех ветвей движения, для всех стран и континентов. Вульгарные мотивы, идущие от участников движения с марксистской самоидентификацией, весьма сильны, живучи. Главным вульгарным мотивом экономического плана остаётся возложение ответственности за все социальные бедствия трудящихся на товарно-денежный характер хозяйственных связей.

Необходимость международной консолидации социального движения на *конструктивно-наступательном* поприще всё же осознаётся, но позитивные задачи (не *"против чего",* а *"за что"*) формулируются пока что весьма расплывчато: работа во имя равенства, социальной справедливости, демократии и безопасности для всех; борьба за мир без нищеты, голода, дискриминации и насилия; борьба за построение лучшего будущего и пр. И ещё более расплывчато и осторожно в лозунговых формулах: *"Иной мир возможен", "Все вместе"* и т.п.

Характер формулировок позитивных задач и лозунгов отражает наличие существенно разных идеологических направлений и расхождений в представлениях о спо-

собах решения конкретных социальных проблем, порождаемых неолиберальной политикой и глобализацией капитализма.

В качестве основы практической международной консолидации выдвигаются многообразные, разноплановые и по преимуществу довольно узкие задачи: аннулирование государственных долгов экономически зависимых стран и передача высвобожденных таким образом средств на нужды населения и долгосрочного развития этих стран; контроль над финансовыми рынками и их учреждениями в целях препятствования международным финансовым спекуляциям; закрытие оффшорных зон; введение специального налога (так называемого налога Тобина) на все спекулятивные операции на валютных рынках и передача полученных средств международным организациям для борьбы с неравенством, голодом, для развития образования и здравоохранения в бедных странах (по расчетам автора этого предложения, американского экономиста Джеймса Тобина, при ставке налога в 0,05% может быть получено 100 млрд. долларов в год); борьба против принятия или за отмену отдельных конкретных решений международных финансовых учреждений, тех или иных положений межгосударственных договоров и соглашений; сопротивление приватизации природных ресурсов, общественного сектора и средств массовой информации; запрещение использования генетически измененных веществ и клонирования; борьба с насилием против женщин; соблюдение права на организацию и ведение переговоров для профсоюзов; прекращение вмешательства международных финансовых и военных организаций в национальную политику и внутренние дела стран и т д. и т.п.

Одна из наиболее сложных проблем развития консолидированного в мировом масштабе социального движения, оппозиционного глобализации капитализма, ─ выработка и реализация согласованной эффективной стратегии и тактики отстаивания интересов трудящихся в условиях, когда создаётся всемирное пространство капиталистической конкуренции.

Протестно-оборонительный в целом характер идейной стороны и акций новых социальных движений превращает их лишь в фактор запаздывающего сопротивления социальным последствиям неолиберальной глобализации. К тому же сопротивленческая узость толкает часть участников движения на экстремистские выходки (а возможно, предоставляет провокаторам удобные позиции для извращения целей движения).

Действительные демократические, гуманистические потенции новых социальных движений пока ещё не ясны. В этих условиях актуально налаживание эффективного взаимодействия профсоюзов с демократическими ветвями новых социальных движений при одновременном переосмыслении роли профсоюзов в современном мире.

Глобализация объективно возлагает на профсоюзы особую роль и особую ответственность, поскольку профсоюзы являются формой самоорганизации людей, всё ещё непосредственно связанных с производством, с созидательной общественно полезной деятельностью. Консолидирующая роль профсоюзов могла бы стать фактором резкого противопоставления современных социальных движений бессмысленному экстремизму, свойственному некоторым ветвям движения, и фактором преодоления экстремизма.

Глобализация делает также настоятельным критический пересмотр идеологии и практики социального партнёрства. *Не социальное партнёрство с международным капиталом-монополистом,* задающим антигуманный вектор общественного развития, а *общепланетарная солидарность* всех трудящихся и солидарность работающих с теми, кто “исключается” из общества, — такова сегодня объективная потребность видоизменения принципа классовой солидарности как основного закона рабочего движения. Проблема гуманизации целей и способов жизнедеятельности мирового сообщества не может быть удовлетворительно решена, если вместо совместной согласованной (в масштабах планеты) борьбы угнетённых и эксплуатируемых те, кому удастся не потерять работу, будут “партнёрствовать” со своими работодателями, не заботясь о братьях по классу, работающих в худших условиях, или не думая о тех, кто навсегда лишился работы и перспектив достойного существования.

3. Теория социальной резервации как развитие теории эксплуатации с учётом фактора глобализации

Процессы и проблемы глобализации капитализма выдвинулись ныне в ряд доминирующих, определяющих во всей системе отношений общественного развития. И при осознании природы, противоречий, движущих сил и вариантных перспектив развития социально-трудовых отношений, а также и при научной оценке их состояния требуется отдать должное их глобализационной составляющей, фактору капиталистической глобализации. В принципиальном плане эта научная проблема поставлена в предыдущем параграфе. Уместно продолжить её рассмотрение в аспекте пересмотра (развития) некоторых важнейших сторон теории эксплуатации.

Очерчу в этом параграфе одно из важных направлений существенного изменения механизмов эксплуатации — разделение населения в стране и в мире на нужное и ненужное для капитала как организатора общественного воспроизводства в национальных (страновых) и интернациональном (мировом) масштабах. Это позволит более выпукло и глубоко (более сущностно и одновременно более конкретно — таково свойство своеобразной конкретности целостнообществоведческого теоретического знания) аргументировать вывод о необходимости рассматривать капиталистическую систему социально-трудовых отношений структурно — центры и периферия одновременно и неразрывно.

Кроме того, станет “на правильное место” рассмотрение вопроса о кардинальных переменах в социально-трудовых отношениях в центрах капиталистического мира

под воздействием глобализации. В самом деле, разделение населения на резервную и излишнюю часть имело долгое время преимущественно географическое распределение (резервная – в метрополиях, излишняя – в колониях). Теперь возникает новое явление (во всяком случае, в тенденции) – такое по преимуществу географическое распределение утрачивается.

Общий вывод, который получился в результате проблемного осмысления названного направления, таков: **социальные последствия глобализации капитализма заключаются, прежде всего, в том, что социальная резервация станет наиболее вероятным обликом будущего для большинства земного человечества.**

Одной из теорий, объясняющих существо процессов современной глобализации, стала ныне теория социальной резервации. Она имеет своим предметом (целью изучения, объяснения) качественно новые взаимоотношения господствующих классов с социальными группами "лишних" людей. Проблематика общественных причин и механизмов разделения людей на "лишних" и "нелишних" впрямую относится к системе социально-трудовых отношений: в ней отражается фактор социальных рисков отчуждения.

В общетеоретическом плане проблемы, связанные с тенденциями социальной сегрегации, никогда не исключались из числа существенных ни одной из классических политико-экономических школ (учений). Реалии XX века заставляли лишь по-новому отображать эти проблемы. И мы не обошли стороной "привязку" вековой проблемы к условиям, когда уже разворачивалась глобализация. Приведу выдержку из собственной статьи 1983 г.:

"Продолжение линии развития по пути капиталистического прогресса, как об этом свидетельствуют логический анализ и новые явления практики (в частности, анализ причин и проблем применения в производстве роботехники), неизбежно поставит и ставит уже сегодня перед обществом вопрос: а что же дальше делать с человеком, если он всё менее нужен производству, если технические средства требуют всё меньше живого труда для производства богатства в капиталистической форме, для сохранения господствующего положения руководящей элиты? Решение этого вопроса при сохранении антагонистической социальной формы производства видится однозначным — занять человека развлечениями, в том числе дать ему возможность развлекать себя никому не нужным, свободным от нравственной нагрузки творчеством, и дать ему при этом приличные средства существования и псевдоразвития, дабы он не взбунтовался. Ясно, что такой путь чреват социальной деградацией индивидов и деградацией человеческого общества как такового, ибо родовой признак человека — совместная созидательная, производящая условия своей жизни и условия своего развития (то есть общественно полезная) деятельность. Он чреват также такими эксцессами, как насилие, массовое уничтожение людей, резервации, когда число людей или их потребности начнут выходить за те пределы, которыми интересы руководящей элиты, её техника и её методы управления обществом ограничили потребление и социальную активность оттеснённых от производства и управления масс"[77].

"Лишние люди" — социальное явление, причиной которого является устройство общества на началах эксплуатации. Именно применение к обществу, к населению критериев, исходящих из верховенства частных интересов, приводит к оценкам части населения как "лишнего", то есть не требующегося для достижения частных целей господствующих классов. Так как частные классовые цели и интересы господствующих классов преподносятся в виде общественных целей и интересов (а подчас и в виде общечеловеческих и даже естественных, данных самой че-

[77] ***Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Цели и критерии социально-экономического прогресса) // Экономика и общество (истоки и современные проблемы марксистской методологии исследования социально-экономического развития). Сб.трудов. Вып.8. М.: ВНИИСИ. 1983. С.12.***

ловеческой природой), оценка части населения как “лишних людей” приобретает форму общественного мерила, общественного критерия.

В относительно скрытом виде отношение к части населения как к “лишним людям” существует в любом эксплуататорском обществе. В античном рабовладельческом мире имел место пролетариат — низшие неимущие, а с I века — деклассированные слои. В феодальных обществах деклассированная часть населения существовала в виде бродяг, “социального дна”. Скачкообразно повышается доля “лишних людей” с переходом к капитализму. Здесь впервые “лишние” для целей капиталистического воспроизводства делятся на бесперспективных “лишних” и “резервную армию труда”. Безработные (“резервная армия труда”) могут считаться исторически первой формой того явления, которое с конца XX века стало принято называть социальной резервацией.

Логика развития капиталистической эксплуатации как общественной системы приводит капитал и его государство к необходимости отчасти смягчать социальную несправедливость. Делается это путём обеспечения для части “лишнего” населения особых условий существования, при которых исключение “лишних” из полноценного и полноправного участия в общественных делах фактически закрепляется, но потребности массы целенаправленно деформируются, сводятся к стандартизированным и удовлетворяются на уровне, беспротестно приемлемом для “лишних” людей. То есть возникает социальная группа довольных граждан, лишённых основных гражданских ценностей — участия в обществе в качестве субъектов реального исторического творчества.

В общем плане такое “гармоничное” распределение ролей в обществе обозначено в постановочно-концептуальном виде Ф.М.Достоевским в “легенде о Великом Инквизиторе” (“Братья Карамазовы”, книга “Pro и contra”). В плане практической политики эксплуататорских классов социальная резервация как новый тип исключения “лишних” из истории и из исторической перспективы приобрела

значение в центрах капиталистической цивилизации в XX веке. Этот тип, скорее всего, будет взят капиталом на вооружение в XXI столетии, что, пожалуй, примирит большинство с глобализацией.

Этот новый тип — **резервации** сперва для десятков, затем для сотен миллионов, а если понадобится, то, в конце концов, — и для миллиардов. У людей в резервациях будет всё по их умело сформированным стандартным потребностям, всё — за исключением участия в реальной истории, то есть за исключением свободы.

Технологии, которые будут систематизированы и усовершенствованы в резервациях, уже нарабатываются. Есть первые крупные успехи: массовая культура, массовые зрелища для “фанатов”, провоцирование социальной активности спецслужбами, разыгрывание спектаклей “Борьба с глобализацией”, “Борьба за чистую планету”, современные СМИ, бульварная литература, наркомания и т.п. Там, где масса вдруг начинает действовать вне связи с предшествующими своими жизненными проявлениями, — ищи технологии резервации. Любое зомбирование массы или личности толкает в сторону разрастания предпосылок оформления резерваций.

Глобализация устроила гигантский полигон на просторах России. В результате шоковых реформ деградация основных сфер жизнедеятельности приняла массовый характер. Российское жизненное пространство уже заметно расчищено от “лишнего народа” и продолжает расчищаться. Станет нас поменьше — и вполне вероятно образование резервации для выживших народов России. (Не случайно в общественном сознании продолжают культивироваться концепции “рентной экономики”).

В определённом смысле наша Россия — уже резервация. Народ уже более 10 лет не имеет возможности созидательно работать, производить, творить то, что способен. По крайней мере, был способен. Если произойдет нормализация, то за счёт чего? За счёт того, что народ приступит к работе или за счёт так называемого вожделенного рентного фактора?

В XIX веке революционными идеологами пролетариата выдвигалась идея “откупиться” от буржуазии и мирным путем исключить эксплуатацию из жизни общества. Сегодня роли переменились, и уже мировой капитал предлагает большинству мирового человечества уступить право самому делать историю за стандартное потребительское изобилие.

Всемирная резервация для большинства, с завидными для нищего и бездомного условиями потребления — в обмен на свободу. Исключение большинства из реального исторического действия — в обмен на стандартное потребительское изобилие. Это суть социальной резервации. Это главная угроза XXI века.

Но это угроза для свободного человека. Для раба, которого не тяготит рабство, — это рай, это процветание, это — светлое будущее.

Такое будущее капитал смело может предлагать и уже предлагает. На пути к такому будущему он заставит народы всех без исключения стран преодолеть многие трудности, развяжет кризисы и катастрофы.

Соглашаться и партнерствовать с эксплуататорской цивилизацией — значит соглашаться на резервацию для большинства. Не соглашаться на резервацию — значит становиться последовательным гуманистом, бороться за освобождение от эксплуатации. Выбор, собственно говоря, всё тот же, что и в XIX, и в XX веках. Но в XXI веке, есть основания полагать, он будет сделан окончательно. И необязательно этот выбор будет гуманным.

Глава 4.
Организованность (институциональная структура) социально-экономических и социально-трудовых отношений. Соотношение социальных сил как фундаментальная категория регулирования социально-трудовых отношений

1. Институциональная структура общественных (в том числе социально-трудовых) отношений

В предыдущих главах мы установили и доказательно рассмотрели, что социально-трудовые отношения суть общественная форма преобразовательной деятельности, общественной практики. Мы охарактеризовали также тип социально-трудовых отношений, свойственный обществу, в котором доминирует частнокапиталистический уклад. Аргументировали, почему социально-трудовые отношения периферийного капитализма не могут быть рассмотрены с абстрагированием от фактора глобализации и глобализационной зависимости. Всё это — сущностная и содержательная ипостаси общей теории социально-трудовых отношений. Есть и иная её ипостась (разрез) — устойчивые организационные формы.

Ещё раз о том же. Социально-трудовые отношения — общественная форма практики (не единственная, ибо все общественные отношения не сводимы к социально-трудовым). Но у этой формы есть своя форма осуществления — организационные отношения. В обществознании с диалектической традицией это известно не менее полутора веков. В обществознании с метафизической традицией значение организационных отношений осознано и оформлено в прошлом столетии (особенно в последние его десятилетия) в виде институционализма.

Организационные формы общественных (в том числе и социально-трудовых) отношений — предмет настоящей главы, так как без их рассмотрения общая теория социально-трудовых отношений была бы ущербна. Органи-

зационные отношения и институциональная структура для нас ─ синонимы.

Ход и результаты радикальных общественных преобразований в современной России, начало которым положил революционный перехват политической власти антитоталитарными социальными силами в августе 1991 г., выдвинули в число наиболее актуальных научно-практических проблем *формирование новой жизнеспособной и эффективной организации социально-экономической жизнедеятельности общества (формирование социально-хозяйственного механизма).*

В связи с этим правомерен интерес к тем направлениям исследований, в которых изучаются проблемы организации сложных систем. Одно из них в экономической теории – *институционализм*, который претендует на объяснение экономической истории во всём её многообразии и пытается сделать это путём разработки теории происхождения, функционирования и трансформации так называемых экономических институтов ─ конкретных форм организации взаимодействий между людьми, накладывающих ограничения на их индивидуальное поведение.

Проблематика радикальных (то есть революционных, качественных) общественных преобразований, перехода к новому общественному строю ─ специфический предмет *марксизма* (и классического марксизма, и современных творческих его продолжений). В течениях мысли, причисляющих себя к марксизму, сформировались подходы и выводы в области проблематики организационных отношений и в эволюционные периоды ─ в той мере, в какой это необходимо для понимания тенденций и прогнозирования общественного развития, для выработки стратегии прогрессивного реформирования сложившейся общественно-экономической системы.

По марксистским представлениям, в категориях “социальная (или общественная) организация”, “организационные отношения”, “социально-организационные формы” и т.п. ***организованность*** понимается *прежде всего* как *объективная структурность* общественных процессов, а

не как их регламентированность конкретными нормами и правилами. Но, разумеется, и конкретные виды организованности не исключены из названных понятий.

В отличие от институционалистов, исследователи, работающие в марксистской методологической традиции, стремятся строго различать ***сущность*** общественных процессов и отношений (наиболее устойчивые их взаимосвязи), их ***объективное содержание*** (объективную структуру) и ***конкретно-исторические организационные формы***, в которых реально проявляются (“являются”, применяются, складываются) сущностные и содержательно-структурные стороны общественных систем.

В таком методологическом пространстве правомерно под социальными институтами понимать систему форм организации общественных отношений и взаимодействий и выделять в этой системе социально-организационные формы, по меньшей мере, двух уровней конкретности:

а) **содержательные формы (институты первого рода)**. Они выполняют в разных обществах и на разных этапах их развития одни и те же по сути (однотипные) объективно обусловленные социальные функции (государство, собственность, частная собственность, наёмный труд, общественное иждивение, предприятие и т.д. и т.п.);

б) **конкретно-явленческие формы (институты второго рода)** ─ конкретно-исторические организационные формы, обеспечивающие реализацию объективно обусловленных социальных функций (формы государства; конкретные нормы и правила, регулирующие отношения собственности, способы хозяйствования, порядок найма и использования наёмной рабочей силы; конкретные системы социального обеспечения и т.д. и т.п.). Институты второго рода складываются под влиянием целого ряда факторов, в том числе чисто случайных, что даёт большое разнообразие конкретных форм ─ регламентирующие и стимулирующие, осознанные и неосознанные, принимаемые (усвоенные) и отчуждаемые и пр. Одинаковы все они в одном ─ в том, что они есть проявление содержательных

объективных отношений, что обеспечивает им характер системы.

В институциональных системах как первого, так и второго рода следует различать две существенно разные подсистемы: институционально-**субъектную** и институционально-**регулирующую**.

1.1 Организационно-субъектная структура общества (институты-субъекты)

Субъектами всех общественных, а потому и социально-трудовых отношений являются элементы социальной структуры — социальные группы, социальные общности[78]. Являясь "первичными" субъектами общественных отношений, социальные группы *в целом* практически никогда не выступают (а социальные общности *в целом* — выступают далеко не всегда) в качестве субъектов конкретных общественных взаимодействий. Субъекты конкретных взаимодействий — те или иные *организационные структуры* — "вторичные" субъекты, субъекты-представители[79].

Реальные субъекты-представители — это организационные структуры (органы, организации, движения), адекватно выражающие и отстаивающие (представляющие) интересы соответствующих первичных субъектов (социальных групп, социальных общностей).

[78] Социальные группы — классы, касты; внутриклассовые группы (социально-профессиональные, социально-демографические и пр.); социальные слои и сословия.

Социальные общности — отдельные народы, нации; территориальные, территориально-этнические и религиозные сообщества; производственные и иные сообщества, складывающиеся на базе коллективных форм жизнедеятельности (родо-племенные образования, семьи; общины, коммуны; трудовые коллективы).

[79] Об удвоении субъектов см.: Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть первая. Социальная политика. // Трудовая демократия. Вып.9. М. 1997. С.7.

Совокупность субъектов-представителей уместно называть ***организационно-субъектной,*** или ***институционально-субъектной социальной структурой общества***.

Обществоведы, работающие в классической европейской и марксистской традиции, такими терминами обычно не оперируют, а оперируют категориями ***"социальная сила", "структура (расстановка) социальных сил"***, если речь идёт о содержательной, а не организационно-формальной характеристике субъектов общественных взаимодействий. Но о социальных силах и их соотношении речь впереди и притом специально — в связи с фундаментальной важностью этих общественных реалий и отражающих их категорий во всей системе социально-трудовых отношений и их общей теории.

Привлекая к исследованиям социально-трудовых отношений понятия организационно-субъектной, или же институционально-субъектной социальной структуры общества, полезно не упускать из виду, что эти понятия существенно по-разному трактуются общественными науками разных классов (разных идеологий)[80]. Марксистские трактовки обычно существенно отличаются от либеральных и не только от либеральных. В области рассмотрения социально-трудовой проблематики это особенно заметно и не должно упускаться из виду. Один из ярких примеров в этом отношении – трактовка социальной природы государства.

В марксизме государство осмыслено (и на уровне объективных социальных функций, и на уровне конкретно-исторической практики) как субъект-представитель *господствующего* класса, без активной роли которого (государства) в сфере организации общества и хозяйства невозможно сохранение качественной специфики данного

[80] Речь, естественно, не о вариациях эклектических научных комбинаций, а о серьёзных и фундаментальных научных системах, последовательно корреспондирующих той или иной идеологии.

общественного строя[81]. С этих же позиций марксизм объясняет такой феномен XX века, как капиталистическое социальное государство, а также типичную для последних десятилетий XX века смену политической ориентации левых (с левой на либеральную), когда они приходили в капиталистических странах к государственной власти.

Согласно же либеральным концепциям, государство является (а в социал-реформистских, социал-партнёрских концепциях — должно быть) надклассовым институтом, то есть государство воспринимается как фактический, в тенденции или в идеале реальный субъект-представитель всех социальных групп, всех классов. Марксизм решительно отвергает такие представления о государстве.

На уровне принципиальной схемы организации (институционализации) общественных отношений марксистский подход позволяет зафиксировать и удвоение такого социального субъекта, как *индивид*.

Первичные субъекты — это конкретные люди (индивиды). Марксизм, однако, не занимается объяснением мотивов, способов и форм поведения людей во всем их конкретном многообразии (именно поэтому марксизм легковесно винят в том, то человек у него находится на заднем плане, а то и вовсе отсутствует). В поле зрения марксизма попадает индивид в его той или иной *социальной роли.*

Социальная роль (роли), в которой выступают люди в их конкретных взаимодействиях с другими социальными субъектами, может быть интерпретирована как социально-субъектная институционализация индивидов. Более содержательно о таком вторичном субъекте, как социальная роль, марксист не будет говорить безотносительно к типу (характеру) общества, его социальной структуры. Пояснить эту мысль может отсылка к такой социальной роли, как *“гражданин”,* которая вовсе не является всеобщей (единой для всех типов обществ) формой социально-субъектной институционализации членов общества.

[81] Классовая природа государства — положение, вошедшее в “азбуку” марксизма.

1.2 Формы общественной организации взаимодействий социальных субъектов (институты-регуляторы)

Если использовать термин “институт”, то формы общественной организации процессов взаимодействия социальных субъектов можно называть институционально-*регулирующими*, чтобы отличить их от институционально-*субъектной* структуры общественных взаимодействий. Институты-регуляторы организуют взаимодействия социальных субъектов.

К институтам-регуляторам первого рода относятся такие способы организации общественных взаимодействий, как “согласование (или подавление) интересов и действий”, “общественные требования к результатам и способам функционирования экономики в целом и составляющих её элементов”, “стимулирование”, “запрещение”, “планирование”, “общественный контроль”, “обычаи”, “традиции” и т. п.

Институты-регуляторы второго рода — конкретные государственно-правовые нормы, конкретные нормы договорного регулирования и морали, конкретные обычаи и традиции, а также сложившийся в дополнение к официально установленным нормам и нормам морали или вопреки им фактический порядок осуществления общественных процессов.

Анализ форм общественной организации взаимодействий социальных субъектов как *содержательных* означает, что в предмет анализа непременно попадает проявляющаяся в конкретных формах *качественная определённость* — их действительные социальные функции (объективное содержание), притом в полном сущностном объёме, а не вырванные из контекста общества в целом те или иные содержательные стороны организационных отношений.

Выявление содержательных форм есть реализация в конкретных исследованиях таких фундаментальных тео-

ретико-методологических принципов, как целостнообществоведческий, классовый и конкретно-исторический подходы.

Выявление содержательных форм открывает возможность объяснять и прогнозировать характер изменений в системе организационных отношениях и позволяет также отделить случайное, временное, пробно-ошибочное в конкретном организационном оформлении общественных процессов от закономерного, устойчивого, социально (объективно) обусловленного.

Описываемый подход позволяет при необходимости корректно осуществлять сравнение организационно-правовых систем разных исторических периодов, разных стран. Он требует сравнивать не отдельные и не внешне сходные правовые (писаные и неписаные) нормы, а вычленять и сопоставлять способы реализации *однотипных социальных функций* на уровне *комплексов* организационно-правовых форм. Он требует также не доверять внешнему сходству или внешним различиям, а доводить анализ конкретных форм организации до выявления однотипности или же разнотипности выполняемых ими социальных функций.

Методология, отдающая приоритет сущности и содержанию, позволяет избежать поверхностных суждений и ошибочных практических действий при обращении к такой проблеме, как заимствование организационного (зарубежного в том числе) опыта. Важнейшим принципом здесь является нацеленность на строгое разграничение приемлемого и неприемлемого для перенесения на иную социальную (ещё точнее — социокультурную) почву. Богатые возможности убедиться в непродуктивности трансплантации институтов-регуляторов без учёта социокультурной приемлемости и допустимости дали так называемые радикальные рыночные реформы, проведённые в России в 90-е годы XX века.

1.3. Институционализация социально-экономических (и социально-трудовых) процессов

Очерченные выше представления о закономерной структуризации общественных отношений в институционально-субъектной и институционально-регулирующей формах относятся ко всем сферам жизнедеятельности общества, в том числе к воспроизводственным процессам и к социально-трудовой сфере.

Институционально-субъектная структура воспроизводственных отношений может быть рассмотрена со стороны членения хозяйства на низовые относительно обособленные производственно-экономические (хозяйственные) звенья — предприятия.

Предприятия выступают во взаимоотношениях друг с другом как производители и потребители, покупатели и продавцы и в иных подобных ролях. То есть выступают в хозяйственных (экономических) ролях, выполнение которых необходимо для функционирования экономики как средства достижения тех целей, которые ставит перед ней данное общество.

Однако предприятие — это конкретная форма организации жизнедеятельности общества и членов общества (индивидуальной жизнедеятельности). В рамках предприятий реально осуществляются взаимодействия индивидов и организационных структур, образующих множество элементов первичных и вторичных социальных субъектов данного общества. Поэтому мало бывает проку, если говорится о предприятии вообще, в отрыве от специфики общественного строя, характера (типа) общественно-экономических отношений.

Если говорить о *капиталистическом* предприятии и о *капиталистическом* воспроизводстве в целом, то здесь основными взаимодействующими элементами институционально-субъектной социально-экономической (социально-хозяйственной) структуры являются:

а) *государство* как субъект-представитель господствующего капиталистического класса. На уровне конкретных форм социально-хозяйственного механизма (в связи с дифференциацией функций государства) действуют различные государственные органы и учреждения;

б) *капиталисты-собственники.* Эту роль выполняют как отдельные люди, так и группы людей. На уровне конкретных форм социально-хозяйственного механизма (в связи с расслоением функций капитала) действуют такие социальные фигуры, как предприниматели, работодатели, специалисты-управляющие, а также различные организационные структуры — субъекты-представители.

в) *наемные эксплуатируемые работники*. На уровне конкретных форм социально-хозяйственного механизма действуют: отдельные наёмные работники; органы, выполняющие роль субъектов-представителей наёмных работников данного предприятия (трудовых коллективов); субъекты-представители тех или иных групп работников — от групп в масштабах трудового коллектива до классовых организаций в масштабах всего общества.

Институционально-регулирующие формы структуризации воспроизводственных процессов — это нормы и правила, в которых фиксируются общественные требования к результатам и способам функционирования экономики в целом и составляющих её элементов.

В систему конкретно-исторических норм и правил входят как государственно-правовые и официально установленные договорные формы организации воспроизводственных процессов, так и фактический порядок осуществления этих процессов. Другими словами, следует различать декларированный в данном обществе и реальный (фактически действующий) порядок.

Применительно к *звеньям хозяйства* (предприятиям) конкретно-исторические общественные требования выступают в форме норм и правил хозяйствования; применительно к государственным структурам — это нормы и правила (в том числе в форме законов) выполнения экономических (хозяйственных) функций государства.

Институты-регуляторы *трудовой жизнедеятельности эксплуатируемых наёмных работников* — это нормы и правила (в том числе и сложившийся неофициальный порядок) осуществления каждой из стадий индивидуального трудового жизненного цикла. Именно ими определяется (формируется) социальный тип индивидуальной трудовой жизнедеятельности (трудовой судьбы) наёмных работников.

К таким институтам-регуляторам относятся:

— порядок получения образования, формы профессиональной подготовки и переподготовки;

— правила и формы трудоустройства (в том числе смены места работы); формы организации труда как такового;

— система профессий и должностей как способ специализации трудовых функций и их комбинирования;

— нормы и правила использования трудовых ресурсов в звеньях хозяйства (режим работы и отдыха, система охраны труда, порядок регламентации условий труда, механизм компенсирования неблагоприятных условий труда и пр.);

— системы внутрипроизводственного управления трудом (методы нормирования труда, системы и формы оплаты труда и пр.);

— правила и нормы, определяющие порядок прекращения участия наёмных работников в общественном производстве и условия жизни людей, временно, частично или окончательно утративших трудоспособность.

Категория **нормы (правила)** требует высокой методологии для её точного применения в теории и практике.

У институционалистов, как нам представляется, методология в этом отношении недостаточно высока (недостаточно тонка, недостаточно способна к вовлечению в рассмотрение всего практически актуального контекста). Норма (правило) воспринимается институционалистами (исключения здесь, насколько нам известно, редки, да и то

если “не придираться”[82]) как некая *внешняя* для субъекта жёсткая реалия, ограничивающая его поведение. Такой подход органически вытекает из фундаментального методологического порока: из восприятия экономического мира исключительно как рыночного и первичного мира и надстраивания над рыночным первичным миром внешнего для рынка (и для экономики — вот что важно!) дополнительного мира ограничений, этакого вожатого при пионерском отряде субъектов рыночного хозяйства. Из одного мира получаются два мира, из них один — внешний, продуцирующий ограничения в виде норм и правил хозяйствования.

Целостнообществоведческая методология, последовательно продолжая традиции европейской общественной науки, не сводит экономику к рынку, человека — к экономическому (“рациональному”) человеку. Экономика рассматривается как хозяйственная подсистема общественной деятельности, экономическая практика — как составная часть более обширной общественной практики. Отсюда проистекает невозможность представлять себе цели, которые стоят перед экономикой, как выработанные *самой экономикой*[83]. Цели ставятся перед экономикой обществом. При таком подходе даже хозяйствующему субъекту, будь он всецело нацелен на чистоган, не отказано в том, что это — общественный субъект, субъект общественной практики, и в том, что его стремление к чистогану конкретизирует на уровне хозяйствования общественное устройство и общественные цели, а не есть проявление будто бы естественной природы человека.

В контексте таких взглядов на общество реалия ограничения трактуется как категория *объективного* в хозяйстве. Объективного, то есть независимого от воли и сознания хозяйствующего субъекта, — некоего существующего реально и заставляющего с собой считаться отношения или системы отношений, а вовсе не как *выдуманные и так или иначе зафиксированные* ограничения, или (как у Д.Норта) “созданные *человеком* (выделено мною — Р.Г.) ограничительные рамки”[84]. Не человек создал объективное, а общество сложилось и развивается как система, объективная для конкретных социальных субъектов (хозяйствующих, сочиняющих музыку, рожающих детей, получающих нобелевские премии и пр.).

Приложим обозначенный методологический водораздел к проблематике ***хозяйственного механизма.*** Хозяйственный механизм — область конкретных социально-экономических отношений, в ткань которой по существу, содержательно и организационно буквально вплетены социально-трудовые отношения.

---

[82] При желании, Дугласа Норта, например, можно понять так, что “созданные человеком ограничительные рамки” не диктуют, а “задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия”, то есть оставляют выбор (см.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”. 1997. С.18). Но выбор, заметим, всё-таки в ограничительных рамках (и это важно), созданных человеком, как пишет Д.Норт. При добром желании эту расплывчатую, в общем-то, мысль можно воспринять как выпускающую субъектов из непременно внешних для них ограничений. Но это — при добром желании и если не идти дальше первой страницы первой главы указанной книги Д.Норта.

[83] На всякий случай перестрахуюсь и ещё раз подчеркну противоположность целостнообществоведческого подхода и методологии сталинизма. У И.В.Сталина как раз экономика задаёт цели обществу. В этом и состоит экономический детерминизм. Антипод целостнообществоведческому подходу — и любой иной односторонний детерминизм (технико-технологический, демографический, географический и т.п.) с их подходами типа: “научно-технический прогресс требует от работника...”, “сложившаяся демографическая ситуация требует от государства и населения...” и т.п.

[84] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. 1997. С.17.

В 60-е годы в СССР проходила интенсивная дискуссия о плане и рынке, о реформах хозяйственного механизма, о моделях регулирования хозяйственных процессов. Проблематика была сходной с той, которую рассматривают современные институционалисты на Западе. Сходной по содержанию, но зеркально симметричной по исходной постановке задачи. Институционалисты, имея дело с рынком как реальностью, ищут систему *внешних для рынка* рациональных регулирующих ограничений, способных понизить хозяйственные риски монополии, конкуренции и недобросовестной конкуренции и тем самым повысить эффективность экономики (излишне, наверное, напоминать, что никакой эффективности, кроме экономической, институционалисты в виду не имеют).

Участники теоретических дискуссий о хозяйственном механизме в СССР имели дело с иной реальностью — с полным зажимом рынка как хозяйственного оборота ресурсов (в том числе и трудовых), с тоталитарной организацией хозяйственных (в том числе и социально-трудовых) процессов. Всё хозяйство и вся социально-трудовая сфера состояли из внешних для хозяйствующего субъекта и для трудящихся ограничений. Дискутирующие искали способы создать некоторое пространство для самостоятельных действий субъектов в хозяйственной и социально-трудовой сферах, а если говорить точнее — способы хотя бы частичного оживления абсолютно мёртвых (формальных) хозяйствующих субъектов, превращения их из хозяйствующих *объектов* в *реальные* хозяйственные *субъекты*. По отношению к человеку та же задача стояла как задача превращения рабочей силы в человека и гражданина, пользующегося правами и свободами реально. Реальная проблема, которая должна была быть решена, — дать хозяйственным звеньям и трудящимся пространство выбора, пространство вариантности действий. То есть, если подняться на один уровень обобщения, задача эта сходна с задачами институционалистов — поиск оптимального соотношения хозяйственной свободы и ограничений этой свободы.

Как решалась эта задача дискутирующими о хозяйственном механизме в СССР? Здесь было два принципиально разных подхода.

Одни, как ни парадоксально, предвосхищали современный институционалистский подход и до сих пор не потеряли права оспорить методологический приоритет. Это подход, который развивала официальная политическая экономия, стоявшая на позициях экономико-материалистической методологии, на позициях сталинизма и метафизики. Проблематика хозяйственного механизма трактовалась **по схеме “план И рынок”, “государство И рынок”.** На уровне теории регулирования эта методология отливалась в концепцию о прямых и косвенных методах регулирования. При этом прямые методы понимались не иначе как директивные, административные, государственные, плановые (госплановские), антиподы рыночным, удерживающие рыночные действия в безопасных для общества границах. А косвенные понимались не иначе как экономические, рыночные, стихийные, антиподы плановым, более того — активно разрушающие плановые.

Если сейчас провести исследования по истории дискуссии о хозяйственном механизме в СССР (начиная с конца 50-х и примерно до конца 70-х годов), то можно без труда доказать, что такие экономисты, как И.И.Кузьминов и вся его школа из Академии общественных наук при ЦК КПСС, Н.А.Цаголов и вся его школа на экономическом факультете МГУ развили в достаточно полном объёме, но более последовательно систему методологических идей современного институционализма. Почему более последовательно? Потому что это были высокого класса методологи насквозь метафизического сталинистского направления, экономико-детерминистского направления.

Другое, целостнообществоведческое представление о проблемах реформирования хозяйственного механизма и социально-трудовых отношений, **не принимало противопоставление плана и рынка, государственных и рыночных методов регулирования** и уж тем более не сводило экономику к рынку (Я.А.Кронрод, Б.В.Ракитский,

Л.В.Никифоров, Р.А.Отсасон, по большому счету — вся школа Я.А.Кронрода, ученики Б.В.Ракитского, Н.Я.Петраков, В.Г.Стародубровский и др.). Это направление мысли решало проблему оптимизации свободы хозяйственных действий и эффективного регулирования хозяйства на основах представлений об обществе как о целостности, о системе хозяйствующих субъектов — как о конкретизациях социальной структуры общества, а о системе норм и правил хозяйствования — как о системе объективных общественно-экономических отношений *in concreto*, то есть в хозяйственной сфере. Прямые и косвенные методы регулирования рассматривались в рамках этого подхода не как "либо планово-государственные — либо рыночные", а как внутренне целостная система *директив и стимулов;* не как "либо административные — либо экономические", а как *всегда экономические* и в своем нормальном виде происходящие всегда в правовой (административной) форме. Отсюда государство у большинства перечисленных выше исследователей не рассматривалось как надстройка, как нечто внешнее для хозяйствующих субъектов. Оно входило в состав хозяйствующих субъектов, но на своём месте в системе[85].

Примечательно в контексте противопоставления метафизической (институционалистской ли, сталинистской ли) методологии и целостнообществоведческой методологии рассмотрение ***отношений стимулирования***. Проблематика стимулирования представляет огромное не-

[85] См., например: Ракитский Б.В. О характере и основных формах осуществления экономической роли социалистического государства / Учение В.И.Ленина об экономической роли государства и современность. Научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. М. 1969. С.12-16; Ракитский Б.В. Методологические проблемы разработки и гипотеза общей теории хозяйственного расчета / Вопросы хозяйственного расчета и механизма социалистического хозяйствования. М.: Институт экономики АН СССР. 1973. С.56-155.

удобство для институционалиста. Она ставит его в тупик. Потому что расходится с его трактовкой института как внешнего ограничения. Стимул же, как ни крути, есть *побудительный мотив*, *заинтересовывающее условие*. Даже если придираться к тому, что стимул — заинтересовывающее УСЛОВИЕ и тем самым действует на субъекта ИЗВНЕ (как условие), то он во всяком случае *не есть ограничение*, а есть *позыв, призыв*. Отсюда и возникают у институционалистов расширительные трактовки институтов, что делает их концепции крайне неопределёнными, неинструментальными, практически сложно применимыми.

С позиций целостнообществоведческого подхода стимул есть один из типов взаимоотношения хозяйствующего субъекта с обществом. Этот тип отличается от прямых ограничений, запретов, директив, разрешений, но входит в состав регуляторов.

Проблематику ***индивидуального трудового поведения*** с целостнообщствоведческих позиций активно разрабатывал ряд советских экономистов-трудовиков и особенно социологов труда в 70-е и 80-е годы. При этом, естественно, никому из них не приходило в голову объяснять индивидуальное социальное поведение (в том числе трудовое, в том числе на рынке труда), исходя из модели "экономического человека" или же из модели рационального человека, ориентированного непременно на "выгоду" (пусть и неэкономическую).

Такая методология логично привела к объяснению характера индивидуального трудового поведения (в том числе и поведения трудящегося на рынке труда) на основе анализа взаимосвязи системы личных интересов в целом с системой общественных стимулов к труду. Нематериальные (неэкономические) стимулы и интересы рассматривались не как факторы, "также-влияющие" и потому желательные быть учтенными для уточнения картины, а как неотъемлемые от сущности изучаемого явления. К середине 80-х годов усилиями советских обществоведов (в том числе не в последнюю очередь и усилиями автора) была разработана теоретическая концепция социально-трудо-

вых отношений, в рамках которой были даны содержательные характеристики *разных* социальных типов индивидуального трудового поведения, в том числе разных типов индивидуального трудового поведения в условиях казарменного “социализма”.

В рамках этих исследований было ясно показано, что среди объективных обстоятельств, формирующих характер трудового поведения, есть такие, которые не являются ни внешними (в том числе неформальными) ограничениями, ни действующими извне стимулами. Так, создание *моральной* заинтересованности в труде не обязательно опосредуется внешним престижным поощрением, удостоверяющим человеку общественную значимость его деятельности. В создании моральной заинтересованности роль вознаграждения может выполнять самооценка индивидом своей деятельности как общественно значимой (причём, эта самооценка может не совпадать с традиционными нормами морали). А в условиях ослабленной по тем или иным причинам моральной заинтересованности личный *творческий* интерес может формировать трудовое поведение, так сказать, анархического (предельно свободного) типа ─ поведение, порождающее результаты, объективно противоречащие интересам данного общества, зафиксированным в системе его стимулов-регуляторов, в том числе в системе традиционных моральных норм[86].

Итак, для институционалиста регулятор и ограничение ─ одно и то же. Для исследователя, применяющего целостнообществоведческий подход, институты-регуляторы включают как ограничения, так и стимулы. Разница двух подходов проявляется как при объяснении и моделировании поведения субъектов воспроизводственных отношений, так и при проектировании управленческих решений в социально-экономической (в том числе социально-трудовой) сфере.

[86] См.: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. Препринт. М.: ВНИИСИ. 1986. С. 13-15, 39-43.

2. Соотношение социальных сил как фундаментальная категория регулирования социально-трудовых отношений

Методологическая противоположность научных трактовок системы социально-экономических и социально-трудовых отношений, выявленная в предшествующем параграфе, распространяется также как на постановку, так и на научное решение проблемы о единстве (внутреннем единстве) этих систем. Вопрос о внутреннем единстве – старинный методологический вопрос научного обществознания. Говоря просто, это вопрос о природе устойчивости системы отношений в динамике (о её способности воспроизводиться с сохранением своего качественного своеобразия) и о природе факторов её развития. Это вопрос о законе движения системы отношений, а применительно к предмету нашего исследования – это вопрос о законе движения (воспроизведения и развития) системы социально-трудовых отношений.

Формула методологического водораздела между любыми метафизическими представлениями и диалектико-материалистическими представлениями о природе внутреннего единства, закона движения системы отношений, о природе факторов её развития дана в своё время Фридрихом Энгельсом. Формула на редкость чёткая и глубокая, но крайне лаконичная (свёрнутая, как говорили когда-то философы; архивированная, как сказали бы сегодня программисты-электронщики). В “Анти-Дюринге” (впервые напечатано в 1877-1878 г.г.) читаем:

“Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства... Действительное единство мира состоит в его материальности...”[87].

Разъясним смысл, вернувшись к институционалистам. Для них институты есть “созданные человеком ограничительные рамки” для реальной экономики, некий внеш-

[87] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.43.

ний для экономики мир (круг) ограничений. Откуда берётся этот мир ограничений? Он создаётся за пределами экономики для управления экономикой, для организации экономики. Институты созданы, им придано бытие. На этом основано и в этом заключается их единство. Институты имеют место в одно время в одном пространстве, какой, дескать, ещё смысл можно вкладывать в понятие их единства?

Как могут воспроизводиться и развиваться институты? Для институционалиста, понятным образом: создатель оставляет их в силе или изменяет. Вопрос о природе самого создателя институтов не стоит, он для институционалиста лишний.

Для диалектического (и исторического) материалиста во всех таких рассуждениях и представлениях не хватает самого главного — материализма. Материализма не в вульгарном смысле вещизма, а в смысле способности системы институтов к самодвижению. Способность системы к самодвижению обеспечивается имманентностью (внутренней присущностью) причин движения, устойчивости и развития самой системе. Всё, что необходимо для движения, воспроизведения, развития, устойчивости, для ограничения ради устойчивости и развития системы, скажем, социально-экономических отношений и социально-трудовых отношений, находится не вне системы, как у институционалистов, а внутри системы. Единство — свойство для системы внутреннее, а не внешнее[88]. Тут разница!

Быть внутренним свойством объективной, то есть устойчиво самовоспроизводящейся общественной (не индивидуальной) системы — значит быть объективным. Единство общественных систем объективно, хотя их са-

[88] "Единство — такая взаимосвязь определённых предметов, процессов, которая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему..." (Ильенков Э.В. // Философская энциклопедия. Т 2. М. 1962.С.104).

модвижение осуществляется субъектно, то есть не иначе чем посредством сознательного (осознанного) действия субъектов. В этом диалектическая сущность общественной формы движения. Существуя в объективных для себя обстоятельствах, люди осознанно порождают вариантные образы этих обстоятельств в изменённом виде, и эти образы становятся идеалами (продуктами духовного производства, представлениями о желаемом состоянии сущего и тем самым — о желаемом направлении изменений сущего). Массово распространенный идеал — это уже идеология, то есть идея, овладевшая массами. В отличие от идеи в голове отдельного человека, идеология — фактор материальный, движущая сила. По самому своему определению, идеология (и множество идеологий) есть не просто система идей, а система идей, существующая в массовом (групповом, общностном, классовом, народном) сознании, то есть свойство субъекта (и множества субъектов) общественного действия.

Социальная структура — это одновременно субъектная структура общества. Реальные субъекты общественного действия — это движущие силы общества. Взаимодействие этих сил и обеспечивает внутреннее единство общества. И в любой сфере жизни общества её внутреннее качественное своеобразие и её устойчиво воспроизводящееся внутреннее единство обеспечивается взаимодействием социальных сил.

Сфера социально-трудовых отношений так же, как и иные сферы жизни общества, внутренне едина посредством взаимодействия социальных сил (реальных субъектов социально-трудовых отношений).

Введём понятие "социальные силы" и смежные с ним понятия "социальная база" и "формальные (декоративные) субъекты политики" на дефинитивном уровне[89].

[89] Эти дефиниции были введены и использованы мною для анализа состояния общественного сознания в работе: Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи чет-

Эти понятия будут в дальнейшем использованы многократно.

Социальные силы (социально-политические силы, политические силы), или **реальные субъекты политики** (общественные, социальные субъекты) — общественные институты, *адекватно выражающие (представляющие) и весомо отстаивающие (проводящие)* интересы тех или иных социальных групп, социальных общностей по формированию целей, средств и механизмов развития общества, условий и способов жизнедеятельности членов общества. Эти институты могут быть:

1) в правовом отношении:

а) государственными, негосударственными,

б) легитимными (законными), нелигитимными (незаконными);

2) в организационном отношении:

а) более или менее чётко структурированными (политические партии; общественные движения с устойчиво оформленной внутренней структурой; профсоюзы; государственные властно-управленческие структуры и т.п.),

б) мало структурированными или практически неструктурированными (массовые неорганизованные социальные движения типа стихийных выступлений, стихийных бунтов). В процессе стихийных действий, как правило, происходит самоорганизация неструктурированных социальных сил (структуризация движений): формируются и начинают функционировать от имени массы в качестве реальных субъектов социального взаимодействия те или иные органы — комитеты, советы, лидеры, вожди, вожаки и пр.

Социальная база конкретного общественного института (организации, движения, властно-управленческой структуры), обеспечивающая его функционирование в качестве социальной силы, — социальные группы (группа)

вёртой русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып.2. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1995.

или социальные общности, которые признают, что идеология и практические действия данного конкретного института действительно выражают и отстаивают их интересы, и в силу этого признания (доверия) готовы оказать и оказывают ему такую необходимую поддержку, которая придаёт этому институту (организации ли, движению ли, государственной ли структуре) *весомость (силу)* в обществе, делает реальным (влиятельным) субъектом социальной политики.

Формальные (декоративные) субъекты политики — организации, движения, управленческие структуры, не имеющие собственной достаточно широкой (массовой) социальной базы и в силу этого *не имеющие реального веса* в политической жизни общества.

Разновидности формальных (декоративных) субъектов политики: ***субъекты-претенденты и манипулируемые субъекты.*** Не вдаваясь в аргументацию[90], отмечу, что субъекты-претенденты – явление, довольно распространенное в демократическом обществе и закономерное для переходного общества, стремящегося перейти от тоталитаризма к демократии. Манипулируемые субъекты являются инструментом проведения интересов иных социальных групп или общностей, нежели те, от имени или в интересах которых они якобы (на словах) выступают.

В тоталитарных обществах (включая советский казарменный “социализм”) действует особый тип формальных (декоративных) социальных субъектов. Допускается существование якобы субъектов-представителей подчинённых социальных групп. Но предельная зависимость от государства предопределяет их бытие как *объектов* госу-

[90] Аргументацию см.: Негосударственные субъекты-институты социальной политики / Социальная политика: Учебник / Под общ. ред. Н.А.Волгина. М.: Издательство “Экзамен”. 2003. С.100.

дарственной политики, а не как хотя бы претендентов на реальную субъектность[91].

Полезно отметить нюансы, характерные для научных систем, выстраиваемых с позиций и в интересах трудящихся классов (я имею в виду широкий спектр разработок как революционной в конечном счете, так и социал-реформистской направленности, однако решительно отмежёвываю от этого круга левацко-экстремистские и сталинистские течения).

Практическая направленность обществоведения, стоящего на позициях трудящихся, — быть научной опорой социальной практики рабочего класса (рабочего движения), всех эксплуатируемых трудящихся. Неотъемлемая составная часть такого обществоведения — исторический и проблемный анализ процесса превращения рабочих, трудящихся из пассивных участников социальных процессов в активно и сознательно (целенаправленно) действующие социальные силы. Этот процесс обобщён в первоначальном марксизме в категориях превращения массы рабочих из "класса по отношению к капиталу" в "класс для себя"[92].

---

[91] Из авторов, которые видели и разрабатывали проблему специфичности социальной структуры казарменного "социализма", следует прежде всего назвать Л.Д. Троцкого, В.Сержа (В.Л.Кибальчича), М.Джилласа, М.С. Восленского.

[92] Маркс К. Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г-на Прудона (§V. Стачки и коалиции рабочих) / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С. 179,180,182-183.

Отмечу, кстати, что в этом параграфе есть следующее наблюдение о влиянии степени институционализации рабочего движения (если говорить в актуальных терминах) на развитие и рост промышленности: "... Вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали прогрессировать и расширяться вместе с развитием и ростом современной промышленности. В настоящее время можно даже сказать, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает

Социальная сила, как уже отмечено выше, понимается как реальный субъект социальных взаимодействий. Однако для обществоведения, научно и идейно обслуживающего практику социального сопротивления капиталу и социального наступления на капитал, недостаточно фиксации социальных взаимодействий. Такое обществоведение вводит в социально-трудовые отношения аспект действительно *политической* активности (то есть социально-групповых, классовых отношений). Понятие "социальная сила" включает в себя в связи с этим процесс и состояние (результат на конкретно-историческую ситуацию) **самоорганизации социальной группы**. Из двух ипостасей реального субъекта (сама социальная группа и производный от неё субъект-представитель) ипостась активно и сознательно самоорганизованной социальной группы оказывается в этом обществознании приоритетной. Потребность политической практики, практики жёстких классовых взаимоотношений обязывает выстраивать именно такие приоритеты.

Применительно к трудящимся классам это означает, что процесс самоорганизации массы эксплуатируемых рассматривается в неразрывной связи с развитием **идеологической** стороны движений трудящихся. Следует подчеркнуть, что марксизм возник и развивался как **собственная** идеология рабочего класса и рабочего движения, а не как некая надклассовая и внеклассовая идеология. Без освоения собственной идеологии такими субъектами-представителями трудящихся классов, как организованные массовые движения, и в первоначальном марксизме, и в современном последовательном гуманизме (одним из исторических источников которого является первоначальный марксизм) считается невозможной реализация стратегических интересов трудящихся.

место, занимаемое ею в иерархии мирового рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые большие и наилучшим образом организованные коалиции" (с.182).

Требование различать реальные и формальные (декоративные) субъекты политики — такое требование вообще-то характерно для любых классовых разновидностей обществоведения. Но для историко-материалистического подхода оно первостепенно важно и актуально всегда.

Понятие "социальные силы" отводится обычно в тень обществознанием, обслуживающим господствующие классы, а соответственно изымается и из трактовок социально-трудовых отношений. Так, теории стратификации стараются уйти от понятия "класс" двоякими путями:

1) подчёркивая, что классовое деление есть всего лишь частный случай социального расслоения,

2) объявляя (как, например, П.Сорокин), что класс — нечто неопределённое и неясное, так что очень многое в практике социального расслоения может быть объявлено классом[93].

На первый план во всех общественных и в социально-трудовых отношениях в обществознании, обслуживающем господствующие классы, выводятся не взаимоотношения классов (макросоциальных сил), а взаимоотношения между гражданами и между гражданами и государством (обществом), то есть фактически правоотношения, проблемы прав и свобод и их реализации в существующем правовом пространстве. Вопрос о том, что становление, удержание и изменение существующего правового пространства суть итог (следствие, функция) взаимодействия социальных сил, оставляется за пределами рассмотрения.

По существу такова же, но примитивнее и мифологичнее схема отвода в тень фактора социальных сил, применяемая идеологией, научной апологетикой и практикой

[93] Очень содержателен очерк "Классы и слои в социологической теории" в учебном пособии В.В.Радаева и О.И. Шкаратана "Социальная стратификация" (М.: Наука. 1995. С. 36-40). В этой книге идейное содержание теорий стратификации рассмотрено научно и очень информативно.

тоталитаризма. Декоративность подавляющего большинства институтов-субъектов заглушается громогласным провозглашением якобы ведущей роли в обществе тех, кого они формально представляют. Однако эта ведущая роль не выражается в их (рабочего класса, например) непосредственном самостоятельном социальном действии. Вместо этого (как, к примеру, было в СССР) — "забота партии и правительства о благе народа". Отсюда до сих пор у нас широко распространено убеждение, будто вся социальная политика сводится и должна сводиться к государственной социальной политике, к *мерам государства* в социальной области: государство понимается как субъект, а все остальное в обществе — как объект социальной политики. Эти же схемы проецируются и на социально-трудовые отношения. Многообразие социальных сил оказывается в тоталитарной реальности лишь мифом, декорацией. Фактом же является (но не признаётся) реальное подавление властвующей социальной силой всех реально подвластных (эксплуатируемых) элементов социальной структуры.

Перейдем к следующим, также ключевым категориям — "весомость (влиятельность) социальной силы" и "соотношение социальных сил".

Весомость социальной силы — степень её реального влияния на общественные процессы в ходе и в результате столкновения (взаимодействия) социально-групповых, социально-общностных интересов.

Соотношение социальных сил — конкретно-историческое соотношение степени влияния различных социальных сил на общественные процессы и тем самым на меру учёта конкретно-исторических и стратегических интересов различных социальных групп и общностей в общественном развитии.

Соотношение социальных сил постоянно изменяется по целому ряду причин. Динамика существенных перемен в соотношении социальных сил определяет динамику социальной вариантности будущего.

В условиях капиталистической формации (и это её критериальный признак) имеет место устойчивый перевес социальных сил, представляющих интересы капиталистического класса. Это обеспечивает доминирование его интересов в обществе, то есть обеспечивает выдвижение, закрепление и реализацию интересов капиталистического класса в качестве приоритетных целей всего общества, подчинение этим целям общественной жизни, развития хозяйства и устроения социально-трудовых отношений.

Условия, близкие к равновесию социальных сил, вынуждают капиталистический класс идти на компромисс в целях сохранения эксплуататорской основы строя (модель "осторожного", или социально "укрощённого" капитализма).

Социальный компромисс порождает, с одной стороны, ситуацию социальной стабильности (социального перемирия), а с другой стороны — социально неустойчивую (социально-выжидательную) форму общественного устройства — так называемое социальное государство.

Специфика обществ типа так называемого "шведского социализма" (социальных государств, или государств с социальной рыночной экономикой) и типа их социально-трудовых отношений привлекает постоянное внимание. То, что это капиталистические отношения, никем всерьёз не оспаривается. Но оставляется без внимания, что в истории капитализма существуют не только устойчивые социальные формы, но и формы неустойчивые (промежуточные).

Правомерно рассматривать социальные государства как исторически неустойчивую (*ситуативно*-стабильную) форму, в которой механизмы социального компромисса ущемляют интересы буржуазии в ряде областей, прежде всего — смягчают эксплуатацию. Однако в ситуациях, когда компромисс заходит слишком далеко (начинает угрожать интересам сохранения капиталистической эксплуатации как основы строя), социальные государства эволюционируют не в сторону социализма (окончательного отказа от эксплуатации), а в сторону жёсткого капитализма.

Неолиберальная политика национальных (даже левых) правительств отбирает у трудящихся завоевания "золотого тридцатилетия" и возвращает социальные государства к устойчивой модели безусловного доминирования интересов крупного (сегодня, в условиях осуществления стратегии глобализации — крупного *международного*) капитала, то есть к *диктатуре (господству) буржуазии*.

Следует добавить, что социальные государства (с социальным партнёрством между классами буржуазного общества) — результат стечения целого ряда конкретно-исторических обстоятельств. Они были и во время "золотого тридцатилетия" исключением, а не правилом для мира XX века.

О ситуации равновесия социальных сил и о моделях социального компромисса следует сказать особо, ибо проблематика социальной стабильности и социальной стабилизации обсуждается обычно в этих терминах и нарочито прямолинейно проецируется на социально-трудовые отношения. Вся риторика относительно социального партнёрства в России с 1991 г. густо замешана на призывах к компромиссам ради стабильности.

При антагонизме интересов социальная группа, доминирующая в обществе и в социально-трудовых отношениях, вынуждается к взаимодействию с народом на основах компромисса, если условия близки к равновесию социальных сил. Вынужденный компромисс (а не подавление интересов и действий подчинённых групп) — результат высокой активности народа, давления с его стороны. Условия равновесия сил требуют от правящей группы идти на частичное ущемление своих интересов, чтобы предотвратить смену доминанты в целевой ориентации общества, смену его качественного своеобразия. Именно в этом состоит социальный смысл компромисса. Компромисс фиксирует завоевания народа, меру отвоёванной им защищённости своих интересов, прав и свобод. Компромисс

— это частичное или временное примирение конфликтующих, но относительно равных по силе сторон. Правящая группа, идя на компромисс, предотвращает дальнейшую активизацию трудящихся, ослабляет их активность, компенсирует её ослабление гарантиями социально-трудовых прав и свобод.

В современном общественном сознании существует представление, что компромисс может достигаться и при неравновесии противостоящих социальных сил. Это иллюзия. На деле в упаковку якобы компромисса облекается капитуляция слабой стороны под давлением сильной. Иллюзия компромисса возникает здесь из-за уступок сильной стороны по мелким, непринципиальным вопросам, лежащим вне области антагонизмов и даже, возможно, вне области противоречивости интересов.

Резюмирую. В отечественных политико-экономических разработках на протяжении десятилетий фактор субъектного действия явно недооценивался, а зачастую и вовсе игнорировался. Экономико-детерминистский подход, несомненно, довлел над всеми иными, неплохо сочленяясь разве что с сугубо метафизическими подходами. Проблематика вариантности социального и экономического развития практически была исключена из числа актуальных исследовательских аспектов. Поколения отечественных обществоведов были воспитаны на восприятии вариантов возможного будущего и вариантной стратегии как "уклонов" и теоретических и политических "ошибок", а то и сознательного вредительства. Множественность идеологий официально была исключена из жизни общества и из общественных наук.

Всё это делало ненужной для исследований отечественной реальности такие фундаментальные научные категории, как "социальные силы", "соотношение социальных сил", "равновесие социальных сил" и другие, отражающие взаимодействия реальных субъектов общественных и особенно социально-трудовых отношений.

Было известно и многократно повторялось, что трудящиеся — главная производительная сила. Но за этим

чаще всего стояло представление, что трудящиеся решающим образом воздействуют на развитие общества повышением производительности труда, то есть "через продукт труда". Трудящиеся как классы, как социальные, социально-профессиональные группы были при этом вроде бы и не при чём. Трудящимся как бы отказывалось в непосредственной социальной субъектности, в том, что они — социальные силы, что у них свой интерес и что интерес трудящихся может не совпадать с интересами тех, кто говорит от имени общества и "идёт навстречу пожеланиям трудящихся" (особенно, когда намерен интерес трудящихся ущемить).

Положение дел в общественных науках России мало-помалу меняется к лучшему. Выходят книги о социально-трудовых отношениях. Некоторые учебники экономики труда стали сопровождаться подзаголовками "социально-трудовые отношения"[94]. Даже в государственном образовательном стандарте по специальности "Экономика труда" есть уже упоминание о социально-трудовых отношениях (хотя пока что очень сбивчивое). А в учебнике "Социальная политика" автор главы 1 профессор Н.А.Волгин прямо идентифицирует социально-трудовые отношения с отношениями между трудом и капиталом, а сугубо классовое отношение "труд-капитал" помещает в центр примерной структуры социально-трудовой сферы[95].

Всё это питает наш оптимизм относительно того, что вскоре социально-трудовые отношения принято будет рассматривать, исследовать, обсуждать и объяснять не иначе как в неразрывном контексте с социальной структурой общества, со структурой социальных сил, с соотношением социальных сил.

---

[94] Экономика труда и социально-трудовые отношения /Под ред. Г.Г.Меликьяна и Р.П.Колосовой. М.: МГУ. 1996; Экономика труда (социально-трудовые отношения). / Под ред. Н.А.Волгина, Ю.Г.Одегова / М.: Экзамен. 2002.

[95] Социальная политика: Учебник /Под общей ред. Н.А.Волгина. М.: Экзамен. 2003. С.15.

Непременность социально-структурного контекста как при исследовании, так и при обсуждении социально-трудовых отношений — один из главных фундаментальных выводов предлагаемой нами и изложенной в этом разделе общей теории социально-трудовых отношений.

Во втором разделе предложенная общая теория будет применена для рассмотрения комплекса ключевых проблем развития социально-трудовых отношений в современной России.

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

==========

Глава 5
Социально-трудовые отношения в актуальном целостном контексте развития современной России

1. Исторические координаты и исторический вектор современной России. Критерий прогрессивного развития

Мы переходим к содержательному рассмотрению системы социально-трудовых отношений. Как было обосновано в главе 1, методологической основой такого рассмотрения нами выбран целостнообществоведческий подход. Главная особенность использования такого научного подхода — ***выделение предмета в актуальном целостном контексте.***

Применительно к нашему исследованию это означает, что социально-трудовые отношения должны быть рассмотрены не как изолированная от общества самодостаточная система, а как органический (внутренне единый, имманентный) компонент системы общественных отношений. Это во-первых.

Во-вторых, социально-трудовые отношения как предмет изучения мы должны выделить не просто в системе общественных отношений в целом, а в ***актуальном*** для общества преломлении, то есть ***применительно к задачам практики*** данного общества в данном конкретно-историческом его состоянии, включая сложившиеся векторы (тенденции) его развития.

Исходя из этих посылок, должно рассмотреть исторические координаты и исторический вектор современной России, определиться относительно критерия прогрессивного развития для современной России. Это будет сделано в сжатой форме, но не за счёт того, что крупные оценки произвольно декларируются или же заимствуются современные стереотипы мышления (к сожалению, новое время породило стойкие новые шаблоны мысли, и эти шаблоны широко распространены в нынешней социально-экономической литературе). Мои лаконичные характеристики основываются преимущественно на собственных научных разработках и публикациях, посвященных проблематике кризиса общественной системы в СССР, современных идеологий, общественных движений, характера поворотных исторических событий, социально-экономических и социально-политических преобразований в 90-е годы в нашей стране, современных проблем глобализации капитализма[96].

В настоящее время официально признано и многими обществоведами разделяется положение о том, что общественное устройство в СССР было социалистическим лишь по самоназванию, а фактически было тоталитарным. Тоталитаризм — исторически тупиковая, перманентно кризисная общественная система, деформация. Деформированный вид имели в СССР как все общественные, так и социально-трудовые отношения. Фразеологическое оформление оставалось социалистическим (точнее, похожим на социалистическое), на деле же имела место система жестокой эксплуатации с использованием государственных мер принуждения, вплоть до массового применения полукрепостного и рабского труда. Социальная структура тоталитарного общества была кастовой. Номенклатура была правящей кастой, корпоративным частным собственником, единственным реальным субъектом общественного действия. Все иные касты тоталитарного общества являлись декоративными (формальными) субъектами, фактически были лишь объектами управления. Тип управления обществом, производством и трудом — командно-карательный.

[96] См. Приложение № 2. Список публикаций автора по проблематике книги (в данном издании приложение 2 не приводится — прим. Б.В.Ракитского).

Основными противоречиями тоталитарной системы в СССР были:

1) монополия номенклатуры (правящей касты) на власть в обществе и в хозяйстве, отчуждённость большинства населения от власти в обществе и от власти в хозяйстве (собственности);

2) имперский характер государства, в котором роль метрополии выполнял “сильный союзный Центр”, а все союзные республики (включая Россию) находились по отношению к нему во всесторонней зависимости.

Стратегическая направленность развития тоталитарного СССР состояла в обеспечении положения военной “сверхдержавы” посредством достижения военно-стратегического паритета, всесторонней (не только ядерной) гонки вооружений, военной экспансии в мире. Именно это, а не декларировавшаяся “забота партии и правительства о благе народа” было реальным приоритетом.

Идеология была государственной, обязательной для всех. Идеологическое многообразие не допускалось, инакомыслие искоренялось в 30-50-е годы методом массовых репрессий, в 60-80-е годы — методами интернирования, судебных расправ, изгнания из страны, карательной психиатрии. Жёсткая цензура существовала вплоть до 1991 г. (до падения тоталитарного режима), то есть даже в пору так называемой горбачёвской гласности.

Записанные в Конституциях и в законах гражданские права и свободы не могли быть востребованы, так как отсутствовали рассчитанные на их самостоятельное востребование гражданами правоприменительный и правозащитный механизмы. Правоприменение носило разрешительный характер. Категория гражданских свобод тем самым автоматически аннулировалась на деле.

Революционная ситуация сложилась в конце 80-х годов в связи с ослаблением тоталитарного режима под влиянием ряда факторов международного и внутреннего характера. Оживились неофициальные идеологии и немногочисленные поначалу общественные движения, окрепли и стали активными народно-освободительные силы в Армении, Литве, Эстонии. Стали заметными и усиливались антитоталитарные организации и движения в России. Лозунги суверенитета республик и отмены 6-й статьи Конституции СССР овладевали массами. Первые же альтернативные выборы в высшие органы государственной власти поколебали монополию номенклатуры КПСС на власть.

11 марта 1990 г. Литва объявила себя независимым государством. 12 июня 1990 г. Россия приняла “Декларацию о государственном суверенитете РСФСР” и объявила о верховенстве российских законов перед союзными. В борьбе с “парадом суверенитетов” “сильный союзный Центр” попытался опереться на сепаратистские настроения автономий, провёл референдум с трёхсмысленной формулировкой вопроса (о сохранении СССР как обновлённой федерации, в которой будет демократия), попытался обновить Союзный Договор таким образом, чтобы “сильный центр” стал субъектом этого договора как минимум наряду с союзными республиками (знаменитая формула “15+1”), наконец, устроил мятеж 19-20 августа 1991 г.

Требования демократизации тоталитарная власть сдерживала паллиативными уступками типа “гласности”; “плюрализма мнений”; слегка демократизированных, но подконтрольных органам КПСС выборов; “разделением властей путём объединения должностей” и т.п.

Смена типа политической власти тем не менее произошла. Пик политических событий по перехвату власти (революционный политический переворот) пришёлся на 19-21 августа 1991 г. От этой даты начинается новая Россия, или современная Россия.

Революция всегда есть ситуация (полоса) исторического выбора для страны (народа). Исторический выбор

содержит два взаимосвязанных сущностных (судьбоносных) решения: 1) от чего народ (страна) отказывается и 2) что он выбирает в качестве новой цели исторического движения (по крайней мере, на перспективу нескольких десятилетий). Характер революции определяется этими решениями.

Россия в ходе четвёртой русской революции отказалась от тоталитаризма (хотя в массовое сознание внедрено представление, что Россия отказалась от социализма). По параметрам решения первого вопроса исторического выбора четвёртая русская революция является антитоталитарной и антиимперской. На этом основании общественная жизнь, формирующаяся после августовского (1991 г.) политического переворота, может быть названа и действительно часто называется посттоталитаризмом (то, что после тоталитаризма).

Однако одного негативного определения недостаточно для выявления характера революции. Нужна и позитивная характеристика, то есть указание на то, что созидается (будет созидаться). Это вторая сторона исторического выбора. По поводу целей созидания субъекты революционного действия обычно раскалываются, отстаивая существенно разные, иногда кардинально разные варианты. Так произошло и в ходе четвёртой русской революции.

Позитивных вариантов выбора было несколько, в том числе выход из тоталитаризма в социализм и выход из тоталитаризма в капитализм. Оба эти варианта были прогрессивными в том отношении, что намечали выход из исторического тупика, возврат в русло гуманистического развития. Оба эти варианта строились на необходимости замены тоталитарных порядков реальной демократией. В этом они противостояли варианту перестройки как “революции сверху” (варианту модернизации тоталитаризма), при которой менялись бы “под демократические” формы общественной, политической, хозяйственной жизни, формы социально-трудовых процессов, а в основе общественного устройства по-прежнему лежали бы тоталитар-

ные, недемократические начала — монополия партийной номенклатуры на власть и имперство.

Из трёх упомянутых вариантов вариант модернизации тоталитаризма был отвергнут благодаря антитоталитарной революции. Тем самым наметился исторический вектор современной России — переход от тоталитаризма к демократии. Из двух демократических вариантов будущего (социалистическая, народная демократия и буржуазная демократия) был декларирован как избранный для реализации вариант буржуазной демократии. Основными факторами такого выбора стали:

1) практическое отсутствие антитоталитарного социалистического движения и даже *широкого* демократического рабочего и профсоюзного движения. Сказалось то, что тоталитаризм в течение нескольких поколений диссоциировал трудовую массу, подавлял всякую самостоятельность и инициативу на общественном поприще, интернировал лидеров духовного и правозащитного сопротивления, культивировал пассивность и апатичность масс, их разобщённость и неспособность к самоорганизации и солидарности. Сказалось и то, что социалистические идеи были дискредитированы в глазах большинства тоталитарной социальной практикой КПСС (типичная логика рассуждений того времени, в том числе и в рабочей среде: “если это социализм, то пусть лучше будет капитализм”);

2) очень энергичное и сильное влияние на российские процессы международного капитала. Именно международный капитал идейно оснастил демократические силы программой шоковых глобализационных реформ и профинансировал (в форме кредитов) тех, кто эти шоковые реформы осуществлял [97].

[97] План шоковых реформ составлен в конце 1990 г. и по-русски опубликован в марте 1991 г. См.: Экономика СССР: выводы и рекомендации (Доклад группы экспертов Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Организации экономического сотрудничества и развития и Европейского банка рекон-

Выбор капиталистического варианта развития уточнил позитивную нацеленность четвёртой русской революции. По своей созидательной программе она могла бы стать последовательной буржуазно-демократической революцией. Однако такой исторический вектор движения был деформирован согласием российского руководства вписаться в глобализационные процессы в роли жертвы глобализации, из-за чего все последующие социально-экономические преобразования приобрели ясно выраженный глобализационный характер. Об этом выше уже говорилось и ещё будет сказано.

Итак, осознанная цель социальных сил, пришедших к власти и реализующих исторические возможности, открывшиеся четвёртой русской революцией, — переход от тоталитаризма к буржуазной демократии. Сопутствующая цель (но уже не собственная для этих сил, а навязываемая зависимостью от международного капитала) — втянуть Россию в глобализационные процессы в роли донора. Таково сочетание целевых факторов, под влиянием которых идёт развитие российского общества (включая и социально-трудовые отношения) с конца 1991 г.

Эти цели предопределяют подходы и оценки относительно переходного периода и переходных состояний нашего общества. В принципе ***переходным периодом*** называется послереволюционный период, в рамках которого складывается качественно новое устойчивое состояние общества (новый общественный строй) и преодолевается прежнее (дореволюционное) устойчивое качественное состояние общества (вытесняется с исторической сцены прежний общественный строй). Признаки устойчивости нового качественного состояния общества — это прежде всего воспроизводимость на собственной основе (самостоятельно, без воздействия извне) эффективной хозяйственной системы, собственной социальной структу-

струкции и развития, подготовленный по рекомендации совещания на высшем уровне семи ведущих промышленно развитых стран) // Вопросы экономики. 1991. № 3. С. 6-72)

ры, собственной (своеобразной в социокультурном смысле) системы социально-трудовых отношений. Содержанием переходного периода и является обычно становление (в ходе и в результате столкновения социальных сил) собственной экономической, социальной, социально-трудовой основы нового общественного строя, обеспечение её надёжной исторической воспроизводимости.

Решению задач переходного периода посвящены обычно системные коренные социально-экономические, социально-политические и социально-трудовые преобразования, называемые часто структурными реформами. Совсем неточное название таких реформ — трансформация (изменение), ибо тут уводится в тень самое важное отличительное свойство (историческое предназначение) пореволюционных преобразований — смена общественного строя. Бывают ведь и трансформации вовсе не революционного характера. Самое точное научное название реформ, решающих задачи переходного периода, — *революционные реформы*, или реформы переходного периода. Но и термин *"социально-структурные реформы"* вполне подходящ.

Содержание революционных (социально-структурных) реформ 90-х годов в России будет рассмотрено в следующем параграфе. Однако прежде рассмотрим вопрос о критерии прогрессивного развития современной России.

Вопрос о критериях прогресса — один из наиболее сложных в обществознании. Проблемы критерия эффективности решаются в принципиальном плане относительно несложно: эффективно то, что обеспечивает достижение целей с наименьшими затратами. Проблема же прогресса заключается в оценке самих целей общества. При этом непреложным фактом является то обстоятельство, что общество структурно и что разные классы, социальные группы и общности по-разному представляют надлежащие цели общества и по-разному оценивают социальные стратегии друг друга. Как же общество в целом ставит цели? Или это делает за него

какая-то социальная группа? Или имеется механизм достижения единства большинства общества по поводу оценки поставленных целей?

Мы оставляем в стороне все эти вопросы как выходящие далеко за рамки предмета нашего исследования. Мы констатируем лишь, что так или иначе, но цели общественного развития формируются и существуют на каждом конкретно-историческом его этапе. И при этом воспринимаются (или декларируются) как критерии прогрессивного развития. В ходе четвёртой русской революции установился признаваемый большинством критерий прогресса — переход к демократическому обществу[98].

Обозначение перехода к демократической общественной системе как магистрали прогрессивного развития современной России заставляет ввести достаточно строгие определения, позволяющие рассматривать, как соотносится демократическая организация общественно-экономических отношений с другими типами их организации, каково место категории "демократия" в системе научных понятий, характеризующих взаимодействие социальных сил.

---

[98] Прошу воспринять не как аргумент (это было бы формально-логической ошибкой — доводом к авторитету), а как попутную иллюстрацию следующее (правомерное, по-моему) высказывание В.В.Путина (От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус. 2000. С.155-156):

"Вопрос: ...Что, по-вашему, нужно в первую очередь стране? Главное?

Путин В.В. Точно и ясно определить цели. И не вскользь говорить об этом. Эти цели должны стать понятными и доступными каждому...

Вопрос: Будем снова искать особый путь для России?

Путин В.В.: А ничего искать не надо, всё уже найдено. Это путь демократического развития. Конечно, Россия более чем разнообразная страна, но мы — часть западноевропейской культуры... Мы — европейцы".

Сущность демократии (в буквальном значении слова — народовластие, власть народа) правомерно определить следующим образом.

Демократия — один из известных истории типов государственной организации социально-групповых (политических) отношений, при котором установление, правовое закрепление и защита (всей силой государства) личной свободы и равноправия граждан составляют предпосылку осуществления власти и управления как воли большинства активных граждан и в этом смысле — как воли народа, как народовластия.

И демократия, и её антипод — диктатура являются характеристиками механизма функционирования таких общественных формаций, которым свойственны социальная (классовая или кастовая) структурность, следовательно, противоречивость социально-экономических интересов и при прочих равных условиях разнонаправленность активности социальных сил. Подобные формации не могут воспроизводиться (то есть сохранять целостность и качественное своеобразие в ходе развития) без постоянной взаимоувязки действий, отстаивающих интересы разных социальных сил, без обеспечения их взаимосвязанности (единства).

В организации социально-групповых отношений проявляются и фиксируются коренные и текущие интересы той или тех социальных групп данного общества, которым удалось обеспечить доминирование своих интересов в качестве приоритетных целей функционирования всего общества и развития производства.

Конкретные правовые нормы, формы и методы управления скрывают и реализуют разные по характеру и содержанию процессы взаимодействия социальных сил, с помощью которых устанавливается фактическое доминирование каких-либо (чьих-либо) интересов. Правомерно выделять два противоположных типа их взаимодействия: подавление интересов и действий; согласование интересов и действий.

Диктатуре адекватно непризнание самоценности социально-групповых, общностных и индивидуальных интересов (в тенденции – непризнание какого-либо вообще разнообразия общественных интересов) и обеспечение единства общества при помощи подавления интересов и действий, расходящихся с интересами правящей группы (правящей касты).

Демократии адекватно признание разнообразия и самоценности различных интересов и обеспечение единства общества при помощи согласования противоречивых общественных интересов.

Самое, пожалуй, основное для обеспечения перехода современной России к демократии — развитие реальной многосубъектности общества, становление тем самым гражданского демократического общества в отличие от тоталитарного (диктатурного), фактически односубъектного.

Демократия имеет множество ипостасей (сущностных проявлений). Не станем перечислять их впрок. Всё последующее рассмотрение социально-трудовых отношений мы поведём под углом зрения проблем становления их демократического регулирования в современной России. Именно этот контекст рассмотрения социально-трудовых отношений мы считаем актуальным целостным контекстом, ибо переход к демократии — главная задача общественной исторической практики (социальных преобразований) в современной России.

2. Революционные (социально-структурные) реформы 90-х годов

2.1. Общая канва и логика преобразований

В 1988-1991 гг. противоборство социальных сил в России (и в СССР в целом) развивалось как антиказарменная общедемократическая революция. Поражение августовского (1991 г.) выступления высшей номенклатуры открыло, казалось бы, дорогу таким преобразованиям, которые отвечают интересам большинства населения. Однако новые возможности были использованы либерально-

радикальными политиками, укрепившимися у власти, для проведения так называемых непопулярных (строго говоря, антинародных) реформ по методу “шоковой терапии”.

В последние месяцы 1991 г. шла методичная обработка населения для создания социально-психологических предпосылок “реформистского прорыва”. Большинство населения удалось убедить, что неизбежна катастрофа, если медлить с проведением всеобщего разгосударствления, крупномасштабной приватизации, с переходом к свободному рынку (свободному от государственного регулирования, от государственной социальной защиты граждан). Массовое сознание было также в значительной мере подготовлено к тому, что переходный период связан с временными тяготами для трудящихся и что другой возможности (“альтернативы”) нет.

Один из ключевых аспектов намечавшихся преобразований — глобализационный — подавался “в пакете” со сломом “железного занавеса” и международной самоизоляции СССР, и потому “свободное движение товаров, капитала и рабочей силы” (открытая экономика) воспринималось населением как реальный шаг к демократии (тем более что каждый гражданин немедленно получил действительную возможность свободного и беспрепятственного выезда за рубеж и обратного въезда). Иностранные кредиты поначалу воспринимались многими как финансовая помощь новой России.

Б.Н.Ельцин, испрашивая в конце октября 1991 г. у Пятого Съезда народных депутатов РСФСР полномочия на “реформистский прорыв”, прямо сказал о замысле правительства ускоренными темпами создать мощный частный сектор, простимулировать частного (частнокапиталистического) предпринимателя за счёт снижения уровня жизни, урезания потребления трудящихся. Сейчас можно с уверенностью сказать, что истинный смысл этих слов не был воспринят трудовым населением должным образом. К тому же правительство обещало “проскочить” основные трудности перехода к рынку за 8-9 месяцев, а потом обеспечить (силами рыночной конкуренции в интересах

потребителя) стабилизацию цен и всей экономической обстановки, постепенное повышение уровня жизни. Обещаны были также опережающие меры социальной защиты населения от обнищания. В рабочей среде, в других слоях трудящихся были посеяны иллюзии относительно степени и длительности трудностей и бед, которые их ждали. Тем самым было получено общественное согласие на шоковые реформы. Это позволило правящим реформаторам приступить к форсированному осуществлению политики первоначального накопления капитала.

Главные цели и главное содержание политики первоначального накопления капитала в России:

— ускоренное сосредоточение национального богатства (капиталов, земли, природных ресурсов) в распоряжении немногих частных лиц (и группировок) при одновременном образовании многочисленного слоя бедного и беднейшего населения, лишённого средств производства;

— легализация прежней жестокой эксплуатации трудящихся и её усиление;

— обеспечение устойчиво воспроизводимого (необратимого) господства в экономике частнокапиталистического сектора с наёмным трудом.

Все лозунговые определения задач и смысла начатых в России реформ (“переход к рынку”, “финансовая стабилизация”, “народная приватизация” и пр.) использовались и до сих пор используются российским руководством, а также охотно пошедшим к нему в услужение образованным сословием для прикрытия истинных целей и характера этих реформ.

Проправительственная пропаганда долгое время пыталась изображать дело так, что крайне неблагоприятные явления в развитии экономической и социальной обстановки в России — это будто бы побочные и временные следствия осуществляемой политики. Бытовало также мнение, что причина негативных процессов — в некомпетентности тех или иных конкретных влиятельных лиц в российском руководстве, их якобы неспособность предвидеть в полном объёме результаты своих решений и мero-

приятий, предупреждать отрицательные последствия.

Внимательный анализ действительных замыслов и фактических действий правящих реформаторов с самого начала показывал, что обнищание народа, гиперинфляция, развал производства, рост скрытой и открытой безработицы — вовсе не досадные сопутствующие явления, не результат чьей-то некомпетентности, а методы, при помощи которых новая власть осознанно и последовательно шла к своим фактическим (в отличие от объявленных ею) целям. Методы эти вполне соответствовали стратегическим задачам государственной социально-экономической политики, которая осуществлялась с 1992 года. Президент и правительство весьма успешно — достаточно быстро и компетентно — выполняли программу Международного валютного фонда. Программа эта предусматривала такую перестройку российской экономики, которая выгодна международному капиталу: существенное разрушение национального производства; превращение России в страну колониального типа (с уровнем жизни большинства населения гораздо ниже, чем прежде, с массовой безработицей, с неконкурентоспособной промышленностью), в источник исключительно дешёвой рабочей силы и дешёвого сырья для стран “первого” мира.

Об успешности решения подлинных задач шоковых реформ свидетельствуют факты, динамика основных показателей, сложившиеся тенденции. Такой анализ социально-экономических процессов можно было встретить в 90-е годы в самых разных журналах, газетах и книгах. В частности, он давался не раз и достаточно полно в журналах “Вопросы экономики”, “Общество и экономика”, в работах академических коллективов под руководством академиков Д.С.Львова, В.Л.Макарова, Н.Я.Петракова, Ю.В. Ярёменко, В.В.Ивантера, Л.И.Абалкина, В.И.Маевского, проф. Н.М.Римашевской. Серия публикаций, анализирующих замыслы и ход реформ с позиций целостнообществоведческого подхода, была выпущена Институтом перспектив и проблем страны РАЕН и Школой трудовой демократии при Институте перспектив и проблем страны.

В ходе реформ масса трудящихся резко обнищала, расшатана и оскудела вся прежняя система социальных гарантий, утрачены многие прежние компоненты социальной защиты, в упадок пришли целые отрасли социального обслуживания населения. В стране постоянно существует угроза массовой открытой безработицы из-за развала производства, остановки и закрытия многих необоронных предприятий, а также из-за того, что демилитаризация экономики не компенсировалась соответствующей структурной перестройкой производства. Открытой массовой безработицы удавалось избегать за счёт массовой скрытой безработицы, частичной занятости, непродуктивной самозанятости, превращения труда в символически оплачиваемый или фактически вовсе бесплатный. По оценкам ряда специалистов (причём, разных политических взглядов), начиная с 1992 г. более половины населения России живёт на бюджете деградации. Правительство не обещало перелома в положении и как самое благоприятное сулило стабилизацию бюджетов населения на сложившемся уровне. Тем не менее конфискационные мероприятия, скачком понижающие реальные доходы, повторялись после каждого из периодов “стабилизации” (январь 1992 г; “чёрный вторник” 1994 г., 17 августа 1998 г.).

Для новой власти чрезвычайно важно было обеспечить себе поддержку международного капитала, так как внутри страны отсутствовала массовая социальная база “непопулярных” шоковых реформ. Потребность во внешней поддержке — одна из главных причин проведения такой государственной политики, которая лишила трудящихся сколько-нибудь реальных перспектив на власть в хозяйстве и в обществе. Ведь такая перспектива противоречит интересам международного капитала.

Крупномасштабная приватизация (а она — сердцевина реформ) создала новую социальную структуру российского общества. В этой структуре место законных собственников-капиталистов занимают выходцы из прежней правящей касты, прежние теневые предприниматели, а

также вновь разбогатевшие спекулянты-бизнесмены, новая номенклатура. Одновременно возник многочисленный *новый нищий класс*, формы и способы жизнедеятельности которого складываются под ведущим воздействием интересов зарубежного и вновь возникшего отечественного капитала.

Методы диктатуры закономерны для осуществления подлинных целей шоковых реформ. Закономерны потому, что цели эти расходятся с интересами большинства населения. Фактические результаты шоковых реформ кардинально отличаются от первоначальных обещаний реформаторов. При проведении реформ игнорировались самые насущные потребности народа. Государство практически устранилось от своих прямых обязанностей по сохранению и развитию материально-производственных и культурных основ цивилизованного образа жизни, по защите населения от деградации. В таких условиях не было и не могло быть иных методов, кроме по существу принудительных (по терминологии официальной пропаганды, непопулярных), чтобы правительство могло проводить и провести политику форсированного первоначального накопления капитала.

Принуждение в современной России носило чётко выраженный социально-групповой (классовый) характер. Новая власть принудительно по отношению к большинству населения провела политику первоначального накопления капитала, выгодную меньшинству. Либеральные идеологи в праве философски заметить: принуждение по отношению к большинству народа — мать демократии.

2.2. Интегральная оценка результатов реформ

1. Практически общепризнано существеннейшее расхождение между официально объявленной в России в октябре 1991 г. направленностью реформ, с одной стороны, и реальными результатами преобразований, с другой.

Главное в этих расхождениях:

а) существенное ухудшение всех параметров функционирования экономики вплоть до её разрушения, потери экономической независимости и обороноспособности страны — вместо прогрессивной структурной перестройки (включая разумную степень конверсии гипертрофированного ВПК) и перехода в режим устойчивого экономического роста;

б) подавленная гиперинфляция, натурализация обмена в реальном секторе экономики, размах финансово-спекулятивной деятельности — вместо современной (так называемой “цивилизованной”) рыночной экономики;

в) многоразовое скачкообразное понижение уровня жизни большинства населения вплоть до развития процессов социальной деградации, сверхрост социальной дифференциации — вместо улучшения социального положения трудящегося большинства, уменьшения социальной дифференциации;

г) обвальный рост социальных рисков для населения и хозяйствующих субъектов, полубесплатный-полупринудительный труд как массовое устойчивое явление — вместо социальной рыночной экономики и соответствующей системы социальной защищённости населения и предпринимательства;

д) отсутствие элементарного правопорядка (в том числе массовое нарушение трудового законодательства), беспрецедентные масштабы развития теневой экономики, коррупции, организованной преступности, прямого разграбления (с огромным вывозом за рубеж) национального богатства — вместо преодоления беззакония и произвола, теневых процессов, создания механизмов правового государства на базе политической, социальной и экономической демократии;

е) чрезвычайно медленное освоение населением практики самоорганизации для организованного солидарного востребования и защиты своих прав, свобод и интересов — вместо развития социальной структуры и социальных механизмов гражданского (реально многосубъект-

ного) общества, в том числе механизмов социального партнёрства.

В обобщённом виде можно констатировать, что в результате осуществления по преимуществу ***разрушительных*** и ***принудительных*** (по отношению к большинству населения) преобразований Россия движется в целом по пути социальной деградации.

2. Из-за расхождения декларированного и фактического говорят о "неудаче" реформ и даже о "крахе" избранного курса[99].

Те, кто осмысливает происходящее в духе институционализма, считают непосредственной причиной "неудачи", "краха" реформ недостаточное внимание реформаторов к институциональному аспекту рыночно-капиталистических преобразований[100].

---

[99] ***Вот суждения (и тон суждений!) большого поборника российских реформ, одного из руководителей Всемирного банка, а ныне Нобелевского лауреата Дж. Стиглица: "Я утверждаю, что провалы реформ в России и во многих республиках бывшего Советского Союза... Причины неудач гораздо глубже... ...Обещания провести быстрые экономические преобразования и создать "народный капитализм", основанный на ваучерной приватизации и системе инвестиционных фондов, оказались иллюзорными. ... Причины провалов намного серьёзнее. Отчасти проблема состоит в чрезмерном доверии к моделям экономики, почерпнутым из учебников... Провал приватизации как основы создания рыночной экономики был не случайным... Грабительская приватизация... Можно надеяться, что страны с переходной экономикой и их консультанты извлекут уроки из многих горьких и разочаровывающих провалов (и немногих успехов) прошедшего десятилетия" (Вопросы экономики. 1999. № 7. С. 4-30).***

[100] ***Для примера – снова Дж.Стиглиц: "Причины неудач гораздо глубже, они коренятся в непонимании реформаторами самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ. Модели реформ, опирающиеся на общепринятые положения неоклассической теории, скорее всего, недооценивают роль информационных про-***

В предельном случае (когда говорят о невнимании к институциональному аспекту как таковому) это утверждение абсолютно *бессмысленно,* поскольку непосредственным объектом реформаторской деятельности при общественных преобразованиях являются именно общественные институты**.**

Более осмысленной является позиция, которая исходит из предположения о намерениях реформаторов осуществить переход к эффективной рыночно-капиталистической экономике (причём, к социальной рыночной экономике) и нацелена на поиск *конкретных ошибок* реформаторов при проведении институциональных реформ. В рамках этой позиции рассуждают о том, какие из институтов современного рыночно-капиталистического хозяйства не были предварительно созданы или же созданы не такими, как "во всем цивилизованном мире", или же созданы без учёта той или иной российской специфики и т.п.

3. И в первом (бессмысленном) случае, и во втором ***исходной*** причиной "неудачи" реформ считается институциональная, так сказать, некомпетентность реформаторов, их неспособность обратиться к опыту других стран (например, к опыту послевоенных преобразований в ФРГ, к опыту А. Пиночета и пр.). Или же (при лучшем отношении к реформаторам) исходную причину усматривают в безответственном поведении оппозиции, будто бы не позволившей (и будто бы не позволяющей до сих пор) провести такие трансформации экономических институтов, которые необходимы для выхода страны из кризиса, для осуществления задач реформ.

4. Наш взгляд на российские реформы, отвечающий историко-материалистической научной традиции, переводит анализ из плоскости выявления перечня конкрет-

---

блем, в том числе проблем корпоративного управления, социального и организационного капитала, а также институциональной и правовой инфраструктуры, необходимой для эффективного функционирования рыночной экономики" (Вопросы экономики. 1999. №7. С. 4).

ных институциональных ошибок или же контринституциональных происков оппозиции, из плоскости увлекательных разгадок запущенных неправильных механизмов (институциональных “ловушек”) в совершенно иную плоскость. А именно, в плоскость выявления ***социально-политических причин***, по которым ***были проведены именно такие*** реформы (по преимуществу разрушительные и принудительные, с социально-деградирующим итогом) и был проигнорирован теоретический багаж экономической науки и реальный мировой опыт созидательных рыночно-капиталистических преобразований. К социально-политическим относятся и причины того, что худо-бедно организованная псевдокоммунистическая оппозиция “его величества Президента”, имея доступ к государственной власти, не оказала на деле решительного сопротивления ни одной сколько-нибудь существенной акций реформаторов, за исключением разве что сопротивления антиконституционным действиям Б.Н.Ельцина в конце сентября 1993 г. Зато эта “оппозиция” активно включилась в спасение частного капитала от последствий девальвации августа 1998 г. и в извлечение выгод исключительно для капитала из этой девальвации. При этом она ничего не сделала для компенсации девальвационного удара по трудящемуся населению, пенсионерам и молодёжи.

5. В СССР тоталитаризм достиг такой стадии, когда внутри самого общества не было реальных сил, способных вывести его на прогрессивную демократическую линию развития. Требовался не только толчок извне, но и реальная поддержка извне демократическим процессам. Такой толчок и такая поддержка поначалу были оказаны структурами, проводящими интересы ведущих групп международного капитала, — но лишь в той мере, в какой это поставило Россию под контроль внешних сил, заинтересованных в преимущественно разрушительных процессах в России.

Линия ***разрушения, навязываемая извне***, осуществлялась одновременно с другой линией — собственно российской линией, порождённой теми причинами и интересами, которые выросли из стадии тоталитаризма. Эта линия — небывало хищническое первоначальное накопление капитала, ***паразитирующее*** на разрушительных процессах.

В результате в России на месте тоталитаризма возникла система политического и экономического бандитизма, действующего (как и внешние силы) как фактор разрушения общества, как фактор его деградации. При этом введение и культивирование парламентарных и других буржуазно-демократических институтов не только не предотвратили, не воспрепятствовали и не оказали заметного сопротивления бандитскому разрушительному действию международного и отечественного капитала, но и весьма украсили этот процесс. Так что идея институтов-демиургов общества показала в России свою полную бесплодность.

6. Вопрос об эффективности институциональных социально-экономических преобразований должен, на мой взгляд, ставиться и решаться применительно к проведённым в России реформам (как и всегда) не абстрактно, а конкретно-исторически и на основе классового подхода.

Анализ с таких позиций приводит к констатации вполне сознательной ***демагогической маскировки*** реформаторами курса, реально проводимого с конца 1991 г., и к констатации ***принципиального совпадения*** результатов институциональных преобразований с фактическими целями тех социальных сил, которые реально руководили российскими реформами.

Другими словами, российские реформы являются ***высоко эффективными***, если оценивать их на соответствие стратегии международных политических и финансовых организаций, представлявших в ходе реформ интересы тех финансово-промышленных групп, которые господствуют в современном мире и осуществляют очередной передел мира в форме так называемой глобализации (мондиализации).

Не было никаких существенных ошибок у тех, кто осуществлял эту стратегию. Не было институциональной

неграмотности и возникших из-за этого институциональных “ловушек”. Напротив, как никогда ещё, пожалуй, за всю историю в столь короткие сроки без применения военной силы, без массовых репрессий, а с помощью чисто институциональных мер удалось запустить механизмы ускоренного саморазрушения общества. Успех тем более поразительный, если учесть, что одновременно создан был ряд правовых институтов-регуляторов буржуазно-демократического характера. Это открывало возможность становления институционально-субъектной структуры гражданского (многосубъектного) общества и развития не только организованного сопротивления разрушительным акциям в социально-экономической сфере, но и организованного конструктивно-оппозиционного воздействия на властно-государственные структуры. Однако разрушительные процессы шли в опережающем режиме, открывая зелёную улицу процессу замещения социальной структуры казарменно-кастового общества структурой, отражающей преимущественно процессы разрушения и социальной деградации[101].

Было заблокировано становление реально производящего эффективного капиталистического предпринимательства (так называемых эффективных собственников), в том числе сколько-нибудь значительного по масштабам производящего “среднего класса”. И, главное, было заблокировано формирование *рабочих как класса* и, соответственно, заблокировано развитие организованного рабочего движения как самостоятельного (с собственной идеологией) и влиятельного социального субъекта, способного противостоять принудительным антинародным реформам. Это определило **социально-деградирующий итог переплетения разрушительных и прогрессивных созидательных преобразований.**

[101] Более подробно см.: Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Тенденции новой социальной дифференциации в России (гипотеза) // Общество и экономика. 2002. №12. С.134-146.

Применяемый нами подход фиксирует, таким образом, на институциональном уровне в качестве непосредственной причины социально-деградирующего итога реформ вовсе не ошибки в сфере обустраивания рынка, а сознательную политику российского государства, направленную **против** субъектной институционализации общества по буржуазно-демократическому типу и, прежде всего, **против** реальной институционализации трудящихся, рабочего класса — против их превращения в реальные субъекты политического действия.

7. Интегрально и притом социально-политически российские социально-структурные реформы 90-х годов можно и должно оценить как ***недемократические, антидемократические***, а все конкретные институциональные перемены и их социально-деградирующие результаты в социально-экономической сфере (в том числе противоположные становлению развитой рыночно-капиталистической экономики) — **как средства и следствия осуществления стратегии глобализации применительно к России**. Эта стратегия и способы её осуществления в России, повторяю, — не ошибки, а деятельность, соответствующая интересам вполне определённых (на качественном уровне, а не поименно) социальных сил современного мира — интересам, которые весьма эффективно обслужили российские государственные структуры, действуя по типу колониальной администрации.

Можно предложить такую общую характеристику итога российских реформ *на сегодняшний момент:* ***видоизменение (трансформация) исторического тупика***, в котором находился СССР накануне перестройки (тупика тоталитаризма). При этом политическая активизация населения, антитоталитарные, общедемократические движения, зародившиеся в СССР в период перестройки, позволяли говорить о революционной ситуации в России накануне августа 1991 г., о ситуации исторического выбора. Однако этот шанс не был использован для выхода из исторического тупика.

3. Необъявленная комплексная реформа социально-трудовых отношений в составе российских реформ 90-х годов

В России в 90-е годы было немало программ, нацеленных на коренные преобразования тех или иных сфер жизни общества. Либерализация цен, несколько пенсионных реформ, программа приватизации (реформы отношений собственности), земельная реформа, налоговые реформы, выстраивание управленческой вертикали, жилищно-коммунальная реформа и т.д. — всё это было. Реформы социально-трудовых отношений вроде бы и не было. Замена КЗоТ новым Трудовым кодексом с февраля 2002 г. — событие, конечно, существенное, однако едва ли кто оценит его как коренную комплексную реформу социально-трудовых отношений. А между тем социально-трудовые отношения изменились после четвёртой русской революции кардинально. Так что хотя комплексную радикальную реформу социально-трудовых отношений правительство и парламенты не объявляли, она *фактически произошла*.

Как могло такое произойти? Сознательное ли это умолчание или здесь нет ничьего злого умысла? На мой взгляд, ничьего злого умысла тут не было. Фактическое осуществление радикальной комплексной реформы социально-трудовых отношений без её громкого объявления объясняется, во-первых, типом реформ в стране, а во-вторых, конкретно-исторической расстановкой и соотношением социальных сил в период 90-х годов.

В 1988-1991 гг. происходила довольно широкая активизация трудящихся, оформились новое профсоюзное и массовое забастовочное движения, не только существовали, но начинали всё активнее действовать советы трудовых коллективов на предприятиях, создалось движение трудовых коллективов. В ходе забастовок 1989 г. шахтёры добились создания специальных комиссий (на каждой шахте) по контролю за выполнением соглашения, подписанного с Правительством СССР и ВЦСПС (это была одна сторона переговоров — советские профсоюзы сидели на

переговорах на стороне правительства, а не на стороне бастующих!) Голос трудящихся стал слышен при постановке и обсуждении не только социально-экономических, но и политических вопросов (например, требование отмены 6-й статьи Конституции СССР, выдвинутое в ходе Всесоюзной забастовки шахтёров). В критический момент 19 августа 1991 г. Президент РСФСР Б.Н.Ельцин даже обратился было к трудящимся за действенной поддержкой в борьбе против мятежа ГКЧП, однако в считанные часы изменил свою позицию.

Демократическое движение трудящихся, это важно отметить, набирало силу. Но на момент перехвата политической власти и перед началом радикальных реформ оно было всё же в зачаточном состоянии. Его решающая слабость заключалась в отсутствии собственной идеологии (в смысле массовой распространённости, в смысле уяснённости массовым сознанием социально-классовых целей и задач в предстоящей революции[102]).

По причине своей слабости и идеологической неукреплённости демократическое движение трудящихся постоянно запаздывало с осознанием текущей ситуации, не смогло дорасти до самостоятельной постановки в повестку дня общественно-политической жизни крупных общесоюзных и общероссийских проблем, пробавлялось реакцией на чужие постановки, потому было не столько самостоятельной политической силой, сколько подмогой тем или иным политическим силам (не всегда, кстати, и демократическим). Неправильно было бы сказать, что политически активизирующуюся массу трудящихся “шатало”. Нет, просто это был начальный этап политического вызревания, этап нарастающей активизации массы, предшествующий

[102] Эта тема сравнительно подробно освещена мною в брошюре: Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии (идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции). М. Февраль-октябрь 1993. Второе издание сделано в 2001 г.

структуризации движения на прежде всего идеологических основах.

Когда настала полоса социально-структурных (революционных) реформ, можно было ожидать, что сами замыслы и первые же жестокие “непопулярные” меры шоковых реформ скачком поднимут активность трудящейся массы на сопротивление. Этого не произошло.

Дело историков, философов истории, дело историков рабочего движения понять и объяснить, почему так сложилось. Как исследователь-современник и как активный участник рабочего демократического движения (с конца 80-годов) могу высказать собственное объяснение. Политические кондиции демократического движения трудящихся не дозрели к началу реформ до уровня готовности и способности массы к организованному самостоятельному политическому или социальному движению. Те политические силы, которых демократические организации трудящихся поддерживали в борьбе с тоталитарным режимом, стали на сторону реформаторов. Некоторое время демократические организации трудящихся по инерции шли с ними и, как это ни дико, поддерживали антинародные реформы[103]. Против этих реформ выступали организации-продолжатели дела КПСС. Но демократические ор-

[103] Из конкретных примеров этого противоестественного действия упомяну позицию представителей СОЦПРОФ и Независимого профсоюза горняков России в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК) в 1992-1993 гг.; поезда поддержки Б.Н.Ельцина в его борьбе со Съездом народных депутатов РФ в 1993 г., из-за чего шахтёры получили тогда от народа обидное прозвище “опричники”; угрозы представителя шахтёров А.Малыхина в адрес Съезда народных депутатов РФ (“Не дурите, мужики!”); позицию “ответственного взаимодействия” с правительством Социал-демократической партии России (СДПР); рвение представителей этой партии в правительстве (Кудюкин П.М.) и в РТК (Кудюкин П.М., Храмов С.В.) по осуществлению “реформистского прорыва”.

ганизации трудящихся и просто многие трудящиеся (и в этом сказалась если не классовая зрелость, то классовый инстинкт) на сотрудничество с ними сознательно не шли.

Короче, трудящиеся как народное большинство к началу 1990-х годов не сформировали самостоятельного субъекта общественно-политического действия и в ходе революции и революционных реформ не выступили на исторической арене России как самостоятельная социальная сила. Именно этим объясняется, что крупные (коренные, социально-структурные по своему типу) преобразования социально-трудовых отношений в составе революционных реформ *прошли “тихо”*, то есть без столкновения мнений, без общественных дискуссий, без накала страстей в СМИ и в парламенте, без требований и петиций, без общественных демократических выступлений (миллионных или хотя бы многотысячных демонстраций, массовых забастовок, пикетов и т.п.), без обращений за солидарной поддержкой к трудящимся других стран и т.п. Именно этим объясняется и *небывалый (казалось бы, немыслимый) масштаб ухудшений* социально-трудового положения большинства при недостаточно значительных для этого большинства реальных исторических завоеваниях в ходе и в результате социально-структурных (революционных) реформ.

Общая (крупным планом) характеристика социально-трудового положения большинства народа в тоталитарном СССР. Такая характеристика требуется для целостного представления о положении, являющемся исходным для реформирования.

В конце 20-х - начале 30-х годов XX века в СССР утвердилось и существовало в течение жизни нескольких поколений казарменно-кастовое, тоталитарное общество, в котором государство было единственным реальным субъектом социальной политики. Система социальной защиты населения строилась на принципах ***тоталитарного социального государства***. Устойчивость социального положения, формировавшая так называемую уверен-

ность в завтрашнем дне, гарантировалась “заботой партии и правительства о благе народа” (иногда это неудачно называют государственным патернализмом), а не конфликтно-компромиссными политическими взаимодействиями социальных субъектов гражданского общества. Результатом такого социального механизма было насильственное уравнивание всех в относительной нищете, несвободе и социально-политической пассивности. Несогласные репрессировались.

Важнейшие характеристики социального положения трудящихся в тоталитарном СССР таковы.

а) *Отстранение трудящихся от власти в обществе и от власти в хозяйстве* при одновременном демагогическом объявлении социалистической (народной) демократии, общенародного характера государства, общенародности государственной собственности, ведущей роли рабочего класса в жизни общества и т.п. Диаметральная противоположность социалистической фразеологии о положении трудящихся и реального казарменно-“социалистического” их положения сформировали устойчивую внутреннюю отчуждённость трудящихся масс как от социалистической фразы, так и от практической социальной политики правившей КПСС.

б) *Высокий уровень эксплуатации труда.* Уровень эксплуатации труда существенно превышал уровень эксплуатации в развитых капиталистических странах и средний для Западной Европы. Это следует отметить хотя бы для “переклички” с верным и ценным замечанием В.В. Путина о том, что “мы ─ европейцы”. Государственная пропаганда наличие эксплуатации не просто отрицала: такой вопрос не мог быть принят даже к рассмотрению, так как социализм по самому своему определению есть общество без эксплуатации, а в СССР было объявлено о построении не просто социализма, а развитого социализма. Кроме того, о какой эксплуатации может идти речь, если общество состоит только из рабочих, крестьян и народной интеллигенции? Никаких иных социальных групп, которые могли

бы считаться эксплуататорами, в СССР официально не признавалось.

в) Методы эксплуатации основывались *на государственном принуждении*, включая массовые репрессии, массовый рабский труд заключенных[104], труд ущемлённых в гражданских правах и свободах колхозников.

В трудовых отношениях тоталитарного общества органически переплетались отношения господства-подчинения, подобные ранее известным (рабству и крепостничеству), с новыми замаскированными, но, несомненно, антигуманными способами экономического и внеэкономического принуждения. При этом господствующий способ привлечения (точнее, принуждения) людей к труду, который использовался на государственных предприятиях, лишь по форме был способом найма лично свободных работников. По сути же “нормальный” для казарменного псевдосоциализма труженик (как уже говорилось выше, в главе 2) представляет собой тип солдата трудовой армии, лишённого реальных прав и свобод человека.

Две иллюстрации.

1) Замысел системы государственного принуждения подробно изложен Л.Д.Троцким[105]. Вот только две выдержки из этого замысла:

“…Основным рычагом поднятия хозяйства страны является, следовательно, живая рабочая сила, её ор-

---

[104] См.: Рабский труд в СССР // Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа. Вып.3. М.: ИППС. 2002. С. 39-42; Справочник “Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960 / Общество “Мемориал” и Государственной архив Российской Федерации. М.: Изд-во “Звенья”. 1998.

[105] См.: Как вооружалась революция (На военной работе). О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд. Тезисы ЦК РКП / Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат. 1990. С.151-158.

ганизация, её распределение и целесообразное использование".

"…Законченное проведение начал всеобщей трудовой повинности в рамках общехозяйственного плана сможет быть осуществлено путём усовершенствования всего административного и хозяйственного аппарата страны и введения во всеобщий обиход трудовой книжки, которая давала бы точное определение места, занимаемого каждым гражданином и каждой гражданкой Советской республики в хозяйственной системе и в системе обороны страны".

б) Объявление городских властей Владимира периода первой пятилетки (в редакции оригинала):

ОТ РИК-а, ГОРСОВЕТА И ОТДЕЛА ТРУДА

Владимирский райисполком, горсовет и отдел труда в связи с постройкой завода "Авиоприбор" в г. Владимире предлагает в 5-дневный срок со дня помещения объявления явиться и встать на учёт в отделе труда лиц следующих квалификаций:

1. Инженеры, техники и мастера металлообрабатывающей промышленности всех видов.

2. Специалисты точной механики всех видов.

3. Слесаря, токаря и фрезеровщики.

4. Часовщики.

Явка обязательна для лиц упомянутых квалификаций, проживающих на территории Владимирского района, за исключением железнодорожников, которые совершенно не встают на учёт и лиц, которые проживают от Владимира на расстоянии 5 километров.

Сведения о последних дают руководители предприятий и учреждений по следующей форме,

1) Фамилия, имя и отчество; 2) Год рождения; 3) Число лет работы по данной квалификации; 4) Адрес предприятия.

На руководителей организаций, учреждений возлагается обязанность дачи сведений и обеспечить явкой требующиеся квалификации.

Являться на учёт и давать сведения влад. отделу труда: здание РИКа, 2-й этаж, комн. № 42.

РИК,
Горсовет, Отдел труда.

Главная характеристика социально-трудовых отношений казарменного псевдосоциализма — принудительность труда, использование принуждения правящей кастой государства в качестве универсального инструмента, в качестве типовой технологии управления трудом. Это равным образом относится как к трудовым отношениям в секторе хозяйства, который называли государственным, так и к трудовым отношениям в секторе, который считался коллективным (кооперативным). На самом деле никакой коллективной собственности в наших сельских колхозах не было. Был там, напротив, диктат аппарата, насильственное сведение хозяйственных и трудовых прав к минимуму. При этом государство практически полностью устранялось от какой-либо ответственности за уровень доходов колхозников, за устойчивость социально-экономического положения колхозов.

Если не вникать по существу в характер социально-трудовых отношений в тоталитарном СССР, то едва ли можно понять, почему столь странно вели себя трудящиеся во время шоковых реформ: соглашались на систематическое (и массовое) нарушение работодателями их трудовых прав, работали при многомесячной задержке зарплаты, покорно под диктовку администрации писали заявления с просьбой отправить их в неоплачиваемые отпуска или уволить "по собственному желанию".

г) Уровень жизни складывался посредством *централизованной организации государством распределения и перераспределения доходов и нормирования социальной инфраструктуры.* Целевая установка такой распределительной политики — минимизация необходимого продукта, тяготение к уравнительному аскетизму и стандартизации массового (народного) потребления. При этом — система кастовых льгот и привилегий, охватывающая всё населе-

ние. По форме (и по пропаганде) существовало распределение по труду. Фактически же и размеры вознаграждения, и способы его получения (складывания) определялись как “положенное” государством, разрешённое, санкционированное им. Тот же характер имело и распределение жилья, социальных услуг, льгот, пособий, помощи и т.п.

д) Социальная защита в тоталитарном СССР основывалась (как в войсках и в казарме) *на принципах ответственности за нормативное обеспечение “личного состава” тем, что ему “положено”.*

При командно-карательной организации производства и казарменной организации быта есть возможность и необходимость исключить риски безработицы, бездомности, безземельности. Способ социализации (социальной интегрированности) — командно-принудительный, но это социализированность, пусть и казарменного типа. К содержательным характеристикам казарменной социализированности (а тем самым и защиты) следует добавить гарантирование определённого стандартного уровня социального обслуживания (просвещения, здравоохранения, культурного обслуживания, образования и т.п.).

Наконец, и это прямо корреспондирует с выше сказанным, социальная защита строилась из принципа минимизации, а потому не использовались методы урезания уже достигнутого “положенного”. Так, государство (вплоть до конца 60-х годов) не применяло инфляцию как средство понижения доходов населения. С 1966 г. (наступало уже загнивание, порча тоталитарного порядка) стала применяться подавленная инфляция, но в качестве определённого компенсатора использовалось адресное натуральное распределение для ряда, как выражалась тоталитарная власть, “категорий населения”. Это и “сертификаты”, и особое снабжение продуктами предприятий ВПК, и множество иных “адресных” методов.

В целом достигнутый уровень жизни казался трудящимся защищённым от рисков понижения.

е) Казарменное тоталитарное общество формировало *социально разрозненных, политически пассивных*

людей. Права и свободы граждан были записаны в Конституциях и в законах, но не было никаких механизмов их востребования и защиты от нарушения в массовых масштабах по произволу правящей касты. Гражданин, а тем более группа граждан, собравшиеся воспользоваться своими правами и особенно настаивающие на них, автоматически оказывались в конфликте с “системой”, превращались в “нелояльных” и зачастую преследовались как противники “системы”. Но очень многие даже не догадывались о подобных опасностях. Они были социально пассивны, послушны, проявляли активность и энтузиазм только в общественно организованных формах, в отведённое для этого время и в надлежащих местах. К концу тоталитарного периода властям не требовалось собственными силами проводить весь объём принудительных мероприятий. “Отрихтованная” тоталитаризмом общественность сама ставила на место отлынивающих от работ “по разнарядке” на овощных базах, сама включалась в андроповские облавы 1983 года, борясь таким образом за дисциплину, сама определяла, кто достоин, а кто не достоин поехать в турпоездку за границу и т.п.

ж) Трудящиеся в массовых масштабах подвергались неблагоприятным экологическим воздействиям. Преступления властей СССР в этой области чудовищны. Ставшее достоянием гласности преступное поведение властей в период чернобыльской катастрофы в апрелемае 1986 г. — далеко, надо полагать, не самое масштабное и бесчеловечное.

з) Охрана труда на предприятиях находилась на уровне значительно более низком, чем на предприятиях Европы.

Социально-структурные преобразования в социально-трудовой сфере, которые необходимы при переходе от тоталитаризма к демократии. Речь идёт о закономерных изменениях при смене общественного устройства, о практических задачах демократической революции в сфере перемены положения трудящихся. Поста-

раемся рассмотреть этот аспект именно в плане объективных общественных потребностей, без учёта деформаций, которые, конечно, могут возникнуть в ходе любой революции. В четвёртой русской революции при осуществлении демократических реформ деформации возникли. Но об этих усложняющих обстоятельствах — позже. Сейчас — о том, как должно было бы быть и могло бы быть.

Прежде всего, следует прямо поставить вопрос, который получил в 90-е годы совершенно неправомерный ответ. Почему-то считается, что при переходе от одного общественного строя к другому положение большинства должно ухудшаться. Никакой серьёзной постановки этого вопроса и никакого серьёзного его обсуждения в литературе нет. По моему мнению, ***нет и не может быть аргументированных доказательств*** неизбежности и тем более безальтернативности ухудшений социально-трудового положения большинства в результате демократической антитоталитарной революции. Напомню, кстати, что Президент РСФСР Б.Н.Ельцин, обращаясь к народу 28 октября 1991 г. и излагая программу реформ, говорил лишь о трудностях первых 8 месяцев (до августа 1992 г.). О том, что положение по ряду существенных параметров ухудшится резко и надолго, речи не было.

Рассмотрим, во-первых, все важнейшие направления демократических преобразований социально-трудовых отношений, которые должны были и могли произойти в рамках антитоталитарной революции; определим, во-вторых, качественные рубежи, на которые революционные реформы закономерно должны вывести условия жизнедеятельности трудящихся в разных её сферах; в-третьих, специально зададимся вопросом о вероятности и факторах устойчивых ухудшений, могущих проистечь из самой природы демократических социально-структурных реформ.

Первое направление демократических реформ социально-трудовых отношений — восстановление в полном объёме реальных гражданских прав и свобод для

любого гражданина, а значит и для трудящегося большинства.

В условиях ухода от тоталитаризма это означает, прежде всего, исключение из жизни общества и из сферы общественно организованного труда и производства любых форм принудительного, полупринудительного и закамуфлированного “под энтузиазм масс” якобы добровольного массового бесплатного труда, а также трудовых повинностей “по разнарядке” (на уборке урожая, на уборке улиц, на овощных базах и т.п.) и пр. Эта поворотная мера, без сомнения, только улучшает положение трудящегося большинства населения, освобождает его от некомпенсировавшейся трудовой повинности и защищает человеческое достоинство трудящегося. Эта мера является позитивной для предпринимателей, которые вынуждены были обеспечивать направление трудящихся на трудовую повинность, оплачивая это отвлечение от основной работы по среднему размеру заработка. Негативно была воспринята эта мера местными властями и руководителями предприятий, пользовавшихся дармовым трудом (зачастую и с плохим, в духе надзирательства отношением к “пригнанным на работу”)[106].

С позиций восстановления гражданских прав и свобод получила моральное и общественно-политическое осуждение практика массового рабского труда в ГУЛАГе и “химиков” в 70-80-е годы, а также полукрепостного труда в большинстве колхозов. Оценка с по-

---

[106] Примечательный факт истории. В первую же уборочную осень 1992 г. подмосковным колхозам и совхозам помощь на уборке горожанами и солдатами была предложена не на принудительных основаниях, а за 25 рублей в день (недорого). Большинство руководителей сельхозпредприятий от помощи отказались. С тех пор подросло уже целое поколение россиян, которым трудно объяснить, что такое “разнарядка” на уборочную, на овощную базу, вообще — что такое и зачем трудовая повинность.

зиций международного гуманитарного права этим деяниям тоталитаризма пока не дана.

Восстановление в полном объёме гражданских прав и свобод призвано стать принципиальным основанием для кардинальной перемены всех трудовых отношений, в которых трудящийся является участвующей стороной. Отношения найма, страхования социальных рисков, коллективный договор, переговоры с работодателем, трудовой спор (конфликт), претензии, требования, защита социально-трудовых прав и свобод и многие другие конкретные формы социально-трудовых взаимоотношений, становясь демократическими, меняются по существу. При тоталитаризме это для большинства — отношения командира и солдата, отношения действующего по усмотрению или по указанию начальника, с одной стороны, и действующего вынужденно, подчиняющегося безропотно, чувствующего себя по большому счёту беззащитным работника — с другой стороны. В демократическом обществе в социально-трудовых отношениях верховенствует закон, правоприменение и правопорядок обеспечиваются и гарантируются государством, включая судебную систему и неукоснительное исполнение судебных решений. Нарушение социально-трудовых прав и свобод пресекается, а нарушенные социально-трудовые права и свободы восстанавливаются (и это гарантировано государством).

Трудно представить, что же во всём этом может быть ухудшающим социально-трудовое положение большинства. Для меньшинства граждан переход от тоталитаризма к демократии, действительно, может быть нежелательным и ухудшающим их положение. Это меньшинство, по моему мнению, состоит по преимуществу не из бывших начальников, привыкших управлять командно-карательными методами (хотя среди них есть, конечно, фанатики и “мессии”, склонные силой осчастливливать людей и человечество, нарциссы, любующиеся своей суровой справедливостью, и пр.). Искренне горюющее по ушедшим тоталитарным порядкам меньшинство состоит в основном из людей с активным рабским сознанием, из представителей

тоталитарного “среднего класса” и тех каст, которые социально паразитировали при тоталитарном режиме. Их судьба и чувства — это судьба и чувства “бедного Руслана”[107].

Второе направление демократических реформ социально-трудовых отношений (его целесообразно выделить как особое) — приобщение системы социально-трудовых отношений России к международному пространству социально-трудовых отношений. Мировое сообщество накопило немалый багаж представлений, принципов, норм, традиций регулирования социально-трудовых отношений. Традиция признания и активной поддержки и защиты политических и экономических прав и свобод человека и гражданина была после Второй мировой войны развита в идеологию и практику признания, поддержки и защиты не только политических и экономических, но и социальных прав и свобод. Признание в ходе демократических реформ общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России составной частью её правовой системы (как это сделано в п.4 статьи 15 Конституции РФ) ни в коей мере не может ухудшить социально-трудовое положение россиян. Напротив, это дополнительный фактор социальной защиты.

Третье направление демократических реформ социально-трудовых отношений — смягчение эксплуатации. Демократические преобразования упраздняют не только принудительный труд, но и хищническую эксплуатацию — ненормально высокую интенсивность труда, произвольное (без учёта сложившейся системы привычных потребностей, без учёта социокультурных особенностей, без учёта международных принципов и норм) занижение уровня заработков и доходов. Они отменяют также дискриминацию в трудовой сфере по национальным, партий-

---

[107] Руслан — кличка овчарки, охранявшей заключённых в лагере, из повести Г.Владимова “Бедный Руслан”.

ным и религиозным признакам (такая дискриминация имела место в СССР и по источнику своего происхождения носила государственный характер).

Смягчение эксплуатации при демократических реформах социально-трудовой сферы не является утопией (или, как теперь модно выражаться в государственных структурах России, “государственной ложью”) в смысле принятия решения, заведомо не имеющего материально-финансового обеспечения. Напротив, демократизация страны может и должна вести к отказу от планов внешней военной и экономической экспансии, к разумной, но весомой демилитаризации и к экономии на военных расходах и расходах на помощь зависимым режимам. Кроме того, демократизация предполагает устранение бесхозяйственности, технико-технологического застоя производства, бюрократизма, огромного аппарата политической слежки и контроля над лояльностью, аппарата цензуры, компенсируемых низкой оплатой труда. Есть опубликованные расчёты: в 70-е годы за одинаковый по квалификации, производительности, интенсивности и результатам труд в СССР платили 25-30% западноевропейской цены. Отчего бы в ходе демократических реформ не поднять это соотношение хотя бы до 50-60%? Уровень эксплуатации при этом всё равно оставался бы почти вдвое выше западноевропейского, а бремя эксплуатации в нашей стране существенно смягчилось бы.

Четвёртое направление демократических реформ социально-трудовых отношений — прекращение безответственного отношения властей и предпринимателей к делу охраны труда на предприятиях и к защите от экологических рисков. Дело здесь и в налаживании судебного преследования за служебные упущения и преступления, влекущие вредные последствия для здоровья, и в общественном контроле, и в ужесточении солидарных экологических требований государства и общества к предпринимательству.

Пятое направление демократических реформ социально-трудовых отношений — формирование реально многосубъектного управления хозяйством, возникновение самостоятельных хозяйствующих субъектов. Подчеркнём, что перемена эта обеспечивается не появлением частной собственности и других (многих) форм собственности, а именно переменой самого статуса как низовых, так и иных хозяйственных звеньев. Если бы, представим себе, от тоталитаризма страна пошла бы по пути не буржуазной, а социалистической демократии, то рассматриваемая перемена была бы точно такой же, хотя государственная собственность оставалась бы преобладающей в хозяйстве. Демократический характер перемены состоит не в том, что хозяйством прежде управляло государство, а теперь управляет не государство. Суть в том, *каким* было управление прежде и каким становится при демократии. При тоталитаризме предприятие было подразделением государства, и государство управляло им так, как управляют военным подразделением. Предприятие было сведено к роли изготовителя продукции. Оно самостоятельно не планировало производство, не выходило на конъюнктурный рынок, не испытывало хозяйственных рисков и не пыталось искать способы рационализации хозяйствования. Хозяйственные риски и реакцию на них брало на себя государство. Оно, стало быть, было одновременно и собственником, и предпринимателем, и законодателем, и исполнительной властью, и судебной властью. Большинство трудящихся фактически были отстранены от всех этих социальных ролей. Трудящийся, как тогда говорили, был один на один с “системой”. Один на один потому, что все общественные организации (профсоюзы, например) могли существовать (согласно Конституции СССР и в реальности), только имея “ядром” правящую КПСС.

Демократическая система разделяет социальные роли, не допускает монополию на власть, предприятия (даже государственные) управляются не государством непосредственно, а предпринимателями, управляющими. Предприятие становится самостоятельным товаропроиз-

водителем, хозяйствующим на свой риск, отвечающим по своим обязательствам, в том числе и перед наёмными работниками. Трудящийся не находится в демократическом обществе во взаимоотношении с монолитом всей власти; он может взаимодействовать с субъектами, функции и компетенции которых разделены, ограничены и могут быть оценены на предмет соответствия или несоответствия законам. Добиваться правды, востребовать свои права и свободы, действовать в соответствии со своими интересами становится при демократии реально возможно, не безнадёжно. То есть демократия кладёт предел произволу в хозяйстве, жертвами которого в тоталитарных условиях становятся трудящиеся. Хозяйственные риски не могут произвольно компенсироваться за счёт трудящихся.

Шестое направление демократических реформ социально-трудовых отношений — кардинальная перемена типа социальной защиты. С переменой общественного устройства меняется система социальных рисков, поскольку социальные риски — это опасности нарушения нормального социального положения, укоренённые в самом общественном устройстве. Другое устройство — другие и исходящие от него опасности. Отсюда и потребность реформы социальной защиты.

Тоталитарная система социальной защиты практически целиком “соткана” из государственных социальных гарантий. Это естественно, поскольку единственным реальным субъектом действия в этой сфере (защитником) является государство. Государственные гарантии традиционно считаются самым надёжным видом защитительных действий. Казалось бы, здесь превосходство не на стороне демократии, поскольку демократия принципиально построена на многосубъектности выполнения любых общественно значимых задач, а потому не всё в системе социальной защиты надёжно на уровне государственных гарантий. Помимо гарантий государства в демократической системе социальной защиты присутствуют страховые механизмы, обязательства разных хозяйствующих и общественных субъектов, страхующих (страхователей) и несущих ответственность за возникновение опасностей и ущерба.

Демократическое государство принципиально не берёт на себя всю полноту задач социальной защиты. А тоталитарное не только берёт всю полноту таких задач, но и не подпускает к их решению иных реальных субъектов. Только контролируемые государством субъекты могут пособлять ему по его поручению и по его указаниям исполнять часть доверенных им государством функций (например, огосударствленные советские профсоюзы осуществляли на таких условиях исполнение бюджета социального страхования, а государственные страховые учреждения — добровольное страхование от некоторых рисков).

Исключительно государственный уровень социальных гарантий был бы предпочтителен, если бы государство не было тоталитарным, то есть заботящемся не о благе народа, а о достижении своих амбициозных проектов, осуществляемых посредством минимизации уровня жизни и уровня социальной защиты. При одном и том же уровне развития экономики демократическая система обеспечивает более высокий и более надёжный уровень социальной защиты, чем тоталитарное государство. Это доказано европейской и мировой практикой.

Седьмое направление демократических реформ социально-трудовых отношений — возникновение социального феномена и социального механизма *свобод.* Почти все известные гражданские свободы записаны в конституциях тоталитарных государств. И ни одна из них не может быть реализована. Потому что правоприменение при тоталитаризме носит разрешительный характер. По логике тоталитаризма, и свободы должны реализовываться не иначе как с разрешения (в советской терминологии — при одобрении, при “поддержке”) властных инстанций. Но тогда это не свободы.

Демократия заменяет разрешительное право и правоприменение на запретительное (“что не запрещено и пока не запрещено *законом,* — то дозволяется). Благодаря

этому возникает общественное пространство дозволительных, не требующих разрешения, одобрения или "поддержки" начальства действий — реально свободных действий. Для развития и гуманизации социально-трудовых отношений появление реальных гражданских свобод трудно переоценить. Участники этих отношений (и работодатели, и собственники, и государственные органы, и муниципалитеты, и общественные организации, и трудящиеся) получают реальную возможность искать и находить оптимальные варианты решений проблем и формы взаимоотношений. И для работников, и для работодателей открывается поприще реальной самозащиты индивидуальных и социально-групповых интересов. Социально-трудовые отношения оживают и наполняются тонусом живых взаимодействий, противоречий, договорённостей, компромиссов, конфликтов, соглашений, перемирий.

Демократия открывает возможность создания настоящих, живых профсоюзов и других организаций трудящихся, их политических партий. У трудящихся классов возникает реальная возможность самим культивировать и обустраивать общественное пространство своей жизни, накапливая культуру и опыт плодотворного сопротивления эксплуатации и опыт завоевания более благоприятного социально-трудового положения.

Таковы, на мой взгляд, основные направления демократических преобразований социально-трудовых отношений при выходе страны из тоталитарного состояния. Надеюсь, в моём рассмотрении не содержится эйфории. Вывод получается такой: демократические преобразования социально-трудовых отношений *не содержат в себе причин непременных ухудшений каких-либо существенных сторон социально-трудового положения большинства населения*. Напротив, в демократических преобразованиях *содержатся факторы существенного улучшения социально-трудового положения трудящегося большинства населения.*

Реальность же российских реформ социально-трудовых отношений 90-х годов, прошедших на волне антитоталитарной революции и под лозунгами перехода к демократии, ***очень далека от описанных выше объективных (историко-логических) возможностей***. Целая череда очевидных ухудшений не требует специальных доказательств. На их фоне меркнут и не вызывают достойной положительной оценки демократические улучшения. Следует вскрыть причины столь разительного расхождения возможностей радикальной демократизации социально-трудовых отношений и их реальных преобразований в 90-е годы в России.

Соотношение сил при осуществлении социально-структурных реформ в 90-е годы. Проистекающие из соотношения сил приоритетность преобразований и распределение "тягот реформ". Фундаментальный факт, в решающей мере определивший соотношение социальных сил в России при осуществлении социально-структурных реформ в 90-е годы, — отсутствие широкого организованного демократического движения трудящихся. Историческая роль такого движения заключалась бы, во-первых, в формулировании, программном оформлении, предъявлении требований, отражающих интересы большинства, а во-вторых, в организованном демократическом действии, ***заставляющем*** правящие круги достойно учесть требования большинства при формировании и осуществлении программ социально-структурных реформ.

Есть признаки, что правящие реформаторы и их западные консультанты в принципе допускали мысль, что трудящиеся массы могут заявить о своих претензиях и интересах. Именно этими допущениями и ожиданиями объясняются штрихи "народной приватизации" при акционировании предприятий, ваучерные комбинации и т.п. Могу свидетельствовать по личным наблюдениям о психологии взаимоотношений трудящихся и властных структур в 1990-1992 гг. В правительственных кругах происходило напряженное отслеживание настроений "в низах". На прямые

вопросы типа: “До каких пределов намерены вы давить на народ?”, ответы были честные: “Пока терпеть будут”.

На деле, как можно констатировать теперь, со стороны трудящихся имело место не терпение, а и идейная, и организационная неготовность к маломальскому гражданскому сопротивлению. К такому выводу приводило и проведённое мною исследование состояния общественного сознания трудящихся конца 80-х - начала 90-х годов[108].

Отсутствие на общественной арене России полноценного влиятельного субъекта социальной политики, представляющего интересы трудящихся, вызвало неравновесие социальных сил при проведении социально-структурных реформ. Перевес сил был на стороне заинтересованных в форсированной приватизации и капитализации страны. Напомним, что это были, во-первых, номенклатура КПСС, выдвинувшая лозунг “разгосударствления и приватизации государственной собственности” ещё в январе 1990 г. и активно проводившая “номенклатурную приватизацию” в 1990-1991 гг., и, во-вторых, пришедшие к власти демократы. И те, и другие в своих устремлениях к созданию крупных частных состояний пользовались поддержкой международного капитала. Он имел свои интересы в четвёртой русской революции и свои технологии обеспечения этих интересов. Интересы этих трёх сил (для упрощения картины не станем вовлекать пока в рассмотрение теневой капитал, заматеревший во времена брежневского “застоя” и прочно сросшийся с номенклатурой) и определили приоритеты в социально-структурных реформах в 90-е годы.

Главным их интересом была власть в хозяйстве — собственность. Они воспринимали её, правда, примитивно — как имущество. Новые хозяева, как правило, полагали достаточным “записать на себя” права собственности, чтобы иметь возможность выгодно продать “окученное”. Редко кто из новых собственников имел намерение хозяйствовать[109]. Основная хозяйственная работа переместилась в период приватизации из реальной экономики в сферу финансовых спекуляций, на фондовые и товарные биржи. Вспухшая банковская сфера не занималась капиталовложениями в реальную экономику и её кредитованием. Теневой капитал был свободен и востребован, как никогда. Бушевало первоначальное капиталистическое мародёрство, активно регулируемое государственными федеральными и региональными властями. Кому в это время было дело до каких-то там социально-трудовых отношений? Они оставались вне поля главных интересов активных социальных сил, на периферии событий, на периферии так называемых рыночных реформ.

Всё, что происходило в 90-е годы в сфере социально-трудовых отношений и составило в итоге их радикальную реформу, — всё это возникало и далее существовало как **следствие (последствие, часто побочное)** главных событий реформы. Возникало и существовало не потому, что какая-то из главных социальных сил этого активно добивалась, а потому, что “так складывалось” в условиях неравновесия социальных сил. То, что должна была бы не допустить социальная сила, отстаивающая интересы трудящегося большинства населения, оказывалось допустимым из-за отсутствия подобной силы[110]. Такая вот механи-

[108] Обобщающая публикация тех лет на эту тему: Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии (идейные представления и требования трудящихся в ходе четвертой русской революции). М. 1993 (второе издание – М. 2001 г.).

[109] Очень трогательный доклад о новаторских подходах к управлению корпорацией довелось мне слышать на конференции 3 апреля 2003 г. в ГУ ВШЭ. Олигарх Каха Бендукидзе в течение часа увлечённо рассказывал, как он со своей командой открывал и внедрял кое-что из азов внутрифирменного хозрасчёта.

[110] Будь у нас в 90-е годы социально ответственная государственная власть, да просто власть, обладающая элементарной управленческой культурой и совестью, — государство не допустило бы такого обращения капитала с трудящимися. Но такой государственной власти в

ка формирования решений и мер “по реальному соотношению социальных сил” неизбежно привела к тому, что *основные (если не все) тяготы реформ сосредоточились у трудящихся, легли на их бюджеты, на их здоровье, на их судьбы.*

Рассмотрим основные линии перемен в социально-трудовых отношениях, как они произошли в реальной обстановке 90-х годов в России.

Первая линия перемен в социально-трудовых отношениях — следствия (последствия) скоропалительной, не подготовленной открытости российской экономики.

Международный капитал, спроектировавший и финансировавший социально-структурные реформы, рекомендовал и требовал “как можно быстрее перейти к открытой и децентрализованной системе торговли и валютных курсов в целях ускорения интеграции советской экономики в мировое хозяйство”[111]. “...Открытие советской экономики для иностранной конкуренции посредством либерализации торговли должно явиться важной составной частью программы реформ, повышающей эффективность размещения ресурсов и ослабляющей инфляционное давление”.[112]

Эти формулы — не что иное, как оформление ***глобализационного характера реформ***, при которых российской экономике отводится роль донора, жертвы капиталистической глобализации.

Немедленное открытие российской экономики для

России 90-х годов не было. Уж если гарант Конституции Б.Н.Ельцин выхлопотал себе освобождение от преследования за уголовные преступления за период двух президентств, то о какой социальной ответственности и о какой совести можно говорить?

[111] Экономика СССР: выводы и рекомендации (Доклад группы экспертов МВФ, МБРР, ОЭСР и ЕБРР) // Вопросы экономики. 1991. № 3. С.24.

[112] Там же. С.32-33.

иностранной конкуренции состоялось. Ожидалось, что “...на предприятия, которые были бы конкурентоспособными, *при наличии у них времени для преобразований* (курсив мой. – Г.Р.), может лечь непосильное бремя”[113]. Оно и легло. Тем более непосильное, что не только времени для преобразований (подготовки) не было дано, но и оборотные средства были конфискованы мерами 2 января 1992 г.

Чем можно было бы компенсировать такое “непосильное бремя”? То есть какими могли быть способы помощи предприятиям в понижении издержек ради поддержания их конкурентоспособности? Можно было понизить налоги, сдержать цены на отечественное сырьё, электроэнергию, топливо и др., дать поддерживающие государственные кредиты и т.п. Нет, ничего этого сознательно не было сделано. Имя этой сознательной блокировки поддерживающих отечественные предприятия мер — монетаризм. Оставалось два пути. Первый — экономия на таком элементе издержек, как оплата труда. Второй — стремительное развитие незаконного предпринимательства (запрещённые законом занятия плюс ведение предпринимательства с нарушением норм законов). По данным В.В.Путина, доля заработной платы в ВВП сократилась за 1992-1999 гг. с 50 до 30%[114] (при двукратном сокращении объёма ВВП). Теневой сектор экономики достиг к середине 1990-х годов размеров, паритетных с легальным сектором.

Оба эти следствия открытия экономики для иностранной конкуренции, по сути внезапного для отечественных товаропроизводителей, подорвали важные основы социально-трудовых отношений. Во-первых, резко понизился объём ресурсов на оплату труда, чем был грубо нарушен макроэкономический закон необходимого продукта. Во-вторых, создано общероссийских масштабов поприще недобросовестной конкуренции на рынке труда, оформился и

[113] Там же. С.26.

[114] “Независимая газета”, 30 ноября 1999 г.

стал функционировать по своим законам теневой рынок труда. Закон законов теневого рынка труда — полная социальная беззащитность работника, полная социальная безответственность теневого предпринимательства, сговор теневого работника и теневого работодателя против государства и общества относительно игнорирования норм трудового и социального законодательства с перекладыванием вредных последствий теневого предпринимательства и теневой занятости на государство и общество. Если резкое урезание объёмов необходимого продукта — причина дистрофии социально-трудовой сферы, то теневой рынок труда — её раковая опухоль.

Вторая линия перемен в социально-трудовых отношениях — следствия (последствия) намерения властей осуществить немедленную и притом форсированную приватизацию. Президент Б.Н.Ельцин, чьим именем по праву должны называться реформы 1990-х годов, отчётливо формулировал эти намерения: то, для чего Европе потребовались столетия, Россия должна осуществить за считанные годы. Конечно, МВФ подогревал и приветствовал это намерение: "...Конечная цель реформы собственности заключается в приватизации почти всех предприятий в СССР...", "Быстрая приватизация не только ускорит получение выгод от частной собственности, но может также принести государству доход..."[115]. Однако в деле приватизации международный капитал не ставил ультиматумов насчёт ускорения. Власти СССР, а затем власти новой России действовали в этом направлении сверхударно, не успевая даже конституционно и законно оформить приватизационные меры.

Подчеркну: сама по себе смена форм собственности мало влияет или вовсе не влияет на решающие параметры социально-трудовых отношений. Напротив, *демократическая* реформа собственности помогла бы плодо-

[115] Экономика СССР: выводы и рекомендации (Доклад. группы ...) // Вопросы экономики. 1991. № 3. С.37.

творному развитию социально-трудовых отношений. Демократическая (точнее, буржуазно-демократическая) реформа, учитывающая российские особенности реформируемого состояния, должна была бы происходить на основе добровольного выбора трудовыми коллективами новой формы собственности. Поиск эффективного собственника обеспечивает именно свобода выбора и перевыбора формы собственности[116].

Приватизация в России осуществлялась с нарушением самых главных основ демократической реформы собственности: она осуществлялась в принудительно заданные сроки и с принудительным результатом — должна была получаться частная и только частная собственность. Иным формам сознательно и деятельно перекрывались реальные возможности появления и функционирования. Этому служило пропагандистское обеспечение: все средства массовой информации были включены в третирование не только государственной, но и коллективной собственности работников как заведомо якобы неэффективных. Эффективной, вбивалась в головы мысль, может быть частная, исключительно частная форма собственности.

Государству приватизация не принесла сколько-нибудь существенных доходов[117]. То, что не получило го-

[116] О концепции буржуазно-демократической реформы собственности в условиях России см., например: Ракитская Г.Я. Место трудящихся в будущей России (противоборство идей и реальных тенденций: 1987 – начало 1992 гг.) / Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения. М.: Институт экономики РАН. 1992. С.48-50.

[117] Из записки зам. Председателя Правительства РФ В.Поливанова Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину от 18 января 1995 г. "Анализ первого этапа приватизации...": "По сути, произошло крупнейшее в истории России разбазаривание государственной собственности, что само по себе явилось одним из источников кризиса и заложило основы многочисленных будущих конфликтов, направленных на передел собственности...".

сударство, получили частные лица в государственной власти или около государственной власти (назначенные властью олигархи).

Принудительный и притом “прорывной”, ускоренный характер приватизации в нескольких существенных аспектах сказался на социально-трудовых отношениях.

а) Не самый актуальный, но всё же существенный аспект — утрата трудящимися формального права собственности на средства производства, предприятия, на всё государственное имущество. Фактически трудящиеся утратили роль собственников тогда, когда партийно-хозяйственная номенклатура узурпировала и монополизировала хозяйственную власть. Однако при выходе из тоталитаризма, когда номенклатура исчезла как каста, формальное право общенародной (государственной) собственности могло бы наполниться реальным демократическим содержанием. Начало этого процесса наблюдалось в конце 80-х – начале 90-х годов[118].

В ходе приватизации было запрещено передавать акции коллективу общим пакетом и крайне затруднено соединение индивидуальных акций в один пакет. Из трудящихся намеренно делали *не сохозяев*, а мелких и мельчайших *продавцов* права собственности.

Принудительный и по преимуществу незаконный характер приватизации оставляет вопрос о её результатах открытым и зависящим от соотношения социальных сил.

За 500 крупнейших приватизированных предприятий (их стоимость 200 млрд. долл. США) начислено 7,2 млрд. долл. (3,6% цены). (Цит. по: Трудовая демократия. Вып. 4. Ракитский Б.В. Приватизация и профсоюзы: первоначальное накопление капитала обостряет потребность в профессионально-политических союзах. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1997. С.28, 25).

[118] См. об этом подробнее: Ракитская Г.Я. Место трудящихся в будущей России (противоборство идей и реальных тенденций: 1987 – начало 1992 гг.) / Производственная демократия: теория, практика и проблемы внедрения. М.: Институт экономики РАН. 1992.

Сейчас каждый новый Президент РФ и кандидат в Президенты вынуждены делать программное заявление об отношении к результатам приватизации. Не исключено, что при ином соотношении сил будет заявлено о недействительности приватизации. Это социальная мина долговременного действия.

б) Пока шло растаскивание собственности, реальное производство приходило в упадок. В первые этапы приватизации было отмечено как весьма распространённое преднамеренное “подведение предприятий к банкротству” с целью скупки его активов по дешёвке. Но главное даже не в этих манёврах, а в перенесении центра хозяйственных интересов и хозяйственной жизни из реального сектора экономики в спекулятивный. В течение десятка лет социально-трудовые отношения корёжатся борением интересов, далёких от созидания, от развития производства.

в) Многие трудящиеся, способные и желающие заняться “собственным делом”, были блокированы в своих правах выбрать подходящую форму собственности для “своего дела”. Выбор был для них принудителен — частная собственность. От этого сильно пострадали в начале 90-х годов колхозники и работники совхозов, которых прямотаки принуждали и вынуждали становиться фермерами. Невозможно было организовать производственный кооператив в городе. Мелкое и среднее предпринимательство без наёмного труда не смогло воспользоваться выгодами подходящих для себя и эффективных форм собственности и хозяйствования (особенно такими, как кооперативная, коллективная арендная, некоммерческие предприятия). Гражданские права части трудящихся (ненаёмных и самозанятых) были ущемлены.

Третья линия перемен в социально-трудовых отношениях — следствие гипертрофированной вовлечённости государства в процесс создания крупных частных состояний. Крупные собственники фактически назначались государством (олигархи) посредством создания им

особых условий деятельности, особого механизма передачи государственного имущества в частную собственность, прямой подпитки крупной частной собственности государственными средствами. Государственный бюджет стал одним из источников вливаний в частную собственность. Другой источник — иностранные займы государства. Кроме того — регулярные и значительные налоговые льготы и преимущества, что равноценно дотациям из бюджета. Российское государство делало перераспределение средств в таких масштабах, которые присущи социальным государствам. Но только наше государство делало крупномасштабные перераспределения доходов в прямо противоположном направлении — *не от богатых к бедным,* а *от бедных к богатым.* Демократическое социальное государство своей перераспределительной деятельностью добивается обычно социальной устойчивости общества, иногда даже социального партнёрства. Российское государство своими крупномасштабными перераспределениями, напротив, создавало неустойчивость, застойную кризисность общества. Создалась нежизнеспособная модель государственных действий и хозяйствования, удачно названная Б.Е.Немцовым (в 1996 г.) и др. “бандитским капитализмом”.

На социально-трудовых отношениях такая государственная политика перераспределений разрушительно сказалась по двум направлениям:

а) небывало сильный рост различий в доходах. Кстати, природа сверхдифференциации доходов, насколько мне известно, не получила в литературе такого объяснения, какое даю я, — как следствие крупномасштабного, с использованием государственной власти перераспределения доходов от бедных к богатым;

б) использование конфискаций как основного инструмента политики доходов в составе государственной социальной политики. Можно сказать даже, что конфискация доходов у трудящегося большинства населения стала и до сих пор остаётся основным инструментом государственной социальной политики. Крупнейшие конфискации доходов, сбережений и оборотных средств прошли в 1992 г., 1994 г., 1998 г. Кроме того, постоянно действовали включённые правительством механизмы сперва гиперинфляции, а в последние годы — ощутимой инфляции.

Четвёртая линия перемен в социально-трудовых отношениях — следствие отбрасывания России на периферию мировой капиталистической системы хозяйства. Если неподготовленное открытие экономики для иностранной конкуренции — средство, то периферийное положение российского хозяйства в мировой экономике — результат глобализации для нашей страны.

Для системы социально-трудовых отношений это означает:

— лишение большинства трудящегося населения продуктивной по мировым меркам занятости;

— сегрегация трудящегося населения на нужное и не нужное мировому капиталистическому рынку;

— повышенная эксплуатация работающих в транснациональных корпорациях в сравнении с промышленно развитыми капиталистическими странами;

— массовая деградация занятий населения и общее понижение культуры труда и качества рабочей силы в стране;

— оттеснение значительной части населения в социальную резервацию.

Из периферийного положения российского капитализма проистекает также повышенный риск не только массовой открытой, но и массовой скрытой безработицы.

Пятая линия перемен в социально-трудовых отношениях — следствие ухода российского государства от выполнения своих конституционных обязанностей по обеспечению социально-трудовых прав и свобод. Об обязанностях на уровне социального государства (статья 7 Конституции РФ) можно и вовсе не говорить. Эта статья в Конституции с самого начала выглядела как издёвка, тем более что Конституция РФ принята в разгар шоковых ре-

форм. Но наше государство обязано все же выполнять элементарные социальные обязательства любого государства и осуществлять демократическую защиту элементарных социально-трудовых прав и свобод, иначе распадается сама социальная ткань общества, разрушается государственность как цивилизованная форма жизни общества.

Будучи в 90-е годы вовлечено сверх всякой допустимой меры в процесс форсированного первоначального накопления капитала, российское государство оказалось не главным социальным защитником населения от рисков социального происхождения, а одним из основных непосредственных *источников* социальных рисков. Это, между прочим, было признано и в одной из среднесрочных программ Правительства РФ.

Государство, приняв необходимый и достаточный круг законов в социально-трудовой сфере, блокировало их применение или выхолащивало существо решений при исполнении. К примеру, закон об индексации доходов подвергся мораторию, закон “О ветеранах” в основном не выполняется, закон о прожиточном минимуме не вводится в действие, обязанность устанавливать минимум оплаты труда выполняется сугубо формально, издевательски формально. Фактически усилиями правительства и государства в целом правоприменение социально-трудового законодательства было парализовано, из-за чего в социально-трудовых отношениях России уже более 10 лет нет правопорядка.

С 1996 г. правительство упорно “пробивает” налаживание правопорядка в социально-трудовой сфере не за счёт выполнения социальных обязательств государства и соблюдения законов, а методом отмены фактически не соблюдаемых законов и отмены (сокращения) социальных обязательств[119].

[119] Президент РФ В.В.Путин назвал “цену вопроса”: обязательства государства, оформленные законами, составляют 6,5 трлн.рублей в год, а выполняются на 3 трлн. рублей в год. Государство хотело бы отменить законные решения на 3,5 трлн. рублей в год. И тогда оно станет выполнять свои социальные обязательства полностью.

Так сложились важнейшие перемены в сфере социально-трудовых отношений в России в 90-е годы. Как видим, у этих перемен есть своя логика возникновения и своё внутреннее единство. Это и позволяет квалифицировать совокупность перемен в социально-трудовых отношениях как их **комплексную и притом коренную реформу.** Хотя никто громко об этой реформе никогда не объявлял.

4. Варианты будущего и стратегии развития. Обобщённая (генеральная) постановка проблемы развития социально-трудовых отношений для современной России

Перспективы и стратегии развития системы социально-трудовых отношений органически увязаны с перспективами и стратегиями развития России как общества. В этой связи (контексте) они и должны быть (а научно только и могут быть) рассмотрены.

Как дальше может развиваться ситуация в России? Исходным пунктом при ответе на столь сложный вопрос должна быть, на мой взгляд, констатация: *жизнеспособное (обеспечивающее устойчивое воспроизведение на собственной основе) общественное устройство в нашей стране пока не создано.* В этом смысле переходный период не завершён. Тот или иной вариант завершения потребуется и состоится. Соответственно, сложится тот или иной принципиальный (базовый, рамочный) вариант становления нового устойчивого типа системы социально-трудовых отношений.

Главная проблема российской политической власти на текущей стадии переходного периода ─ установление механизма устойчивого, регулярного воспроизведения новой общественно-экономической системы, который “за-

крыл бы вопрос” об историческом выборе, окончательно обозначил бы финальный вариант социально-структурных реформ. Это задача и проблема *завершения* переходного периода.

Из-за отсутствия сколько-нибудь мощных общественных сил, ***противостоящих с демократических*** позиций закреплению сложившихся порядков и тенденций, проблема завершения переходного периода — это проблема “кто - кого” в противостоянии разных групп международного и крупного российского капитала, в интересах которого проводились социально-деградирующие реформы. Приходится констатировать, что из-за массовой социальной деградации населения, сменившей период революционного демократического подъёма 1989-1991 гг., собственно российская линия в этом противостоянии, существенная по мощи, — это линия не на демократический выход из нового тупика, а линия великодержавная, имперская. Эта линия связывает спасение России с диктатурой как формулой политической практики — с приходом к власти “сильной руки”, с ужесточением власти, с ограничениями политических и гражданских свобод, а не с развитием политической активности народа.

Анализ расстановки и перспектив расстановки социальных сил приводит к выводу о реально возможных следующих вариантах завершения переходного периода, *если расстановка сил принципиально не изменится:*

а) периферийный капитализм колониального (полуколониального) типа с выполнением политической властью функций колониальной администрации;

б) фактический распад России, её разделение по “сферам влияния” разных групп международного капитала. Это может произойти и при формальном сохранении России как единого государства, но может приобрести и форму прекращения существования России как геополитической реальности;

в) открытый фашизм (при поддержке отечественного капитала), опирающийся на деградировавшую массу населения.

Эти варианты не являются полностью взаимоисключающими. Они могут переплетаться, сочетаться, но с преобладанием того или иного варианта как магистральной линии развития. К примеру, в первом варианте (колониальная зависимость) реально появление минидиктаторов, если это в каких-либо отношениях будет отвечать интересам реальных хозяев России (международного капитала) или же не будет существенно затрагивать их интересы.

Характер всех реально прогнозируемых вариантов заставляет говорить о ближайшем будущем России не как о выходе из исторического тупика тоталитаризма, а как о видоизменении исторического тупика и о реальной угрозе такого видоизменения исторического тупика, как открытый фашизм без всякой даже маскировки псевдогуманистической фразой.

Главная проблема современной России — ***кто́*** *может провести* или *заставить* власти проводить социальную политику, в том числе социально-организационные (институциональные) преобразования, способные переломить обозначившиеся, поистине страшные тенденции развития, чтобы вывести российские народы в русло социального прогресса?

Каждое идейное течение по-своему отвечает и на этот вопрос, и на вопрос о том, что считать социальным прогрессом для России.

Гуманистическое демократическое идейное течение и базирующиеся на нём научные разработки всё более осознают сложности формирования субъекта-носителя общественного прогресса не только в странах, попавших в глубокую колею тоталитаризма или колониализма. Осознано, что перспектива утраты гуманно ориентированного будущего стала сейчас реальной и для человечества в целом. И тем не менее последовательно гуманистическое идейное течение, следуя линии своих исторических предшественников, связывает выход России в демократическое будущее и гуманизацию трудовой жизнедеятельности с развитием организованной, целе-

направленной социально-политической активности трудящихся классов.

Развитие социально-трудовых отношений в случае неизменности сложившихся тенденций. Траектория, определяемая сложившимися тенденциями, выводит социально-трудовые отношения России в состояние, типичное для колоний или полуколоний. Основные параметры такого положения могут быть обозначены следующим образом:

а) повышенная мера эксплуатации в сравнении со странами "золотого миллиарда" — как донорский вклад в ослабление социально-классовых противоречий, свойственных "золотому миллиарду";

б) сегрегация населения страны и трудящегося большинства на включённых в продуктивную часть глобального рыночного хозяйства и на остальных, обречённых на прозябание, отсталые занятия или — в перспективе — на жизнь в мало-мальски обустроенной социальной резервации;

в) деградация основной массы занятий, понижение качества рабочей силы у большинства трудоспособного населения, общее понижение трудовой культуры, трудовой морали;

г) хроническая дистрофия социальной инфраструктуры, понижение уровня социального обслуживания большинства населения, развитие в перспективе видов обслуживания и массовых благотворительных акций за счёт мирового сообщества в интересах ликвидации запредельных "зон одичания" (например, акции по предотвращению опасных эпидемий, акции помощи в экстремальных ситуациях вроде наводнений, пожаров или массового замерзания населения в морозы);

д) формирование "среднего класса" колониального типа — из колониальной администрации, из работающих в транснациональных корпорациях;

е) постоянная сильная массовая мотивация покинуть страну с целью обустроиться в более благоприятном для жизни и работы месте, с целью обеспечить перспективу для детей. В условиях конкуренции и при падении общего уровня культуры в стране такое будет удаваться немногим;

е) постепенное изменение структуры занятости с истоньшением слоя интеллектуального труда. Через 15-20 лет большинство преподавателей сократившегося круга российских вузов будет состоять из иностранцев или русских выпускников иностранных университетов. Таковы же тенденции и перспективы в здравоохранении и культурном обслуживании. В науке, СМИ, киноиндустрии этот путь наполовину уже пройден. Во всяком случае, содержательно они уже не являются в полном смысле носителями и выразителями российской культуры — скорее трансляторами образцов иностранной культуры или интернациональной массовой культуры.

Развитие социально-трудовых отношений в случае перемены сложившихся тенденций и оздоровления обстановки. Что означает перемена сложившихся тенденций и оздоровление обстановки? Конечно же, не возврат к прежним тоталитарным порядкам. Демократия провозглашена в России как принципиальный вариант будущего. Не социалистическая демократия, а буржуазная, базирующаяся на частной капиталистической собственности. Но и этот выбор всё ещё не приобрёл устойчивые, жизнеспособные самостоятельные формы воспроизведения. Общество не может основываться на беззаконии и бандитизме. Бандитский капитализм — это поприще для того, чтобы как следует "погулять" одному поколению мародёров. А продолжать жить можно либо в виде "осторожного", либо в виде "жёсткого", но в том и другом случае *цивилизованного* капитализма. К этому России предстоит придти.

Не станем обсуждать сложнейший и, пожалуй, выходящий за рамки нашего предмета вопрос, как и в какие сроки произойдёт формирование и концентрация социальных сил, готовых и желающих пресечь нынешние разрушительные социальные тенденции, оздоровить обстановку и отстоять необходимость учёта интересов трудяще-

гося большинства. Сосредоточимся на том, *какие* именно перемены тенденций должны произойти, *в чём содержательно* выразится оздоровление обстановки, способное даровать России перспективы сохранения и развития.

Самая очевидная и неоспоримая из необходимых перемен — отказ государства от проводимой с 1992 г. социальной политики, суть которой — принесение национального достояния, а также интересов, прав, свобод и даже элементарных средств выживания большинства населения в жертву форсированному первоначальному накоплению капитала и хищническому хозяйствованию отечественных и иностранных частных предпринимателей.

Государство должно немедленно приступить к выполнению своих конституционных обязанностей в области обеспечения социально-трудовых прав и свобод и выполнять их неукоснительно, в полном объеме.

Частнокапиталистическое хозяйствование должно войти в цивилизованное русло и свершаться полностью в правовом пространстве. Теневое предпринимательство должно быть искоренено, теневой рынок труда должен перестать существовать.

Глобализационная зависимость России от иностранного капитала и от механизмов глобальной эксплуатации должна быть прекращена или резко ограничена, чтобы Россия могла вести самостоятельную экономическую и социальную политику, а большинству населения не угрожала бы социальная сегрегация и отбрасывание в зону отсталых форм хозяйствования или в социальную резервацию.

В России должен установиться правопорядок, в том числе и в социально-трудовой сфере. Государство должно прекратить блокирование правоприменения в угоду незаконному и хищническому предпринимательству.

В общественно-экономической жизни России должны присутствовать не назначенные или уполномоченные властями, а выросшие снизу, из реального профсоюзного и рабочего движения, субъекты экономической и социальной политики, представляющие и отстаивающие интересы трудящегося большинства. То есть социальные группы и классы трудящихся должны стать социальными группами и классами “для себя”.

Если и когда такие перемены в социально-трудовых отношениях произойдут, тогда мы сможем к месту употреблять любимую присказку либерал-реформаторов, говоря, что в России социально-трудовые отношения по типу такие же, “как во всём цивилизованном мире”.

Глава 6
Обоснование круга узловых приоритетных социально-трудовых проблем

1. Проблемная структура социально-трудовых отношений. Понятие узловой социально-трудовой проблемы

В методологии (не только в целостнообществоведческой) имеются такой исследовательский инструмент, как проблемное видение предмета, и такой этапный результат исследования, как проблемная структура предмета. Столь известные понятия, как постановка темы (или вопроса) или научная гипотеза, если сделаны добротно, как раз и представляют собою проблемную структуру предмета.

Выявить проблемную структуру социально-трудовых отношений, увидеть систему этих отношений проблемно — значит выстроить предположительную модель сущностно-содержательных связей в этой системе, связей противоречивых, содержащих потребности развития и дающих импульсы развития рассматриваемой системе отношений. Это не что иное, как способ сохранения целостности в ходе исследования и оставление за целостностью приоритетности даже при сугубо аналитическом (расщепляющем) рассмотрении объекта. Структурная связь проблем, рассматриваемых порознь, по очереди, часто не по полному перечню, создаёт в исследовании эффект как бы одновременного их рассмотрения.

Элементы проблемной структуры социально-трудовых отношений – это *узловые (ключевые)* социально-трудовые проблемы. Само понятие узловой проблемы заслуживает более или менее строгого определения.

Проблема как таковая — это потребность развития. Живая, развивающаяся общественная система соткана из проблем, из реальных противоречий. В общественной системе противоречия неизбежно обретают осознанную форму, форму столкновения интересов (интерес есть осознанная потребность). Так что в обществе любая проблема

есть потребность взаимодействия носителей разных (сходных и различных) интересов.

Узловыми (ключевыми, основными, ведущими, решающими, приоритетными) называются те проблемы, которые охватывают системообразующие взаимосвязи, коренные потребности развития системы, противоречия интересов основных, самых влиятельных участников социальных взаимодействий. Так обстоит дело в общественной системе и в системе социально-трудовых отношений.

2. Субъектный ряд социально-трудовых отношений. Множественность стратегий развития социально-трудовых отношений. Множественность подходов к определению приоритетов

Потребность (закономерность) развития системы приобретает проблемную форму в связи с её общественным характером, то есть в связи с осознанным характером действий сторон реального противоречия и в связи с субъектностью этих сторон. То есть противоречивость интересов как формы существования потребностей и внутренних побудительных мотивов субъектов общественных действий есть причина и содержание проблем. В этом смысле правомерна и трактовка проблем в аспекте их восприятия социальными группами: “**Социальная** (социально-экономическая) **проблема** — осознанное расхождение (противоречие) между реальным социально-экономическим положением социальной группы, общности, реальными тенденциями (перспективами) его изменения, с одной стороны, и конкретно-историческими интересами данной группы, общности, с другой. Иначе говоря: социальная проблема — это специфическое для данной структурной части общества *восприятие* реального (объективного) противоречия”[120].

---

[120] Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвёртой

Социально-трудовые отношения — одна из общественных систем. Стало быть, её проблемная структура есть структура противоречивости интересов. Носителей интересов в социально-трудовой сфере — некоторое множество. Если система социально-трудовых отношений развита, то это множество образует их субъектный ряд (упорядоченную совокупность).

Всё это — азбука обществоведения. Однако в практике и в науке наблюдается тяготение к представлениям об общественных системах (и о системе социально-трудовых отношений тоже) как о неких абсолютных (инвариантных) конструкциях. Вот так-то она устроена, так-то развилась (сформировалась), вот такие-то тенденции имеют в ней место на современном этапе. А между тем любая общественная система всегда была, есть и будет *вариантной.* Субъекты, взаимодействующие в общественной системе и всегда имеющие противоречивые интересы, видят проблемы системы по-разному, предлагают и пытаются применить разные способы решения проблем системы, стремятся к разным целям и хотели бы преобразовать саму систему по-разному.

Такие крупные субъекты социально-трудовых отношений, как социальные группы, классы, государственные и негосударственные структуры, разрабатывают свои программы преобразования социально-трудовых отношений на основе своих генеральных решений (стратегий), выстраивают свои приоритеты. Имеет место множественность стратегий, систем приоритетов и программ действий в сфере социально-трудовых отношений.

Этой множественности может и не быть или она может быть крайне неразвитой. Тогда это признак отсутствия реальной многосубъектности, признак недемократичности общества. У нас сейчас в России, к великому сожалению, именно такая ситуация. Она располагает к тому, чтобы не замечать или игнорировать множественность стратегий

русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып.2. Идейная борьба за будущее России. М. 1995. С.58.

развития социально-трудовых отношений и множественность подходов к определению приоритетов их развития. Наука не вправе упускать из виду названую множественность. Тут должно иметь место своего рода научное ожидание, исходящее из неопровержимого факта социальной структурности общества и научного предвидения развитых форм реализации этой структурности.

Обосновывая круг узловых приоритетных социально-трудовых проблем и рассматривая существо каждой из них, постараемся учесть множественность стратегий и приоритетов, проистекающую из множественности субъектов социально-трудовых отношений.

3. Круг узловых приоритетных социально-трудовых проблем как социально-политическое пространство взаимодействия социальных групп и их представителей

Множественность стратегий и посубъектных (социально-групповых) систем приоритетов, несомненно, корреспондирует и со множеством научных подходов, научных школ, теорий и концепций, отражающих и исследующих реальные социально-трудовые проблемы и разрабатывающих программы действий разных общественных субъектов. Поборника единомыслия (по стереотипной схеме “к сожалению, всё ещё нет единого мнения...”) такое разнообразие удручает и приводит к мысли о расплывчатости, неотчётливости и вообще о неточности общественно-научного знания. Помочь поборникам единомыслия ничем невозможно: их время прошло. В демократическом обществе признаётся нормальным политическое и идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, каждому гарантируется свобода мысли и слова. Реальная социальная структура (в демократическом обществе — не кастовая, а классово-групповая) проявляется в структуре научного сознания именно как множественность

подходов, концепций, теорий, методологий, школ, программ.

В реальной общественной жизни это многообразие порождает сумбур и неразбериху в мыслях, подчас полную дезориентацию только в том случае, если исследователь (а тем более — субъект общественного действия), говоря словами К.Маркса, “или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял”, не видит себя в реальной социальной структуре, не понимает, интересы какой социальной группы отражает и отстаивает, воспарил в мир абстрактных “общечеловеческих ценностей”, оторвавшись от реального мира социально-групповых, классовых, социально-общностных ценностей. Пока исследователь не покидает поприще социально-классовой (и в этом смысле партийной) науки, пока субъект общественного действия вооружен собственной идеологией, до тех пор многообразие представлений, идеологий, теорий, концепций, программ, даже очевидных заблуждений не дезориентирует, а ориентирует в пространстве общественной практики, до тех пор нет ничего более научно точного и практически-политически ценного, чем это многообразие.

Многообразие представлений, идеологий, теорий, концепций, программ отражает не что иное, как многообразие реальных интересов. В реальном социально-политическом пространстве взаимодействия социальных групп и их субъектов-представителей многообразие интересов структурируется (упорядочивается) посредством фокусирования их на проблемах, “стягивания” к проблемам. Социальные (и социально-трудовые) проблемы есть узлы социальных взаимодействий[121].

Каждая узловая социально-трудовая проблема есть *конкретное* социально-политическое пространство взаимодействия социальных групп и их субъектных институциональных представителей. Вся совокупность узловых социально-трудовых проблем есть целостное поприще (пространство) социальной политики по поводу социально-трудовых отношений.

[121] Узел — понятие философское, нечто вроде “проблема в состоянии её злободневности и практической реализации”. У Г.В.Ф. Гегеля, помнится, есть “узловая линия отношений меры”.

Мы сознательно выбрали для структурирования предмета исследования критерий (признак) проблемности. Именно такой способ охватить предмет в целом и его внутреннее содержательное строение отвечает практическому назначению нашего исследования — выработка знаний, пригодных для социально-политических взаимодействий, для уяснения социально-групповых интересов и выработки программ действий.

Однако при такой структуризации предмета выпадают из поля зрения некоторые категории, которые отражают своего рода “надпроблемные” отношения, отношения строения предмета, инвариантные по отношению к социально-групповым интересам. Такого рода категории “обслуживают” всех субъектов взаимодействий. Таковы, к примеру, категории (отношения) ценностей, справедливости, противоречивости и т.п. Все такого рода категории мы оставляем вне рассмотрения в нашем исследовании. За исключением двух: 1) “достойное” и “нормальное” и 2) “социальное положение”. Эти категории не относятся к столь же общеупотребительным в обществознании, как ценности, отчуждение, присвоение, справедливость, противоречивость и т.п. Однако в социально-политических и социально-трудовых исследованиях обойтись без них невозможно, ибо они относятся к числу фундаментальных.

Вот почему в данной главе мы делаем как бы отступление и параллельно с обоснованием круга узловых социально-трудовых проблем рассматриваем категории “социальное положение”, “нормальное” и “достойное” в аспекте их использования при рассмотрении социально-трудовых проблем.

4. Категория социального положения. Место социально-трудовых характеристик в социальном положении группы (класса)

Социальное положение — перманентная проблема всех обществ, поскольку они социально-структурны. Категория “социальное положение” выработана обществознанием не для того, чтобы просто улавливать и созерцательно отражать тривиальный (обыденный и очевидный) факт различности жизнедеятельности людей в обществе. Эта категория выявляет и фиксирует тот тип и круг различий, которые *существенны* настолько, что делают *разнотипной* жизнедеятельность людей в обществе, социально сгруппировывают людей. Это категория группообразующих различий.

Правомерны взаимоувязанные категории социального положения и социально-трудового положения. Последняя специфицирована в том отношении, что применяется к социальному положению *трудящихся*.

Обращаю внимание, что рассматриваемая категория выявляет и фиксирует ТИП и КРУГ группообразующих различий. Для понимания той стадии развития категории, на которой она находится сейчас, это очень важно.

Подходы к современной категориальной разработке социально-трудового положения и социального положения группы предложены мною в исследованиях начала 80-х годов[122]. Ключевые идеи этих подходов позже зафиксированы в следующем определении категории “социальное положение”:

“Социально-экономическое положение людей (общественное положение; положение в обществе) — совокупность тех условий и способов жизнедеятельности людей, которые формируют устойчиво воспроизводимый в данном обществе **тип** (специфический характер) их реальной жизнедеятельности и обусловленные этим типом уровень, направленность и фактические возможности развития личности, то есть фактические возможности (степень реальной свободы) выявления, реализации и развития индивидуальных способностей и потребностей”[123].

Еще более строгой является следующая формулировка:

“Положение социальное (социально-экономическое положение, общественное положение, положение в обществе) — устойчиво воспроизводимый в данном обществе *тип жизнедеятельности* людей (в том числе тип индивидуальной жизненной судьбы), который формируется совокупностью реально доступных им условий и способов жизнедеятельности и определяет фактические возможности, направленность развития личности и, в конечном счёте, *социальный тип* личности”[124].

Различия социального положения, закономерные для того или иного исторически устойчивого общественного устройства, проявляются в качественном типовом системном разнообразии социальных фигур[125].

Социальное положение есть ансамблевое (социально-групповое, социально-классовое) место человека в обществе, принципиальные координаты его социализированности.

---

[122] Самая полная публикация результатов этих исследований: Ракитская Г.Я. Проблемы и направления развития социально-трудовых отношений в СССР. М.: ВНИИСИ. 1986.

[123] Ракитская Г.Я. Будущее и настоящее России в идейных представлениях и требованиях (из летописи четвертой русской революции) // Перспективы и проблемы России. Вып.2. Идейная борьба за будущее России. 1995. С. 54-55.

[124] См.: Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Статья «Положение социальное» в кн.: «Социальная политика: Толковый словарь». Издание второе, доработанное / Общ. ред. д.э.н., проф. Н.А.Волгин. М.: РАГС. 2002. С.292.

[125] Так, для рабовладельческого общества характерны рабовладельцы, рабы, пролетарии; для феодализма — помещики, вассалы, бояре, дворяне, смерды, крепостные, холопы; для капитализма — капиталисты, наёмные работники, рабочие.

Каждому типу общества (феодальное, буржуазно-демократическое, тоталитарное, колониально зависимое и пр.) соответствует качественно определённое социальное положение населения в целом и определённый характер дифференциации населения по социальному положению — определённая социальная структура.

Многие современные трактовки категории "социальное положение", распространённые в литературе, остаются, к сожалению, на уровне выделения (более или менее полного и удачного) *круга условий* жизни и деятельности в обществе. Я считаю удачной трактовку социального положения (в смысле круга общественных условий жизнедеятельности), выработанную Б.В.Ракитским[126]. Кратко воспроизведу эту трактовку.

Среди общественных условий, формирующих социальное положение всех членов общества и элементов его социальной структуры (социальных групп, социальных общностей), наиболее важными являются следующие:

1. *Общественное устройство (общественный строй),* в котором закреплено генеральное распределение ролей в обществе, в первую очередь разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и подчинённых.

2. ***Власть в обществе как способ поддерживания социальной устойчивости.*** Существенно важен тип (модель) доминирования господствующих классов во власти, варьирующий от прямой диктатуры до социального партнёрства.

3. ***Власть в хозяйстве (собственность).*** Собственность – это прежде всего властно-хозяйственные отношения, то есть разделение на тех, кто принимает в хозяйстве самые важные, а то и все решения, и тех, кто обязан их только исполнять. В распределении имущества это разделение отражается и закрепляется. Но определяющими в собственности являются не имущественные, а именно властно-хозяйственные отношения.

4. ***Экономические условия*** — комплекс условий обеспечения средств существования и развития, необходимых и достаточных для воспроизведения и общественно нормальной эволюции социального положения социальных групп и общностей. Это не только доходы, но и условия образования, здравоохранения, обеспечение жилищами, коммунально-бытовыми услугами, уровень благоустройства населённых мест и т.п.

5. ***Экологическая безопасность*** (уровень экологических опасностей как в природной среде, так и в поселениях, и в сфере производства).

6. ***Защищённость от социальных опасностей (социальная защищённость)*** — тот общественный порядок, в котором субъекты могут опираться на общественный строй при выдвижении требований по улучшению или отстаиванию своего положения в обществе.

Важнейшие факторы (общественные условия), объективно формирующие социальное положение, не едины для всех членов общества, а различны (дифференцированы), что создаёт объективные предпосылки дифференциации социального положения и социального группирования по признакам схожести социального положения.

Я разделяю эту трактовку, отмечая её ограниченность только выявлением и фиксацией круга самых существенных условий. В этой трактовке оставлен в стороне аспект типа жизнедеятельности, то есть самый что ни на есть сущностный аспект.

Социальное положение как тип жизнедеятельности лучше всего мог бы быть описан понятиями, отражающими особенности данного типа жизнедеятельности в сравнении с иными типами. Классическое достижение в выработке научно точных и ёмких понятий — Марксовы харак-

---

[126] Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть первая. Социальная политика // Трудовая демократия. Вып.9. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1997. С.4-7. См. также: Социальная политика: Учебник. / Под общ. ред. Н.А.Волгина. М.: Экзамен. 2003. С. 22-23.

теристики социального положения фабричных рабочих, аналитически выработанные в его “Капитале”: частичный работник, придаток машины, формальное и реальное подчинение труда капиталу; при этом все эти характеристики принадлежат наёмному рабочему, эксплуатируемому при машинной организации производства. Благодаря такому анализу рабочий предстал как новый социальный тип, порожденный именно первой промышленной революцией.

Современная наука не демонстрирует Марксова уровня анализа социального положения. Её методологический “потолок” — описание социального положения через набор (совокупность) реально доступных общественных условий и способов жизнедеятельности. Отечественное обществоведение продолжает в этом отношении подход В.И.Ленина, применённый при определении классов в работе “Великий почин” (1919).

В социальном положении разных социальных групп (классов) социально-трудовые характеристики занимают разное место. Тем не менее характеристики, отражающие социально-трудовые отношения, являются ведущими для каждого из классов, так как труд и трудовая сфера лежат в основе жизни общества. Различия проистекают из разных социальных ролей в практике как решающей сфере жизнедеятельности[127]. Собственник предприятия, наёмный управляющий, наёмный работник, кооператор, частный предприниматель без наёмного труда — все эти и другие социальные фигуры имеют социальное положение, прямо производное от их места в общественно организованном труде и производстве.

Это надо иметь в виду. Сказанное вовсе не отменяет представлений о том, что особенно весомую, определяющую (конституирующую) роль социально-трудовые характеристики играют в формировании, воспроизведении и

[127] Именно с этих позиций выше (в главе 2) дана была общая характеристика качественно различных типов жизнедеятельности.

изменении социального положения классов и социальных групп *трудящихся*.

5. Категории “нормального” и “достойного” в социально-трудовых отношениях

Нормальное (общественная норма) есть такое состояние общественных явлений и процессов, которое характерно для социальной устойчивости общества, то есть для периодов и ситуаций, когда противоречия интересов социальных групп (классов) не обострены настолько, что перед обществом стоит вопрос о существенном изменении (или существенной корректировке) системы общественных отношений.

Нормальное существует одновременно и в объективном, и в субъективном планах (смыслах). Нормальное социальное положение объективно в том смысле, что его основные характеристики и параметры складываются и воспроизводятся на основе реального состояния общества и экономики, отражают общественные цели и сложившуюся направленность развития. Одновременно с этим нормальное социальное положение не является неким состоянием, *всецело* предопределённым экономикой, темпами её развития или упадка, состоянием и действием природных сил, наличием или отсутствием полезных ископаемых, изношенностью основных фондов и тому подобными “бездушными” и “бессознательными” факторами. Напротив, именно сознательно действующие социальные и политические силы на базе одной и той же экономики предлагают создать и действительно способны создать разные варианты соотношения социального положения богатых и бедных, работающих и неработающих, бездомных и обеспеченных жильём, работающих и надзирающих и т.п. Нормальное социальное положение, его конкретно-историческая структура и состав состояний очень и очень во многом зависят именно от сознательного действия социально-политических сил, ***от их соотношения***.

Общество структурно, то есть состоит из общественных групп, существенно различающихся по их социальному положению. К *степени* различий (дифференциации) социальных положений понятие “нормальное” применимо в той же мере и в том же смысле, что и ко всем общественным явлениям. Нормальная социальная дифференциация — это общественные различия, которые существуют при социальной устойчивости общества.

Одни и те же социальные положения разных социальных групп, одна и та же социальная дифференциация могут быть нормальными или ненормальными в зависимости от их восприятия общественными группами. Социально-психологические оценки справедливого и несправедливого, допустимого и недопустимого, подлежащего сохранению или решительному изменению — вот что формирует понятие и меру нормального. Социально-психологическое оценочное восприятие тех или иных общественных явлений как нормальных или ненормальных становится “материальной силой”, если овладевает массовым сознанием, по крайней мере, массовым сознанием достаточно влиятельных общественных групп. “Материальной” силой в том смысле, что становится реальным (как минимум потенциально реальным) фактором общественных перемен.

Что следует из сказанного об общественно нормальном (об общественной норме)? Следует, по меньшей мере, несколько важнейших выводов для практической социальной политики.

1. Нелепо провозглашать нормальным всякое фактически сложившееся социальное положение и тем самым отметать претензии социальных групп на его улучшение. Мерило общественно нормального проистекает не из свершившегося факта как такового, а из соответствия свершившегося социального положения социокультуре данного общества и конкретно-историческому этапу его развития. Социокультура (культура социума, общества) — это накопленный динамический (промежуточный) результат цивилизованности данного народа. Социокультуре

присущи система ценностей, уровень, традиции, направленность развития.

Очень часто, говоря о социокультуре, поминают самобытность, своеобычность, “особую стать” (выражение Ф.И.Тютчева применительно к России). Всё это и правомерно, и весьма уместно, если при этом не уводятся в тень общие закономерные свойства, присущие разным социокультурам.

Если нас интересуют общие закономерности, то полезно обратиться к международным документам, фиксирующим представления международного сообщества о нормальном социальном положении и пытающимся выразить эти представления в виде согласованных, общепризнанных, рекомендуемых или обязывающих подходов, принципов, норм. Ведь каждая страна, каждый народ обладает самобытной культурой, а различия социокультур иной раз крайне значительны. Поэтому в международных документах на первое место неизбежно, по необходимости выдвигаются общие закономерности формирования и воспроизведения нормального положения социальных групп в любом обществе[128].

Достижением второй половины XX века явилось принятие Организацией Объединённых Наций (ООН) 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека и формирование в дальнейшем группы документов, обобщённо называемых Международным биллем о правах человека. В Европе соответствующая работа привела к выработке и введению в действие Европейской социальной хартии. Положения этих документов широко использованы в Конституции Российской Федерации (1993 г.), а подчас дословно в неё включены. Обобщённое представление о нормальном социальном положении удачно, на наш взгляд, выражено словами из статьи 7 Конституции РФ:

---

[128] Конечно же, здесь требуется существенная оговорка. Международное сообщество вырабатывает подходы, принципы, нормы, имея в виду демократические общества.

“условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека”.

Следовательно, оценивая фактическое социальное положение и определяя, является ли оно общественно нормальным или существенно отклоняется от общественной нормы, следует решить, имеются ли у данной социальной группы общественные условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека.

Шоковые реформы, ввергнувшие трудящихся России в режим выживания, не обеспечивали условий для достойной жизни и свободного развития. Не обеспечиваются такие условия для подавляющего большинства населения России и до сих пор. Все объяснения, разъяснения и мифы властей и их интеллектуальной обслуги (СМИ, либеральных ученых, пропагандистов) насчёт объективных якобы причин резких ухудшений следует отметать как лживые и лукавые. Регресс в социальном положении большинства населения не был и не может быть объективно необходимым и оправданным. Оправданий политике социальной деградации нет и быть не может (см.: гл. 5, параграф 3).

2. Представления о достойной жизни и свободном развитии человека, об обеспечивающих их общественных условиях — результат серьёзного обдумывания, обобщения опыта, глубокого анализа, выработки ***целостной системы*** качественных и количественных характеристик. Возникает естественный вопрос: стоит ли овчинка выделки? Надо ли затрачивать так много усилий квалифицированных и опытных людей, чтобы выработать представления о нормальном социальном положении? О, да. Несомненно, стоит. Особенно стоит серьёзно отнестись к этой работе профсоюзному и рабочему движению.

Применительно к обществу в целом выработка представлений о нормальном социальном положении важнейших социальных групп ведётся сразу несколькими общественными науками. Если правительство намерено хозяйствовать эффективно и обеспечивать социальную устойчивость общества, то оно просто вынуждено пред-

ставлять себе социальные условия спокойствия в обществе, пути уменьшения недовольства масс, особенно самых активных социальных групп. Классовые же организации эксплуатируемых трудящихся заинтересованы в выработке представлений об общественно нормальном с позиций интересов своего класса, с позиций трудового большинства народа.

Так что применительно к обществу в целом представления (в том числе и научные) об общественно нормальном существуют ***в классово раздвоенном виде***: в виде представлений, выражающих интересы эксплуататоров, и в виде представлений, отражающих интересы эксплуатируемых. В классовом обществе и не может быть иначе. При этом господствующие классы всегда выставляют и пропагандируют свои представления как единственно якобы верные, якобы единственно научно обоснованные и — более того — единственно якобы отвечающие здравому смыслу.

3. Рассмотрим природу представлений капитала (класса капиталистов) об общественно нормальном, чтобы понимать его логику, правильно представлять, как он рассуждает, из чего исходит и к чему клонит.

Эксплуатация трудящихся — дело живое, хищничество и жадность в этом деле оборачиваются для капиталистического класса в целом ощутимыми потерями, если вызывают раздражение населения, а вслед за тем — и активное сопротивление. Буржуазно-демократическое государство призвано обеспечивать общественно спокойную обстановку эксплуатации, ограничивать аппетиты особо хищной части капиталистических собственников в интересах надёжности и благоприятности социальных условий эксплуатации для всего капитала в целом. Именно этим вызваны правовые ограничения действий работодателей, не говоря уж о крупных перераспределениях части эффекта в пользу трудящихся в так называемых социальных рыночных экономиках.

Существенно важно, что общественно нормальное (общественная норма), вырабатываемое по представле-

ниям капиталистического государства, отражает представления об этой норме господствующих классов, по преимуществу класса капитала. Именно это и закрепляется в законах. Капиталистическое устройство общества и хозяйства таково, что капиталисты-предприниматели конкурируют между собой, а конкурентоспособность обеспечивается в решающей мере минимизацией издержек. У кого ниже издержки, тот при одинаковой цене на рынке получает больше прибыли и тем самым преимущество в развитии. Затраты на наёмного работника (на зарплату, на страхование, на социальное обустройство на предприятии, на условия труда и т.п.) — это издержки для капитала. Повышение удельных (в расчёте на единицу проданного товара) затрат – это понижение конкурентоспособности. Понижение удельных затрат наращивает конкурентоспособность. Те нормы затрат на наёмного работника, те нормы условий труда, которые записаны в законах, — это нормы, которыми капиталисты защищаются друг от друга как от конкурентов. Каждому хочется понизить затраты за счёт работников, но нельзя позволять конкурентам опережать себя в этой гонке жадности. Вот и появляются нормы закона, ограничивающие жадность каждого отдельного предпринимателя какой-то мерой.

Социальное законодательство в капиталистическом государстве — это всегда способ самозащиты предпринимательства как класса в целом от разрушительности конкуренции между предпринимателями. Конкуренцию без нарушения законных норм эксплуатации государство от имени этого класса называет *добросовестной*, а конкуренцию с нарушением законных норм эксплуатации — *недобросовестной*. Стало быть, у капиталистического класса существует такое понятие — совесть эксплуататора. И первостепенное значение этот класс придаёт обеспечению эксплуатации “по совести”. Например, Конституция Российской Федерации статьей 8 устанавливает, что в Российской Федерации гарантируется поддержка конкуренции, а статья 34 уточняет: “2. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию”.

4. Рассмотрим теперь природу классовых представлений наёмных эксплуатируемых об общественно нормальном социальном положении.

Первое, что необходимо подчеркнуть и что очень туго доходит до профсоюзников (особенно до выборных руководителей старых отраслевых профсоюзов, объединённых в ФНПР): в законах прописано ***наихудшее из допустимых*** в данном обществе в данное время социальное положение эксплуатируемых трудящихся. Это азбучная истина. Законы пишут чиновники, нанятые капиталом, и депутаты, в большинстве своём сознательно отстаивающие интересы именно капитала. Если по инициативе правительства или самих законодателей что и записано в законах в пользу работников и их семей, то исключительно из потребности обеспечить надёжную для капитала в целом атмосферу эксплуатации, пресечь недобросовестную конкуренцию. Но сами условия “добросовестной” конкуренции выстраиваются законодателями так, чтобы обеспечить капиталу ***максимально возможную в сложившихся условиях меру эксплуатации*** наёмных работников, да и остального населения тоже.

Именно поэтому и применяется принцип “ин фаворем” (принцип неухудшения), не позволяющий ухудшать норму, зафиксированную в законе, ни в каких “менее важных” правовых актах (постановлениях исполнительной власти, в приказах администрации, в коллективных договорах и соглашениях, в индивидуальных трудовых договорах). Профкомы же профсоюзов ФНПР в последние годы часто подписывали коллективные договоры, которые включали ухудшающие нормы в сравнении с КЗоТ, а в конце концов ФНПР и её представители в ГосДуме пошли на сговор с Правительством и в 2001 году согласились с ухудшением самих норм трудового законодательства. Правилом же для профсоюзов должно быть иное: предмет переговоров о заключении любых договоров и соглашений — всегда только

улучшение положения работников по сравнению с нормами законов и достигнутым состоянием.

Это во-первых. Во-вторых, формируя свои представления о нормальном социальном положении, профорганизация ли, трудовой ли коллектив, партия ли трудящихся, класс ли эксплуатируемых трудящихся в целом должны рассуждать, отталкиваясь не от наличного положения дел, а от нормального. В России, например, мы раздавлены шоковыми реформами. Правительство искусственно сдерживает процессы восстановления прежнего нормального уровня доходов, с восторгом объявляет о приростах реальных доходов на 2-3% в год. Такими темпами дореформенный уровень доходов будет достигнут разве что внуками или правнуками. Приняв сложившийся в итоге социально-структурных реформ уровень жизни за исходную точку рассуждений о нормальном социальном положении, трудящиеся лишают свои требования достойного смысла, капитулируют перед государством и капиталом, бессовестно ограбившими народ.

Представления о нормальном социальном положении (об условиях, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека) – это не досужие фантазии и не игра безответственного ума, а осознание реального положения трудящихся, их места в обществе, их справедливых претензий на часть результата их труда. Осознав своё нормальное социальное положение, сравнив его с фактическим, уяснив “перебор” в эксплуатации, трудящиеся в состоянии выстроить достойные, а не крохоборские классовые требования к администрации, к правительству, к государству.

6. Современный этап развития России и отражение его специфики в постановке узловых социально-трудовых проблем

Особенность ситуации в современной России уже была отмечена. После свершения антитоталитарной и антиимперской революции страна объективно нуждается в

переходе к демократическому общественному устройству. Становление демократических порядков, по логике истории, обещает комплексное улучшение социального (в том числе и социально-трудового) положения большинства населения на базе эффективного хозяйствования, развития свободной инициативной жизнедеятельности граждан, деятельности правового демократического государства. Фактическое развитие происходит деформированно. Главные факторы деформаций — глобализационный и притом шоковый характер реформ, форсирование первоначального накопления капитала, принудительный для большинства характер преобразований. В результате трудящееся большинство народа полностью отстранено от активной включённости в преобразования, превращено в доноров и в жертвы первоначального накопления капитала. Государство выполняет функции, зачастую прямо противоположные его конституционным обязанностям. Законопослушный капитал испытывает риски нестабильности, порождаемые действиями властей. Гипертрофированные размеры приобрели теневые социально-экономические и экономические процессы. В целом разрушительные тенденции взяли и удерживают верх над созидательными. Новые жизнеспособные уклады и в целом новый жизнеспособный общественный строй пока не сложился. Метафорическое выражение правых либералов “бандитский капитализм” применительно к создавшемуся положению отражает именно это тревожное свойство — отсутствие жизнеспособности, воспроизводимости на собственной основе.

Социально-трудовые отношения располагаются в самом центре создавшегося в России исторически нестабильного положения. Разрушительные тенденции и в этой сфере пересиливают созидательные.

Совершенно неправомерно было бы, поддаваясь эмоциям или политической предвзятости, оценивать происходящее в социально-трудовой сфере в 1990-е годы односторонне негативно. Реальные завоевания демократической революции имеются. И хотя они мало-помалу скрадываются капиталом и государством, тем не менее

всё ещё остаётся чем дорожить из обретённого в результате ликвидации тоталитаризма.

Основные завоевания четвёртой русской революции, касающиеся социально-трудовых отношений, располагаются в области провозглашения гражданских и социальных прав и свобод с одновременным сломом прежних тоталитарных институтов блокирования и сведения на-нет записанных в законах прав и свобод. Это гигантское, принципиальное продвижение вперед. Но это ещё не демократия. Говоря словами, имеющими сугубо российскую социокультурную нагрузку, это — воля, но ещё не свобода. Свобода (демократическая свобода) — это такое социальное (и социально-трудовое) положение, когда, имея полный круг законных гражданских прав и свобод, граждане могут реально востребовать их и воспользоваться ими в любой сфере жизнедеятельности, опираясь в необходимой мере на содействие и защиту демократического правового государства и демократического гражданского общества. В современной России имеется лишь часть компонентов свободы. Гражданские права и свободы оформлены законами (и даже международными договорами). Граждане могут пытаться их реализовать. В отличие от тоталитарных времён, государство как таковое не преследует и не репрессирует граждан без суда за такие попытки, не бросает в тюрьмы, не интернирует и не помещает их в психушки за самостоятельные гражданские законные действия. Но и только-то (хотя это уже конец неволи). Государство не защищает эти попытки самостоятельных гражданских действий и не содействует им. О гражданском демократическом обществе и говорить в этом аспекте нечего — оно в зачаточном состоянии.

Реальная востребованность своих законных прав и свобод со стороны трудящихся очень и очень низка. Именно этим можно объяснить практически полное отсутствие сопротивления со стороны трудящихся и явную неэффективность эпизодических попыток сопротивления систематическому и массово распространённому нарушению законных социально-трудовых прав и интересов. Мас-

совые длительные и крупномасштабные задержки выплат начисленной зарплаты и доходов, девальвации и инфляция без компенсаций, урезание социально-трудовых прав, перекладывание подоходного налога с богатых на бедных, фактический отказ государства от регулирования размера минимальной оплаты труда в течение уже 12 лет — как раз в пору резкого понижения доходов — это только часть примеров крупномасштабного нарушения законных социально-трудовых прав и интересов.

Отмечая тем не менее, важные завоевания антитоталитарной революции, приходится признать, что разрушительные процессы в социально-трудовой сфере России преобладали и преобладают. Они проявились прежде всего в деградации занятий населения, в низком использовании трудового потенциала страны (экономически активного населения), в падении уровня трудовых доходов, в разрыве связи доходов с реальным эффективным вкладом, в неэффективной и концептуально бесперспективной организации рынка труда, в опасном разрастании теневого рынка труда и вообще теневых социально-трудовых процессов, в конфискационной социальной политике государства, в дистрофирующей, бесперспективной и неэффективной модели социальной защиты, порождающей у большинства населения чувство социальной незащищённости. Обо всех этих процессах уже говорилось и ещё будет сказано специально в следующих главах

Стало быть, вся система социально-трудовых отношений России находится в таком же системном кризисе (кризисе нежизнеспособности, бесперспективности), как и всё социально-экономическое устройство современной России. Отсюда уже неоднократно отмеченная в литературе и мною, и многими другими необходимость усложнённого подхода к стратегии и тактике нормализации положения и выхода на траекторию благоприятных перспектив. Усложнённость эта состоит в необходимости одновременно (не одно вслед за другим, а именно одновременно) решать два типа задач:

а) пресечь разрушительные тенденции, ввести их в русло нежелательных блокируемых процессов, осложняющих в целом созидательное и здоровое развитие системы;

б) создать жизнеспособную систему социально-экономических и социально-трудовых отношений, способную обеспечивать прогрессивное развитие на стабильной демократической основе.

И методологически неверно, и практически невозможно ставить задачу сначала пресечь неблагоприятные (разрушительные тенденции), а уж затем приняться за создание хорошей и действенной новой системы хозяйственных, социальных и социально-трудовых отношений. Методологически неверно потому, что неблагоприятные разрушительные тенденции воспринимаются при "поочередном" подходе как процессы вроде бы вовсе посторонние для системы, как события без причин, как случайности. Однако это вовсе не так. Есть устойчивые причины неблагоприятных тенденций. Их надо обнаружить, понять и либо блокировать, либо искоренить.

Но главное даже не в этом, а в том, что нежизнеспособное, разрушающее не уходит, если его пространство не занимается жизнеспособным. Неблагоприятное *вытесняется* жизнеспособным. Пока нет созидательного, нечем вытеснять разрушительное[129]. Вот почему *обе задачи надо решать одновременно, синхронно, как две стороны единой задачи* — более сложной, чем была до осложнений, вызванных преобладанием разрушительных тенденций.

---

[129] ***Проблема соотношения разрушительных и созидательных процессов и социальные механизмы возникновения нового в революционно-демократических преобразованиях специально рассмотрены в работе: Ракитская Г.Я. Марксистская версия социальных институтов и институциональных преобразований. Опыт анализа и актуального продвижения методологии. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000.С.37-49.***

Между прочим, "поочерёдным" подходом сознательно руководствовалось Правительство СССР под председательством Н.И.Рыжкова в 1989-1990 г.г. Так и говорили: сперва устраним негативные явления, а потом возьмёмся за реформы. Похоже, искренне верили, что имеют дело с доброкачественными в своей основе социалистическими социально-экономическими отношениями и с социалистической демократией, а негативные тенденции считали чем-то "наносным", никак не относящимся к глубинной природе общественной системы. Их подходы кончились крахом. И притом до неожиданности быстро.

Постановка узловых приоритетных социально-трудовых проблем в специфических условиях современной России должна исходить из необходимости ставить их созидательно и настолько радикально и стратегически, чтобы не "продержаться" в противоборстве с разрушительными тенденциями, а преодолеть такие тенденции, пересилить их, вытеснить созидательными оздоровляющими тенденциями.

Что касается приоритетности, то ***весь круг узловых социально-трудовых проблем является ныне равноприоритетным.*** Иначе не может быть, если предстоит выходить из системного кризиса. Такой выход предполагает создание, становление, укоренение новой системы. Решение узловых проблем — это и есть создание узлов новой системы. Это не снимает знаменитую потребность поиска "того звена, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь". Но это несколько иная задача, нежели определение (обоснование) системного круга приоритетов.

7. Состав узловых приоритетных социально-трудовых проблем

Мы обосновываем состав узловых социально-трудовых ***проблем,*** именно проблем. По самому своему определению проблема есть пространство взаимоотношений субъектов. Поэтому мы не ошибёмся, если станем ис-

кать узловые проблемы в пространстве взаимоотношений самых влиятельных субъектов социально-трудовых отношений.

В обществах, где в хозяйстве господствует капиталистическая собственность, а в политике — класс частных собственников, каркасными являются взаимоотношения капитала и наёмного труда, а система общественных институтов включает в себя государство и негосударственные институты. Государству принадлежит координирующая роль во всей системе институтов, а государственность является базовой формой цивилизованного характера всей жизни общества. Демократическое государство традиционно дистанцируется от классовых институтов, поэтому его действительная классовая природа не выпячивается и не демонстрируется непосредственно. На поверхности общественной жизни, то есть в сфере конкретных социальных и хозяйственных взаимодействий классовые корни не обнажены, а потому непосредственные социально-трудовые взаимоотношения — это взаимоотношения работодателей и работников, объединений работодателей и объединений работников при посредстве и в пространстве законодательства и правопорядка. «Капитал — наёмный труд — государство» — вот субъектно-институциональная канва социально-трудовых взаимоотношений капиталистического общества.

В этих рамках и следует определять узловые социально-трудовые проблемы. Конечно же, мы не можем при постановке таких проблем оставаться на поверхностном конкретном уровне. Мы просто вынуждены идти от социально-классового строения общества. При таком строении социально-трудовые проблемы неизбежно суть социально-структурные проблемы.

Первая узловая социально-трудовая проблема — налаживание такого взаимоотношения господствующих и подчинённых классов в социально-трудовых отношениях, которое служило бы фактором социальной устойчивости (социальной безопасности) общества.

Содержанием этой проблемы является нахождение и налаживание эффективных механизмов обеспечения компромисса классовых интересов, обеспечение социальных макропараметров нормализации и стабильности социально-трудовых отношений. Именно в этом пространстве, а не на микроуровнях обеспечивается выбор модели социальной макропропорциональности (социальное партнёрство, “жесткий” капитализм и др.).

К этой же проблеме содержательно относится и определение типа полномочий государства в социально-трудовой сфере, то, что фигурирует в конституциях, например, как социальное государство.

Вторая узловая социально-трудовая проблема — проблема трудовой социализации (социальной интегрированности) и социальной дезинтеграции. Если сказать обобщенно, то это проблема современного понимания ценности труда и права на труд как социального права.

Третья узловая социально-трудовая проблема — модернизация системы наёмного труда и осовременивание самих представлений об этой системе. Что ни говорите, а представления о системе наёмного труда, которыми и теоретики, и практики пользуются до сих пор, сложились в своей основе в индустриальную эпоху и притом применительно к развитым индустриальным странам. Практика пошла вперёд, а теоретические представления стали от неё отставать. В образовавшиеся “ниши неуверенности” хлынули сравнительно сомнительные концепции и новации. Теоретикам пора сделать усилия и вывести теоретические разработки системы наёмного труда на уровень потребностей современной практики. Это поможет практике действовать более целенаправленно.

Четвёртая узловая социально-трудовая проблема — это “вечная” проблема справедливости и эффективности при формировании трудовых доходов.

Пятая узловая социально-трудовая проблема — проблема социальных рисков в системе социально-трудовых отношений. Коренная перемена общественного строя означает коренную перемену системы рисков социального про-

исхождения. В условиях деформированного переходного периода (как у нас в России, например) проблема социальных рисков ещё более усложняется. Без осмысления всей этой проблематики все субъекты социально-трудовой практики неизбежно будут запаздывать и сталкиваться с разрушительными тенденциями и понижением социальной и экономической эффективности.

Шестая узловая социально-трудовая проблема — формирование эффективной системы социальной защиты и социальной самозащиты.

Полагаю, что эти шесть узлов социально-трудовых отношений составляют основное содержание их системы. Каждый из узлов может быть конкретизирован. Могут быть добавлены некоторые, на мой взгляд, менее существенные узлы. Названные шесть узловых социально-трудовых проблем я считаю их кругом, минимально необходимым и минимально достаточным для исследования и решения основных задач становления демократического регулирования социально-трудовых отношений в современной России.

Глава 7.
Взаимоотношения господствующих и подчинённых классов в социально-трудовых отношениях

1. Классовые интересы и механизмы обеспечения их компромисса. Внутриклассовые противоречия интересов и механизмы их нормализации

В обеспечении социальной устойчивости общества социально-трудовым проблемам, их осознанию, постановке и решению принадлежит, несомненно, решающее место. Потому что именно в сфере социально-трудовых отношений происходит постоянное взаимодействие главных социальных сил — капитала и наёмного эксплуатируемого труда. В демократическом обществе именно эти взаимоотношения находятся и в центре внимания государства, озабоченного проблемами социальной безопасности (социальной устойчивости). Частнокапиталистическая организация хозяйства и общества всегда содержит в себе риск (опасность) открытого антагонизма классов. Обеспечение социальной безопасности в том по существу и состоит, чтобы классовые антагонизмы сохранялись в скрытом виде, в форме классовых компромиссов, классовых перемирий. Это и понимается под социальной устойчивостью[130].

---

[130] Несомненно, что социальная устойчивость и социальная антагонистичность общества, основанного на эксплуатации, в равной мере реалистически понимается и наукой, обслуживающей капитал, и наукой, обслуживающей эксплуатируемые классы. Другое дело, что в научной литературе (в той же мере классовой, что и сама наука) учёные, обслуживающие капитал, традиционно изображают социальные процессы так, будто классов в классическом европейском понимании на самом деле нет. Но это уже вопрос внешнего изображения реальной картины и

Интересы капитала (класса капиталистов[131]) не следует представлять так примитивно (вульгарно), как это стандартно делалось в официальной политической экономии в СССР. Корень вульгаризации — в представлениях, будто для капиталистов прибыль, прибавочная стоимость, "чистоган" — высшая и конечная цель. Это, конечно же, проистекает из методологии экономического детерминизма и по сути опускает представления о социальной системе на уровень, свойственный либеральному фундаментализму: нечто вроде того, что общество есть пространство жизнедеятельности "экономического человека". Изображать капиталиста "экономическим человеком" — это методология невысокого полёта.

Не станем спорить, что для некоторых нужд (например, для нужд гражданского судопроизводства) целесообразно отсекать социально-структурные аспекты общественных отношений и смотреть, например, на цель предпринимательства исключительно как на цель "систематического получения прибыли", на предприятия — как на имущественный комплекс[132] и т.п. Можно, хотя и осмотрительно, представлять себе индивидуального капиталиста совершенно не ощущающим своей классовой принадлежности и фанатически устремлённым к максимизации при-

сознательного отклонения изображения от реальности. Жаль, что многие наши коллеги подрастерялись в новых условиях и подрастеряли представления о социальной реальности капитализма, которыми пользуются "для себя" (а не в литературе) идеологи и учёные, обслуживающие капитал.

[131] Класс капиталистов — понятие обобщённое. Капитал — не вещь, не деньги, а общественное отношение. Его субъектное выражение — это целая "команда", делающая общее дело — эксплуатацию. Роли разделены и скоординированы. Капиталисты — это и собственники, и управляющие собственностью, в том числе и наёмные управляющие.

[132] Гражданский Кодекс РФ. М.: Кодекс. 2001. С.4, 62.

были. Но представлять себе подобным образом капитал как класс — значит совершенно отходить от реальности.

Интерес *класса* капиталистов — обеспечивать устойчивость, надёжность, воспроизводимость системы эксплуатации наёмного труда. Эта цель — сугубо социально-структурная. Получение предпринимательской прибыли — лишь одно из конкретных средств. Прибыль достоверно свидетельствует о конкурентоспособности (эффективности) индивидуального предпринимателя (правда, только "при прочих равных условиях"). Об эффективности же действий класса капиталистов свидетельствует в первую очередь не прибыль, а сохранение эксплуатации как системы. Так что и у класса капиталистов социальный критерий эффективности на первом месте и тесно связан с экономическим как с обеспечивающим сохранение главного целевого социально-структурного параметра.

Интерес *класса* (классов) наёмных эксплуатируемых трудящихся гораздо сложнее интереса класса капиталистов. Эксплуатируемые трудящиеся объективно находятся в ситуации двойственности своих интересов. Сложившаяся система эксплуатации *в аспекте текущего периода* есть безальтернативное для них и их семей пространство выживания, существования и развития. Но *в аспекте перспективы* (как говорится, "в конечном счёте" и применительно к классу в целом) система эксплуатации не может восприниматься трудящимися как справедливая и желательная. И текущий, и перспективный аспекты конкретно-содержательно складываются на основе соотношения социальных сил.

Оба класса, участвующие в организованном на основах частной капиталистической собственности общественном производстве, отчётливо понимают (и инстинктивно, классовым чутьём чуют) антагонизм, заложенный в такой организации. Они могут видеть или не видеть исторически альтернативные варианты этой организации, но в том и другом случае они обречены на взаимодействие впредь до наступления возможной исторической альтернативы. Классовый компромисс (перемирие) капитала и

наёмного эксплуатируемого труда как раз и есть форма реализация этой конкретно-исторической обречённости.

Конкретные этапные формы классовых компромиссов, общественные механизмы их достижения и удержания, разрушения и возобновления определяются многими обстоятельствами и факторами от сугубо случайных событий и даже недоразумений до столь устойчивого социального феномена, как социокультура народа.

Классовый компромисс — это такое состояние взаимоотношений классов-антагонистов, при котором их активные действия не выводят общество из сложившегося состояния, удерживают это состояние как качественно стабильное. Такое представление о компромиссе как о динамической стабильности полностью применимо и к компромиссам в социально-трудовой сфере.

Общество существует только тогда, когда его социально-структурные части действуют “для себя”, то есть собранно, социально-групповым образом. Капиталисты разные и трудящиеся разные, они действуют вроде бы исключительно каждый сам по себе. Но они всё-таки реально класс и действуют в обществе классово.

Рассмотрение механизма классовой объединённости разрозненных и обособленных действий граждан, их группировок, общностей, малых социальных групп — не наша задача. Нам только важно отметить, что постоянно имеют место внутриклассовые противоречия интересов, а потому всегда актуальны и механизмы нормализации их взаимодействий. Противоречия индивидуальных, мелкогрупповых интересов и интересов класса в целом — существенная реальность. Выше уже было показано, как законодательство защищает общеклассовые интересы капитала против недобросовестной конкуренции. Подобные сюжеты встретятся нам и при рассмотрении проблем социального партнёрства.

Трудящимся эксплуатируемым классам намного труднее, нежели капиталу, отстоять приоритет общеклассовых интересов перед мелкогрупповыми и индивидуальными. Как правило, трудящиеся не могут воспользоваться

таким хорошим и цивилизованным инструментом, как законодательство: оно в руках руководящего класса-антагониста. Более того, трудящимся приходится сталкиваться с законодательством, которое стремится своими нормами разобщить класс, и с пропагандой, которая культивирует индивидуализм и мелкогрупповой эгоизм. Единственный для трудящихся надёжный способ удерживать общеклассовый интерес в состоянии приоритетного ориентира социальных действий — культивировать, крепить, делать первейшей ценностью, нормой жизни классовую солидарность.

Ещё раз подчеркну: каждый из классов, участвующих в социально-трудовых отношениях, решает одну и ту же по типу задачу — налаживание единства действий в интересах класса. Но социальное положение классов-антагонистов качественно разное. Поэтому даже сходные по типу задачи они решают принципиально разными способами.

2. Обеспечение социальных макропараметров нормализации (и стабильности) социально-трудовых отношений. Модели обеспечения социальной макропропорциональности: социальное партнёрство и “жёсткий” капитализм

В экономической теории есть понятие макропропорциональности. Оно описывает такое состояние некоторых базовых параметров общественного воспроизводства, при котором это воспроизводство является устойчивым, то есть, во-первых, не разрушается (простое воспроизводство), а во-вторых, прогрессирует, развивается в благоприятном направлении.

Но ведь экономическая (воспроизводственная) макропропорциональность (как и её нарушенность) существует в неких общественных формах, не так ли? Что это за

формы? Вполне правомерно воспринимать их как социальную макропропорциональность[133].

Социальная макропропорциональность есть такое соотношение социальных сил в обществе, при котором обеспечивается социальная устойчивость развития, а противоречия социальных интересов не достигают остроты и форм, дестабилизирующих развитие.

Представления о макропропорциональности и подход к практическим проблемам с использованием таких представлений исключительно плодотворны, поскольку ставят рассмотрение социальных проблем на реалистическую почву.

К примеру, в современной России социально-трудовые отношения явно дезорганизованы, их цивилизованные основания и формы разрушены или подорваны. Проблема нормализации социально-трудовых отношений и стабилизации их способности к воспроизведению и развитию в цивилизованном виде — такая проблема остро актуальна и уже приобрела хронический вид. Нельзя сказать, что ничего не предлагается и ничего не делается. И предложений много, и решения принимаются на разных уровнях и непрерывно. Каждое предложение и решение обосновываются потребностью нормализовать ту или иную сторону социально-трудовых отношений. Нормализации по крупному счёту, однако же, не происходит. Разобраться в причинах такого неэффективного процесса можно, только поставив их рассмотрение в ракурс социальной макропропорциональности — в ракурс реального соотношения социальных сил в современной нашей России. Полагаю, что

[133] Мы излагаем по схеме, удобной для ума, привыкшего к оперированию понятиями "базис" и "надстройка". Как бы подстраиваемся к не очень-то диалектическому способу рассуждений, в котором базис "главнее" надстройки. В реальности-то социальное выступает в развитии как задающее, ибо в пространстве социальных отношений располагаются процессы выдвижения целей, пульсация целей, которые направляют экономическое развитие.

данное в главе 5 рассмотрение необъявленной комплексной реформы социально-трудовых отношений в составе российских реформ 1990-х годов позволяет читателю оценить "разрешающую способность" подхода от социальной макропропорциональности (от соотношения социальных сил).

Взаимоотношения господствующих и подчинённых классов являются основополагающим и решающим фактором в формировании национальных (и интернациональных тоже) моделей[134] социально-трудовых отношений и — шире — моделей социальной политики. В социальной науке описан ряд моделей обеспечения социальной макропропорциональности[135]. Нас интересуют два основных типа — модель социального партнёрства (модель "осторожного" капитализма) и модель "жёсткого" капитализма.

В России официально объявлено, что моделью (типом) социально-трудовых отношений является социальное партнёрство. Первый официальный документ на этот счёт — Указ Президента РСФСР "О социальном партнер-

[134] Модель — от лат. modulus (мера, образец). В обществознании, предмет которого не содержит ничего рукотворного, под моделью понимается устойчивый тип, устойчивая содержательная схема (порядок) массово распространённых взаимоотношений и организационных форм (институтов), в которых они происходят.

[135] К примеру, доктор О. Якоби фиксирует пять основных типов высокоразвитых рыночных отношений: 1) англосак-сонский капитализм с доминированием финансового капитала; 2) рейнско-альпийский капитализм с социальной рыночной экономикой; 3) капитализм сообществ отдельных фирм Японии; 4) капитализм с декорациями в стиле барокко (с подавляющим главенством верхушечной части общества (по типу средневековья), засилием бюрократии и мафиозными проявлениями; 5) капитализм как развивающаяся диктатура с порабощёнными профсоюзами (Отто Якоби. Больше или меньше социального государства // Die Mitbestimmung. Спецвыпуск журнала Фонда им. Х.Бёклера. 1995. С. 24-27).

стве и разрешении трудовых споров (конфликтов)" от 15 ноября 1991 г. № 212. В этом документе никаким образом не объясняется, что такое социальное партнёрство, просто приводится ряд мер и процедур, которые, видимо, и надлежит понимать как социальное партнёрство. С таким же успехом можно было бы ввести указом и социальную справедливость, и мораль, и вообще всё что угодно.

Более серьёзно подошли к делу законодатели. Так, в Законе города Москвы "О социальном партнёрстве" (22 октября 1997 г., № 44) социально партнёрство как основное понятие имеет определение, в котором даже фигурирует такое предназначение социального партнёрства, как "обеспечение социального мира, общественного развития". Примечательно, что в московском законе социальное партнёрство определено как "основа взаимоотношений" между конкретными субъектами, причастными к конкретным формам социально-трудовых отношений. Что это за основа — это, правда, не объясняется, но ясно, что это не сами конкретные взаимоотношения, а их основа. Трудовой кодекс РФ пошёл не вперёд, а назад в сравнении с московским законом. Статья 23 ТК РФ определяет социальное партнёрство как "систему взаимоотношений" исключительно конкретных участников социально-трудовых отношений.

Всё это — примеры поверхностных подходов и употребления слов, смысла которых употребляющий их не знает. Если бы любые взаимоотношения конкретных субъектов, направленные на обеспечение согласования интересов сторон, принимались в мире за социальное партнёрство, то никаких иных понятий, типизирующих социально-трудовые взаимоотношения, вообще не потребовалось бы. Однако наука считает социальное партнёрство лишь одним из типов социально-трудовых отношений и, кстати, весьма редким. Само понятие "социальное партнёрство" применяется не к выборочному набору процедур общения субъектов "по-хорошему", а именно к типу социально-трудовых отношений как к системе. В отличие от этого, ТК РФ так характеризует социальное партнёрство,

что все отношения по защите трудовых прав, все трудовые конфликты оказываются вне социального партнёрства. Не вдаваясь дальше в анализ российского законодательства, будем считать, что в России понятие "социальное партнёрство" имеет свою смысловую нагрузку, в корне отличную от смысловой нагрузки этого понятия, скажем, в Европе. То, что в Европе имеет название "социальное партнёрство", в России названия не имеет. Ближе всего к европейскому смыслу социального партнёрства российское понятие "социальное государство". Демократическое социальное государство в европейском понимании также близко к системе социального партнёрства.

Когда в Европе говорят о социальном партнёрстве или о социальном государстве, то имеют в виду *не процедуры* переговорного процесса и заключения конкретных соглашений, а *тип взаимоотношений* в обществе основных классов. Классов, а не конкретных работников и работодателей на конкретном предприятии. Одно с другим связано, но не есть одно и то же.

Вот рассуждение о социальном государстве (и о системе социального партнёрства) Вилли Брандта (из речи 13 апреля 1986 г.):

"...История напоминает и о том, что социальный упадок и унижение большинства народа были слишком высокой ценой за благополучие элитарного меньшинства. Она напоминает нам о творческих способностях трудящихся классов и о том, что эти способности должны не подавляться, а высвобождаться для того, чтобы прогресс мог осуществиться. Она напоминает нам о том, что расширение индивидуальной свободы остаётся фразой, пока из неё может извлекать выгоду лишь меньшинство, ибо так называемая свободная игра сил распределяет жизненные шансы крайне неравномерно в пользу этого меньшинства.

Иными словами, не только из повседневной практики, но и из исторического опыта социал-демократии мы знаем, что общество может более или менее полно удовлетворить притязания всех граждан на приличную жизнь

лишь тогда, когда оно возлагает обязанность заботиться об этом на государство, лучше сказать, на социальное государство. И в противоположность тому, во что хочет заставить поверить неоконсервативная правая, мы знаем, что демократическая социальная государственность — не гиря на ногах прогресса, а скорее колесо, на котором он движется. Поэтому (и потому, что мы рассматриваем социальное государство как институциональный гарант человеческого достоинства, в том числе и человеческого достоинства простого мужчины и простой женщины) мы будем защищать социальное государство всеми силами и не допустим, чтобы его сделали презираемым и демонтировали до неузнаваемости!"[136]

Как видим, речь идёт не о процедурах заключения колдоговоров на отдельных предприятиях, а о взаимоотношении классов в обществе по поводу распределения эффекта от общественного производства, о распределении "жизненных шансов" между меньшинством и большинством. Социальное партнёрство как тип взаимоотношения классов, социальное государство как гарант человеческого достоинства каждого из классов — вот о чём идёт речь. Отличительным признаком такого типа классовых взаимоотношений является крупномасштабное перераспределение жизненных средств от господствующих классов к подчинённым классам через механизмы государственных гарантий и социальной защиты (социальное страхование, социальное иждивение, социальная помощь, социальные компенсации).

Социальное государство и социальное партнёрство как тип взаимоотношений господствующих и подчинённых классов возможны ***только при относительном равенстве (сопоставимости) социальных сил***. Такое относительное равенство сил складывается не в результате установления благоприятной для трудящихся модели социального государства и социального партнёрства. На-

[136] Вилли Брандт. Демократический социализм. Статьи и речи. М.: Республика. 1992. С.345.

оборот, только в результате длительной и успешной классовой борьбы трудящихся капитал становится социально осмотрительным и сговорчивым, находит для себя выгодным и приемлемым пойти на партнёрство и на социальный тип государства. Если практического равенства социальных сил в обществе нет, то и разговоры о социальном партнёрстве и о демократическом социальном государстве беспредметны[137].

Отсутствие равенства сил господствующих и подчинённых классов — обычная для капитализма ситуация, равенство же сил — редкое исключение. Кроме того, опыт ряда европейских стран 70-х - 90-х годов XX века, в которых сложились было системы социального партнёрства (Германия, Швеция и др.), воочию подчеркнул два важных момента:

а) не тип (не модель) государства является первичным и решающим в социальном партнёрстве, а именно соотношение сил господствующих и подчинённых классов. Как только менялась общая ситуация в мировом хозяйстве или ослабевало давление на капитал со стороны профсоюзов и партий Социнтерна, капитал немедленно пробовал сдвигать ситуацию в стране из состояния партнёрства в сторону непартнёрских моделей. Пробы такого рода в виде ужесточения социальных программ стали одним из факторов возникновения новых массовых демократических социальных движений. Облик государства и его мер гибко отображал изменения в соотношении социальных сил, даже ситуативные изменения;

б) профсоюзы, всерьёз воспринимающие риторику о социальном партнёрстве как об "отмене в современном мире классовой борьбы" и ослабляющие классовое дав-

[137] Социальное партнёрство с позиций соотношения классовых сил серьёзно рассмотрено в ряде публикаций д.э.н., проф. И.Н.Мысляевой. См., например: Мысляева И.Н. Каким может быть социальное партнёрство в России // Трудовая демократия. Вып. 23. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2000.

ление на капитал, терпели фиаско и “вдруг” неожиданно для себя обнаруживали за столом переговоров совсем иного, незнакомого партнёра. Своеобразный шок от этого испытали, например, в середине 1990-х годов Объединённые немецкие профсоюзы. В наши дни поучительно поглядеть на сходные по типу процессы в корпорации “Норильский никель”. Профком “НН”, гордившийся партнёрством как своим завоеванием, вопиёт о том, что администрация, видите ли, подняла руку на социальное партнёрство.

Социально-трудовые отношения при непартнёрских взаимоотношениях господствующих и подчинённых классов (при модели “жесткого” капитализма) будут рассмотрены как типичные для капитализма во всех последующих главах. Именно эта модель не оставляет и никогда не давала иллюзий относительно социально-классовой природы и функций государства и направленности его конкретных мер в социально-трудовой сфере.

3. Роль государства в обеспечении социальной устойчивости социально-трудовых отношений

В привычный набор знаний советского человека об обществе входили (через массово прививаемые вульгаризированный марксизм и сталинизм) деформированные представления о государстве, о его функциях в общественном развитии. Эти представления сочленяли в себе формулы “государство есть машина классового подавления” при капитализме и “забота партии и правительства о благе народа” при социализме. Установочные задачи таких формул налицо: разбей, разрушь капиталистическое государство; жди государственных щедрот и надейся на социалистическое государство.

Конечно же, не такими представлениями руководствуются господствующие классы. Не такими представлениями следовало бы руководствоваться и трудящимся классам. Государство есть сложный организационный механизм, породив который и пользуясь которым, общество

обеспечивает собственную управляемость, устойчивость, целенаправленность развития, значительную часть задач модернизации. Помимо понятия “государство” (как сложной организации, сложного института) есть понятие государственности как современной цивилизованной формы управления обществом (точнее было бы сказать — “самоуправления”).

При рассмотрении системы социально-трудовых отношений, особенно если ставится задача рассмотреть становление и функционирование их демократического регулирования, с представлениями о государстве как о машине подавления или как о кормильце-благодетеле ни к чему особенно содержательному не продвинешься. Конструктивное обсуждение социально-трудовых проблем со стороны общественных механизмов их регулирования предполагает ёмкое научное видение государственности и государства.

Да, государственность есть типовая форма общественного саморегулирования, поддержания социальной устойчивости общества, выношенная и рождённая не каким-либо иным, а классово-структурным обществом. Да, государство есть организационный механизм реализации государственности (государственной власти) в классово-структурном обществе. Всё, что можно при желании найти в государстве “общечеловеческого” и “внеклассового” или “надклассового”, всё это прилагается к классовому и межклассовому как к основному, определяющему в государстве и в государственности.

Обратим, однако же, внимание на то обстоятельство, что классовое общество и созданное им государство оказались устойчивой исторической формой развития общества, что является несомненным доказательством наличия ***собственных*** механизмов приспособления классового общества к меняющейся реальности, то есть доказательством жизнеспособности классовой государственности и классового государства. Системы социально-трудовых отношений классовых обществ имеют дело с классовым государством. Его роль в формировании и

осуществлении этих отношений далеко не адекватна формуле “машина для подавления”. Отметим лишь основные аспекты этой роли.

1. Государство есть институт консолидации господствующего капиталистического класса. Именно государство обеспечивает реальную воспроизводимость общего для всего класса “пространства эксплуатации”. Государство ограничивает нормами законов действия индивидуальных капиталов, могущие разрушить общеклассовое пространство эксплуатации. Конкуренцию модно изображать как экономическую войну всех против всех, да ещё как игру без правил. Но в войне всех против всех все и погибают, а игра без правил неизбежно кончается открытой дракой. Но капитал всё-таки по основной своей общественной роли — созидатель. Он вынужден культивировать поле эксплуатации, вводить правила в джунглях конкуренции, защищаться от явных разбойников и лихих предпринимателей. Для всего для этого у капитала есть государство. Оно и законы издаёт, оно и пресекает нарушения норм законов

В социально-трудовой области налаживание и поддержание упорядоченного пространства капиталистической эксплуатации осуществляется государством в форме социально-трудового (или просто трудового) законодательства и правоприменения, так что в социально-трудовых отношениях поддерживается правопорядок. Это, повторю, и в интересах класса капитала в целом, и в интересах класса трудящихся. Это против интересов частных предпринимателей-хищников, а также против интересов трудящихся, готовых выиграть конкуренцию на рынке труда путём “вынужденного штрейкбрехерства” — уступок предпринимателю в цене труда или в требованиях к условиям труда. Предельные образцы хищничества в предпринимательстве — теневое предпринимательство, а в “вынужденном штрейкбрехерстве” — теневой рынок труда.

Демократическое рабочее движение, по природе своих задач, должно чураться анархистских нападок на государство и левацких лозунгов немедленного разрушения государства, одностороннего, фронтального противостояния буржуазному государству. Наращивая силы сопротивления и в перспективе наступления на систему эксплуатации, рабочее движение может использовать буржуазное государство для фиксации реального соотношения социальных сил, для благоприятных для трудящихся изменений социально-трудового законодательства, для законной защиты от действий предпринимателей-хищников и “вынужденных” и открытых штрейкбрехеров. Реальное пространство социально-трудовой жизни эксплуатируемых классов — это пространство капиталистической эксплуатации, конкуренции и монополизации. В интересах ли трудящихся, чтобы это пространство было тайгой, джунглями? Конечно, нет. Упорядоченность капиталистической эксплуатации — это тоже ценность для трудящихся, хотя и не стратегическая, а тактическая. Но всё же ценность.

2. Во взаимоотношениях господствующих и подчинённых классов государство призвано играть роль пресекающего разрушительные действия этих классов друг против друга. Конечно, с забастовками, баррикадами, перекрытием магистралей, пикетами, массовыми протестными собраниями, оккупационными забастовками буржуазное государство борется много охотнее, чем с локаутами, принудительным трудом, длительными задержками выплат заработной платы, пособий, пенсий, с давлением на профсоюзы и с дискриминацией по профсоюзной принадлежности. Однако потребность сохранения статус-кво заставляет государство в критических случаях активно включаться в нормализацию социально-трудовых отношений и предохранение их от необратимых разрушений.

3. Государство защищает национальное (страновое) пространство эксплуатации от внешней экспансии. Этот аспект стал крайне актуальным при современной глобализации. Она превратила весь мир в объединённый рынок труда, объединила (разъединила) трудящихся всех стран в качестве конкурентов за рабочие места. Государство может выступать институтом, защищающим предпринимательство и трудящихся своей страны от разруши-

тельных ударов международной конкуренции как на рынках товаров и капиталов, так и на рынках труда. Говоря проще, государство, отстаивая страновые интересы, может не позволить смять, разрушить социально-трудовую систему отношений данной страны.

4. Государство в современном мире оказывается институтом, проводящим в своей стране общепризнанные в мире принципы, международные нормы и международные договорные обязательства, касающиеся социально-трудовых отношений. Влияние нового субъекта социально-трудовых отношений уже ощущается. Разумеется, международные нормы, придержки, правовые обычаи, декларации, рекомендации, конвенции, обязательства являются формой соотношения социальных сил. Но государственная форма международной деятельности заставляет рассматривать, соглашаться или не соглашаться на международный контроль обязательств в социально-трудовой сфере и т.п. К примеру, Россия вынуждена была подписать Европейскую социальную хартию исключительно потому, что как государство входит в Совет Европы. С ратификацией медлит. Не хочет международного контроля за соблюдением государством и бизнесом принятых и законно оформленных социальных обязательств. Но сама эта ситуация “подписываю, но не ратифицирую” создала целый шлейф отношений, помогающих трудящимся бороться за свои законные социально-трудовые права и интересы.

Государство — исключительно важный, непременный, эффективный субъект социально-трудовых отношений. В налаживании социально-трудовых взаимодействий макросоциального масштаба государство вообще является незаменимым субъектом. Рабочее движение там, где оно было мощным и эффективным, и современные социальные движения добились и добиваются от буржуазного государства заметных свойств социальной ориентированности. Только левак, на каждом углу кричащий: “Рабочий класс должен незамедлительно взять власть”, не способен понять, с одной стороны, важность и практическую значимость повседневной позиционной классовой борьбы, классового сопротивления, классового давления, а с другой — ценность и удобность и для господствующих, и для подчинённых классов существования такого субъекта межклассовых социально-трудовых отношений, как государство.

4. Особая модель взаимоотношений господствующих и подчинённых классов в условиях глобализационных рыночных шоковых реформ в России в 1990-е годы

В 1990-е годы в России сложилась модель взаимоотношений господствующих и подчинённых классов, деформированная глобализационными шоковыми реформами. И современное российское государство, отражающее фактические классовые взаимоотношения, также оказалось деформированным во всех своих функциях. Макросоциальная пропорциональность оказалась грубо нарушенной, деструктивные социальные и социально-трудовые процессы приобрели доминирующее влияние.

Задача форсированного первоначального накопления капитала, совмещённая с задачами глобализационного закабаления России, её колонизации, вывела на историческую арену в роли реформаторов когорту мародёров. “Криминальная революция” (по С.С.Говорухину), “бандитский капитализм” (по Б.Е.Немцову), “прихватизация”, разграбление страны, “ограбление ограбленных”, “экономический геноцид населения” (официальная оценка Государственной Думы ФС РФ) — всё это обозначения фактического мародёрства в небывалых масштабах.

Субъекты, осуществляющие хищнические, разрушительные действия, от которых капиталистический класс обычно защищается с помощью государства и законов, в российских условиях оказались у власти, сами оказались государством. Понятно, что находящееся в их руках государство не стало защищать от разграбления и от недобросовестной конкуренции, не стало упорядочивать “про-

странство эксплуатации” как поприще для цивилизованной деятельности капитала и наёмного труда. Более того, оно (государство) было приспособлено для форсирования грабежа страны и народа.

Народ, как это традиционно для России, безмолвствовал, но мало-помалу подключился к грабежу “помелкому”, особенно поколения помоложе. На обслуживании разграбления страны подрос даже новый средний класс охранники, банковские и биржевые служащие, коррумпированные госслужащие, контрабандисты, “растаможенники”, продажные журналисты-расследователи, персонал сомнительных инофирм и т.п. Каждый новый дефолт сопровождается в России сопереживаниями этой обслуге в связи с утратой ею лёгкой добычи.

Никаких конструктивных взаимоотношений господствующих и подчинённых классов в 1990-е годы в России не сложилось и не могло сложиться. Господствующие класссы не были настроены на реальное хозяйствование, на капиталистическое обустройство российского “пространства эксплуатации” всерьёз и надолго. Оазисы такого подхода наблюдались в некоторых регионах, однако федеральные власти и стоящие за ними группы в 1999-2000 гг. окончательно смяли попытки заняться реальным хозяйством.

Трудовой народ России в своём подавляющем большинстве оказался лишённым продуктивной занятости, рабочего места. Для капитала-мародёра трудовой народ — просто обуза. Обычных для цивилизованного (в смысле реально хозяйствующего и привыкшего действовать в правовом поле) капитализма взаимоотношений класса капиталистов и класса наёмных работников как основных в социальной структуре общества не сложилось. Потому что не возник как господствующий в обществе класс цивилизованных капиталистов, не возник и класс наёмных работников, занятых реальным воспроизводством. Самого жизнеспособного воспроизводства как основы жизни страны и её народа в России ныне нет. Разрушительные процессы подвели страну и её воспроизводство к грани необратимого развала. Сектор экспортных отраслей, находящихся в неблестящем состоянии, — недостаточная база для достойной жизни всего 145-миллионного народа.

Отсутствие в России несущей социально-структурной конструкции капитализма — взаимоотношений класса созидающих капиталистов и класса наёмных работников, занятых созидательными занятиями, — означает катастрофическую социальную макродиспропорцию. Отсутствует основа нормальных воспроизводимых социально-трудовых отношений. Отсутствует основа для демократической деятельности государства в любой из сфер, включая и социально-трудовую сферу.

Глава 8.
Проблемы трудовой социализации (социальной интегрированности) и социальной дезинтеграции. Современное право на труд

1. Ценностная функция труда. Трудовая социализация и альтернативы ей

Со второй половины XX века в ряд влиятельных в мире идейных течений вошло социально-гуманистическое видение политических и экономических процессов. Трудовой процесс в течение, по крайней мере, полуторастолетней истории капиталистической фабрики (от первой промышленной революции до второй) рассматривался и работниками, и работодателями, и государствами если и не исключительно, то преимущественно как экономический процесс. Для работодателя труд был использованием нанятой рабочей силы, затраты и эффекты этого процесса полностью (как полагали предприниматель и налоговый инспектор) отражались на бухгалтерских счетах предприятия. Работник видел в труде по преимуществу источник средств существования.

Неэкономический момент, собственно социальный компонент трудового процесса давал о себе знать в основном в конфликтах, во взаимоотношениях работника и работодателя, в столкновении рабочих партий и профсоюзов с властями и с буржуазными политическими партиями. Социальный компонент проявлялся в характере требований, в аргументации требований. К примеру, русские рабочие в начале XX века в ходе забастовок требовали вежливого к себе обращения мастеров. Российские социал-демократы обосновывали свое требование сократить рабочий день до 8 часов потребностью рабочих иметь время для осознания своего положения и участия в политической и профсоюзной борьбе. Примеров подобного рода множество, и это примеры неэкономических проблем, включавшихся в число трудовых.

Когда, начиная со Всеобщей декларации прав человека, мировое сообщество приступило к созданию нового поколения документов о правах и свободах (Международного билля о правах человека), социальные аспекты прав и свобод вошли в “зону внимания”, стали предметом регулирования. Это не значит, что социальные аспекты труда появились именно в это время и что прежде их не было. Они были всегда, но на уровне упорядочения взаимоотношений между трудом и капиталом в основном игнорировались. И национальные законодательства, и международные правовые и нормативные документы очень долгое время ограничивали круг регулируемых (и защищаемых) прав и свобод человека только политическими и экономическими правами. Включение в “зону внимания” социальных аспектов было крупным прорывом — прорывом к социальному законодательству. И хотя законодательство о социально-трудовых отношениях по традиции носит название трудового (например, в России — Трудовой кодекс), на деле оно уже стало и всё больше будет становиться социально-трудовым.

В основе новых тенденций и новой ситуации — выявление, осознание, признание ценностной функции труда. Ценности — то, чем люди дорожат в обществе. Ценности — взаимоотношения человека с обществом, в котором он живёт, положительная связь, связанность человека с обществом, формы привязанности к обществу.

Ещё старые социалисты предвидели: труд станет первой жизненной потребностью человека в обществе, свободном от эксплуатации. Сегодня этот социальный идеал следовало бы формулировать следующим образом: превращение общественно полезной деятельности в самоценное социальное благо и в способ свободного и гармоничного развития человека.

Такой финал — оптимистическая перспектива. Но само предвидение подобной перспективы — не выдумка на пустом месте. Оно улавливает и развивает до отчётливо выраженного идеала реально существующую в обществе тенденцию. Есть, есть и во все времена было в труде не-

что такое, чем дорожил трудящийся человек. Вперемешку с тяжестью и подневольностью труда моменты ценного (дорогого душе) в нём, может быть, меркли, затмевались. Но ценностная сторона (функция) труда от него неотъемлема в принципе.

По-моему, ценностная функция труда есть отражение в массовом, в групповом, в классовом и в индивидуальном сознании трудящихся момента обобществлённости (социализированности) труда. Будучи обобществлённым посредством всё углубляющегося и ветвящегося разделения и одновременно скоординированности (кооперации) функций, будучи общественно организованным, труд приобщает человека к обществу, делает трудовую часть его жизнедеятельности активно общественной. Поскольку система ценностей формируется и воспроизводится как общественная, с доминантой общественной оценки добра и зла, постольку формируется и сохраняется в системе отношения к труду и ценность принадлежности труда к общественно полезному, к обеспечению общественной пользы.

Современное человечество развилось до такой ступени, что стало признавать ценностную функцию труда как потребность. Потребность эта состоит в том, что человеку нужно (человек вправе) ощущать и осознавать общественную полезность своей трудовой деятельности, вправе претендовать на включённость в общественно полезный и общественно организованный труд. Потребность эта признаётся ныне социальной. В этом смысл тех новаций, которые происходят в международном праве и в формировании международных принципов, отражающих социальные права человека и гражданина. Это, несомненно, один из содержательных аспектов “нормального” и “достойного” социального положения, постоянно упоминаемых в новом поколении международных документов о правах человека и о социальном развитии.

В связи со сказанным считаю правомерным поставить вопрос о введении в социально-экономические и со-

циально-политические исследования категории *“трудовая социализация”.*

Трудовая социализация есть массово распространённая форма реальной приобщённости человека к обществу, включённости в созидательное развитие общества посредством участия в общественно-полезном общественно организованном труде. Трудовая социализация есть социальная ценность. Потребность в трудовой социализации входит в систему социальных потребностей. Как и другие потребности, трудовая социализация может иметь такие качественные характеристики своего фактического состояния, своего нормативного или целевого критериального измерения, как “нормальная”, “достойная” и др.

Трудовая социализация — не единственный вид социализации. Поскольку нормальным состоянием общества является социально-структурное, постольку нормальной социализацией является любой вид массово распространённой реальной приобщённости человека к обществу, включённости в созидательное развитие общества посредством функции, определяемой той или иной социальной группе (или общности) нормальной социально-клас-совой структурой. К примеру, класс эксплуататоров нормально социализирован в эксплуататорском обществе.

Альтернатива *трудовой* социализации — любой иной вид социализации. Альтернатива *социализации* — асоциальные явления, социально нездоровое, паразитическое существование или разрушающая общество жизнедеятельность. Часто применяемое понятие для обозначения явлений и процессов, альтернативных социализации, — социальная дезинтеграция. Социализация в связи с этим часто обозначается как социальная интеграция. Производные понятия, оценивающие состояния, — социализированность, интегрированность, дезинтегрированность. Понятие реинтеграция применяется для обозначения возврата к социализированности.

Все эти понятия правомерно применять к характеристикам социально-трудовых процессов и социально-трудового положения с добавлением прилагательного “трудовая”.

Актуальность привлечения внимания к трудовой социализации в изложенном выше смысле весьма высока в связи с процессами, которые выше были обобщены нами как тенденция формирования социальной резервации. Требуется поэтому с гуманистических позиций ***ужесточить критерий нормальности*** в отношении такого закономерного для капитализма явления, как безработица (во всех её формах и видах).

2. Трудовая дезинтеграция, её степени и виды. Обозначение нового подхода и показ его особенностей на примере изучения безработицы. Скрытая безработица

Трудовая дезинтеграция — отсутствие трудовой социализации, то есть реальная отчуждённость человека от общества, невключённость в созидательное развитие общества посредством участия в общественно-полезном общественно организованном труде. Трудовая дезинтеграция может быть сознательно и свободно избранной человеком (что реже) или вынужденной, вызванной не зависящими от человека обстоятельствами.

Трудовая дезинтеграция заслуживает научного изучения как комплексная социально-трудовая проблема. Сам факт невключённости в общественно организованное созидание целесообразно изучать и с количественной стороны, и со стороны породивших и поддерживающих его причин. Развивающим направлением исследования было бы рассмотрение качественных степеней трудовой дезинтеграции и её современных видов. Полагаю, что новые подходы, признающие трудовую социализацию общественной потребностью и ценностью, делают недостаточной

хорошо разработанную и теоретически фундированную классификацию форм и видов безработицы[138].

На примере подходов к изучению безработицы покажу особенности предлагаемого мною подхода, который мог бы быть плодотворным для исследования не только безработицы, но и всей совокупности типов и разновидностей трудовой дезинтеграции (и дезинтегрированности).

Безработица как экономическое и как социальное явление массовидного характера изучается давно в интересах повышения эффективности макроэкономической политики и социальной политики. Спектр подходов при этом широк: от постановки задачи предупреждения безработицы и надёжного исключения её из жизни общества до планирования и проведения общественной профилактики неблагоприятных социальных последствий развития на основах общественного устройства, содержащего в себе социальные риски массовой безработицы.

Широта спектра теоретических и практических подходов к безработице *гносеологически* коренится в эклектизме современного обществознания и конъюнктурном прагматизме социальной и экономической политики, а *социально-классово* — в плюрализме идеологий и вариантности научного видения будущего.

Самостоятельной содержательной и практически важной научной задачей могло бы стать сравнительное изучение разных подходов к проблеме безработицы. Но эта задача оставляется нами в стороне.

Существуют два относительно самостоятельных исторических потока осмысления безработицы как общественной проблемы. Один из них — исследования безработицы экономистами (в том числе, конечно, и политэкономами) в рамках теорий функционирования экономических систем. Другой — рассмотрение проблем безработных

---

[138] Пример фундаментальной разработки этой темы — монография д.э.н., проф. В.И. Плакси “Безработица в рыночной экономике (Вопросы теории, методологии, государственного регулирования)”. М.: РАГС. 1996.

(и безработицы как общественного состояния безработных) в рамках общегуманистических подходов и правозащитного движения.

Оба потока исключительно ценны и содержательны. Но пока они не объединены, они односторонни, чреваты односторонностью и не дают целостной общественной картины проблемы.

Новизна предлагаемого нами подхода — осмысление проблемы безработицы с целообщественных позиций. Методологически эта новизна обеспечивается целостно-обществоведческим подходом, позволяющим избегнуть односторонностей как экономического, так и абстрактно-гуманистического (правозащитного) подхода к безработице и — главное — раскрыть более глубокие основания, механизмы складывания, воспроизведения и разрешения проблемы безработицы.

Уместно отметить, что тяга к целостно общественному видению безработицы постоянно нарастает и в экономическом, и в правозащитном потоке рассмотрения безработицы. Обозначается эта тяга как последовательные шаги отказа от крайне односторонних взглядов, а иной раз и просто от абсолютизации экономического или гуманитарно-ценностного аспекта проблемы.

Вехи продвижения экономической мысли к пониманию природы безработицы не как сугубо экономического (ресурсного), а социально-экономического феномена[139]**.** Представления классической школы о механизмах хозяйственного регулирования основывались, как известно, на доктрине рыночного саморегулирования ("невидимая рука рынка"), более того — на доктрине самодостаточности рынка как экономической системы. Не тут ли гносеологический корень той дани, которую заплатил марксизм за то, что одним из его идейных источников была классическая английская политэкономия?

---

[139] При подготовке этого сюжета я опиралась на указанную выше монографию В.И.Плакси (см. с.303).

Дань эта была в XIX веке уплачена не только марксизмом, но, например, и дарвинизмом. Ч.Дарвин трансплантировал в представления об эволюции конкуренцию как универсальный способ взаимодействий ("борьбу всех против всех"), сделал конкурентную борьбу механизмом естественного отбора. Этим он излишне кардинально упростил представления об естественном отборе: в жизни тот сложнее и эффективнее, нежели борьба всех против всех.

В учении гениального К.Маркса влияние метафизичности классической английской политэкономии проявилось в допущении экономико-детерминистских трактовок взаимодействия экономических и неэкономических общественных отношений (печально знаменитая схема взаимодействия базиса и надстройки, где базис — всегдашняя причина изменений в надстройке, а она "оказывает обратное влияние"). На старости лет Ф.Энгельс указал на это упущение и восстановил историко-материалистическую трактовку детерминизма в обществе. Но что было, то было.

Метафизика классической школы состояла по сути дела в полном отрыве экономики от общества. Рыночные механизмы управляли экономикой сами по себе, а обществу оставалось заниматься своими общественными, неэкономическими делами. Во всяком случае, так восприняли строение мира либералы. Они и до сих пор исходят из того, что экономика тем эффективнее, чем меньше государство суёт в неё свой нос.

По логике классической школы, безработицы в принципе не может быть в последовательно рыночном хозяйстве. Цена рабочей силы формируется объективно, её уровень в условиях рыночного равновесия надо воспринимать как естественный. Кто из рабочих не желает работать за естественный уровень зарплаты, тот ***добровольно*** становится безработным. Жизнь давала множество практических опровержений такого упрощённого представления о рыночном хозяйстве. Тем не менее классическая теория долго господствовала в умах, а сейчас всплы-

вает на поверхность каждый раз, когда терпит крах альтернативная ей, но тоже метафизическая доктрина.

Кризисная полоса 1929-1933 гг. окончательно убедила многих, что рынок не есть самодостаточный механизм, а с рабочей силой нельзя даже на рынке обращаться так, как обращаются с вещными ресурсами (имуществом).

Правда, ещё раньше, в конце XIX века, когда монополии, рождённые рынком, сильно покорёжили классические рыночные механизмы, пришлось-таки ввести в зону внимания экономической науки и государство, заговорить о его экономических функциях. Казалось бы, настало время отказа от метафизики, от отрыва экономики от общества, от политики. Но метафизика оказалась сильнее влияний практики. Возникла новая метафизическая (насквозь эклектическая) концепция смешанной экономики. Но это новшество обошло стороной проблемы рынка труда и проблемы занятости и безработицы.

Д.Кейнс, напротив, создал доктрину, в которой и рынок, и государство стали компонентами единой конструкции хозяйственного регулирования. Абсолютизация автоматического рыночного регулирования была снята. Пропасть между экономикой и обществом была устранена. На безработицу перестали смотреть как на сугубо экономическое явление, а на безработного — только как на неиспользуемый экономический ресурс. К слову сказать, марксизм стал ближе западным экономистам, и они пошли вдогонку за русской экономической школой, сделавшей рывок именно благодаря Марксовой методологии (правда, догонять скоро стало некого, поскольку лидеров тогдашней мировой экономической мысли — видных советских экономистов — сталинский режим физически истребил).

Нет необходимости излагать здесь содержание теории Д.Кейнса. Достаточно обратить внимание, что в объяснение причин и механизмов безработицы все настойчивее вкрадывались такие реалии, которые находятся за пределами “чистой экономики”, а именно:

— потребность учитывать семейное положение такого производственного ресурса, как рабочая сила;

— способность рабочей силы объединяться в профсоюзы и вынуждать вести с собой переговоры и заключать договоры;

— необходимость для класса капиталистов действовать именно классово, а не пофирменно, то есть действовать в экономике политически (целообщественно), а не только экономически, не только как товаропроизводитель.

Вовлечение государства и других классовых и общественных субъектов в экономические схемы — это уже отступление от экономической односторонности. Разнообразные концепции “смешанности” экономики лежат в этом же русле. Не в смешанности экономики тут дело, а в её общественности.

Казалось бы, путь к истине нащупан. Но возможности этого пути не использовались. Экономисты не стали обществоведами. Они продолжали искать не целообщественные, а в основе своей ***экономические*** способы решения общественной проблемы. И тут не только профессиональная узость, здесь присутствует и идеологическая ограниченность, открывающая дорогу экономическому материализму как методологии и традиционно загораживающая дорогу опережающей методологии исторического материализма.

Почему экономисты, и так, и эдак выкручиваясь из трудностей объяснения проблем реального хозяйства, изо всех сил упираются против перехода к методологии целостно общественного видения, при которой за первичное и определяющее принимается общество в целом с его целями и проблемами, а экономика рассматривается на её реальном месте — на месте ресурсного блока (подсистемы) общества? Думается, не только по традиции, а скорее потому, что отражают интересы класса, безраздельно господствующего в экономике, а через это — и в обществе. Иначе пришлось бы в лоб демонстрировать верховенство интересов капитала. А так это верховенство проводится через примат интересов экономики (в скобках проясню —

частнокапиталистической экономики) над интересами общественными.

Резюмирую. Экономисты (а именно они по традиции считаются специалистами, ответственными и компетентными за обсуждение и понимание проблем безработицы) неизбежно и последовательно продвигаются от сугубо экономического к общественному взгляду на проблемы хозяйства в целом и на проблемы безработицы в частности. Но они упорно не идут на приоритетно общественное видение проблем безработицы, занятости и иных общехозяйственных проблем.

Может быть осуществлён анализ эволюции абстрактно-гуманистического (правозащитного) подхода к проблемам безработицы. У этого подхода есть немаловажное преимущество перед сугубо экономическим: он изначально ставит впереди всего общественный интерес. Но это абстрактный общественный интерес, отягощённый наследием методологии робинзонад и личности вне общества или, точнее, ***до*** общества. Такой анализ, если он будет проведён, надо предполагать, покажет, что продвижение также идёт в сторону отказа от абстрактного представления об обществе как о скопище личностей. Сущностная конкретизация, отвергая намеренно бесклассовую стратификацию, должна продвигаться к уяснению реальной социально-классовой структуры общества и к принятию во внимание механизмов общественного действия. Другими словами, абстрактные гуманисты, упёршиеся мыслью и действием в отдельного человека, вынужденно осваивают истины: “Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества” и “Нельзя быть свободным вне общества и без содействия общества”.

Понятно, что для абстрактных гуманистов всё актуальнее становятся проблемы социальных рисков и социальной защиты и притом не только применительно к отдельному “человеку и гражданину вообще”, а применительно к реальным человеческим и гражданским ансамблям — к социальным группам, классам, общностям, слоям. Вот тут-то и наступает потребность вникнуть в устройство

и механизмы функционирования общества в целом и его важнейших подсистем — экономики, юстиции, морали, политики и др.

Суть предлагаемого нового подхода — исходить при рассмотрении безработицы из общества, типа его устройства, социальной структуры, структуры интересов, ценностей и целей. Это даёт существенно иные постановки, видения и решения проблемы безработицы, нежели традиционные подходы, лишённые целостно общественного видения.

Следствие (результат) новой постановки проблемы — новая концепция скрытой безработицы. Традиция рассматривать безработицу как явление экономическое сформировала и распространённый подход к скрытой безработице. Скрытая безработица рассматривается всего лишь как неполное (неэффективное) использование формально занятой рабочей силы.

Считается, что поскольку скрытая безработица не фиксируется рынком труда, постольку трудно определить её реальный объём. В качестве основных критериев отнесения той или иной группы населения к скрыто безработным выступают:

— формальная занятость (полная или частичная);

— неэффективное или неполное использование трудовых ресурсов.

Иногда в качестве критерия скрытой безработицы выдвигают относительно низкий уровень заработной платы или задержку выплаты заработной платы. Хотя сами по себе они не свидетельствуют о скрытой безработице и тем более о том, что их причиной является именно скрытая безработица. Это вполне может быть принудительный характер труда или иная причина, коренящаяся не на фирме, а в обществе.

Сугубо экономический подход приводит к выводу, что для современной России скрытая безработица не является принципиально новой проблемой. В СССР при формально полной занятости во всех отраслях существовал высокий уровень скрытой безработицы в виде избы-

точной занятости, которая принимала как форму сверхзанятости по сравнению с научно обоснованными нормами, так и форму неэффективного использования высококвалифицированного труда.

Считается, что с переходом к рыночным отношениям, с падением уровня общественного производства часть скрытой безработицы приобрела открытый характер, а другая часть избыточной занятости превратилась в частичную. И всё же в 1991-1994 гг. так понимаемая скрытая безработица (как в виде избыточной, так и в виде неполной занятости) увеличивалась. Затем скрытая безработица несколько пошла на убыль, в основном за счёт увеличения открытой безработицы.

Экономический подход заканчивает выводом, что здоровое развитие хозяйства предполагает последовательное сокращение скрытой безработицы, но не за счёт превращения в открытую, а за счёт увеличения эффективной занятости.

Предлагаемый нами подход позволяет выдвинуть более содержательные критерии занятости, безработицы и скрытой безработицы.

Анализируя социально-трудовую сферу с целью установить наличие и оценить степень распространённости скрытой формы безработицы, приходится зафиксировать как исходный пункт анализа ***достаточно содержательный критерий занятости и безработицы.*** Очевидно, что сам по себе факт нанятости или же факт самозанятости недостаточен для изучения скрытых форм безработицы. Он слишком прямолинеен и одномерен, он не ухватывает той сложности реальных социально-трудовых отношений, которая включает в себя и скрытые формы.

Нужен такой критерий общественно нормального (социально благополучного) и общественно ненормального (социально неблагополучного) включения человека в экономическую деятельность общества, который делал бы показательными (то есть достоверными свидетельствами) для оценки благополучности и неблагополучности более или менее разнообразный круг поверхностных проявлений

того, что скрыто для прямолинейного одномерного критерия (допустим, факта нанятости).

Подходы к выработке и фиксации нужного критерия занятости и безработицы таковы.

Требования современного мирового сообщества (современные критерии цивилизованности) к обеспечению человека работой формируются в увязке проблем занятости и безработицы с проблемами социализации (социальной интегрированности) и социальной отчуждённости человека. Проще, но то же самое говоря, проблемы занятости и безработицы рассматриваются как демонстрирующие, нужен человек обществу или он для него лишний, ненужный, дорожит общество человеком или же безразлично к нему. Гуманизм по самому своему существу исходит из того, что человек не может не быть ценностью для общества, Отсюда без всяких вариантов гуманизм отвергает справедливость и тем более общественную якобы полезность даже малой безработицы, признавая её варварским способом принесения человеческих жертв, не оправдываемых никакими гуманными, а тем более негуманными целями. Современное мировое сообщество признаёт обязательной целью для любой страны полную и притом продуктивную занятость.

Обязательство 3 Копенгагенской декларации о социальном развитии (Россия подписала декларацию в марте 1995 года) гласит:

“Мы обязуемся способствовать достижению цели полной занятости в качестве одного из основных приоритетов экономической и социальной политики и создавать для всех мужчин и женщин надёжные и устойчивые возможности зарабатывать себе на жизнь посредством свободно избранного производительного труда и работы”.

Это обязательство целиком соответствует обязательству 4, суть которого — содействие социальной интеграции.

Принятый в Копенгагене другой международный документ (а по Конституции Российской Федерации он приобрёл силу закона) под названием “Программа дейст-

вий Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития" содержит развёрнутый раздел "Расширение продуктивной занятости и снижение уровня безработицы". В Программе действий в качестве основы для действий и цели фиксируется, в частности, следующее:

"Производительный труд и занятость являются центральными элементами развития, а также элементами, *определяющими характер человеческой личности... Полная* и должным и соответствующим образом оплачиваемая занятость является действенным средством борьбы с нищетой и *содействия социальной интеграции.* Реализация *цели полной занятости* требует от государства, социальных партнёров и всех других слоёв гражданского общества на всех уровнях сотрудничества и создания условий, *позволяющих каждому* участвовать в производительном труде и пользоваться его результатами..."

Выделенные мною курсивом установки отражают стержень современных подходов мирового сообщества к проблемам безработицы и занятости.

Занятость — не просто нанятость или наличие самостоятельного занятия в экономической структуре общества. ***Занятость есть надёжная и устойчивая возможность зарабатывать себе на жизнь посредством свободно избранного производительного труда и работы.*** Занятость одновременно с этим есть ***непременное условие и состояние социальной интегрированности человека, которые определяют социальный характер человеческой личности.***

Безработица, соответственно, не может быть сведена к отсутствию в данный момент или данный период времени нанятости или же занятия ради заработка. ***Безработица есть лишённость человека надёжной и устойчивой возможности зарабатывать на жизнь посредством свободно избранного производительного труда или занятия. Безработица есть одновременно с этим фактор и состояние социальной отчуждённости человека и общества, определяющие социальную неполноценность человеческой личности.***

Главная опасность безработицы для общества, признак общественного неблагополучия — именно социальная отчуждённость, именно социальная неполноценность человеческой личности. ***Скрытая безработица — такое состояние занятости, при котором за внешними показателями нанятости и наличия занятий развиваются и являются существенными для состояния социально-трудовых отношений процессы социального отчуждения и социальной неполноценности трудящегося человека.***

Признаки, по которым скрытая безработица может быть обнаружена[140]. Принимая за основу характеристики занятости как общественно нормального параметра социально-трудовой сферы и безработицы как параметра социального неблагополучия общества и человека, формулируем следующие ниже признаки скрытой безработицы. Они могут порознь или совмещаясь формировать социальное положение скрыто безработного (это особая тема) и скрытую безработицу как существенный для всей социально-трудовой сферы параметр неблагополучия, отклонения от общественно нормального состояния.

Итак, признаки скрытой безработицы:

а) вынужденная неполная занятость;

б) излишняя занятость в сравнении с нормативами нормальной организации труда и производства (нормальной для данного рабочего места и для культуры производства данной страны, а реально — культуры производства конкретной отрасли в данной стране);

в) ненадёжность занятости;

г) неустойчивость занятости;

---

[140] Весьма полезный материал для обоснования совокупности признаков скрытой безработицы содержится в книге: Скрытая безработица: феномен, анализ, последствия / Под общ. ред. Волгина Н.А, Дудникова С.В. М..1998.

д) недостойно низкий заработок (доход). Полноценная занятость должна оплачиваться по стоимости рабочей силы. Если заработок существенно занижен, то налицо либо сверхэксплуатация, либо излишние затраты труда;

е) вынужденно по существу, но формально свободно выбранная работа или занятие;

ж) по существу вынужденное систематическое выполнение такой работы или такое занятие, которые существенно уступают квалификации работника;

з) полная бесполезность или недостаточная общественная полезность работы (или занятия), осознаваемые обществом или трудящимся;

и) формирование работой или занятием социального отчуждения человека от общества;

к) наличие признаков дискриминации или сегрегации в требованиях при приёме на работу;

л) распространённость незаконных занятий и систематических нарушений трудового законодательства.

Новые подходы к проблемам безработицы заслуживают, на мой взгляд, более развёрнутой разработки и доведения до фундаментального научного обоснования и практических предложений программного характера.

3. Современное право на труд как демократическая форма трудовой социализации (социально-трудовой интегрированности)

Право на труд есть условия существования трудящегося человека в эксплуататорском обществе, организованные на началах государственности. Право на труд — одна из важнейших форм, в которых государство действует в сфере социально-трудовых отношений. По своему же социальному содержанию право на труд есть демократическая форма трудовой социализации (социально-трудовой интегрированности).

Право на труд — это система установленных и охраняемых на основах государственности норм и правил взаимоотношений людей по поводу трудовой деятельности (социально-трудовых отношений). При этом нормы и правила, составляющие право на труд, касаются не одних только трудящихся, но и тех, кто их заставляет трудиться, мешает или помогает трудиться, защищает или нарушает нормальные (правильные) общественные условия трудовой деятельности, меняет или закрепляет существующие нормы и правила социально-трудовых взаимоотношений.

Об источнике (источниках) права на труд имеются разные доктрины, концепции, теории, подходы. Однако все сходятся в одном фокусе — в справедливости.

Борьба идей, идеалов, идеологий никогда не прекращается в обществе, пока оно сохраняет способность к развитию. Правоту своих представлений о том, какими ***должны быть*** порядки в обществе, каждая из борющихся сторон (идеологий) обосновывает справедливостью. Но у одних справедливость означает сохранение и укрепление основ сложившихся порядков, а у других справедливость означает существенную и даже коренную перемену сложившихся порядков.

Уже много веков борющиеся стороны убеждают друг друга в том, что именно их понимание справедливости — ***единственно верное***. На убеждённости в единственной верности того или иного представления о справедливых общественных порядках строится и стоит концепция (доктрина, теория) ***естественного права.*** По этой концепции, и право на труд составляет часть естественного права.

Почему “естественное”? Потому что право предлагается воспринять как систему предписаний самой природы, самого природного и человеческого “естества”. Таково, мол, само наше и нашего мира устройство. А кто устроил? Да кто бы ни устроил, только не мы сами, не мы с вами. Тут варианты ответов разные, но это вариации на один мотив: не мы, а то, что выше нас, человеков.

Вариант первый. Господь устроил мир и предписал, как жить. В Библии это зафиксировано.

Есть в Библии и о праве на труд. Адам и Ева, прародители наши, ослушались Бога, и Адам получил наказание пожизненным трудом: “В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...”. В другом месте Библии рабство введено проклятием за поступок отца.

Верховным естественным законом многие мыслители объявляли божественный закон, внесённый богом в человеческий разум. Например, в странах с христианской верой естественное право объявлялось законом Моисея и Евангелия.

Ещё один вариант. Естественное право — это не что иное, как “естественное состояние” людской жизни; оно существовало до того, как люди начали выдумывать и навязывать друг другу общественные и государственные порядки. Ещё 25 веков назад древние китайцы развивали идеи дао (естественного хода жизни), согласно которым правителям не следует вмешиваться в естественный ход вещей. Естественная жизнь людей — это когда их желания скромны, формы жизни просты и безыскусственны. Всё в такой жизни само собой делается правильно и протекает нормально.

В древней и средневековой Европе представления о естественном происхождении права господствовали и одновременно ветвились, обрастали учётом всё новых и новых обстоятельств. Но в основе лежала идея предопределённости права его естественным происхождением. Сама природа определяет строй, порядки жизни людей в обществе. Правда, у одних мыслителей и толкователей темы это была природа, окружающая человека, у других — человеческая природа, у третьих — то и другое в смеси.

И вот что примечательно. Все сторонники естественного права находят обоснованность права в “естественной” справедливости, но справедливым из всего состава “естественного” считают только то, что им представляется должным быть. Однако одним представляется, что должны быть и “естественны” уже сложившиеся порядки, а другие полагают, что существующие порядки противоестественны и надо всё в обществе переделать, чтобы восстановить “естественные порядки”. Естественно-правовая доктрина помогала сторонникам феодальных порядков защищать и укреплять эти порядки, а борцам с феодализмом — отстаивать революционные идеи и действия. Кстати, у нас в России и в Украине Феофан Прокопович помогал укреплять абсолютизм, используя одновременно и естественно-правовые доводы, и доводы от Писания. А русские революционеры А.Н.Радищев и декабристы опирались на идеи естественного права в борьбе с абсолютизмом и крепостничеством.

Третий вариант доктрины естественного права — учение об *общественном договоре.* Оно коренится в вовлечении человеческой природы в круг “естественных” оснований права. Но, строго говоря (заметьте это!), *природы отдельного человека, а не природы людского сообщества.* Ещё Эпикур (Древняя Греция, IV-III века до рожд.Хр.) учил: “Справедливость, происходящая от природы, есть договор о полезном — с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда”[141].

Сторонники общественного договора как разновидности естественного права полагали, что власть и государственная власть (а в их составе и право) возникли, когда люди выходили из естественного состояния и им пришлось кое о чём договориться в интересах взаимной безопасности. Природный здравый смысл, разум как природная способность каждого отдельного человека подсказали общественный договор как вполне “естественную” форму права.

Доктрина общественного договора (как и другие варианты естественно-правовой доктрины) использовалась для доказательства единственной правильности прямо противоположных подходов к общественным порядкам. Идеи общественного договора лежали в основе освободительных лозунгов Великой Французской революции 1789 года.

---

[141] Материалисты Древней Греции. М. 1955. С.217.

Великолепный анализ естественного права и его основы — абстрактной справедливости дал Ф.Энгельс в работе “К жилищному вопросу” (написана в 1872-1873 гг.). У юристов, писал Ф.Энгельс, “мерилом, которым определяется, что́ относится к естественному праву и что́ к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права — *справедливость*. ...Эта справедливость всегда представляет собой лишь идеологизированное, вознесённое на небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. ...Если в обыденной жизни, при простоте отношений, с которыми там приходится иметь дело, такими выражениями, как справедливо, несправедливо, справедливость, чувство права, пользуются даже по отношению к общественным явлениям без особых недоразумений, то в научных исследованиях экономических отношений эти выражения, как мы видели, приводят к такой же беспросветной путанице, какая возникла бы, например, в современной химии, если бы там попытались сохранить терминологию теории флогистона. Ещё хуже бывает эта путаница, когда верят... в социальный флогистон, в “справедливость”, или же когда уверяют..., что теория флогистона не менее правильна, чем теория кислорода”[142].

Образ “социального флогистона”, использованный Ф.Энгельсом для обозначения социальной функции естественного права, кажется мне очень удачным. Он помогает уяснить содержательный ответ о природе права и его источниках, рассуждая по аналогии (то есть методом улавливания сходства).

Действительно, обществоведение вырвалось из наезженной мыслительной колеи, каковой веками была доктрина естественного права, а химия — из надуманной (не соответствующей действительности) теории флогистона. И в том, и в другом случае трудность была схожей: реальный процесс не поддавался объяснению, и для объ-

[142] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Том 18. М. 1961. Стр. 273-274.

яснения (а лучше бы сказать, вместо объяснения) придумывалось нечто, что вроде бы всё объясняет.

Химики не понимали, почему в атмосферном воздухе тела горят, при этом одни горят, а другие не горят. Объясняющее горение нечто — флогистон, особое горючее вещество. У горючих веществ он есть, у негорючих его нет. Чего же тут непонятного?

Обществоведы не понимали, откуда берутся охраняемые государством нормы и правила взаимоотношений в обществе, какова их обоснованность и оправданность, вечные они или подлежат обновлению и замене. Объясняющее всё это нечто — справедливость. Она — от бога ли, от природы вообще или от человеческой природы, но она (справедливость) — вечная, “естественная”, единственно верная. ***Единственно верная*** — это особенно важно подчеркнуть. Свойство ***единственности*** во многом обеспечивается представлениями о том, что справедливость исходит то ли свыше (от Господа, от Матери-Природы), то ли от человеческой природы, заложенной опять-таки Создателем или Природой. Не мы с вами источники справедливости, наше дело ей следовать. Как будто всё сходится, всё объяснено, не так ли?

Химиков с их флогистоном подстерегала полная неожиданность. Свойство гореть оказалось *не особым веществом*, а *взаимодействием* веществ. Кислород — не флогистон, он есть в природе сам по себе, он — составная часть атмосферного воздуха, а вовсе не составная часть вещества, способного гореть в атмосфере. Теорию горения пришлось полностью заменить, хотя часть химиков долго ещё пыталась отстоять “правду флогистона”.

В обществоведении прорыв в понимании природы и источника права был ***связан с отрицанием единственности, безвариантности справедливости***. Обществоведы не отказались от справедливости, не стали отрицать её существования. Они обнаружили, что ***справедливостей много***, несколько, по крайней мере.

В методологии (в культуре мышления) подобные вопросы обсуждаются как вопросы о допустимости или

недопустимости уровня абстрагирования. Абстрагироваться — значит отвлечься от тех или иных не самых важных свойств или деталей, чтобы сосредоточить внимание и мысль на самых важных свойствах (на сущности, на сути). Что́ важно и неважно, а что́ всего важнее, — это зависит от практической задачи познания. Если мы хотим понять, откуда берутся нормы и правила взаимоотношений в обществе, нам тоже приходится решать, от чего можно и от чего нельзя абстрагироваться (отвлекаться как от менее важного, несущественного). ***Доктрина естественного права абстрагируется от того, что происходит в самом обществе***. Существенным признаётся лишь то, что как бы "выше общества": Бог, Природа, Природа Человека Вообще. Итогом такого абстрагирования и является СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВООБЩЕ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОДНА НА ВСЕХ.

Удары по представлениям о единственно верной справедливости наносятся разными толкованиями справедливости. На вакансию единственно верной справедливости для всего общества разные общественные группы выдвигают как бы "разные кандидатуры". А так как день всеобщих выборов справедливости не назначается, в обществе одновременно сосуществуют несколько вариантов единственно верной справедливости (то есть представлений о том, как всё ***должно быть*** устроено).

Прорыв, повторяю, в том и состоял, что было предложено ***отказаться*** от СПРАВЕДЛИВОСТИ ВООБЩЕ и от ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Строго говоря, это одно и то же, так как "единственно верной" может быть только справедливость "вообще", приходящая в общество откуда-то снаружи, сверху, не от нас с вами.

Со стороны культуры познания веский аргумент в пользу такого отказа — неприемлемость при объяснении общественных явлений абстрагироваться от того, *что́* происходит в обществе, от того, *как* общество *устроено и развивается*. Подумайте только, какие вещи (явления, процессы) оказываются при таком абстрагировании несущественными. Это социальная структура (различия между

классами, народами, территориальными и историческими общностями, культурами, системами ценностей). Это политика и её формы (взаимоотношения классов и социальных групп, войны и замирения, забастовки и партнёрство, баррикады, восстания, революции, контрреволюции, реформы, режимы, демократия и многое другое, не менее существенное). Это различие интересов эксплуататоров и эксплуатируемых как в стране, так и в мировых масштабах.

Если же принимать во внимание социальную структуру, политику, классовые взаимоотношения, считать эти явления ***первостепенно существенными,*** то справедливость (представления о том, как ***должно быть***) логично перестаёт иметь единственно возможный вид, становится вариантной, оказывается множеством вариантов справедливости.

Носителями (и родителями) не абстрактной, а реальной справедливости оказываются не Господь, не Природа, не природа Отдельного Человеческого Индивида, а социальные группы, классы. Пока общество разделено на классы (тем более — на эксплуататоров и эксплуатируемых), до тех пор в обществе будет несколько устойчиво возобновляющихся и массово распространённых представлений о том, как должно быть (то есть несколько идеологий).

Если справедливость признаётся не единственно верной, а классово различной, социально множественной, то доктрине естественного права приходит такой же конец, как и теории горения, основанной на представлениях о флогистоне. Она должна быть заменена доктриной социально-классового права.

Вот только до этого вывода уместны суждения по аналогии, ухватывающие сходство проблем и подходов к их решению у химиков и обществоведов. А дальше — ничего схожего. Приверженцы флогистона сопротивляются, пытаются даже "припарить" флогистон к кислороду. Но корни их сопротивления — в инертности мышления, в том, что жалко отбрасывать наработанное по исследованиям

флогистона, в упрямстве, в мракобесии учёного, наконец. Эти корни не прочны, они усыхают.

С доктриной естественного права дела обстоят много сложней и трагичней. Конечно, обществоведы, как и химики, обладают и инертностью мышления, и упрямством, способны на вздорное сопротивление новому знанию, на мракобесие. Но помимо познавательных и индивидуальных корней сопротивления доктрине социально-классового права, есть и классовые корни такого сопротивления. Никакой общественный класс не станет защищать флогистон как составную часть своего выгодного положения в обществе. Доктрина "естественного права" совсем другое дело. Эта доктрина всегда есть обоснование чьей-то монополии на устройство "единственно справедливых" порядков в обществе.

Господствующий в обществе класс всегда норовит изобразить свои интересы как общенародные, а свою трактовку справедливости — как вечную, "естественную", как здравый смысл и т.п. Зачем ходить далеко? Припомните, как проводилась приватизация. Частная собственность объявлялась единственно эффективной, единственно справедливой, единственно нормальной. Прошла приватизация, её результаты оказались для большинства народа очевидно несправедливыми, а хозяйственная деятельность частного капитала в России за последние 10 лет оказалась стопроцентно неэффективной, провальной, разорительной для страны. И что же? Сейчас власти вплотную взялись за приватизацию земли, и частная собственность опять пропагандируется как единственно справедливая и единственно эффективная. Так что социальные заказчики на абстрактную справедливость и "естественное" право всегда имеются. Это, как правило, эксплуататорские классы. Но и метафизические ветви идейных течений эксплуатируемых классов возводят свои представления о справедливости в ранг если не единственно, то *самых* правильных.

Фундаментальные положения доктрины социально-классового права таковы:

1. Право (система правовых отношений) порождено ***обществом*** и действует исключительно как общественное явление. Ничего внеобщественного или надобщественного, божественного или природно-естественного в праве никогда не было, нет и быть не может.

2. Все источники права, как и все источники власти, имеют исключительно общественный характер и коренятся в системе интересов классов и социальных групп, составляющих данное общество (народ). В независимых странах, провозглашающих себя демократическими, единственным источником власти и права признаются их народы[143]. Если помимо народа фактически действуют внешние для страны источники власти и права, то страна отчасти или полностью является зависимой.

3. Социально-классовая структура народа предопределяет ***противоречивость интересов*** социальных групп, классов, общностей. В демократическом обществе эта противоречивость реализуется через ***реальную многосубъектность*** политики в социальной, экономической, культурной и всех других сферах жизни общества. Взаимодействие носителей и представителей разных интересов требует ***общественного упорядочения*** с целью социальной устойчивости общества.

4. Современной цивилизованной формой упорядочения общественных взаимодействий является ***демократическая государственность***. Ключевым (но не единственным) субъектом осуществления демократической государственности является демократическое светское государство. Другими субъектами осуществления демократической государственности являются негосударственные реально самостоятельные субъекты политических взаимодействий.

---

[143] "1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ". Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г). Статья 3.

5. Право есть организационная форма осуществления государственности. В демократическом обществе оно представляет собою систему устанавливаемых обществом и государством и охраняемых ими (прежде всего демократическим государством) норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе.

6. Система норм и правил относительно (а не абсолютно) стабильна. В самих нормах и правилах содержательно выражается соотношение сил в обществе, соотношение влиятельности субъектов политических взаимодействий (классов, социальных групп, территориальных и иных общностей, а также представляющих их интересы политических партий, общественных движений, организаций и т.п.). Меняется соотношение сил — встаёт вопрос о корректировке, существенном изменении, отмене, замене правовых норм и правил.

В обществах, накопивших демократическую культуру социально-трудовых взаимоотношений, классовый характер права на труд очевиден трудящимся и воспринимается как основание для постоянного активного участия в социальной политике. В обществах без демократической культуры социально-трудовых взаимоотношений классовый характер права на труд не берётся трудящимися в расчёт, даже значительные изменения в социально-трудовых нормах не в пользу трудящихся проходят без какого-либо сопротивления с их стороны. Живой пример. В Италии и в России почти одновременно правительства замыслили существенно урезать права трудящихся и профсоюзов и с этой целью модернизировать трудовое законодательство. На профсоюзном протестном пикете в Москве было 12 человек. В Италии профсоюзы вывели на улицы 12 млн. трудящихся. В России новый Трудовой кодекс был принят. В Италии правительство отступило.

Право на труд, включая законодательство, правоприменительную практику, социально-трудовой правопорядок, — *реальное поприще трудовой социализации.* Она может быть формальной, если трудящиеся не востребуют свои социально-трудовые права и свободы, не заставляют

государственные власти методами активного классового действия гарантировать эти права и свободы. Право на труд становится содержательной социальной практикой только при развитости демократических способов взаимодействий. В современной России реализация права на труд как эффективной формы социально-трудовой интеграции блокируется бездействием трудящихся как класса.

4. Модели (типы) трудовой интегрированности

Трудовая социализированность и занятость. Не следует сетовать на некоторую множественность категорий, отражающих взаимосвязь деятельности (или бездеятельности) человека с обществом. Эта множественность неизбежна и полезна: она позволяет точнее отразить реальную сложность внутриобщественных социально-трудовых отношений, составить представление о реальной структуре социально-трудовой сферы.

Предлагая понятие трудовой социализации, я отдаю себе отчёт, что введение новых понятий нецелесообразно без нужды. Поэтому считаю обязательной научную спецификацию понятия, включая разграничения с уже используемыми понятиями. Одно из таких разграничений — сопоставление трудовой социализированности с занятостью.

Анализ правового и статистического понятия занятости и научного понятия занятости вполне удовлетворительно проделан Б.В.Ракитским[144]. В частности, показано, что научная категория занятости вынужденно охватывает и теневую занятость, исключаемую из правовой категории занятости. В этом исключении проявляется общественная потребность провести водораздел между общественно полезной целесообразной деятельностью, организованной в общественном масштабе, и также организованной в об-

[144] Ракитский Б.В. Занятость и безработица: российские и международные принципы, нормы, проблемы // Трудовая демократия. Вып.39. М. 2001.

щественном масштабе, но общественно вредной или отчуждающейся от общества (как бы альтернативной) целесообразной деятельностью. Конфликтность целей, конфликтность средств достижения целей — вот что здесь имеет место. Степень конфликтности отражает меру социальной устойчивости общества.

Занятость — слишком нестрогое понятие для улавливания и различения таких свойств во взаимоотношениях трудящегося человека и общества, как приобщённость к обществу и отчуждённость от него. Потому-то право и статистика отделяют тех занятых, которые считаются и статусно признаются занятыми, от остальных, которым общественный положительный статус занятого не дан. Науке затруднительно иметь дело с понятиями, установленными инструктивно. У науки свои обширные исследовательские задачи, требующие понятий, адекватно отражающих реальность. Трудовая социализированность (интегрированность) в этом отношении — более подходящее, более строгое понятие, нежели занятость.

Типы (модели) трудовой интегрированности. В главе 2 характер жизнедеятельности подчинённых классов в капиталистическом обществе был определён как вынужденно-трудовой[145]. В отношении к труду, адекватном капитализму, совмещены отношение к нему как к ценности и как к вынужденной необходимости. Эту двойственность (как проявление противоречивости взаимоотношений человека и общества) надо учитывать для верного отображения реальных социальных механизмов, посредством которых определяется ***конкретное*** *место человека в системе общественного разделения труда.* Правомерно различить два существенно разных механизма.

Один социальный механизм – *свободный* выбор конкретного места в системе общественного разделения труда. Общественные условия такого выбора — реальная

[145] И была отмечена тенденция формирования вынужденно-нетрудового образа жизни части населения как все более массового явления.

равнодоступность трудящимся разных видов занятости, разных конкретных занятий.

Другой социальный механизм – *ограниченный* (в той или иной мере) выбор конкретного места в системе общественного разделения труда. Общественные условия такого выбора — реальная недоступность трудящимся тех или иных видов занятости, тех или иных конкретных занятий.

На этой основе может быть выделено некоторое множество моделей (разновидностей) трудовой социализированности.

Тщательная исследовательская разработка на массиве конкретного общества обещает плодотворные и практически ценные результаты. Такие разработки впереди. Но облик результатов можно продемонстрировать сейчас, опираясь на уже вовлечённый в научный оборот материал. Отметим только бесспорные модели трудовой интегрированности.

Первая модель — ***трудящийся, самозанятый общественно полезной деятельностью***. Возможны существенные градации, во-первых, по признаку вынужденности именно самостоятельного занятия и, во-вторых, по признаку регулярности и прочности включённости самостоятельного занятия в общественно организованный обмен деятельностью. В структуре самозанятых определятся их особенные места для крестьянина-единоличника, для мелкого торговца без наёмного труда, для ремесленника, для частного нотариуса, для копииста, поэта, художника, уличного певца, перевозчика, переводчика и др.

Вторая модель — ***скооперированные трудящиеся,*** занятые общественно полезным трудом. Разновидностей скооперированности множество. Предел, за которым кончается скооперированность трудящихся, — использование коллективом в целом в существенных масштабах наёмного эксплуатируемого труда, а также реальное разделение по форме кооперированного труда на труд эксплуатирующий и труд эксплуатируемый (см. об этом выше – глава 3, параграф 2).

Третья модель трудовой интегрированности (социализированности) — ***наёмные работники*** в общественно полезном и общественно организованном производстве.

Существенные различия реальной степени свободы при выборе конкретной формы жизнедеятельности на каждой стадии трудового жизненного цикла — главный фактор, формирующий множество подтипов индивидуальной трудовой жизнедеятельности (трудовых судеб) в пределах единого социально типа, о котором шла речь в главе 2 (параграф 3).

Рассмотрим в следующей главе современную систему наёмного труда как наиболее распространённую форму трудовой социализации.

Глава 9.
Современная система (системы) наёмного труда

1. Классические (абстрактные) представления о нормальных капиталистических социально-трудовых отношениях

Нынешние представления о наёмном труде как о типе социально-трудовых отношений недостаточно полны и недостаточно глубоки. Социальный аспект и аспект демократических форм регулирования нуждаются в научном осмыслении существа и в углублении содержательных представлений. Без этого невозможно составить отчётливое представление о социальной природе, выявить социальные тенденции и перспективы наёмного труда.

Вывод весьма неожиданный. Однако неожиданно и то, что отношения найма в социально-экономической и социально-трудовой литературе скорее упоминаются, нежели рассматриваются по существу. А учебники по экономике труда, как правило, обходятся без темы отношений найма.

1.1. Найм как форма трудовой социализации для большинства населения. Виды наёмного труда

В советской политико-экономической литературе найм и наёмный труд рассматривались как присущее в основном капитализму отношение купли-продажи рабочей силы. При социализме, считалось, рабочая сила товаром не является, а её включение в производство лишь внешне напоминает найм, тогда как на деле труд непосредственно общественный.

Практика казарменного “социализма” и командно-карательного типа управления очень располагала к суждениям о непосредственной общественности труда, а формулы “общенародная собственность”, “рабочий класс — ведущая сила общества и хозяин производства” и т.п.

вовсе исключали из числа актуальных проблемы взаимоотношений работника и работодателя как проблемы социально-классового характера.

Капиталистические отношения найма, повторяю, рассматриваются до сих пор, как повелось с XIX века, как отношения купли-продажи рабочей силы. Поэтому в поле зрения попадает рынок труда (рынок рабочей силы), спрос на рабочую силу и предложение рабочей силы, цена рабочей силы, занятость по найму как объём платёжеспособного спроса на рынке труда. Уходит из поля зрения всё, что в отношениях наёмного труда выходит за пределы товарно-денежной сделки по поводу движения рабочей силы[146].

Считаю плодотворным введение в научный оборот понятия **"нанятость"**[147]. Нанятость — наёмная занятость. Этим она отличается от ненаёмной занятости. Для точного критериального определения нанятости опять-таки требуется выявление сути отношений найма.

Идейный водораздел в трактовках существа отношений найма проходит следующим образом.

---

[146] А.Э.Котляр пробовал было поднять дискуссию о понятии рынка труда (Журнал "Вопросы экономики". 1998. № 1). Он указал, что пространство рынка труда — это пространство заключения контракта найма, что рыночным актом является только купля-продажа рабочей силы. А.Э.Котляр воспротестовал против расширительной трактовки рынка труда. По моим наблюдениям, никто не откликнулся на вызов А.Э.Котляра. Между тем, в этом вызове содержится "зерно роста". Если ограничить понятие "рынок труда" собственно рыночным (актами купли-продажи), тогда для более широкого круга отношений придётся выработать и культивировать и более широкое понятие. Такого понятия очень не хватает, а его содержание вталкивается в "рынок труда" дополнительно, в порядке безразмерного расширения. Вероятно, и трудовая мораль, по этой логике, попадает в рынок труда.

[147] Ракитский Б.В. Занятость и безработица: российские и международные принципы, нормы, проблемы // Трудовая демократия. Вып.39. М. 2001. С. 10-18.

а) ***Какова общественная функция найма? Каково его место в механизмах общественных взаимоотношений?***

Один тип ответов (при разнообразии конкретных модификаций) тяготеет к тому, что наём есть *включение рабочей силы как фактора производства в набор необходимых и достаточных факторов производства* (присоединение к средствам производства, к природным факторам, к информационным факторам, к финансам и т.п.). При этом может отмечаться, что рабочая сила — личный фактор, тогда как другие факторы — вещные или материально-финансовые.

Другой тип ответов (также при разнообразии конкретных модификаций) тяготеет к тому, что *найм есть форма трудовой социализации (трудовой интегрированности).* В центре внимания при таком подходе является не фактор производства, а человек и его место и движение в обществе. Предпринимательский взгляд на проблему этим не отбрасывается, он остаётся предпринимателю как его узкопрофессиональный и сугубо прагматичный взгляд на общественные процессы. Однако обществу (включая предпринимателей) предлагается более ёмкое представление, пригодное для всей социально-трудовой и общественной практики, а не только для бизнеса.

б) ***Каково содержание найма, то есть какой круг отношений реализуется (складывается) в нём, какие действующие лица какие роли играют в найме?***

Один тип ответов: найм есть сделка купли продажи рабочей силы, где продавец — собственник рабочей силы, а покупатель — собственник средств производства или (по его поручению) работодатель (управляющий).

Другой тип ответов: найм есть реальный доступ человека к общественно организованному общественно полезному труду, опосредованный рынком труда. В найме нанимателем является субъект, распоряжающийся организацией общественного производства (или его части, звена), а нанимающимся и нанятым — человек, личная

свобода которого не распространяется на сферу самостоятельной организации общественного производства или его части (звена).

в) *Какова степень свободы сторон найма?*

Один тип ответов: наниматель и нанимающийся полностью свободны и равноправны; каждый из них распоряжается своей собственностью; оба вступают в отношения найма совершенно добровольно и добровольно же пребывают в этих отношениях и прерывают их.

Другой тип ответов: в найме соблюдаются добровольность и равноправие сторон, не нарушающие сложившееся фактическое соотношение социальных положений нанимателя и нанимающегося. Наниматель — собственник общественного производства или его звена (предприятия). Нанимающийся - человек, не являющийся собственником общественного производства или его звена (предприятия). Собственность на рабочую силу — столь же надуманное понятие, как собственность на серое вещество головного мозга, на личную психологию или трудовые мозоли. Категория “собственность на рабочую силу” не требуется и не допускается при втором типе ответов, так как не допускается рассмотрение человека как “хомо экономикус”.

Об идейном водоразделе в трактовках существа отношений найма можно бы сказать и больше, но для задач нашего исследования сказано необходимое и достаточное.

Рассматривая отношения найма, нередко допускают некоторую небрежность, обосновывая причину найма (со стороны нанимающихся) лишённостью средств производства. Это, конечно, верно, но недостаточно верно. Лишённость средств производства и статус свободного гражданина всегда являются предпосылками трудовой социализации в форме найма. Так было с древних времён. Правда, это не всегда давало именно найм, бывало и добровольное (за денежную единовременную компенсацию) закрепощение (например, в России ещё в XVII веке). Однако нам важно подчеркнуть вот какой момент: найм найму рознь в зависимости от того, *какого типа средств производства* лишён трудящийся.

Найм всегда есть зависимость наёмного от нанимающего. Но пока средства производства таковы, что позволяют трудящемуся производить товар полностью и через этот товар выходить на рынок и быть на нём конкурентоспособным, зависимость эта временная — то есть на период отсутствия средств. Появились средства (кредит, наследство, удача, помощь и т.п.) — и наёмный труженик может освободиться от наёмной зависимости, стать ремесленником, торговцем, крестьянином-единоличником, вообще самостоятельным, а не наёмным товаропроизводителем. По терминологии К.Маркса, это ***формальное подчинение труда капиталу***. Работник всё ещё остаётся *полным работником*, может восстановиться как *самостоятельный товаропроизводитель*.

Другая стадия (качественно иной тип) зависимости от нанимателя наступает с появлением машинного производства и машинной фабрики. Самостоятельный товаропроизводитель, как правило, не в состоянии конкурировать с фабричным производством. Чтобы быть конкурентоспособным, труд должен включиться в фабрику, стать индустриальным. При этом, сочленяясь с машиной, человек становится её придатком. Так возникает новая историческая и социальная фигура — рабочий. Быть придатком машины, выходить на рынок не со своим изделием, а с фабричным продуктом, быть частичным работником (специализированным на отдельной группе операций, а не на полном наборе операций по изготовлению товара) — вот удел рабочего, его “ниша”, его реальные возможности трудовой социализации. Это, по терминологии К.Маркса, ***реальное подчинение труда капиталу***. Это уже не на время обратимой лишённости средств производства, а навсегда, так как лишённость средств производства становится при фабричном производстве необратимой для большинства.

Реальное подчинение труда капиталу делает найм вынужденной и безальтернативной формой трудовой социализации для большинства трудящихся.

Машинная индустрия была исторически первой формой вынужденного найма для большинства. С середины XX века развивается так называемая постиндустриальная экономика. Форма найма изменяется. Как, в каких направлениях? Исследования на этот счёт, соразмерные Марксовым исследованиям в 4 отделе первого тома “Капитала”, пока не проведены. Есть подходы, есть фрагменты, но нет глубокой теории. Изучение формы найма, характерной для постиндустриального труда, сулит крупный прорыв в теории и практике социально-трудовых отношений.

Вывод, который необходимо зафиксировать: развитие разделения и кооперации общественно организованного и общественно полезного труда сделало найм вынужденной формой трудовой социализации для большинства населения уже начиная с машинной стадии общественного производства. Эта вынужденность найма для большинства сохраняется и на постиндустриальных стадиях. Постиндустриальные особенности найма пока что не исследованы достаточно глубоко и систематично

Наёмный труд крайне разнороден и разнообразен. Распространённый в отечественной политической экономии стереотип отождествления наёмного труда с эксплуатируемым создался, по-видимому, под влиянием работ К.Маркса. *В жизни нет тождества наёмного и эксплуатируемого труда. Часть работников наняты как раз для осуществления эксплуатации.* Этим занимается наёмный управленческий персонал частнокапиталистических предприятий. В массиве общественно организованного общественно полезного труда, социализированного в форме найма, есть труд эксплуатируемый и труд эксплуатирующий.

Более дробная классификация видов наёмного труда не входит в задачи нашего исследования.

1.2. Взаимоотношения наёмного работника и работодателя в системах наёмного труда. Их права и обязанности как общественно регулируемая норма

С началом шоковых рыночных реформ в России, особенно в среде абитуриентских (претендентских) социальных общностей, распространилась было эйфория вульгарно-прямолинейных либеральных представлений о капитализме и присущих ему социально-трудовых отношениях. В наборе таких представлений “аксиомы” типа: “Свобода предпринимательства — это когда всё дозволено”, “Частный собственник для своей собственности — Бог”, “Сделка — договорённость продавца и покупателя, и любой третий здесь лишний, а государство — особенно” и т.п.

Из этой череды вульгаризмов плоского либерализма — и представления о взаимоотношениях работника и работодателя. Практика предпринимательства периода первоначального накопления капитала в России 90-х годов (и до сих пор) изобилует социально-трудовыми взаимоотношениями, выстроенными с грубыми нарушениями и с сознательными игнорированием трудового законодательства, общепризнанных международных принципов и норм международных договоров России, более того — норм элементарной человеческой морали. Делается такое не только по произволу или принуждению со стороны работодателя, но и (это подчеркну!) по его соглашению с работниками, по согласию работников с нарушениями, в порядке “вхождения работника в положение работодателя” и даже по инициативе работников, желающих быть конкурентоспособными на рынке труда. Довольно распространённое обоснование такой варварской практики — рассуждения о правомерности выстраивания реальных трудовых отношений “по договорённости сторон”. Мне самой приходилось наблюдать введение удлинённого рабочего дня на крупном предприятии с мотивировкой, подобной “идя навстречу пожеланиям трудящихся”. В малых и средних частных фирмах такая практика “по до-

говорённости" весьма распространена, а разделение неуплаченных страховых взносов между работниками и работодателями при "зарплате в конверте" — это, можно сказать, массовое явление.

Классические представления о взаимоотношениях наёмного работника и работодателя в системах наёмного труда полностью исключают подобную практику. Правильный, легитимный найм всегда обременён обязанностями и обязательствами сторон. Трудовые права и обязанности при найме устанавливаются государством как общественно регулируемая норма. Дополнительные обязательства сторон могут быть зафиксированы в договоре найма, других договорах и соглашениях, затрагивающих социально-трудовые отношения (коллективный договор, отраслевое соглашение и др.) при условии соблюдения законных прав и обязанностей.

В правах, обязанностях и обязательствах сторон отношений найма проявляется противоречивость их интересов "ин конкрето", то есть в реальной обстановке данного общества, данной отрасли, данного предприятия. Но это упорядоченная и урегулированная противоречивость, цивилизованная форма противоречивости, прежде всего — антагонистической противоречивости классовых интересов.

Международные акты о правах человека уделяют установлению рамочных условий взаимоотношений работника и работодателя первостепенное внимание[148].

[148] К примеру, во Всеобщей декларации прав человека следующим образом установлены содержательные рамки права на труд (статья 23):

"1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы.

2. Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд.

3. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

4. Каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов".

В Пересмотренной Европейской социальной хартии трудовые права и возможности вынесены в самое начало Части 1, а в части 2 конкретизированы статья 1 "Право на труд", статья 2 "Право на справедливые условия труда", статья 3 "Право на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены", статья 4 "Право на справедливое вознаграждение", статья 5 "Право на организацию", статья 6 "Право на заключение коллективных договоров" и другие.

Трудовой кодекс РФ устанавливает подробные нормы закона, охватывающие все стороны отношений найма. Здесь нет ничего похожего на отделение взаимоотношений нанимателя и нанимающегося от общества и от государства. Напротив, демократическое общество, демократическое государство постоянно и предметно присутствуют в отношениях найма как в системе, так и в каждом конкретном случае найма. Присутствует и регламентирует не с целью подменить собою субъектность какой-либо из сторон, а с целью помочь, содействовать свободному и полноценному проявлению этой субъектности. При этом нелишне ещё раз напомнить то, о чём мы, россияне, настойчиво забываем: что помимо социально-трудовых прав в демократическом обществе существуют и гражданские, и социально-трудовые свободы. Вопрос о проявлении гражданских свобод в социально-трудовой сфере, а также вопрос о природе и содержании социально-трудовых свобод не изучен. В значительной мере из-за практической невостребованности своих свобод основной массой трудящихся в России.

1.3. Рынок труда и его место в современных системах наёмного труда

А.Э.Котляр, как уже упоминалось, в 1998 г. поднял вопрос о понятии рынка труда. Он отстаивал неправомерность расширительной трактовки и отстаивал строгую трактовку. Отклика в литературе не было. Думается, неверной была бы оценка молчания как знака согласия со стороны научного сообщества трудовиков. Думается, молчание было вызвано несколько иными мотивами. У опытных аппаратчиков сходная ситуация оформляется примерно такими вот словами: “преждевременная постановка” или, если в своём кругу, “правильно, но с этим мы к начальству не пойдём”.

К чему призвал А.Э.Котляр? К строгости употребления понятий. Рынок труда — институт сферы обращения, как и любой иной рынок. Это сфера заключения договоров найма, и этого достаточно[149]. А.Э.Котляр считает неправомерной, вносящей путаницу расширительную трактовку рынка труда, согласно которой на рынке труда постоянно находятся все занятые и все безработные (незанятые трудоспособные), то есть всё экономически активное население. А некоторые помещают на рынок труда ещё и рынок рабочих мест. Из-за этого возникают такие понятия, как внутрифирменный рынок труда, для чего, по мнению А.Э.Котляра, нет достаточных оснований. Практическая беда из-за нестрогости употребления понятия состоит, по утверждению А.Э.Котляра, в неоправданном отождествлении политики на рынке труда и политики занятости.

А.Э.Котляр призвал к точности понятия рынка труда в обстановке, когда точность понятий мешала проведению курса реформ. Если бы точно употреблять понятия, то приходилось бы говорить так: “Руководство России по проекту и под контролем МВФ проводит глобализационные реформы, призванные колонизовать страну. Методы проведения глобализационных реформ в интересах международного капитала — форсированное первоначальное накопление капитала и его эвакуация в западные банки методами прямого разграбления национального достояния, гиперинфляции и экономического геноцида населения”. Вместо этих грубых обличительных слов говорилось так: “Мы (именно мы, вся Россия!) проводим рыночные реформы, осуществляем переход к рынку. Трудности перехода — неизбежная, к сожалению, плата за будущий рынок. Переход осложняется, к сожалению, необходимостью борьбы с инфляцией, вызванной излишними деньгами в обращении и неумеренными требованиями трудящихся и пенсионеров повысить зарплату и пенсии. Население, кроме того, неохотно вкладывает свои трудовые доходы в инвестиционные проекты и в предпринимательство. Именно это создаёт угрозу коллапса, нарушения рыночных механизмов”.

Если в масштабах общественного сознания понятие “рынок” заменило собою целую систему обществоведческих понятий (формация, общественный строй, способ производства, хозяйственные уклады, социально-классовая структура и т.д. и т.п.), если говорят: “ты против рынка”, а подразумевают “ты против новой власти, ты контра, ты отрыжка Госплана, ты прихвостень номенклатуры

---

149 “В рыночном хозяйстве движение работников-собственников своей рабочей силы относительно рабочих мест опосредуется рынком труда. На нём осуществляется купля-продажа рабочей силы. Рынок труда представляет собой совокупный спрос и предложение рабочей силы, который за счёт взаимодействия этих двух составляющих обеспечивает размещение относительно рабочих мест экономически активного населения по сферам хозяйственной деятельности в отраслевом, территориальном, демографическом и профессионально-квалификационном разрезах. На рынке труда складываются отношения между работодателями и наёмными работниками, способствующие соединению рабочей силы со средствами производства. Тем самым удовлетворяется потребность первых в труде, а вторых — в заработной плате”. (Котляр А. О понятии рынка труда // Вопросы экономики. 1998. №1. С.33).

КПСС", то как можно удивляться, если многие понятие "рынок труда" отождествляют как минимум со всеми социально-трудовыми отношениями, а не только с занятостью?

В инициативе профессора А.Э.Котляра есть резон. Пора говорить правду, выражаться адекватно. Тогда легче будет не упустить реальные проблемы, относящиеся не к употреблению слов, а к эффективной политике в сфере социально-трудовых отношений вообще и в сфере рыночно-трудовых отношений — в частности.

Рынок труда — это, действительно, рыночная часть обращения рабочей силы (по одному пониманию) или (по другому пониманию) сфера трудовой социализации посредством найма. На рынке труда фокусируются проявления политики в иных сферах, макросоциальные пропорции и диспропорции. Проблематика рынка труда заслуживает самой серьёзной инвентаризации богатых наработок и выявления слабо разработанных, подчас ключевых моментов. Всё это можно сделать, критически осмыслив и перепроверив предметность и корректность доминирующих постановок исследовательских задач.

Мы ограничиваемся здесь даже не обоснованием этой проблемы, а всего лишь внесением вопроса в повестку дня, в перечень актуальнейших направлений социально-трудовых исследований. Фрагментарно покажем, сколь плодотворными могут быть результаты.

Вот, к примеру, вопрос о ёмкости рынка труда. Понятно, что за исходное здесь необходимо принимать экономически активное население. Безработные полностью включаются в ёмкость рынка труда. Из занятых мимо рынка труда проходят самозанятые. Несколько по-своему проходят процедуры трудовой социализации члены кооперативов, но и они по существу вступают в отношения найма. Все наёмные работники проходят через рынок труда.

Какова политика относительно ёмкости рынка труда у демократического государства? Так вопрос в нашем государстве ещё не стоял. Обычный ракурс озабоченности — минимизация безработицы. Так увязываются в России в

последние 12 лет проблемы рынка труда и проблемы занятости.

Между тем минимизация безработицы — крайне ущербная постановка задачи. Она не годится ни для эффективной политики занятости, ни для эффективной политики на рынке труда. В России курс на минимизацию безработицы отодвинул на второй план вопросы обеспечения продуктивной и свободно избранной занятости.

В самом деле, усилия реформаторов и властей были направлены не на разработку и осуществление национальных программ создания и реконструкции рабочих мест, а на призывы к массовому развитию малого и среднего предпринимательства, к самозанятости ради выживания. И делалось это в стране, которая стала открытой для иностранных конкурентов без какой-либо подготовки. Малое и среднее предпринимательство и само-то по себе не может быть базой конкурентоспособности национального хозяйства (эта закономерность давно и хорошо известна как преимущество крупного хозяйства перед мелким), а в условиях разрушения крупного производства и требований к конкурентоспособности на уровне конкурентоспособности на мировом рынке — тем более. Так что установка на развитие малого и среднего предпринимательства как на метод решения проблемы занятости (минимизации безработицы) была установкой заведомо бесперспективной.

Но даже если бы (допустим в интересах логики доказательства) мелкое и среднее предпринимательство оказалось бы возможным и сравнительно эффективным способом минимизации безработицы, то правомерно ли делать ставку на них в государственной политике занятости и регулирования рынка труда? Я утверждаю, что неправомерно.

Дело в том, что начиная с эпохи машинной фабрики эффективной занятостью (конкурентной, обеспечивающей достойные заработок и уровень жизни работника) становится ***для большинства*** (это важный момент) занятость на крупных предприятиях, обеспечивающих высокий тех-

нико-технологический и организационный уровень производства и рабочих мест, недоступный для большинства мелких и средних предприятий[150]. **Нанятость становится нормальной формой занятости для большинства населения, а в развитых странах — для подавляющего большинства.** Постиндустриальная стадия возникает не на основе дезинтеграции общественного воспроизводства, а на основе качественно более высокого уровня его обобществления, включая и обобществление в глобальных масштабах. Это обстоятельство исторической значимости. Оно является отправной точкой для оценки социальной политики в отношении занятости.

Нанятость для большинства, нанятость на рабочие места, обеспечивающие конкурентоспособность — это становится нормальным и полностью обоснованным классовым требованием трудящихся. К кому обращено это требование? К классу капиталистов-собственников и к их государству. Обязанность эффективно организовать общественное производство входит в обязанности так называемого эффективного собственника. Созданная трудом народа материально-производственная база может и должна рассматриваться как рабочее место целого народа. Если капитал удерживает у себя власть в хозяйстве (собственность), то единственное историческое оправда-

[150] Адепты малого предпринимательства пробавляются обычно отдельными примерами успешных малых заведений, особенно контор. При этом не задаются анализом связанности этих успешных эпизодов с крупным производством и с сетевой организацией производства и сбыта. Всё это годится разве что для обывателя, мечтающего вдруг разбогатеть. Никто из пропагандистов малого бизнеса пока не догадался дать добрый совет Биллу Гейтсу отказаться от изнурительной борьбы против разделения "Microsoft" на две компании, а добровольно разделить её на тысячи мелких и средних заведений, чтобы изведать преимущества и эффективность малого и среднего предпринимательства.

ние присвоения власти в хозяйстве капиталом — его функция эффективной организации и развития производства.

Демократическое общество именно так и должно подходить к рассматриваемым вопросам. Если государство проводит политику минимизации безработицы, делая ставку на массовое развитие самозанятости (мелкое предпринимательство), значит капитал не желает исполнять свои обязанности эффективного собственника или не способен их исполнить. Общество вправе предъявить претензии классу капиталистических собственников и напомнить, что вульгарные представления о частной собственности (абсолютная власть в хозяйстве, абсолютизм в распоряжении имуществом) — не для развитой демократии. В этом случае решительное вмешательство государства при поддержке трудящихся в налаживание эффективного хозяйствования не только возможно, но и необходимо. В Западной Европе и в Канаде история дала немало примеров правильности такого подхода.

Итак, наше государство (если бы оно было демократическим или пыталось бы стать демократическим) должно было бы в последние 12 лет озаботиться увеличением нанятости, расширением объёма рынка труда (скажу точнее — расширением предложения о найме на рынке труда). Вместо этого государство нацеливало на безрыночный способ обеспечения занятости — на массовую самозанятость. Из этого курса ничего хорошего для трудового населения заведомо не могло выйти. И не вышло. Хотя служба занятости была создана хорошая и работала самоотверженно.

1.4. Конкурентные и монопольные отношения в системе наёмного труда. Проблема недобросовестной конкуренции

В современных исследованиях социально-трудовых отношений на удивление мало внимания уделяется конкуренции и на рынке труда, и в системе отношений найма в целом. Между тем проблемы, типичные для частнокапита-

листического хозяйства, проблемы конкуренции, конкурентоспособности, монополизации реально присутствуют в российском хозяйстве, в том числе и в социально-трудовой его сфере.

Конечно, шоковый характер реформ перевёл многие социально-экономические и социально-трудовые процессы в деформированное русло, до неузнаваемости модифицировал образцовые проявления конкуренции и монополии, знакомые по книгам и по западной капиталистической жизни. Но и в деформированном виде конкуренция и монополия в сфере найма остаются сущностно теми же самыми, конституированы в конечном счёте теми же самыми закономерностями.

В системе найма основными (как бы каркасными) являются отношения "класс — класс" и конкурентные отношения внутри класса нанимателей и внутри класса нанимающихся. Отношения между нанимателями как консолидированным классом и нанимающимися как консолидированным классом определяют общую атмосферу (уровень конъюнктуры) в сфере найма. Конкуренция внутри каждого из классов понижает уровень консолидированности класса и тем влияет на уровень конъюнктуры найма.

Надо бы отметить, что прямой перенос представлений и понятий рынка товаров на рынок труда и на всю сферу отношений найма не помогает, а затрудняет адекватное понимание процессов в сфере найма. С методической точки зрения, такой прямой перенос есть применение метода суждений по аналогии. Но аналогии (сравнения), как говорится, всегда хромают. В рассматриваемом нами случае они некорректны в том отношении, что не учитывают всё того же самого — социального аспекта и его сущностных тонкостей. Яркий пример методологической "хромоты" — попытки бороться с профсоюзами и с объединениями профсоюзов как с монополистами на рынке труда. Идейная подоплёка знаменитого Закона Тафта-Хартли в США (принят в 1947 г.) именно такова.

Рассматривать профсоюзное объединение как монополиста можно только при двух посылках:

а) работник продаёт рабочую силу как некий принадлежащий ему товар;

б) найм есть акт купли-продажи и более ничего.

Парадокс состоит в том, что обе посылки сознательно или "по умолчанию" принимаются почти всеми, однако последовательные выводы из них делаются только некоторыми (например, теми, кто считает профсоюзы сговором продавцов рабочей силы, или теми профлидерами, которые стараются превратить профсоюзы в организации по оптовой продаже рабочей силы, — в России это лидер СОЦПРОФ С.В.Храмов). По большей же части такие последовательные выводы из изложенных посылок не делаются. Поэтому особые социальные (не торговые, не рыночные) функции профсоюзов признаются и даже гарантируются, но одновременно с этим рабочая сила считается товаром, а найм — всего лишь актом её купли-продажи.

Взаимоотношение "класс — класс" очень мало изучено в конструктивном плане даже рассуждающими о социальном партнёрстве. Это большой пробел в социально-трудовых исследованиях.

Слабо изучена и конкуренция внутри класса нанимателей и класса нанимающихся. Например, явление штрейкбрехерства теоретически не осмыслено как целостное отношение. Практически не изучены механизмы и разнообразие форм расколов и солидарности в рабочей среде. Лучше, но недостаточно изучены современные способы конкурирования нанимателей на рынках рабочей силы, включая сюда и сопредельную сферу "привязывания" трудящегося к фирме. Между тем, это как раз такие ракурсы реальной жизни (не одной экономики только), где является, видоизменяется, крепнет и меркнет демократическая или антидемократическая субъектность и многосубъектность.

Ещё одна важная, но также мало исследованная "подсфера" социально-трудовых отношений — теневой найм. Экономический угол зрения на теневой найм (как на теневой рынок труда, как на часть теневой экономики) оборачивается тем, что исследователь пасует перед труд-

ностями добывания и достоверности информации. Но ведь помимо количественных измерений “тени” есть и качественные характеристики, и связь качественных характеристик. Теневой найм, несомненно, составляет мощный фактор конкуренции между наёмными работниками, на нём зиждется недобросовестная конкуренция в сфере найма. Теневой найм одновременно и мощный фактор деморализации как трудящейся массы, так и предпринимательства. С ним связаны глубокие человеческие трагедии, в том числе и извечная трагедия “30 серебренников”.

1.5. Право наёмных работников на участие в управлении предприятием

Демократизация социально-трудовых отношений не может продвинуться достаточно далеко без постановки вопроса и без обеспечения права работников на участие в управлении предприятием. Международные документы такое право признают в принципе. Из них “право работников на участие в управлении организацией” попало и в новый ТК РФ (глава 8, ст.52 и 53).

С точки зрения бывшего советского трудящегося, привыкшего к социалистической фразеологии, записи в новом ТК РФ об участии работников в управлении — это посмешище. В советских Конституциях и законах дело доходило до советов трудовых коллективов, до широких полномочий профсоюзов и трудовых коллективов.

Было бы неконструктивно ограничиваться сравнениями текстов законов. Надо бы изучить проблему предметно — на предмет необходимого и достаточного круга реальных полномочий работников и их организаций в управлении предприятиями. Уже в первом приближении изучение норм современных российских законов на этот счёт позволяет сделать вывод о недостаточности полномочий наёмных работников и особенно их организаций. Приходится считать, что записи в законах сделаны пока “по минимуму”. Эти записи беднее круга возможностей,

минимально необходимого для реального поприща демократического действия и демократического развития.

Изучение того, что необходимо минимально и что оптимально, позволит сформировать программные требования трудящихся по поводу их участия в управлении предприятиями. А конкретный облик прав на участие трудящихся в управлении предприятиями сформирует демократическая классовая борьба, в которой проявится соотношение классовых сил.

2. Непременно необходимая конкретизация классических представлений о нормальных капиталистических социально-трудовых отношениях

Классические представления о нормальных капиталистических социально-трудовых отношениях, к большому сожалению, пригодны только для развитой части капиталистической системы. Вся же система целиком включает развитую и неразвитую часть, центры капитализма и его периферию. Не только капитализм, но и любая иная общественная система, основанная на эксплуатации, с самого своего начала и, надо полагать, до своего конца — система имперская, включающая эксплуатирующий центр и эксплуатируемую периферию. На современной стадии глобализации капитализма вновь стало наглядным то, что было видно во времена Британской империи, Российской империи, французских колоний, бельгийских колоний в XIX веке и до 60-х годов XX века.

Обывательский взгляд на мир и идеология цивилизаторской миссии колониализма культивируют представления об историческом развитии периферии капиталистического мира как о постепенном достижении колониями (периферией) экономических, социальных, культурных характеристик развитых стран с некоторым, правда, отставанием во времени. В стороне остаётся главное — положение периферии, эксплуатируемой периферии остаётся неизменным.

Описанный подход вызывает обострённое обоснованное неприятие в таких случаях, как глобализационные реформы в России (начиная с 1992 г.). Россия не относилась до реформ к неразвитым странам, это реформы отбросили её на периферию капиталистического мира. Пропаганда о цивилизаторской миссии МВФ и Всемирного банка — слишком уж грубая подтасовка фактов и слишком уж предвзятая окраска событий.

Если исследуются социально-трудовые отношения не в развитой, а в периферийной части капиталистической системы, то абстрагироваться от фактора периферийности (эксплуатируемости) нельзя без ущерба для корректности аргументов и достоверности выводов.

Система найма и в целом социально-трудовые отношения на периферии капиталистического мира отличаются от подобных отношений в развитой части капиталистической системы не отставанием во времени, не неразвитостью, а ***принадлежностью к иному типу***. В периферийных капиталистических социально-трудовых отношениях присутствуют такие свойства, которые не подлежат абстрагированию.

Главное из этих свойств в том, что в периферийной своей части капиталистическая система допускает то, что в развитой части этой же системы считается недопустимым. В первую очередь это касается социальных аспектов и найма, всех иных социально-трудовых отношений. Социальные права, до признания которых мировое сообщество дошло как до общепризнанных принципов и норм в XX веке, неприменимы (то есть будут сознательно и систематически игнорироваться) на периферии капиталистического мира. Все “планки” минимальных параметров жизнеобеспечения не будут соблюдены на капиталистической периферии. Если, к примеру, для развитой части нормальный заработок должен обеспечивать достойное существование работника и его семьи, то для периферии этот критерий — большая роскошь: об обеспечении семьи вообще нет речи, а об обеспечении существования работника — не по меркам “достойного”, а по меркам “возможного” для периферийного капитала.

Периферийный капитализм действует как система сдерживания развития зависимых стран и социально-трудовых отношений в них, как система надёжного дистанцирования периферийных социальных и социально-трудовых отношений от таких же отношений в развитой части системы. Если под каток глобализации попадает жертва (вроде России), которая была более или менее развитой или имела предпосылки быть развитой после демократической революции, то её потенциал развитости социальных и социально-трудовых отношений целенаправленно разрушается глобализационными реформами, низводится до уровня воспроизводимости надёжной дистанции от развитой части системы.

Развитие теории периферийного капитализма позволит доказательно установить существо реформ в России в 1990-е годы и понять случившееся не как чьи-то промахи или временные трудности перехода, а как логику строительства в России периферийной части капиталистического мира с закономерно присущими эксплуатируемой периферии социально-трудовыми отношениями.

Глава 10.
Распределение результатов экономической деятельности. Трудовые доходы

1. Первичное распределение эффекта. Необходимый и прибавочный продукт

В теориях распределения есть понятия первичного распределения (процесс образования первичных доходов) и перераспределения (процесс образования конечных форм доходов в результате перетока части первичных доходов в виде налогов, страховых платежей и т.п.). И то, и другое существенно для рассмотрения социально-трудовых отношений. По поводу того и другого происходят постоянные социально-групповые взаимодействия (социальная политика). В данной главе сосредоточу внимание на первичном распределении эффекта от общественного производства, особенно ради обсуждения проблемы уровня трудовых доходов и проблемы справедливой (общественно нормальной) границы между необходимым и прибавочным продуктом. Марксова категория "необходимый продукт" традиционно применяется в российской политической экономии, в западной научной литературе то же самое называется фондом жизненных средств.

Сугубо экономический и даже политико-экономический подходы традиционно рассуждают о первичном распределении и первичных доходах в плоскости "фирменного" мышления. Есть производство товаров и услуг, есть выручка от их реализации, есть материальные издержки (включая амортизацию). Разница между выручкой и материальными издержками — добавленная производством стоимость. В ней есть ещё один компонент, воспринимаемый предпринимателем как издержка, а работником как эффект, — это затраты на оплату труда. Наконец, в добавленной производством стоимости есть компонент страховых платежей, воспринимаемый предпринимателем как издержка и налог, а работниками по-разному (в зависимости от уровня демократической культуры и экономической

грамотности) — кем как налог, а кем — как полезный страховой платёж.

Взгляд на эти процессы и структурные компоненты цены проданного товара со стороны предпринимателя и отдельного работника формируется исходя из того, что уровень оплаты труда и уровень страховых платежей задан в основе своей не на предприятии, не в коллективном договоре и не в договоре найма, а обществом и государством. Уровень оплаты и уровень страховых платежей выглядят при таком подходе объективными в смысле независимости от действий субъектов, распределяющих эффект (добавленную производством стоимость) на предприятии, — от работника и работодателя. В зоне их влияния — только корректировка подробностей на основе заданных (сложившихся) объективных для них уровней. В классических учениях (включающих трудовую теорию стоимости) теория заработной платы так и рассматривается: она есть цена, колеблющаяся вокруг стоимости рабочей силы, но тяготеющая к стоимости рабочей силы как к своей объективной основе (как к своему закону движения).

Тонкость, которая ускользает не только от внимания работника и работодателя, но и от политэконома, и от исследователя социально-трудовых отношений, состоит в том, что базовый уровень оплаты и страховых платежей, принимаемый за объективный и нормальный, зависит от соотношения социальных сил в обществе, то есть от взаимодействия субъектов социальной политики. В обществе вообще нет ничего объективного (в смысле бессубъектного), кроме пространства, времени и дикой природы. Всё остальное — результат деятельности субъектов. "Большие субъекты" (макросубъекты) — творцы социальных макропропорций. Уровни первичных доходов, границы разделения эффекта на необходимый и прибавочный продукт, а труда — на необходимый и прибавочный труд — это типичные макропропорции, относящиеся к тому же к числу ключевых.

Тонкость эта в обычные (эволюционные) времена является всего лишь методологической тонкостью, не учи-

тываемой прагматической наукой из-за повседневной невостребованности. Зато в период революционных (структурных) реформ она становится водоразделом идейных подходов к практическим событиям и программам действий.

Вот данные о динамике покупательной способности важнейших видов доходов в России в период шоковых реформ (см. таблицу 10-1).

Таблица 10-1

Динамика реальных доходов в России в 1992-1999 гг.
(в процентах к дореформенному 1991 г.)

Годы	Реальные располагаемые денежные доходы	Реальные денежные доходы	Реальная начисленная заработная плата	Реальная покупательная способность начисленной пенсии
1991	**100**	**100**	**100**	**100**
1992	**52,5**	**53**	**67**	**52**
1993	**61,1**	**61,5**	**67,3**	**68,1**
1995	**58,6**	**57,8**	**44,6**	**53,5**
1997	**61,5**	**61,3**	**49,6**	**55,4**
1999	**44,0**	**44,0**	**33,7**	**32,1**

Как видим, в период шоковых структурных реформ уровень реальных доходов резко упал и продолжал понижаться. В этот же период созданы крупные частные состояния, а прибыльность действующего производства оставалась высокой. Это означает, что “тяготы реформ” распределились между классами не пропорционально, основную (если не всю) цену уплатили трудящиеся. Базовый уровень первичных доходов трудящихся понизился не по причинам экономической конъюнктуры, а вследствие экспроприации — существенного урезания уровня доходов трудящихся. Такой результат — следствие социальной политики, в которой доминировала сила господствующего класса, а классы трудящихся не оказали сопротивления форсированному первоначальному накоплению капитала.

Этот вывод подтверждается и анализом сдвигов в дифференциации доходов в годы реформ. Возьмем за исходную дифференциацию распределение общего объёма денежных доходов населения (см. таблицу 10-2).

Таблица 10-2

Распределение
общего объёма денежных доходов населения
(в процентах)[151]

Годы	**Денежные доходы**	**В том числе по 20%-ным группам населения**				
	всего	Первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	Четвёр-Тая	Пятая (с наибольшими доходами)
1991	**100**	**11,9**	**15,8**	**18,8**	**22,8**	**30,7**
1992	**100**	**6,0**	**11,6**	**17,6**	**26,5**	**38,3**
1993	**100**	**5,8**	**11,1**	**16,7**	**24,8**	**41,6**
1995	**100**	**5,5**	**10,2**	**15,0**	**22,4**	**46,9**
1997	**100**	**5,9**	**10,2**	**14,8**	**21,6**	**47,5**
1999	**100**	**6,1**	**10,4**	**14,7**	**20,9**	**47,9**

Преобразуем таблицу 10-2 с учётом динамики реального содержания денежных доходов.

Получаем таблицу 10-3.

Как видно из таблиц, резкий рост дифференциации возник не по причине быстрого увеличения 20% наивысших доходов, а по причине резкого падения доходов во всех группах. Это и есть проявление факта, что в обществе (или за его пределами) нашлись влиятельные силы, которые сумели вменить новый, пониженный базовый уровень нормальных доходов.

---

[151] Российский статистический ежегодник. 2001.С.187.

Таблица 10-3

Динамика распределения общего объёма денежных доходов населения (в процентах к 1991 г.)

Годы	Денежные доходы	В том числе по 20%-ным группам населения				
	всего	Первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	Четвёртая	Пятая (с наибольшими доходами)
1991	**100**	**11,9**	**15,8**	**18,8**	**22,8**	**30,7**
1992	**52,5**	**3,2**	**6,1**	**9,2**	**13,9**	**20,1**
1993	**61,1**	**3,5**	**6,8**	**10,2**	**15,2**	**25,4**
1995	**58,6**	**3,2**	**6,0**	**8,8**	**13,1**	**27,5**
1997	**61,5**	**3,6**	**6,3**	**9,1**	**13,3**	**29,2**
1999	**44**	**2,7**	**4,6**	**6,5**	**9,2**	**21,0**

Закон необходимого продукта был нарушен. Закон этот состоит в том, что фонд жизненных средств (необходимый продукт) — величина первичная, поскольку в нём фиксируется привычный состав, объём и социокультура потребления. Закон этот действует в пределах развивающихся социально-экономических систем в период их эволюционного развития. В России произошла революция. По логике, сама по себе революция не должна приводить к падению уровня необходимого продукта, тем более у всех слоёв (у большинства) населения. Но у нас ситуация осложнена глобализационным характером преобразований.

Помимо денежных доходов, резко сократились и страховые платежи. Средства, накопленные по защитительным обязательствам государства, были конфискованы, поскольку новые страховые фонды не получили на старте никаких ресурсов для покрытия прежних обязательств. Прежние обязательства стали покрываться из текущих взносов. Таким образом, была конфискована ещё

одна часть необходимого продукта. Средства для социальной защиты — не благотворительность, а объективная общественная необходимость (потребность), ***часть необходимого продукта***. "…Необходимые и достаточные средства для социальной защиты должны обеспечиваться в ходе общественного воспроизводства, составляя часть стоимости и цены рабочей силы, издержек производства, фонда потребления, стоимости жизни и т.п."[152].

Методологический (и теоретический) урок, преподнесённый российской практикой конфискационной социальной политики 1990-х годов, состоит в том, что конфискация значительной части (урезание) необходимого продукта происходит в форме отказа господствующего класса признавать впредь часть привычных потребностей большинства населения необходимыми. Урезание необходимого продукта есть, таким образом, одна из форм социально-экономической реализации устойчивого неравновесия (перевеса) социальных сил.

2. Проблемы становления в России демократического регулирования трудовых доходов и демократического контроля за уровнем заработной платы

Обратим внимание на социально-политическую сторону распределительных процессов. Этот аспект их изучения нельзя сказать чтобы новый, а скорее хорошо забытый старый. Однако нельзя не отметить, что ведущие специалисты в последнее время его восстанавливают. К примеру, утвердилось было представление о двух функциях заработной платы — воспроизводственной и стимулирующей. Не то чтобы другие функции отрицались, а просто не во-

[152] Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть вторая. Социальная защита, самозащита трудящихся // Трудовая демократия. Вып.10. М. 1998. С.23.

влекались в аналитические разработки и в теоретическое освещение. Но теперь специалисты расширили круг функций заработной платы и ввели в их число **социальную** функцию.[153] Нельзя пока сказать, что социальная функция получила развёрнутую разработку в литературе, но она извлечена из забытья. Не только заработная плата, но и все другие виды доходов имеют социальную функцию.

Что представляет из себя социальная функция доходов (в том числе и трудовых, в том числе и заработной платы)? Н.А.Волгин определяет её точно, но в очень обобщённом виде: “способствовать реализации принципа социальной справедливости”. А.Л.Жуков указывает ряд направленностей социальной функции, решающих задачи обоснованности и обеспечения социально справедливых параметров тех или иных распределительных процессов. Это верно, но нуждается в углублении до сущности.

На мой взгляд, в социальной функции (в социальной стороне) доходов проявляется социально-структурный характер отношений распределения и социально-политический механизм их формирования. Социально-политический ─ значит осуществляемый по принципам социальной политики, посредством взаимодействия социальных групп (классов), посредством взаимодействия их противоречивых интересов. Социальный результат распределительных процессов устанавливается по соотношению социальных сил. Уровень дохода, механизм его первичного формирования, перераспределения, конфискации, корректировки ─ всё это результат социально-политических взаимодействий. Бездействие, пассивность той или иной социальной группы ─ тоже фактор взаимодействия и тоже отражается на результате (на доходе).

[153] Волгин Н.А. Оплата труда: производство, социальная сфера, государственная служба. Анализ, проблемы, решения. М.: Экзамен. 2003. С.21; Экономика труда (социально-трудовые отношения) /Под ред. Н.А.Волгина, Ю.Г.Одегова. М.: Экзамен. 2002. С.336; Жуков А.Л. Регулирование и организация оплаты труда. М.: МИК. 2002. С.16.

Разработка механизма реализации социальной функции доходов ─ это, по сути дела, разработка проблем становления демократического регулирования социально-трудовых отношений, налаживания и выдерживания социальных макропропорций, обеспечивающих социальную устойчивость общества.

Интересы большинства населения и необходимость активных действий в интересах большинства. Обвальное понижение уровня необходимого продукта вывело все виды доходов из режима прежних макросоциальных пропорций. Они не были в тоталитарном СССР удовлетворительными для большинства населения, что и было одной из объективных причин социальной революции, смены общественного устройства. Однако ход и итоги социально-структурных (пореволюционных) реформ не привели к социальной устойчивости и новым жизнеспособным социальным макропропорциям. Об этом уже говорилось. Это означает нерешённость задач переходного периода по существу. Переходный период как бы завершился для одной части общества, которая вполне удовлетворена создавшейся системой отношений и механизмами первичного и конечного распределения эффекта. Но для большей части общества сложившийся режим воспроизведения социальных макропропорций и сами эти социальные макропропорции не могут быть приемлемыми, поскольку исключают большинство народа из будущего, лишают цивилизованной перспективы.

Налицо антагонизм. Он является потенциальным эпицентром социальных схваток. Это реальной узел социальной кризисности общества. Действия большинства, направленные на изменение социальных макропропорций, на учёт и обеспечение интересов большинства (это и есть интересы национальной безопасности), совершенно необходимы во спасение страны, нашего народа, нашей социокультуры. Без активных действий в интересах большинства и действий самого большинства Россия как самостоятельная страна не может продолжить свою вековую историю.

Рассмотрим часть вопросов, касающихся налаживания активных действий по поводу уровня заработной платы. Это основной доход большинства населения, особенно трудящегося большинства.

Упразднение прежнего базового уровня и введение нового базового уровня оплаты труда. Смириться или сопротивляться? То, что сказано выше о необходимом продукте и его резком урезании в ходе глобализационных реформ, полностью относится и к оплате труда, являющейся основной частью необходимого продукта. Её доля в ВВП за годы реформ упала с 50 до 30%. Объяснений этого падения применялось много: от распада СССР и разорванности хозяйственных связей до временных трудностей, с преодолением которых уровень оплаты труда восстановится.

Причины на самом деле совсем иные: глобализационный характер реформ, форсированное первоначальное накопление капитала, пассивность профсоюзов и массы трудящихся, не оказавших достойного (да и вообще никакого) сопротивления переводу оплаты на более низкий базовый уровень. Шоковый метод реформ подействовал на людей деморализующе. Призыв “выживайте!” люди восприняли как “выживайте поодиночке, кто как сможет!” В результате одни стали приспосабливаться к более низкому уровню потребления, другие стали больше работать, чтобы меньше потерять в доходах, третьи ушли “в партизаны” — в теневую занятость. Проиграли все. И не могли не проиграть.

Сегодня определилось уже окончательно: шоковые падения оплаты труда были не на время и не случайно, а всерьёз и надолго. Они формировали в России новый уровень оплаты, который работники должны освоить как нормальный, стартовый для новой России.

Трудящиеся фактически приняли этот результат реформ без сопротивления. Многие всё ещё надеются на поворот курса правительства, на нормализацию заработков. Но растёт и понимание сложившейся ситуации. Возникают и крепнут демократические профсоюзы. Не исключено, что возникнут и в России, по примеру Европы, социальные движения, оппонирующие правительственным социальным программам, направленным на урезание необходимого продукта или сдерживание его роста.

Способы выработки обоснованных представлений о нормальном социальном положении трудящихся и нормальном заработке. На семинарах Школы трудовой демократии мне не раз приходилось ставить перед рабочими и профсоюзными активистами задачи, суть которых сводилась к выработке представлений о нормальном заработке, нормальном доходе, нормальных условиях занятости, условиях труда. Такие задания почти всегда (за исключением, может быть, семинара в профсоюзах “Башкирских авиалиний” в Уфе в 2002 г.) вызывали замешательство рабочих. Похоже, что вырабатывая свои требования к администрации, даже свободные (новые) профсоюзы мыслят методом “некоторого улучшения сложившегося положения”, “решения конкретной обострившейся проблемы” и не берут в расчёт нормальное социальное положение, общественную норму. Пожалуй, именно поэтому даже новым свободным профсоюзам недостаёт наступательности. О профсоюзах ФНПР и говорить нечего. Руководство ФНПР, получив, по-видимому, “добро” на активизацию требований, обращалось к трудовой массе с запросом, какие требования по повышению заработков они считают назревшими и необходимыми. Получили ответ: требовать повышения на 20-30%.

Тем не менее, когда на семинарах в Ульяновске, в Челябинске, в Тольятти, в Москве, в Миассе работа над выработкой представлений о нормальном, скажем, заработке велась в учебных группах, рабочие очень быстро самостоятельно предлагали способы (притом разные) выработки представлений о нормальном. И выходили на реальные, соответствующие жизни параметры. Так, в Челябинске осенью 1999 г. семинар пришёл к выводу, что нормальная зарплата — в среднем 400 долларов США. В Ульяновске (январь 2000 г.) авиастроители сочли нормальной зарплату в 350 долларов в месяц. Примерно такие же

размеры нормального заработка рабочие обосновывали и на других семинарах. В Миассе на семинаре в октябре 2002 г. водители и другие работники городского пассажирского транспорта посчитали, что нормальный доход на рабочую семью — это сегодня 30000 рублей в месяц, при этом заработок основного в семье работника должен был бы составлять 20000 рублей в месяц.

Размеры признанного нормальным и размеры фактически сложившегося сегодня различаются, как минимум, в 3-5 раз. Разрыв, прямо скажем, огромный. Но он правдиво отражает ситуацию. Трудовой народ ограблен и понимает, что ограблен. Сил для борьбы за справедливое (нормальное) социальное положение нет. Главный ресурс этих сил — солидарность — не освоен, пропадает втуне. Но если бы солидарность была и силы для сопротивления и наступления на работодателя были, то справедливым и реальным требованием было бы повышение доходов в 3-5 раз незамедлительно, а кроме того требования по созданию современных рабочих мест, существенному улучшению условий труда и др.

Выработка и усвоение массой трудящихся обоснованных представлений о нормальном социальном положении (об условиях, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека) — фактор мобилизации профсоюзной и политической активности трудящихся. Требования к администрации и к правительству получают обоснованный достойный масштаб, они становятся настолько значительными и существенными, что есть смысл за них как следует побороться. И в то же время приходит твёрдое убеждение в справедливости высоких требований.

Какими же способами можно вырабатывать представление о нормальном социальном положении трудящихся?

Прежде всего надо критически отнестись к показателям, которые правительство предлагает нам как якобы научно обоснованные и нормальные. Это расчёты так называемой потребительской корзины, это установленный

федеральным законом минимум заработной платы, это, наконец, утверждаемый федеральным правительством прожиточный минимум[154]. Трудящиеся, рассуждая реалистически, и не склонны обращаться к правительственным цифрам. Им есть смысл вырабатывать свои, более обоснованные представления о нормальном.

Имеется несколько способов выработать представления о нормальном социальном положении трудящегося и его семьи.

Самый лучший способ — смоделировать нормальное социальное положение. Смоделировать — значит сделать хоть и упрощённое и приблизительное, но всё же **жизненное** описание того, как нормально в наше время должна жить самая обыкновенная семья наёмного и эксплуатируемого работника. Надо описать, как сказано в Конституции РФ, “условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие” людей. Для этого составляется перечень самых важных качественных характеристик трудовой, семейно-бытовой, досуговой жизнедеятельности, а потом они “доводятся” до количественных нормальных измерений.

При составлении перечня важных качественных характеристик социального положения уместно воспользоваться описанием прав и принципов в международных документах (например, в Европейской социальной хартии).

---

[154] Для IV квартала 2002 г. правительство установило прожиточный минимум в размере 1816 рублей в месяц на человека (57 долларов США). Минимальная зарплата установлена федеральным законом на уровне 450 рублей (14 долларов США. Это 8,4 цента в час). С осени 2003 г. минимальную зарплату обещают поднять до 600 рублей (примерно 18-19 долларов США, в расчёте на час — 11-12 центов). При этом новый Трудовой Кодекс гласит: “Статья 133. Минимальный размер оплаты труда ... не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного человека”. Значит, по закону минимальная зарплата уже сейчас должна быть не ниже 2060 рублей (всего-то навсего около 40 центов в час).

Остаётся только “примерить” их к российским привычкам, представлениям, традициям, к нашей социокультуре. Примерить, конечно же, не к сложившимся в последние годы печальным обстоятельствам кругом ограбленных людей, не к установкам на “выживание”. В соответствии с формулой Конституции РФ, “применять” (то есть конкретизировать, описывать, развёртывать) международно признанные права и принципы надо к характерным для многих из нас представлениям о нормальном социальном положении как об условиях, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Моделирование нормального социального положения — дело важное, интересное, доказательное, но трудоёмкое и требующее терпения, знаний, опыта. Такие разработки хорошо бы вести на научной профессиональной основе для всего класса наёмных и эксплуатируемых, для регионов, для отдельных отраслей. ФНПР, располагая средствами, могла бы это осилить. Но не делает, не заказывает таких разработок. В то же время руководители ФНПР сокрушаются, что у профсоюзной рядовой массы слишком неразвитые представления о своём нормальном социальном положении, слишком заниженные требования, слишком большая готовность считать, что требовать бесполезно и добиться всё равно ничего нельзя.

В будущем такие научные разработки нормального социального положения трудящихся наука обязательно наладит. До этого придётся обходиться более простыми методами. Например, такими:

1. Метод представления о нормальном как о привычном для многих, для большинства. В нашей стране сейчас ситуация для большинства трудовых семей такая: недоступным в ходе шоковых реформ стало удовлетворение тех потребностей, которые были привычными ещё 10-15 лет назад. Потребление одних товаров и услуг пришлось “ужать”, от других вообще отказаться как от роскоши. Большинство трудовых семей чувствует это абсолютное обеднение, обнищание, лишённость. Это касается буквально всего из жизненно необходимого: питания, одежды, транспорта, детсадов, лечения, врачебного обслуживания, обучения детей, жилищных условий. Это касается и условий труда, и отношений с администрацией, и условий оплаты.

Опыт обсуждения проблемы нормального социального положения на семинарах рабочих в Школе трудовой демократии показал, что люди правильно понимают проблему, рассуждают по-деловому, здраво и совместными усилиями успешно вырабатывают представление о своём нормальном социальном положении, отличающемся от фактически сложившегося положения.

2. Метод “Нормальная доля заработка в цене продукции”. Это очень простой метод, но отвечает он не на все вопросы, а только на вопрос о нормальном уровне заработка. Этот метод можно успешно применять в интересах рабочего контроля, в интересах обоснованных требований к администрации — требований как индивидуальных, так и коллективных.

Метод основан на том, что доля заработка в цене продукции отражает устойчивое соотношение живого труда (затраченного в период производства продукта или услуги) и других факторов, образующих цену[155].

Метод определения нормального уровня оплаты по доле заработка в цене продукции применим и в случаях, когда шоковые реформы обваливают уровень заработка и резко понижают долю заработка в цене продукции. К примеру, по официальному признанию Правительства РФ (2000 г.), доля оплаты труда в валовом внутреннем продукте страны снизилась с 50% при начале реформ до 30% в 1999 г. Подобная картина и по отраслям, и по предприятиям. Можно ли сегодня брать за нормальную долю за-

[155] Числовая модель расчётов приведена мною в книге: Ракитская Г.Я., Ракитский Б.В. Социальная защита и самозащита труда. Часть первая. Нормальное социальное положение и риски социального происхождения (социальные риски) // Трудовая демократия. Вып.44. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002. С. 23-28.

работка в цене продукции до начала реформ (1989, 1990, 1991 годы)? Несомненно, можно. И нужно. Уровень всех компонентов цены производимой продукции поднялся быстрее, чем цена труда. Это значит, что работника держат при реформах за донора их осуществления. Действует, стало быть, дополнительный канал эксплуатации. Работники вправе не мириться с этим, сопротивляться этому, требовать восстановления дореформенного соотношения. Приведённая цифра Правительства РФ даёт основание требовать немедленного повышения уровня заработка на 65-70% (50% : 30% = 1,6667).

3. Метод оценки нормальности заработка по аналогии

За 11 лет (после 1991 г.) у большинства трудящихся семей осталась лишь десятая часть покупательной способности, исчезла надёжная занятость, значительно повысилась доля квартплаты в семейных бюджетах и т.д., а воспринимается это уже вроде как и нормальное. И если правительство повышает минимум оплаты или пенсий раз в год на 150 рублей (при росте цен в среднем на 15%, а на транспорт — на 50%, на оплату услуг — на 50%, на электроэнергию — на 50%, на телефон — на 100%), то находятся готовые поддакивать правительству и журналистам, что “жизнь, мол, налаживается”.

Нам надо бы применять метод оценки нормальности по аналогии не как успокоительное для себя средство, а как инструмент оценки социальной справедливости во взаимоотношениях труда и капитала, властей и народа. Ведь благодаря четвёртой русской революции глаза развязаны, изо рта кляп вынут, “железный занавес” убран. Ездим по миру без разрешения и соизволения властей, видим, слышим, читаем, что угодно, разговариваем, с кем хотим и о чём хотим. Есть интернет. Нет цензуры. Есть свободная пресса (не одна же только продажная). Есть честные учёные, стоящие на стороне народа, а не только “персоны гранта”, славящие за иностранные деньги шоковые реформы и мероприятия правительства.

Короче, у трудящихся и их организаций есть полная и свободная возможность узнать, выяснить, своими глазами посмотреть, как живут, трудятся, оплачиваются люди на сходных (аналогичных) предприятиях в других странах. Ведь так называемая “открытая экономика” поместила наши и аналогичные иностранные предприятия в одно рыночное конкурентное пространство. Цены на продаваемые товары близки по уровню. А доля заработков в цене проданных товаров? Близка ли она по значению у нас и у таких же трудящихся за рубежом? Скажем, нефть гонят за рубеж по одинаковой (мировой) цене. А уровень заработка у российских и иностранных нефтяников разве одинаковый или близкий? А у пищевиков? А у учителей?

Разница всегда не в нашу пользу. Значит, кто-то получает “фору” за счёт трудящихся, а толкует нам о трудных временах. Наши дельцы завалили западный рынок дешёвым стальным прокатом. А за счёт чего дешевизна? Уж не за счёт ли более передовых технологий, самой высокой в мире производительности труда, самой высокой и эффективной организации труда и производства? Нет, конечно. За счёт почти даровой рабочей силы. В 70-е годы XX века за одинаковый с западноевропейским уровнем труд в СССР платили 25-30% западноевропейской зарплаты, сейчас в среднем — 1,5-2%.

Российским трудящимся есть смысл интересоваться аналогами. Ездить на схожие предприятия в страны Западной Европы. Конкретно и подробно расспрашивать своих товарищей-рабочих о их труде, быте, зарплате, социальном обслуживании, социальном страховании. Делать выводы. Укрепляться в представлениях о том, что нормально, а что ненормально. Помнить слова Президента В.В.Путина: “Мы — европейцы”.

Наши рабочие и ездят. И расспрашивают. И восхищаются условиями труда и уровнем жизни. Только забывают поинтересоваться, надеются ли европейские трудящиеся только на власти и на дружбу (партнёрство) с работодателями или считают нужным и обязательным бороться за своё положение каждый год, каждый месяц, каждый день.

Глава 11
Социальные риски в системе социально-трудовых отношений

1. Социальные риски как угрозы нарушения нормального социально-трудового положения, проистекающие из общественного устройства

Нормальное социально-трудовое положение — это то, чем трудящийся и его семья дорожат. Для них это социальная ценность. Её непросто добыть, непросто и удерживать. Она подвергается опасностям нарушения и даже разрушения. Откуда берутся опасности, насколько они велики? Насколько значимы нарушения? Это основные вопросы, научные ответы на которые составляют основу теории социальных рисков.

В трактовке этих вопросов я исхожу из теоретических положений, развитых в первую очередь Б.В. Ракитским.

Рисками называются опасности, угрозы. Они могут иметь разнообразную природу. Среди опасностей, которые угрожают нарушить социальное положение трудящегося, можно выделить такие, которые не зависят от поведения и действий человека и его семьи. Стихийные бедствия, революции и войны, иные чрезвычайные ситуации относятся к такого рода опасностям. Но они не относятся к *социальным* рискам. Социальные риски также вызваны не поведением и деятельностью трудящегося и его семьи (в отличие, скажем, от опасностей, возникающих из-за того, что человек поддался соблазну лёгкой наживы, заложил квартиру и вложил деньги в мошенническую пирамиду; и т.п.). Но в социальных рисках нет ничего чрезвычайного. Они заранее хорошо известны, они регулярны, закономерны.

Социальными называют риски (опасности, угрозы), которые проистекают из самого общественного устройства. Они как бы встроены в саму общественную конструкцию, они столь же объективны и закономерны, как и иные

неслучайные проявления основных характеристик общественной системы. Важное свойство социальных рисков — их неустранимость для общественной системы, которая их породила.

“**Риски социальные –** риски социального происхождения; вероятные опасности, угрозы нарушения нормального (для данного общества) социального положения, вызываемые неустранимыми для данного общества причинами, коренящимися в самом его конкретно-историческом устройстве. …Риски социальные выделяются в системе рисков тем, что они возникают и существуют не в чрезвычайных, а в обычных (нормальных) условиях развития общества, закономерно (а не случайно) сопровождают нормальное функционирование общества и, более того, имеют своими причинами именно базовые общественные отношения, нормальные (повседневные, регулярные) общественные порядки”[156].

Понятно, что разные общественные системы имеют и разные системы социальных рисков, каждая — свою.

Социальные риски имеют *вероятностный* характер, то есть осуществляются не обязательно в каждом конкретном случае, нарушают социально-трудовое положение не обязательно каждого без исключения трудящегося и каждой без исключения трудовой семьи. Они действуют в рамках ансамбля. Они обязательно затронут и действительно затрагивают какую-то часть трудящихся и их семей.

Социальные риски — не результат грубых ошибок управляющих (властей) или каких-то “поломок” в механизме управления обществом. Даже когда все системы установленного общественного порядка действуют идеально, безошибочно, риски нарушения нормального социально-трудового положения всё равно есть, и притом они существенны. Потому-то они и названы социальными (рисками

---

[156] Ракитский Б.В. Риски социальные // Социальная политика: Толковый словарь. М.: РАГС. 2002. С.328, 329.

социального происхождения), что коренятся в социальном (общественном) устройстве.

Что имеется в виду, когда говорится о нарушении нормального социально-трудового положения? Очевидно, не текущие перемены в работе, в семейном быту или досуге, а *существенные* ухудшения общественных условий жизни. Социальное положение классов, групп складывается из некоторого множества важных параметров. Если значительно нарушены один из важнейших, а тем более – несколько важнейших параметров, то привычный уклад жизни не может воспроизводиться, человек и его семья вынуждены приспосабливаться к нарушениям. Эти существенные отклонения в худшую сторону от социальной нормы, от привычного и считаются нарушением нормального социально-трудового положения.

В обществах, в которых существует система эксплуатации труда, весь круг социальных рисков формируется в конечном счёте именно системой эксплуатации, противоречивостью интересов господствующих и подчинённых классов. В том смысле “в конечном счёте”, что противоречивость интересов не прямо и непосредственно выливается в риск нарушения нормального социально-трудового положения, а посредством функционирования хозяйственных, социальных, политических, культурных порядков и институтов, выстроенных с учётом расхождения интересов господствующих и подчинённых классов при приоритете господствующих классов.

Конкретно-исторические системы эксплуатации качественно отличны друг от друга. Эти качественные отличия воплощаются и в системах социальных рисков, порождаемых общественным устройством.

При *тоталитарной системе* эксплуатации основные социальные риски проистекают из реальной возможности того, что власти и тоталитарные предприниматели (“командиры производства”) не посчитаются с человеческим и гражданским статусом рабочей силы, сочтут “живой

элемент”, “личный состав” производства непригодным или, напротив, пригодным на всё, что потребуется и вздумается. Произволу по отношению к правам и свободам трудящегося для тоталитарной системы эксплуатации ограничений нет. При этом тоталитарная система может накладывать ограничения (а может и снимать) на регламент использования “человеческого ресурса” отдельными “командирами производства”.

При *капиталистической системе* эксплуатации (когда сложились и отлаженно действуют буржуазно-демо-кратические институты) трудящийся имеет гражданские права и свободы не только на бумаге. Нарушения законных прав и свобод пресекаются государством и гражданским обществом. Нормальный для тоталитарной системы произвол по отношению к трудящимся становится антиобщественным делом и преследуется в уголовном порядке.

Социальные риски при капиталистической системе эксплуатации проистекают из необходимости дать достаточный (в той или иной мере ограниченный) простор конкурентному механизму хозяйствования. Капиталистическая система, с одной стороны, не может обойтись без признания трудящегося свободным человеком, личностью Но, с другой стороны, ориентир каждого из капиталистических предпринимателей на конкурентоспособность, на минимизацию удельных издержек производства закономерно формирует и поддерживает тенденцию отношения к трудящемуся (и со стороны каждого предпринимателя, и со стороны капиталистического класса в целом) в первую очередь как к производственному ресурсу. Опасности нарушения нормального социально-трудового положения возникают потому, что частнокапиталистическая организация производства закономерно побуждает (в конкретных взаимодействиях) игнорировать социальную сторону трудовых отношений – побуждает оперировать с рабочей силой наравне с другими производственными ресурсами по схеме “закупи-

ли — по нормативам использовали — затраты отнесли в издержки".

К примеру, на рынке труда предприниматель находит и нанимает работника. Так кажется работнику. Наниматель же видит то же самое несколько иначе: он ищет и привлекает производственный ресурс определённого производственного качества, чтобы при организации производства скомбинировать его с иными ресурсами (сырьём, материалами, машинами, оборудованием, коммуникациями, технологиями и т.п.). Он просчитывает, сравнивает варианты комбинаций и ищет комбинацию экономически более выгодную. И машина, и труд, и технология, и простой дают ему добавление издержек. Минимизация удельных издержек — вот высшая инстанция для капиталистического предпринимателя. В результате минимизации издержек каждым предпринимателем получается минимизация спроса на рабочую силу на рынке труда. Поэтому безработица (превышение предложения над спросом на рабочую силу) — неустранимый спутник капиталистической организации общественного труда. Для работника это риск социального происхождения. Другие социальные риски — риски бедности (нищеты), бездомности, безземельности, неграмотности, риск опускания на "социальное дно", риск стандартизации личности и пр.

Смена присущей тоталитаризму системы социальных рисков на систему социальных рисков капиталистического типа происходит по мере становления нового общественного строя и ухода из практики прежних отношений. В *переходных состояниях* может наблюдаться и действительно наблюдается сосуществование рисков старой и новой систем. А могут ещё возникать риски, происходящие от способов осуществления перехода.

2. Нормальные и ненормальные для периода переходных реформ перемены в социально-трудовом положении и в социальных рисках

Два аспекта рассмотрения перемен. Особенности труда как социального процесса, а не только производственного, проистекают из того, что работник, будучи фигурой производственной, является в то же самое время фигурой общественной, гражданской. И перемены в организации производства, и перемены в системе общественных отношений меняют социально-трудовое положение человека.

В России переход к рыночным капиталистическим условиям хозяйствования происходит с отклонениями от того, что следовало бы считать нормальным переходом. Из-за этого изучаемую проблему необходимо рассматривать как бы в двух измерениях:

1) какие закономерные перемены в труде и в жизни трудящихся должны были бы произойти, если бы развитие шло нормально;

2) какие отступления от нормального хода, какие осложнения в социально-трудовых отношениях возникли под влиянием форсирования первоначального накопления капитала и шокового метода рыночных преобразований.

Закономерные перемены. Рыночные условия хозяйствования в СССР, а затем в новой России должны были бы возникнуть как результат ухода (отхода) от тоталитарной модели хозяйствования.

Не имея в тоталитарном обществе реальных демократических прав и свобод, трудящиеся не развивались как граждане, как субъекты управления трудом, социально-трудовых отношений, социальной политики. В социально-трудовой сфере существовали различные институты, имитирующие институты гражданского общества (профсоюзы, общества рационализаторов, советы ветеранов, социалистическое соревнование, общественный контроль

и т.п.), но трудящиеся состояли в них как манипулируемая, подконтрольная и в основном как пассивная масса.

Безуспешные попытки реформировать тоталитарную экономику и в её составе тоталитарные социально-трудовые отношения предпринимались, начиная с 1950-х годов. Последствиями неудачного реформирования стали процессы и тенденции разложения и загнивания тоталитарной системы. В социально-трудовой сфере это выразилось в массовых отклонениях от нормального (по критериям казармы) отношения к труду. Во всё более широких масштабах стали распространяться разнообразные способы стихийно осуществляемых компенсаций за бесправное положение – в форме разнообразных нарушений установленных государством правил поведения в сфере производства и труда. Процессы и тенденции загнивания, разложения и вырождения возникли и окрепли в СССР именно потому, что из попыток реформ жёстко исключалась демократизация общества и хозяйства. Тоталитарный режим справедливо воспринимал демократию как свой антипод. В этом коренилась его неспособность к самореформированию.

Путь к оздоровлению обстановки в обществе и в хозяйстве открывала демократическая антитоталитарная революция, включающая как устранение тоталитарного политического режима, так и демократическую реформу управления хозяйством и управления трудом.

Критерием верного направления и успеха демократических реформ является, без всякого сомнения, возникновение реальной многосубъектности в обществе и в хозяйстве. Демократические реформы управления трудом так же состоят в устранении монополии на это управление, в развитии реальной многосубъектности в социально-трудовой сфере.

Рассмотрим это фундаментальное утверждение на примере реальных социально-трудовых процессов и отношений.

Возьмем, к примеру, занятость. Как управлялся этот социально-трудовой процесс в тоталитарных условиях? Так, как в армии управляют “личным составом”. Труд (по закону) был обязателен для каждого трудоспособного. Для каждого предприятия вышестоящая организация устанавливала штатное расписание с пределом общей численности и структурой персонала. Временами запрещалась перемена места работы по собственному желанию. Кроме этой крайней применялись иные меры вынужденного для работника закрепления на производстве. Территориальные перемещения организовывались властями, самостоятельные перемещения труда по территории страны затруднялись (наличие прописки как обязательное условие приёма на работу и т. п.), а за рубеж — прямо запрещались. Избыточная рабочая сила либо административно раскреплялась по предприятиям, либо затруднялось её высвобождение предприятиями.

Таким образом, перемещение рабочей силы в хозяйстве, её распределение по предприятиям происходили без рынка труда (если не считать процессы увольнения и устройства на работу, не имеющие общественно организованной институциональной формы). Существовавший в СССР институт организованного набора кадров можно лишь с большой натяжкой уподоблять бирже труда в рыночном хозяйстве. К сказанному никак нельзя не добавить прискорбный факт массового использования в тоталитарном СССР открыто принудительного (рабского по сути) труда.

Анализируя практику управления занятостью в тоталитарном обществе, важнее всего отметить крайне ограниченные возможности самостоятельных решений и действий работника. Установленная государством система занятости не была рассчитана на действительно свободный выбор работником места и качества работы. Выбрать можно из предлагаемого, но это предлагаемое имеет очень серьёзные ограничения, увязанные с ограничением гражданских прав и свобод работника, а также с ограничениями самостоятельности действий непосредственного работодателя. В случаях работы в исправительно-трудовых лагерях ограничение гражданских прав прослеживает-

ся предельно четко. Но и на воле человек был не совсем на воле (обязательность прописки, порядок получения жилья и особенно перемены места жительства, характеристики с предыдущего места работы, негласные указания о дискриминации по национальному признаку при приёме на работу — в частности, насчёт евреев в 1950-1980-е годы, прибалтов в их республиках при приёме на оборонные заводы, представителей депортированных народов и т.д.). Прекрасные нормы КЗоТ и Конституции СССР были сами по себе, а тоталитарная практика им явно не соответствовала по самим принципам своего устройства, а не только в смысле ошибок и "перегибов на местах".

Генеральное направление изменений в обществе — уход от тоталитаризма к демократии — означает кардинальную перемену ***в степени реальной свободы*** человека в обществе, в любой из сфер жизнедеятельности, в том числе и в социально-трудовой сфере, и в сфере занятости[157]. В этой сфере работник должен стать полноценным субъектом действий, имеющим во взаимодействиях с обществом и государством реальную возможность самостоятельно выбирать своё место в системе общественного разделения труда. Это означает как минимум следующее:

а) запрет по закону принудительного труда;

б) отмену обязательности труда для каждого трудоспособного (такова норма буржуазной демократии; социалистическая же демократия предполагает запрет эксплуатации труда в любых её формах);

в) развитие рынка труда;

г) недопущение недобросовестной конкуренции на рынке труда;

д) верховенство закона в регулировании проблем занятости.

Эти направления перемен меняют сам ***характер*** занятости. Внешне вроде бы всё остаётся более или менее по-прежнему: взаимодействуют работники, руководители производства, государство и его органы. Но это уже совсем другие работники, другие руководители производства и (тем более) совсем иное государство.

Тоталитарное государство всецело берёт на себя решение всех без исключения важнейших вопросов занятости, доводя регламентацию нередко до мелочных предписаний. Оно изначально исключает любые свободы в сфере формирования занятости, загоняя практику в разрешительный режим ("что не разрешено, то запрещено; допустимо только разрешённое"). Управленцы на предприятиях обязаны выполнять всё предписанное государством, даже когда это нарушает права и свободы граждан и вредит интересам производства и общества. Работник оказывается под двойным гнётом — государства-эксплуататора и администрации, не считающейся с законом, а следующей инструкции сверху и дополняющей её своими ужесточениями[158]. Работник фактически ограничен в гражданских правах и свободах, а отсюда его несвобода в сфере занятости.

---

[157] Кстати, такая классификация закономерных состояний общества, как "античная (рабовладельческая) формация, феодализм, капитализм", произведена по признаку "степень свободы трудящихся в обществе". Она качественно разная у раба, лично зависимого от феодала (помещика) крестьянина, наёмного эксплуатируемого работника. Тоталитаризм сводит до минимума степень реальной свободы в обществе всех формально существующих социальных субъектов, а не только трудящихся (см.: Ракитская Г.Я. Формация общественно-экономическая // Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа. Вып.3. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002. С.48-50).

[158] И даже под тройным гнетом. Добавляется еще произвол, давление "родного" трудового коллектива, которому фактически делегируется право и вменяется в обязанность вершить над работниками суд от имени государства и общества на основе коллективной юрисдикции и коллективной морали, скроенных по казарменно-карательным меркам.

При демократических порядках функции государства меняются коренным образом, в самом своём характере, хотя в составе и порядке процедур управления (в институциональных формах) изменения могут быть менее заметны. Работники и работодатели действуют свободно, все ограничения указаны в законах и только в законах. Государство обеспечивает невозможность для каких-либо органов власти ограничить действия работников и работодателей в большей мере, чем предусматривает закон. Всё, что не запрещено *законами (и только законами)*, — дозволено.

Мы рассмотрели, как ***должно*** меняться управление занятостью. В этом же ключе можно рассмотреть и другие процессы и отношения, входящие в социально-трудовую сферу: организацию труда на производстве, условия и охрану труда; оплату труда; социальные риски для трудящихся и защиту от них и т.п. В случае демократического характера перемен получились бы следующие результаты:

1. Переход от тоталитаризма к любой форме демократического устройства общества приводит гражданские права и свободы в активный (актуальный, реально востребуемый) вид, к развитию более или менее полноценной многосубъектности взамен тоталитарной бессубъектности большинства населения. Для трудящихся это имеет воистину революционное значение, ибо, во-первых, трудящиеся реально включаются в гражданскую жизнь, а во-вторых, процессы труда и увязанные с трудом перестают регулироваться командно и быть тотально подконтрольными центру, становятся предметом и результатом социально-политических (то есть социально-групповых) взаимодействий.

2. Государство перестаёт командовать трудовыми отношениями (термин “государственный патернализм” совсем не подходит для характеристики командно-карательных отношений: ничего “отеческого” в тоталитарном государстве нет), заменяется демократическим государством, издающим законы и обеспечивающим их применение и

верховенство. Для управления трудом такая перемена означает переход от защищённости “справедливостью командира” к защищённости справедливостью закона и гарантиями не только государства, но и общества. Становится реально доступной судебная защита социально-трудовых прав и свобод, что качественно превосходит защиту через обращение в партбюро, в профком и с письмом-жалобой в газету или на имя вождя правящей тоталитарной партии.

3. Помимо более надёжной защиты прав появляется то, чего не было и в принципе не могло быть в тоталитарном обществе: реальные свободы, возможность самостоятельного свободного действия, не зарегулированного мелочными запретами и не требующего конкретных разрешений для появления чего-либо нового, ещё не бывалого. Для управления трудом это означает возможности порождения трудящимися удобных для них и всё более эффективных форм и процедур формулирования, предъявления и отстаивания своих групповых (коллективных) и классовых социально-трудовых интересов. Такие же возможности открываются и перед работодателями. Управление трудом, становясь демократическим, существенно усиливается. Оно становится социально эффективным благодаря тому, что подпитывается возрастающей активностью всех социальных групп в социально-трудовой сфере при повышении эффективности и гибкости государственной власти.

4. Сложившиеся при тоталитаризме формы управления трудом имеют свойство инерционности, как и всякие иные формы жизни, покидающие историческую сцену, вытесняемые с неё. Они привычны для большинства населения. В случае выхода из тоталитаризма эта инерционность, связанная с привычностью, резко усиливается не просто пассивностью населения, а его приученностью к несвободе, к ограничениям разрешительного порядка жизни. В результате процессы демократизации социально-трудовых отношений идут с отставанием от возможностей, создаваемых антитоталитарной революцией, идут в ре-

жиме “невостребованности” трудящимися своих прав и свобод. В этих условиях возрастает функция государства, связанная с необходимостью поддерживать и культивировать активизацию трудящихся, освоение обществом демократических, гражданских, правовых форм протекания социально-трудовых процессов и отношений.

Деформации в социально-трудовых отношениях, возникшие в ходе шоковых реформ в России, и вызываемые ими дополнительные виды социальных рисков. Шоковые методы осуществления реформ в России существенно деформировали развитие общества и хозяйства в сравнении с логикой закономерностей перехода от тоталитарного к демократическому обществу, от тоталитарного хозяйства — к рыночному, от командно-карательного типа управления хозяйством и трудом — к демократическому. Деформации оказались столь глубокими и значительными, что ***сложившиеся тенденции не выводят Россию ни к демократии, ни к рыночному хозяйству***. Это обстоятельство нельзя упускать из виду. Некорректно рассуждать о современной российской практике как о рыночной и демократической. Нельзя и исходить из того, что рыночность и демократия уже, дескать, есть, уже завелись, но пока не окрепли, не развились, не проявили себя в полную силу. Дело складывается, к сожалению, не так: надо ещё доказать, что фактические перемены идут в русле созидания, а не только разрушения как хозяйства, так и общества. Отметим основные принципиальные отступления от закономерной логики демократических преобразований, прямо касающиеся перемен в социально-трудовых отношениях.

а) Шоковые методы реформирования ввергли большинство населения в тяжелейшее экономическое положение, поставили выше других задачу биологического выживания фактически ценой деградации всех сфер жизнедеятельности (труда, быта, досуга, общественной активности). Вместо становления человека, семьи, коллектива, территориальной общности как субъектов гражданского общества получилось углубление разобщённости, отчуждённости от общества, возрастание враждебности и агрессивного индивидуализма. Массовое распространение стали получать явления асоциальные и антисоциальные. Оказался заблокированным основной фактор оздоровления общества, экономики и социально-трудовой сферы — возрастание гражданской активности, общественно полезной и социально эффективной инициативы, предприимчивости, самостоятельности, ответственности. Ведь все эти благотворные процессы могут возникать и развиваться только в обществе и при помощи общества. В обстановке шокового воздействия на большинство населения парализуются в первую очередь именно коренящиеся в большинстве народа факторы благотворных перемен. Шок, допустимость которого очень и очень спорна даже на период месяцев, растянулся на несколько лет и стал губительным.

б) Государство, намеренное по своей Конституции быть или стать социальным, в течение нескольких лет действует прямо противоположным образом. Оно не является основным институциональным гарантом защиты большинства населения от социальных рисков, а само выступает источником основных социальных рисков (в этом ведь вся суть шоковой модели реформирования). Устранившись от выполнения своих конституционных обязанностей в регулировании социально-трудовой сферы, перейдя от демократического к шоковому методу её регулирования, государство открыло возможности деградации труда, разрушения его как основной социальной ценности.

в) Труд во всё большей степени попадает в сферу незаконных и преступных занятий. Одновременно с формированием “хозяйственного двоевластия” (сосуществования и борьбы законного и незаконного секторов) формируются и два типа социально-трудовых отношений. В то время как в законном секторе экономики управление трудом деградирует, в теневом секторе складывается своё особое управление трудом, разрушительное для общества и губительное для перспективы страны. Теневой рынок труда, теневой сектор приложения труда — не зародыш

жизнеспособного нового, а конец нежизнеспособного старого состояния социально-трудовой сферы, причём конец, наступающий не в ходе развития, а как результат разрушения без перспективы.

г) Одностороннее подчинение реформ задаче форсированного первоначального накопления капитала не позволило поставить и начать решать коренную задачу демократизации трудовых отношений — задачу формирования законности и правопорядка в трудовой сфере. В угоду интересам претендентов на собственность и власть в хозяйстве государство фактически парализовало механизм правоприменения. В результате при наличии достаточной правовой базы отсутствует элементарный правопорядок, элементарная защищённость прав и свобод трудящихся. Нечто, схожее с принудительным трудом, возобновилось, хотя теперь оно осуществляется не под конвоем, а в виде вынужденной бесплатной работы.

д) Провозглашаемые лозунги социального партнёрства выглядят как глумление над самой этой идеей. В России нет не только более или менее равных по силе сторон для социального партнёрства, но даже и просто фактического равноправия работника и работодателя, что требуется при демократии, а тем более при социальном партнёрстве. Государство не только не пытается компенсировать социальную беспомощность трудящихся, но всецело действует на стороне работодателя и исключительно в интересах работодателя. Социальное партнёрство в этих условиях приобретает облик безоговорочной капитуляции работника перед работодателем, согласие на любые условия работодателя, в том числе и на противозаконные действия.

Отмеченные и иные деформации стали ныне причиной ***нового кризиса*** социально-трудовой сферы. Задачи преодоления этого кризиса объективно выдвинулись в ряд приоритетов государственной политики. Удовлетворительная стратегия выхода из опасного для общества состояния до сих пор не выработана. После 17 августа 1998 года положение скачкообразно усугубилось и осложнилось. Опасность финансового банкротства страны (дефолта) отвела внимание государства и общества от предельного состояния кризисности социально-трудовой сферы. Трудящееся население в очередной раз было использовано как донор решения задач, связанных с геополитической зависимостью России. Это усугубляло необеспеченность национальной безопасности народа России.

Несколько лет благоприятной конъюнктуры на мировом нефтяном рынке дали передышку правительству и время для нормализации в сфере социально-трудовых отношений. Президент и Правительство, надо это отметить, не делают заявлений о больших успехах в нормализации социально-трудовых отношений и об улучшении социально-трудового положения большинства. Но отдельные моменты отмечаются ими как явно положительные. Наши наблюдения и наш анализ не дают пока что оснований для вывода хотя бы о начале преодоления деформаций социально-трудовых отношений, вызванных шоковыми реформами. Напротив, деформации приобретают ***хронический*** характер.

Глава 12
Социальная защита и самозащита в социально-трудовой сфере.

1. Социальная защита как основополагающее социальное право

Человек, его реальная повседневная жизнь и опасности, проистекающие из самого устройства общества, — вот стержень проблемы социальной защиты. Самый радикальный способ защититься от опасностей — коренным образом перестроить сам общественный порядок, ибо в нём содержатся причины опасностей. Это революция. Четвёртая русская революция в принципе открыла историческую возможность устранить социальные риски тоталитарной системы. Но общественный строй, возникающий после тоталитаризма, формирует новую, свою систему социальных рисков. Задача защиты от социальных рисков возобновляется.

Смысл и содержание социальной защиты. Защита *нормального* социального положения от социальных рисков называется социальной защитой[159].

Такое понимание *сути* социальной защиты не является общепринятым. Приведу, к примеру, определение социальной защиты в книге, авторский коллектив которой

[159] Эта трактовка социальной защиты (и социальной защищённости как её результата) была сформулирована и обоснована в отечественной литературе Б.В.Ракитским. См.: Ракитский Б. Социальная защищённость и её типы // Вопросы экономики. 1992. № 7.

См. также (более подробно): Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть вторая. Социальная защита, самозащита трудящихся // Трудовая демократия. Вып.10. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998.

составляют отечественные ученые, наиболее сведущие в социальной проблематике[160]:

"**Социальная защита –** система разного рода мер, предпринимаемых обществом или трудовым коллективом по ограждению своих членов от тех или иных возможных негативных воздействий социальной среды или их смягчению. Термин применяется в двух смыслах.

В широком смысле – это деятельность государства и общественных организаций (и в первую очередь профсоюзов) по претворению в жизнь целей и приоритетных задач социальной политики, реализации совокупности *законодательно* (курсив мой. – Г.Р.) закреплённых экономических, правовых и социальных гарантий, обеспечивающих каждому члену общества соблюдение важнейших социальных прав, в т.ч. на достойный человека уровень жизни, необходимый для нормального воспроизводства и развития личности.

В узком смысле слова социальная защита – это комплекс целенаправленных конкретных мероприятий экономического, правового и организационного характера для поддержки наиболее уязвимых слоёв населения от негативных проявлений (последствий) процессов переходного периода в проведении реформ".

В разъяснениях "широкого" и "узкого" содержания понятия "социальная защита" перечислены все важные направления социально-защитительной деятельности. Но ни в этих разъяснениях, ни в предваряющем их общем определении социальной защиты (что существенно), не акцентируется, на наш взгляд, главное: защищаться должно **нормальное** — для данного общественного устройства — социальное положение каждой и всех социальных групп. Авторы же сместили акцент (см. трактовку "широкого

[160] Социальное государство. Краткий словарь-справочник / Ред. кол.: Н.Н.Гриценко (руководитель), Г.А.Николаев (зам. рук) и др. М.: Академия труда и социальных отношений. 2002. С.201.

смысла" термина) на защиту *законодательно* закреплённых социальных гарантий.

В системе представленных в настоящей работе научных категорий, которые позволяют осмыслить и обосновать круг узловых социально-трудовых проблем в современной России, системообразующим является как раз понятие ***нормального*** (см. гл.6, параграф 5): "*нормальное* социальное положение – социальные риски как угрозы нарушения *нормального* социального положения – социальная защита как защита *нормального* социального положения". При этом понятия "нормальное" и "ненормальное", во-первых, применяются нами для характеристики положения и проблем *социальных групп* в данном обществе, а не как способ описания конкретных жизненных ситуаций во всем их многообразии. Во-вторых, критерием "нормального" признаются вовсе не нормы законов государства. Научно обоснованный критерий "нормального" может значительно отличаться от того, что установлено законодательно. Общественная наука тем и отличается от политической практики, что выдвигает в качестве критерия нормального хода общественных процессов (в том числе и нормального социального положения) то, что является выражением объективных закономерностей.

В институциональном плане социальная защита — это специализированная система общественных и государственных функций и учреждений. Социальной защите придаётся нередко очень большое значение в государственном и общественном устройстве.

Так, изданная в 1999 г. Советом Европы монография "Социальная защита в Европейской социальной хартии" начинается следующими словами:

"Социальная защита в целом признана краеугольным камнем европейской социальной модели. Будучи движущей силой социального сплочения и гарантией экономического процветания, социальная *безопасность* (курсив мой. – Г.Р.) играет во всех европейских странах центральную роль. Даже недавние радикальные изменения социальных и экономических реалий Европы не поставили

под сомнение необходимость сохранения социальной защиты и защиты членов общества от социальных рисков. Признавая социальную защиту как основополагающее социальное право, Европейская социальная хартия содействует его укреплению, устанавливая минимум гарантий на европейском уровне".

Получается, что значение социальной защиты в жизни общества нельзя переоценить. Скорее можно недооценить, а это чревато неблагополучиями в обществе, *небезопасно* для миллионов людей, для народа в целом.

Другой пример — статья 7 в Конституции Российской Федерации. Она свидетельствует, что и Конституция нашего государства уделяет социальной защите первостепенное внимание.

В Конституции СССР понятия "социальная защита" нет. Власти предпочитали понятие "забота государства о благе народа". Но суть от этого не менялась. Любое государство, каким бы ни был в нём идеологический, политический и экономический порядок, обладает механизмами (организационными формами, институтами) социальной защиты.

Сперва очертим тот круг вопросов, на которые должно ***содержательно*** отвечать понятие (категория) "социальная защита". Главные вопросы таковы: а) **что́** именно защищается? б) **кто** именно защищает? в) **от чего** защищают? г) **какова мера** (уровень, степень) защиты? д) **каковы основные принципы, способы, формы** защиты?[161]

---

[161] "Социальная защищённость всегда означает:

— что защищается общественное положение тех или иных либо всех субъектов общества;

— что имеются субъекты, защищающие своё общественное положение;

— что имеются факторы риска (нарушения нормального общественного положения). От действия этих факторов и требуется защищённость;

Европейское признание социальной защиты основополагающим социальным правом означает, что европейское представление о нормальной жизни человека в обществе базируется не на том, что каждый исключительно сам за себя и одинок в противостоянии опасностям. Напротив, человек вправе рассчитывать на общество как на реальную опору в борьбе с невзгодами, особенно с такими, с которыми ему в одиночку не справиться. В одиночку не пересилить опасности, порождаемые общественной системой, государством, традициями, обычаями. Отсюда и центральная содержательная идея социальной защиты — создать механизм общественного и государственного систематического противодействия социальным рискам. Общество осознаёт, что устроено рискованно для людей, и устраивает механизмы надёжной опоры для человека в его противостоянии опасностям нарушения нормального социального положения. Это основное для понимания социальной защиты по существу.

Мы говорим “социальная защита нормального социального положения”, хорошо понимая, что для большинства населения стержнем социальной защиты неизбежно оказывается социальная защита труда. Ведь образ жизни большинства — трудовой. С трудом, с его условиями и организацией, с оплатой, с доступностью и перспективами трудового поприща у большинства связаны основные параметры жизни.

Социальная защита — конституционная обязанность государства. В нашем народе нет массового ожидания, что государство всерьёз начнёт и станет выполнять свои полезные для людей функции. Или хотя бы само не будет нарушать им же установленные законы. Не говоря уж о том, чтобы поддерживать законный правопорядок и обеспечивать верховенство закона. У народа и мысли нет обращаться с государством как в чём-то народу обязанным. Есть мысль просить, ждать щедрот. Но, конечно, не требовать. А демократический тип отношения народа к государству — именно требовательный. Его суть — напоминать, не давать забывать государству о его обязанностях, требовать установленных законами гарантий, а вместе с тем и помогать государству полнее и качественнее выполнить его функции. До такой демократии нам ещё далеко.

Между государством и народом в России лежит, к сожалению, вековая пропасть отчуждённости. Фактор взаимной глубокой отчуждённости властей и народа сказывается на построении и действии всей системы социальной защиты. В Конституции и даже по большей части в законах — всё цивилизованно и логично. В реальной жизни — как придётся, то есть “по усмотрению”, “по указанию”, “по стечению обстоятельств”, “в пределах финансовых возможностей”.

Конституционные обязанности государства по обеспечению социально-трудовых прав, свобод и законных интересов трудящихся — фундаментальное основание всего дела социальной защиты, включая и защиту нормального социально-трудового положения. Демократический порядок неукоснительного и в полном объёме исполнения государством его конституционных обязанностей рассчитан не на одну только высокую ответственность государства, но и на действия разнообразных субъектов гражданского общества, ***заставляющие государство*** эти обязанности исполнять. Заставлять государство — это сейчас самое важное дело демократических сил, самый реальный вклад в демократическое развитие России. Весомое конструктивное давление на власти снизу — это реальный вклад в демократию. Просительные робкие акции, униженное заискивание перед властями, холопское верноподданничество — вычет из демократии.

— что существуют формы защищённости, отражающие все перечисленные моменты”.
(Ракитский Б. Социальная защищённость и её типы // Вопросы экономики. 1992. № 7. С.5)

Принципы устройства системы социальной защиты обозначу сугубо схематично[162]. В демократическом обществе система социальной защиты устраивается на следующих основных принципах и обладает следующими свойствами:

1. ***Защита от социальных рисков — дело общественное (синоним — социальное).*** Когда речь идёт о системе социальной защиты, имеется в виду совокупность общественно организованных защитительных действий, общественная система защиты в обществе и при помощи общества.

2. ***Универсальный (то есть всеобщий, всегдашний) предмет и объект социальной защиты — нормальное социальное положение.***

3. ***Универсальная (то есть всеобщая, всегдашняя) функция, задача социальной защиты — понижать, блокировать, компенсировать социальные риски (те опасности серьёзного нарушения нормального социального положения, которые проистекают из самого устройства данного общества).***

4. Система социальной защиты с самого начала должна строиться, исходя из дифференцированного (нормально неравного для данного общества) социального положения. ***Система социальной защиты должна непременно охватывать всех без исключения граждан, все общности, все социальные группы.***

Этот принцип, кстати сказать, был нарушен при проведении шоковых реформ. Правительство отказалось от всеобщности социальной защиты (от охвата защитой всех граждан) и перешло к социальной защите “по возможностям государства”. А эти возможности в период первоначального накопления капитала были сознательно ограничены скудными средствами для защиты так называемых социально уязвимых слоёв общества[163]. Соци-

[162] Подробнее см.: Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Социальная защита и самозащита труда. Часть вторая. Система социальной защиты и способы социальной самозащиты // Трудовая демократия. Вып. 45. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002. См.также: Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть вторая. Социальная …// Трудовая демократия. Вып.10. М. 1998.

[163] Напомню программно-судьбоносные слова Президента Б.Ельцина из его выступления на Пятом Съезде народных депутатов РСФСР: “…Мы будем помогать прежде всего наиболее нуждающимся социальным группам. …Новая задача нашей социальной политики — создание адресной системы социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения, детям” (Советская Россия. 1991 г. 29 окт.).

На той же доктрине построена жёсткая по отношению к населению “Программа Г.Грефа” (в части системы социальной защиты).

Перекличка с “доктриной Ельцина” (фактически её подтверждение) встречается в выступлениях Президента России В.В.Путина. Так, например, в Послании Президента Федеральному Собранию РФ 2000 года сказано: “Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна. Отказ от неё диктуется как необходимостью наиболее эффективного использования финансовых ресурсов, так и стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких. ...У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства и строго исполнять те, которые мы сохраним. ...Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума. Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жёны банкиров — без пособия по безработице” (Государство Россия. Путь к эффективному государству (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М. 2000. С. 22, 23).

Эти же идеи с той же настойчивостью повторены в Послании 2003 года, с которым Президент РФ В.В.Путин выступил 16 мая 2003 г.

альные группы, не включенные в состав “наиболее уязвимых” (и наёмные трудящиеся, и предприниматели, и др.), строго говоря, оказались лишёнными части своих социальных прав.

5. Социально-защитительная практика демократического общества (в отличие от тоталитарного) непременно включает в себя реальную функцию ***социальной самозащиты***. Именно социальная самозащита как непременная и притом существенная содержательная часть социально-защитительной практики обеспечивает её (практики) реальную, а не формальную ***многосубъектность***.

Социальная самозащита наполняет реальным содержанием социальные права, обеспечивая их осуществление через демократический механизм взаимоотношения социальных сил. Для периода же перехода от тоталитарного состояния к демократическому особенно важно подчеркнуть, что социальная самозащита, помимо наполнения реальным содержанием социальных прав, вновь возвращает (должна возвращать) к жизни феномен *реальных свобод* в сфере социальной защиты. Тоталитаризм же исключает свободы из социальных взаимоотношений даже формально.

6. Социально-защитительная практика демократического общества (в отличие от тоталитарного) включает в себя ***взаимозащиту***. На кондовом административно-управленческом языке это может быть сказано так: в демократическом обществе есть не только “вертикаль социальной защиты”, но и “горизонталь социальной защиты”. На языке классовой борьбы то же самое выглядит так: демократическое общество допускает и считает нормальным отношения солидарности при защите социальных и экономических прав.

7. В демократической системе социальной защиты непременно присутствует государство. Его место в этой системе настолько специфично и конструктивно важно, что круг его социальных обязательств фиксируется конституционно. Государство должно выполнять в системе

социальной защиты ***действительно политические функции*** — формировать принципиальный облик взаимоотношений между социально-классовыми группами. Именно от классового характера социальной структуры общества, от противоречивости (вплоть до антагонизмов) социально-групповых интересов абстрагируется идеология разгосударствления социальной защиты. “Отделение” от государства, опора исключительно на собственные силы в деле социальной защиты – такие идеи и лозунги неприемлемы для буржуазно-демократического общества ни в тактическом, ни в стратегическом планах.

Линия на фактическое разгосударствление социальной защиты, которая стала проводиться российским государством с началом шоковых реформ, нашла, как ни странно, поддержку у части трудящихся. Тому были объективные причины. Поначалу это было неприятие старых способов организации социальной защиты в силу привязанности этих способов к тоталитарной системе в целом (при отождествлении государственности с тоталитарной её формой). По ходу реформ возникла и другая причина – недоверие к постсоветскому государству, к его обещаниям и установлениям[164].

Организация социальной защиты на принципах “отделения” от государства означала бы снятие с государства его обязанностей по контролю и регулированию важнейших параметров уровня и условий жизни трудящихся. Выступать за разгосударствление социальной защиты — это значит фактически давать амнистию государству, не желающему выполнять свои прямые функции.

---

[164] Подробнее о разных тенденциях в формировании требований трудящихся к системе социальной защиты см.: Ракитская Г.Я. На пути к собственной идеологии (идейные представления и требования трудящихся в ходе четвёртой русской революции). 2-е изд. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2001. С.24-29.

Способы (направления) социальной защиты. Уровни надёжности защитительных мер[165]. Необходимое и достаточное разнообразие способов социальной защиты включает в себя:

— ***недопущение социальных рисков*** (методами запрета, нормативного регулирования или иными методами),

— ***сдерживание социальных рисков*** (методами блокирования, временного ограничения и др.),

— ***предупреждение*** (упреждающие меры смягчения) социальных рисков на основе негосударственных защитительных действий субъектов гражданского общества (разнообразные меры давления на источники потенциальной опасности, протесты, демонстрирование способности к сопротивлению, методы нравственного воздействия, самоуправленческие меры и т.п.),

— ***компенсирование*** (материальное и моральное) социальных рисков. Компенсировать — значит как бы уравновесить возникшее ухудшение каким-то улучшением социального положения, чтобы в общем и целом смягчить отклонение от нормального, привычного хода жизни,

— ***социальное вспомоществование*** (милосердие, благотворительность).

Многообразные защитительные меры существенно различаются по уровню надёжности для защищаемых. Различия в надёжности защитительных мер отражают реальную неодинаковость общественного положения (влиятельности) самих защитников (защищающих субъектов).

Меры ***государственной*** социальной защиты по значимости и надёжности, как правило, превосходят защиту, обеспечиваемую иными субъектами (защитниками). Это обстоятельство отражается в виде выделения класса ***социальных гарантий, или государственных социальных гарантий.***

---

[165] Этот сюжет излагаю по: Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть вторая. Социальная…// Трудовая демократия. Вып.10. М. 1998. 20-23.

Степень надёжности социальных защитительных средств (мер) иных субъектов может быть очень велика, но объективно она уступает государственным гарантиям. В переходных условиях государственным гарантиям должна принадлежать особенно весомая роль. Весомость государственных гарантий в переходных условиях вовсе не означает сохранение тоталитарности социальной защиты. Само государство становится демократическим и играет решающую роль в становлении новой, демократической системы социальной защиты — так должен ставиться вопрос.

Завоевания демократической революции в области социальной защиты и их последующий демонтаж. Уже послабления тоталитарного режима в период перестройки дали заметные демократизирующие сдвиги во всей общественной жизни. Коснулось это в заметной мере и социально-трудовых отношений. Мощным фактором их демократизации стало массовое шахтёрское рабочее движение 1989-1990 г.г. Правительство СССР вынуждено было сесть за стол переговоров с бастующими. Были созданы (легитимно!) комиссии по контролю за выполнением подписанных соглашений. Всесоюзная забастовка шахтёров 1989 г. выдвинула политические требования отмены 6-ой статьи Конституции СССР. Возникли Конфедерация труда, Союз трудовых коллективов, Независимый профсоюз горняков, другие организации трудящихся движенческого типа. Был принят Закон СССР “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)” от 9 октября 1989 г. (новая редакция – 20 мая 1991 г.), Закон СССР “О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности” от 10 декабря 1990 г., некоторые другие законы, демократизирующие социально-трудовые отношения.

Революция 1990-1991 гг. придала новый импульс повороту страны к демократии. Готовя реформы, Съезд народных депутатов (высший в то время орган власти), Президент и правительство обустраивали правовое пространство реформ как реформ демократического типа.

Появились новые российские законы по социально-трудовой проблематике, о внебюджетных страховых фондах, об индексации доходов населения, указы Президента о социальном партнёрстве, о Российской трёхсторонней комиссии и пр. Выстраивалась новая система социальной защиты, притом ***система демократического типа***. Это надо подчеркнуть.

Скоропалительность, глобализационный и шоковый характер реформ сделали их недемократическими, принудительными и "чужими" для большинства. Трудящиеся не просто не были приглашены к участию в реформах, они к ним не были допущены, более того — преднамеренно отсечены шоковым характером преобразований. Именно в этом причина последовательной и довольно быстрой утраты реформами их изначальной демократической направленности. Что касается социально-трудовых отношений и защиты социально-трудового положения, то реформы привели к полнейшей беззащитности трудящихся во всех сферах жизнедеятельности и к разрушению как прежней системы социальной защиты, так и принципов строительства новой системы социальной защиты.

Трудовое законодательство в 1990-е годы, по крупному счёту, не применялось. Правоприменительный механизм был парализован усилиями государства. Многие защитительные меры, прямо предусмотренные в Конституции и в законах как обязанности государства, либо вовсе не осуществлялись (как индексация доходов, прожиточный минимум и др.), либо осуществлялись издевательски формально (обязанность устанавливать минимум оплаты труда, использовать среднюю зарплату как основание для установления уровня основной пенсии и др.).

Уже в 1992 году стало ясно, что правительственная социальная политика никак не укладывается в провозглашённую на переходный период к рынку формулу: *защита "слабого и неимущего"*[166]. На деле Президентом и Правительством была реализована политика, характерными чертами которой являются следующие:

— уход государства от ответственности за формирование нормального уровня и достойных условий жизни граждан;

— минимизация государственных расходов на социальную защиту;

— отказ от тактики опережающих мер в пользу тактики запаздывающей и недостаточной поддержки явно деградирующих слоёв населения;

— подмена принципа гарантированной социальной защиты эпизодической поддержкой (компенсированием);

— бессистемное проведение социальных мероприятий по преимуществу как вынужденных уступок под давлением "снизу";

— использование мер по социальной защите в качестве способа нейтрализовать или привлечь на свою сторону фактически или потенциально наиболее значительные политические силы;

— демагогическая пропаганда, преувеличивающая реальное значение различных уступок и подачек населению (типа ваучеров, бесплатных акций без права голоса и пр.)

Особенно очевидным был демонтаж первоначально принятого проекта строительства защитительной системы страховых внебюджетных фондов. Это был великолепный проект, учитывающий опыт демократических государств и стран. Сегодня, спустя 10 лет, можно констатировать, что несмотря на очевидные свои плюсы, которые стали проявляться сразу же, фонды эти уничтожены и не имеют больше перспективы.

Сильная сторона проекта на стадии замысла законодателя состояла в чётком ***изначальном*** обозначении ***защитительного предназначения*** средств. Вокруг их предназначения постоянно велась и ведётся борьба. Правительство игнорировало защитительное предназначение страховых средств, воспринимало их как один из источников первоначального накопления капитала. Оно развернu-

---

[166] Выступление Б.Н.Ельцина на Пятом Съезде народных депутатов РСФСР // (Советская Россия. 1991 г. 29 окт.).

ло и выиграло борьбу за эти средства после государственного переворота октября 1993 года. В результате к настоящему времени почти полностью утрачены завоевания демократической русской революции 1991 г. в области организации социальной защиты.

О каких завоеваниях демократической революции идёт речь? Иной раз встретишь странные утверждения: “С точки зрения финансового обеспечения социальных расходов в переходной экономике России чётко просматриваются три этапа, имеющие существенные различия. Первый этап — 1991-95гг. — характеризуется наращиванием государственных расходов на социальные нужды. Это период экстенсивного увеличения средств...”[167]. Это, конечно же, суждение по недоразумению. Государственные расходы на социальные нужды и в этот, и в последующие периоды не только не выросли в реальном исчислении, а резко сократились. Население России сокращалось, и вместе с этим сокращалась покупательная способность пенсий, стипендий, пособий, ветшали школьные и больничные здания, стали совсем нищими врачи, учителя, преподаватели вузов и библиотекари, воспитатели детских учреждений... Какое наращивание средств? Разве что наращивание цифр в рублях, но никак не покупательной способности, не реальной обеспеченности. Покупательная способность пенсии, например, “наросла” примерно со 120 долларов в 1991 г. аж почти до 40 - 50 долларов в настоящее время!

Нет, государственные расходы на социальные нужды в целом и на социальную защиту в частности резко сократились. Произошла крупномасштабная конфискация средств на социальную защиту. Только средств, накопленных к 1991 г. для пенсионного обеспечения, было конфисковано, по расчётам Б.В.Ракитского, на 1200 миллиардов долларов США. Были конфискованы личные денежные сбережения (в 1992 г. и в 1998 г.), в 1998 г. — три четверти покупательной способности задолженности по заработной

[167] Социальная политика: Учебник. М.: Экзамен. 2003. С.518.

плате (всего 7-8 млрд долларов США). Имеет место постоянное недофинансирование отраслей социального хозяйства из бюджетов.

Когда мы говорим о достижениях демократической революции в области организации социальной защиты, то имеем в виду именно ***новый, демократический порядок организации*** всего дела собирания и расходования средств на социальную защиту. Такой порядок, который, между прочим, защищает эти средства от конфискации государством (от конфискации то ли впрямую, как в 1992 г., то ли через устраиваемую правительством некомпенсированную девальвацию, как в 1998 г.).

Суть этого порядка достаточно подробно описана в литературе. Не воспроизводя этого описания, приведу только генеральный принцип: “Целевой характер социально-защитительных фондов должен гарантироваться государством и охраняться законом и всеми возможными способами общественного воздействия, влияния и давления. Такие фонды ***никогда не должны консолидироваться (встраиваться, включаться, вливаться) в государственные, региональные и местные бюджеты***”[168]. Иначе говоря, в демократическом обществе руки у исполнительной власти должны быть коротки настолько, чтобы они не могли дотянуться до средств социально-защитительных фондов (пенсионного, социально-страхового, медицинского страхования, страхования от безработицы, страхования от производственного травматизма).

Введя демократическую модель организации социальной защиты Указами Президента и федеральными законами в 1991-1992 годах, правительство и законодательная власть после событий 1993 года стали шаг за шагом последовательно эту модель разрушать. Сперва была отменена подчинённость Пенсионного фонда России непо-

[168] Ракитский Б.В. Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся в обществе. Часть вторая. Социальная… // Трудовая демократия. Вып.10. М. 1998. С.29-30.

средственно законодательному органу. Президент сам стал править пенсионным фондом, отменил индексацию пенсий и ввёл произвольные президентские надбавки. Потом обязательные страховые платежи во внебюджетные фонды были объявлены налогами (что совершенно игнорирует их социально-защитительное предназначение). Правительство В.С.Черномырдина фактически принудило внебюджетные фонды вложить свои средства в государственную авантюру — финансовую пирамиду ГКО и ФКО, лопнувшую в августе 1998 г. С 2001 г. сбор страховых средств передан правительству (в форме единого социального налога). Государственный (внебюджетный) Фонд занятости населения вовсе ликвидирован. Пенсионная реформа по "М.Ю.Зурабову" фактически уничтожает независимость Пенсионного фонда России от правительства. Понижен страховой тариф в Фонд социального страхования. Ведётся работа по созданию гибрида — медико-социального страхования. Цель этой работы — не увеличить, а сократить средства на соответствующие функции социальной защиты.

Изменённая организация системы социальной защиты делает возможной и организационно обеспеченной конфискацию страховых средств правительством в обмен на его мало значащие обещания гарантировать права граждан. Напомним ещё раз, как говорил о ранее данных обещаниях гарантий новый Президент сразу после своего избрания:

"Утвердилась государственная ложь, и в этом зале, наверное, уместно будет об этом сказать — мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием. Просто из политической конъюнктуры продавливаем то или другое решение. У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства и строго исполнять те, которые мы сохраним. Только так можно восстановить доверие народа к государству"[169].

[169] Государство Россия. Путь к эффективному государству (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М. 2000. С. 23.

Насчёт государственной лжи Президент В.В.Путин стопроцентно прав. А вот насчёт избыточности социальных обязательств вовсе не прав. Государство в период шоковых реформ и закрепления их итогов не только не давало избыточных обязательств, но сняло с себя даже самые элементарные обязательства, в недопустимой мере и демонстративно пренебрегая своими конституционными обязанностями в социальной сфере.

2. Защита трудовых прав на основе действующего Трудового кодекса Российской Федерации

С 1 февраля 2002 г. в России действует новый Трудовой Кодекс. По сравнению с прежним КЗоТ трудящиеся потеряли часть защищённого законом правового пространства. Уровень установленных законами гарантий трудовых прав сузился и понизился. Сопротивление этому сужению и понижению было в Государственной Думе ФС РФ, но не было поддержано сколько-нибудь заметным сопротивлением самих трудящихся.

Трудящиеся не сопротивлялись отчасти потому, что не имеют действенных массовых политических и профсоюзных организаций. Сказалась и соглашательская ("партнёрская") позиция ФНПР. Но в немалой мере трудящиеся никак не реагировали на урезание их трудовых прав и потому, что права эти были только на бумаге. В жизни давно имеет место игнорирование трудового законодательства и работодателями, и работниками, и правительством. Чего стоит один только факт массовой трудозанятости в теневом и прямо криминальном секторах! А ведь и при вполне легальной занятости сплошь и рядом нарушаются законные права трудящихся, в том числе и по сговору самих трудящихся с работодателями.

Кому же мешал прежний КЗоТ? Кто требовал перемен в трудовом законодательстве? Не трудящиеся, не профсоюзы, не работодатели. И не правительство. Правительство лишь уступало настойчивому давлению Между-

народного валютного фонда и Всемирного банка реконструкции и развития, представляющих интересы международного финансового капитала, проводящего глобализационные реформы в России. Есть документы, подтверждающие зависимость правительства от этих организаций, в том числе и в вопросах урезания законных прав трудящихся.

Так, в середине 1998 г. Правительство России добивалось у МВФ очередного займа (транш в 15 млрд. долл.). При этом отчитывалось о проделанной работе и давало обещания на будущее. Пересмотр КЗоТ к тому времени был уже в числе невыполненных пунктов предыдущих обязательств. Документ называется: *"Меморандум Правительства Российской Федерации и Центрального Банка Российской Федерации о политике экономической и финансовой стабилизации", 16 июля 1998 г.*[170]. В "Меморандуме..." имеется следующий пункт:

"Реформа рынка труда

35. Ограничения в области расторжения трудовых соглашений препятствовали эффективной реструктуризации предприятий и распределению рабочей силы в экономике. До 1 ноября 1998 г. правительство внесёт новый проект КЗоТ, который приведёт законы о труде в соответствие с требованиями рыночной экономики. Кодекс установит реалистичный минимум социальных гарантий, повысит роль индивидуальных трудовых соглашений, включая более упрощённую процедуру расторжения индивидуальных трудовых соглашений (такую, как исключение необходимости согласования вопроса с профсоюзами и требований нахождения альтернативного трудоустройства), и расширит возможности для заключения срочных трудовых

[170] Подписи: "Сергей Кириенко — Премьер-министр Правительства РФ; Сергей Дубинин — Председатель Центрального банка РФ". Опубликован в обратном переводе с английского газетой "Солидарность" (1998. № 15). Текст Меморандума был представлен на странице МВФ в Интернете.

соглашений и договоров о совместительстве. В Кодексе будут содержаться также положения, позволяющие обеспечить ориентирование социального партнёрства на заключение и применение коллективных соглашений на уровне отдельных предприятий. Это будет также способствовать созданию эффективных институтов, которые обеспечат применение индивидуальных и коллективных соглашений, разрешение коллективных трудовых споров и выполнение требований трудового законодательства".

Эти обещания, данные в 1998 г. в "Меморандуме...", теперь выполнены. Новый Трудовой Кодекс введён в действие. Настало время осваивать оставшееся пространство социальных прав и гарантий в сфере труда и других непосредственно связанных с трудом отношений.

Особенность создавшихся теперь условий в том, что хождение по судам с исками к работодателю, занимавшее почти всё время и все силы руководителей и активистов многих свободных профсоюзов, теперь лишено прежней почвы. Придётся, видимо, переносить центр тяжести профсоюзной работы с правозащитной (через суд) деятельности на собственно профсоюзную, то есть на терпеливое, постепенное и неуклонное выковывание сплочённости, настойчивости и солидарности в борьбе. Именно в этом спасение трудящихся от жестокостей капиталистической эксплуатации и бездействия властей в области защиты трудовых прав и свобод. Давление на капитал и потакающие ему власти — вот что должно стать нормальным, повседневным образом жизни рабочего человека и рабочего класса, всех трудящихся и эксплуатируемых классов. Это логика классического капитализма.

Действующий Трудовой Кодекс содержит подробное описание общих принципов трудового законодательства, основных институтов (правил и регулирующих органов), процедур, государственных социальных обязательств (гарантий и компенсаций) в сфере труда. Часть пятая Трудового Кодекса (раздел XIII) содержит описание системы защиты трудовых прав работников.

Общая конфигурация этой системы обозначена в статье 352 ТК РФ:

“Статья 352. Способы защиты трудовых прав работников.

Основными способами защиты трудовых прав и законных интересов работников являются:

— государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства;

— защита трудовых прав работников профессиональными союзами;

— самозащита работниками трудовых прав”.

Последующие статьи раздела XIII развёрнуто описывают устройство и регламенты защиты трудовых прав работников, начиная от государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и кончая правовыми вопросами проведения забастовок.

Важная стадия вызревания и организованного постоянного давления на работодателя и на власти — уяснение работниками и профорганизациями своих прав и обязанностей властей и работодателя. С этого начинает нарастать уверенность трудящихся в себе и чувство человеческого и гражданского достоинства. А дальше требуется продумывание действий по защите своих законных прав и интересов, осуществление этих действий, извлечение уроков из многих промахов и поражений, из поспешных и нерешительных действий, из предательства лидеров и штрейкбрехеров, но и радость побед, и счастье солидарности, и счастье защищённого ею человеческого и гражданского достоинства.

Классовая борьба — дело нелёгкое, напряжённое, а в современных российских условиях нередко и опасное (участились случаи избиения, запугивания и убийства профсоюзных активистов). Но дело это — благородное, справедливое, настоящее. Справедлива мысль Ф. Энгельса: нет для трудящегося и эксплуатируемого иного способа остаться Человеком, не опуститься до положения рабочей скотины, кроме как активное и постоянное, солидарное участие в классовой борьбе.

3. Самозащита социально-трудовых прав и интересов

Коварство нового ТК РФ. В Трудовом Кодексе РФ самозащита работниками трудовых прав названа в числе основных способов защиты трудовых прав и законных интересов. Содержательному описанию самозащиты посвящена целая глава 59[171].

Содержание главы вызывает недоумение: почему закон выгораживает для самозащиты такое малое пространство? Получается, что вся самозащита сводится к отказам, да и то в пределах, предусмотренных (ограниченных) федеральными законами. Почему в самозащиту не вошли претензии к работодателю, предложения и требования по улучшению условий индивидуального трудового договора, по улучшению условий труда и т.п.? Сто лет

---

[171] ***Глава короткая, поэтому приводим её полностью:***

“Глава 59. Самозащита работниками трудовых прав

Статья 379. Формы самозащиты

В целях самозащиты трудовых прав работник может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. На время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные настоящим Кодексом, иными законами и другими нормативными правовыми актами.

Статья 380. Обязанность работодателя не препятствовать работникам в осуществлении самозащиты

Работодатель, представители работодателя не имеют права препятствовать работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав. Преследование работников за использование ими допустимых законодательством способов самозащиты трудовых прав запрещается”.

назад русские рабочие требовали, например, от администрации вежливого обращения. Хамство администрации (которого и ныне сколько угодно) *непосредственно* не угрожает жизни и здоровью рабочего. Оно унижает человеческое достоинство трудящегося. Если хамство творится на улице — одно дело. Но если хамит и унижает начальник, мастер, охранник — это нарушение именно трудовых прав работника. ТК РФ не предусматривает самозащиты от унижения человеческого достоинства работника администрацией. А стало быть, можно и преследовать работника за отстаивание своего человеческого достоинства в отношениях с начальством или мелкой сошкой из администрации (эта мелкая сошка из администрации обычно хамит и унижает работника больше любого начальника). Ну как же, возразят, почему же можно преследовать, кто это сказал? ТК РФ написал. Вот, пожалуйста:

"Преследование работников за использование ими ***допустимых законодательством*** способов самозащиты трудовых прав запрещается".

Самозащита человеческого достоинства ***не предусмотрена*** главой 59 ТК РФ. А ***допускает*** её законодательство или нет — бог весть. Поэтому остаётся открытым вопрос, запрещает ТК РФ или не запрещает администрации преследовать работника за отстаивание своего человеческого достоинства. Допустим, за решительный отказ выполнять указание начальника, сделанное в грубой или, тем более, в оскорбительной форме.

На АвтоВАЗе был случай. Штамповщица Перова Анна Ильинична возмутилась хамским отношением охраны на проходной, оскорбительной подозрительностью и бесцеремонностью осмотра личных вещей. Это была акция самозащиты именно трудовых прав работника. Охрана задержала её на несколько часов. Администрация не предприняла ничего в ответ на эту акцию самозащиты. Только решительная и солидарная защита профсоюза поставила охрану и администрацию на место.

Вопрос самозащиты человеческого достоинства — это один из примеров. На производстве есть много и других поводов для обоснованных актов самозащиты. Поэтому посмотрим на проблему самозащиты с более общих позиций, нежели смотрели на неё составители ТК РФ и голосовавшие за него депутаты и "сенаторы".

Самозащита трудящихся — это область не столько гражданских прав, сколько гражданских свобод. Оттолкнёмся от толком не объяснённого, но употреблённого в ТК РФ понятия "использование работниками ***допустимых законодательством*** способов самозащиты трудовых прав". Допустимое, если по точному смыслу, совсем не то же самое, что упомянутое в законе. "Что законом не запрещено — то дозволено" — это принцип демократического (запретительного) права. В разрешительном (недемократическом) праве на каждое действие надо иметь разрешение, то ли записанное в законе, то ли в приказе, то ли в справке с печатью, то ли в решении партбюро правящей партии режима. При запретительном (демократическом) праве необходимо и достаточно знать только запреты, записанные в законе. Не нарушай этих (подчёркиваем, не чьих-то, а лишь государственных законодательных) запретов — и ты в пространстве дозволенного, допустимого законодательством.

Полагаем, что именно так следует трактовать статью 380 ТК РФ. В законе нет запретов на какие-либо формы самозащиты работниками трудовых прав. Значит, все формы самозащиты следует относить к допустимым законодательством. Значит, "преследование работников за использование ими допустимых законодательством способов самозащиты трудовых прав запрещается".

Видимо, так рассуждали авиадиспетчеры, голодавшие в 2002 г. в порядке самозащиты и выигравшие коллективный трудовой конфликт. Бастовать им запрещено законом, а голодать пока не запрещено. Принуждать голодать в знак протеста запрещено, а самим использовать способ, непосредственно угрожающий жизни и здоровью, не запрещено. Однако авиадиспетчеры были привлечены к суду за голодовку.

Это не казуистика и не выкрутасы. Это реальная необходимость обживания предоставляемого обществом правового пространства. Если бы рабочее демократическое движение было мощнее и влиятельнее, то власти и работодатели не рискнули бы преследовать за акции самозащиты трудовых прав. Пока классовая солидарность практически отсутствует, приходится защищаться гражданскими правами и свободами, зафиксированными в законах и кодексах, писаных не в интересах работников, а в интересах работодателей.

Правовая система нынешней России существует, конечно, больше на бумаге, чем в жизни. Она оживает и более или менее начинает действовать, если это надо властям или капиталу. Если надо трудящимся, её заклинивает. Но вот что важно:

1) нынешняя правовая система России скопирована с западной буржуазной демократии, скопирована “на вырост”. В этой правовой системе учтён опыт двухсотлетней классовой борьбы труда и капитала;

2) опыт этот отлился в систему гражданских взаимоотношений, при которой самозащита трудящихся в обществе — не эпизодический факт, не разовая акция, не всплеск, не моментная реакция трудящихся на кризисно острую несправедливость и непосильную тяжесть, а образ жизни наёмных работников в условиях капитализма.

Важнее всего — **регулярность, систематический характер самозащиты трудящихся в обществе.** Без этого невозможно эффективное сопротивление трудящихся несправедливостям любой капиталистической системы, будь она бандитской или социально-партнёрской.

В период шоковых реформ (начиная с 1992 г) трудящиеся России освоили немало в деле защиты своих прав и интересов. Прежде всего научились пользоваться законами, судами, коллективными договорами, переговорами с администрацией. Это очень важно. Но недостаточно. Выиграны тысячи судебных процессов, но их исполнение, как правило, было крайне затруднено. Государство издаёт и издаёт законы, но не торопится наладить механизмы их применения. Где, например, специализированные трудовые суды? Без них просто невозможен цивилизованный рынок труда. Его и нет. Множество и других проблем упирается в нежелание государства обустроить социально-трудовую сферу как сферу верховенства закона, как сферу безусловного правопорядка.

Переломить сознательное нежелание государства полностью, как предписывает Конституция, исполнять свои обязанности по обеспечению социально-трудовых прав и свобод можно только одним способом — давлением на государство снизу. Вот этот психологический барьер — осознание необходимости постоянного и нарастающего давления на государство со стороны трудящихся — всё никак не даётся нашему народу. Давления снизу нет, если не считать немногих забастовок, пикетов, голодовок, иных протестных действий. Практически не принимает участия в давлении на власти молодёжь.

Трудовой народ капитулировал перед реформаторами. Будем надеяться, не окончательно. Если всё же давление снизу станет усиливаться, то в дополнение к правозащитной деятельности резко вырастёт самозащитная деятельность, основанная не только и не столько на правах, но прежде всего на гражданских свободах. Практическое освоение гражданских свобод, обретение эффективного пользования ими как политическим ресурсом — это и есть освоение демократии, это и есть реальное превращение трудящихся в свободных людей.

Я не разворачиваю рассмотрение способов самозащиты трудящимися своего социально-трудового положения. Они разнообразны: от простейших и осуществляемых в одиночку до солидарной самозащиты от отдельных конкретных рисков, до классово организованных форм самозащиты трудящихся в обществе (профсоюзы, профессионально-политические союзы, общественно-политические организации и партии трудящихся).

Оставляю без рассмотрения и современное состояние и перспективы самозащиты трудящихся. Эти во-

просы рассмотрены в одной из наших совместных с Б.В.Ракитским публикаций[172].

Категории “социальные риски”, “социальная защита”, “социальная защищённость” широко вошли в российскую общественную науку в 1990- годы. Они получили в эти годы заметное системное социально-экономическое обоснование, прежде всего в части выявления социальной сущности. Однако они всё ещё требуют основательного развития, по крайней мере, в следующих отношениях.

Первое. Вычленение социальных рисков как рисков социального происхождения и защиты от рисков социального происхождения было крупным теоретическим продвижением, но на уровне *логической (сущностной) структуры* рисковых отношений. Но отношения рисков включают разнообразные риски, а не только те, в происхождении (в природе) которых доминируют факторы общественного устройства.

Существование рисков с доминированием иных факторов (природные, техногенные, непредсказуемые и предсказуемые опасности, случайные существенные отклонения, внешние для данного общества обстоятельства и др.) осложняет осознание системы социальной защиты, ибо и собственно социальные, и иные риски происходят в обществе и с людьми, жизнедеятельность которых всегда общественна (социальна). Социальная сторона (социальная составляющая) есть у любых рисков, касающихся реальной жизни людей. Так что разграничение социальных рисков и иных рисков *на логическом (сущностном)* уровне не снимает вопроса, а предполагает вопрос о конкретизации (и “инструментализации”) научных представлений о системе рисковых отношений и их “социального измерения”.

Второе. Требуется существенное уточнение понятий “социальный риск”, “социальная защита”, “социальная защищённость” со стороны объектов, которые охватываются этими понятиями. По моим представлениям, адекватным объектом таких понятий являются социальные ансамбли (социально-классовые группы, социальные общности; социально-демографические, социально-профессиональные группы и т.п.), а не отдельные (единичные) люди и граждане. Это не значит, что перечисленные понятия не касаются отдельных конкретных людей. Это означает просто, что эти понятия применимы к конкретным людям лишь в их социально-групповых (социально-общностных) ипостасях.

Третье. Реальное общественное развитие включает не только устойчиво воспроизводимые состояния общества (формационные состояния), но и революции, и переходные состояния, и деформации. На таких необычных стадиях “социальная составляющая” любых рисков ведёт себя нестандартно. Вполне возможно, что она в необычных общественных условиях становится доминирующей, так что *обычно несоциальный риск превращается в несомненно социальный.* Современное переходное российское общество дало богатый материал для такого развития теории социальных рисков и социальной защиты.

Глубокое теоретическое исследование всех этих вопросов ещё предстоит. Но обозначить его необходимость (по крайней мере, по трём названным направлениям) нужно, чтобы имеющаяся теория социальных рисков, социальной защиты и социальной защищённости не была утрачена и отброшена из-за невыстроенности всех необходимых конкретизирующих переходов от неё к уровню реальной социально-защитительной практики.

---

[172] Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Социальная защита и самозащита труда. Часть вторая. Система социальной защиты и способы социальной самозащиты // Трудовая демократия. Вып. 45. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2002.

Глава 13
Взаимоотношения работников и работодателей в современной России: противоборство идей и реальных тенденций (1987 – 2002 гг.)

В пределах современной переходной эпохи в России (с конца 1980-х гг.) в идейной и практической борьбе по поводу характера отношений между работниками и работодателями правомерно выделить три разных периода. Они отличаются друг от друга как по основному содержанию представлений и требований, так и по главным противоборствующим социальным силам.

1. Предреволюционная и революционная ситуация (1987-1991 гг.)

В этот период идейная и практическая борьба по поводу преобразования отношений между работниками и работодателями не выделялась как самостоятельный фронт борьбы. Она была включена в общедемократическую борьбу против всевластия тоталитарного государства, произвола номенклатурной (и особенно номенклатурно-партийной) администрации. Сама формула *"работник – работодатель"* приобрела актуальность позже, а в течение первого периода стороны социально-трудовых отношений обозначались по преимуществу в таких понятиях, как *"трудящиеся – государство", "рабочие – администрация", "трудовой коллектив – директор"* и т.п.

Расхождения в представлениях о демократии и свободе в социально-трудовой сфере воспринимались в первые годы политической активизации как фактор, мешающий консолидации демократических сил, и до поры до времени находились как бы на заднем плане общественного сознания. Однако с самого начала общедемократической борьбы состав идей и требований, касающихся перемен в отношениях между *трудящимися* (рабочими, трудовым коллективом, рядовыми работниками) и *государством*, между *трудящимися* и *администрацией предприятий,* был более или менее последовательной проекцией на социально-трудовую сферу существенно разных течений в концептуальном сознании. Эти течения выражали интересы разных социальных сил, противоположность которых отчётливо проявилась позже, в период революционно-шоковых реформ новой власти.

Одно из течений выражало интересы претендентов на роль частных собственников-капиталистов, капиталистических предпринимателей. Существенно важным фактором, повлиявшим в дальнейшем на характер преобразований в социально-трудовой сфере (и в целом – на исторический выбор России в пользу капиталистического строя), была позиция значительной части зарождающегося нового профсоюзного движения. Она сформировалась под влиянием "внесённой" в движение силами, в общем-то, горстки отечественных учёных либерально-западной ориентации идеи о необходимости "приобщения страны к цивилизованному западному миру" (идея эта была и остаётся до сих пор "руководящей" в отечественном либерализме). Применительно к социально-трудовым отношениям это означало, что для улучшения положения трудящихся (и материального, и становления демократических форм жизнедеятельности) необходимо возникновение так называемых "эффективных", "цивилизованных" частных собственников, которые наладят производство, будут платить работникам хорошую зарплату и позаботятся к тому же о защите гражданских прав и свобод трудящихся, ибо, как представлялось нашим романтикам-либералам, капиталистическим предпринимателям демократия нужна позарез. Уровень социальных претензий трудящихся, соответствующий такой политической ориентации, выражался формулой: *"Пусть эксплуатируют, лишь бы хорошо платили".*

Второе течение выражало интересы претендентов на роль трудящихся-сохозяев (совладельцев) предприятий. С переходом государственных предприятий в *коллективную собственность работников* связывалась

возможность преодолеть отчуждение трудящихся от управления предприятиями, от результатов производства и даже возможность исключить эксплуатацию из жизни общества, если коллективная собственность станет господствующим хозяйственным укладом. Взаимоотношения между работниками и работодателями представлялись как выполнение функций работодателя администрацией, работающей по поручению и под контролем коллектива.

Сторонники самоуправления трудящихся на основе коллективной собственности грешили по меньшей мере недооценкой политических предпосылок такого коренного общественного преобразования, как преодоление эксплуататорских отношений. Недооценкой таких предпосылок, как изменение типа государства, характера политической власти в обществе, государственная поддержка становления и функционирования социализированных и, тем более, неэксплуататорских отношений в коллективном секторе.

В качестве опоры отечественным сторонникам самоуправления на базе коллективной собственности служила довольно-таки скудная, из вторых рук и подчас весьма искажённая информация (искажённая и в сторону идеализации, и в сторону дискредитации) о зарубежном опыте возникновения и функционирования предприятий с собственностью работников (в частности, американской системы ЭСОП, Мондрагонской кооперативной корпорации в Испании и др.).

Третье течение стояло на позициях *демократической (точнее, буржуазно-демократической) реформы собственности,* которая, как представлялось, должна была начинаться с передачи государственных предприятий в управление трудовых коллективов (полное хозяйственное ведение трудовых коллективов, по терминологии тогдашних законов) и продолжаться как дальнейшее преобразование форм собственности на добровольной для трудящихся основе, а не при помощи навязывания им той или иной формы. Центральным моментом этой концепции была именно *добровольность* выбора каждым коллективом подходящей ему формы собственности (государственной или негосударственной, коллективно-долевой или коллективно-неделимой, частной с акционированием или какой-либо другой).

Сторонники такой реформы были убеждены, что в результате её осуществления возникли бы разнообразные формы собственности и хозяйствования (как социализированного, так и капиталистического типа) и что их соперничество в условиях общей демократической обстановки в стране привело бы к утверждению наиболее эффективного уклада в качестве основного, доминирующего.

С добровольностью выбора коллективами формы собственности и хозяйствования связывалась возможность реализации и такого варианта будущего, в котором была бы устранена эксплуатация труда. Это был бы кардинально новый (для человечества, а не только для России) тип социально-трудовых отношений, в том числе отношений между социальными фигурами работника и работодателя.

Представления, относящиеся ко второму и третьему течениям, — о развитии производственной демократии в формах привлечения к управлению трудящихся, рабочих, расширения прав трудовых коллективов, выборности руководителей, заключения контрактов между трудовым коллективом и нанимаемой им администрацией и т.п. — все эти представления и их весьма немногочисленные последовательные сторонники в научных и политических кругах не нашли ни в 1987-1989 гг., ни позже опоры в устойчивых массовых движениях. Более того. И в новом профсоюзном движении, и в руководстве старых профсоюзов преобладало настороженное отношение к идеям производственной демократии и, особенно, коллективной собственности.

Настороженное отношение проистекало из опасений, что фактически от имени трудового коллектива будет выступать прежняя администрация с её “менталитетом” командования, произвола и т.п. Оно проистекало и из опасений, что профсоюзы как представители работников пе-

ред работодателем станут вообще не нужны, если предприятия перейдут в собственность или в управление трудовых коллективов. Второй аргумент был решающим среди тех, что противодействовали формированию единых позиций профсоюзов и сторонников производственной демократии в вопросах реформирования социально-трудовых отношений. Существенную, если не главную роль в том, что профсоюзы занимали позицию *против* производственной демократии, сыграли отечественные учёные и политики либерально-западной ориентации. Они, безусловно, *сознательно старались замолчать или исказить зарубежный опыт,* свидетельствующий о необходимости механизмов профсоюзной (по функциям) защиты работников при любых формах собственности.

Реальные попытки демократизации производства были выхолощены, а новые формы приспособлены к нуждам всё ещё прочной старой системы. События в стране разворачивались по сценарию общедемократической революции, главными направлениями которой были борьба республик с имперским центром и борьба с монополией номенклатуры КПСС на власть.

В этих условиях проблемы: как изменить собственно трудовые отношения, как защитить трудовые права, чем заменить казарменную организацию труда и пр., хотя и обсуждались в профсоюзных кругах, на научных конференциях и в специальной литературе, но в целом были на периферии общественного внимания. Они переместились ближе к его центру с началом шахтёрских забастовок (лето 1989 г.) и выдвинулись на передний план в 1990 г. в связи с разработкой и попытками осуществления программ перехода к рынку.

И тут обнаружилось, что демократическое политическое движение, основной костяк которого составляла в 1987-1989 гг. разночинная интеллигенция и которое развивалось, мало пересекаясь с рабочим движением и в отрыве от реальных проблем жизнедеятельности трудовых коллективов, породило и несёт в себе ценности и установки, ориентированные на лишение трудящихся перспектив

на власть в обществе и в хозяйстве. Проблему: *чем заменить казарменную организацию труда?* — большинство участников демократического движения решило для себя в пользу предпринимательства, основанного на капиталистической (причём, на индивидуальной и групповой, а не государственной) собственности. При этом эксплуатация наёмного труда частным собственником либо вообще отрицалась, либо воспринималась как “естественная”, “вечная”, в принципе неустранимая. Состав и либеральных, и социал-демократических представлений о взаимоотношениях труда и капитала был “внесён” в российское общественное сознание (в том числе в научное сознание) в своих *наиболее примитивных или же в наиболее циничных формах*.

Прежние, казалось бы, несущественные расхождения переросли в идеологическое размежевание. Все вроде бы говорили о необходимости ликвидировать отчуждение трудящихся от собственности, от результатов труда. Но постепенно прояснилось, что демократия применительно к хозяйству, производству, труду понимается поразному людьми, ориентированными на интересы и устремления разных социальных групп, разных каст и сословий разлагающейся тоталитарной системы. Доминирующей установкой в демократически ориентированной части научного и политического сознания была установка на отказ от “коммунистической утопии”, на необходимость перенесения на отечественную почву ценностей и социальных механизмов западной демократии как единственно возможного антипода казарменному строю, сложившемуся в СССР.

Эта установка сформировала основные черты того типа научного и политического сознания, который преобладал к моменту августовского (1991 г.) политического переворота:

а) восприятие взаимоотношений между трудом и капиталом, сложившихся в период “золотого тридцатилетия” в нескольких развитых странах Западной Европы, как

нормальных, обычных для любой капиталистической страны;

б) сознательное или же неосознанное игнорирование реальных трудностей, проблем, противоречий, стоящих на пути реализации такой “цивилизованной” модели вообще и в России, в частности;

в) вульгаризированные (упрощённые) представления о содержании и путях становления социального партнёрства между работниками и работодателями в капиталистическом обществе;

г) сознательное отторжение, замалчивание, искажение (в лучшем случае – игнорирование в силу малознания) зарубежного опыта участия трудящихся в собственности, прибыли и управлении предприятиями — не только европейского, но опыта и США, и Японии.

В условиях такого состояния общественного сознания новая российская власть, не столкнувшись со сколько-нибудь существенным сопротивлением трудящихся, буквально за несколько месяцев (в 1992 г.) изменила ситуацию таким образом, что проблема формирования новых взаимоотношений между работниками и работодателями приобрела принципиально иной по сравнению с прежним смысл.

2. Период шоковых реформ и закрепления их социальных итогов (1992-1999 гг.)

С формальной точки зрения начало второго периода — Указ Президента РСФСР Б.Ельцина от 15 ноября 1991 г. “О социальном партнёрстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)”. Последовавшие затем указы, законы, а также организационные нововведения (создание Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и др.) создали вполне приличную институциональную основу для развития взаимоотношений между наёмными работниками и работодателями по типу социального партнёрства. Эта база была сформирована реформаторами в предположении,

что форсированная приватизация и последствия так называемой “либерализации” цен вызовут недовольство и сопротивление трудящихся, а использование испытанных в Европе механизмов социального партнёрства поможет смягчить противоречия, предупредить острые социальные конфликты.

Идея развития социального партнёрства, *целиком заимствованная с Запада*, причудливым образом соединялась в умах либерал-реформаторов с замыслами обеспечить первоначальное накопление капитала в первую очередь и в основном за счёт трудящихся в обстановке фактического введения моратория на правопорядок. Чего здесь было больше — *сознательной демагогии, сознательной вульгаризации или же некомпетентности,* — это теперь не так уж и важно. Важно, что общественное сознание несколько лет билось над одной и той же проблемой: *есть в России социальное партнёрство или его в России нет, созданы или не созданы в России условия для социально-партнёрских отношений между работниками и работодателями.*

Идеологи социального партнёрства для России, выступавшие от имени науки и (в профсоюзах) от имени трудящихся заявляли или же действительно считали, что новые частные хозяева станут ответственными партнёрами наёмных работников, с которыми работники смогут вступать в договорные отношения, соответствующие “нормальной” рыночной экономике. Отмечалось, что государственные органы не являются такими ответственными партнёрами, что они не выполняют в должной мере функции стороны, которая, представляя интересы собственника, принимает на себя обязательства перед работниками и отвечает по ним.

За образец социального партнёрства принимались отношения, сложившиеся в ряде развитых капиталистических стран (ФРГ, Швеция и др.), в которых реализована модель буржуазной политической демократии и капиталистического социального рыночного хозяйства. Но при этом упускалось из виду, что достаточно высокая степень со-

циальной защищённости трудящихся в этих странах и обеспечивающие её механизмы взаимодействия работников, работодателей и государства вовсе не являются автоматическим, так сказать, "естественным" (закономерным) следствием капиталистической организации хозяйства. Напротив, они сложились в результате стечения ряда специфических конкретно-исторических обстоятельств, в том числе и прежде всего — в результате длительной классовой борьбы, как завоевания рабочего и профсоюзного движения. Не принимались во внимание предупреждения учёных и политиков народно-демократической ориентации о том, что далеко не во всех странах "цивилизованные" капиталисты являются обычной социальной фигурой, а партнёрские отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми — скорее исключение, чем правило для современного мира.

Восприятие идей социального партнёрства российским общественным сознанием как заведомо пригодных для России – один из наиболее ярких примеров *некритического отношения* к чужому опыту. Но это верно только для тех случаев, когда ратующие за социальное партнёрство в России действительно не способны осознать несовместимость социального партнёрства с условиями шоковых реформ и дрейфом России в сторону периферийно-колониального капитализма с криминальным уклоном.

Довольно широко распространены представления, что социальное партнёрство в России уже складывается, что появились существенные элементы социального партнёрства. Приводятся аргументы: работает Российская трёхсторонняя комиссия, заключаются Генеральное и другие соглашения, коллективные договоры на предприятиях, во многих субъектах Федерации приняты законы о социальном партнёрстве, не хватает для полной картины кое-каких малостей (в частности, не было закона об объединениях работодателей, но теперь и он принят).

Такие аргументы – от формального подхода к делу, а не от осмысления ситуации по существу. История не знает и, видимо, не даст примеров социального партнёрства в условиях, подобных современной переходной эпохе в России.

Если же несовместимость отношений социального партнёрства с российскими современными условиями осознана, то тогда призывы к социальному партнёрству и разговоры о появлении его “элементов” — откровенная демагогия, проистекающая из вполне определённой социально-политической позиции.

Социальное партнёрство – специфический тип классовых взаимоотношений в условиях относительного равновесия социальных сил. Социальное партнёрство не отменяет классовую борьбу, не гармонизирует интересы эксплуататоров и эксплуатируемых. Социал-партнёрские взаимодействия – это *классовая борьба, введённая в определённые рамки.*

Капиталистическому классу система социального партнёрства позволяет удерживать классовую борьбу трудящихся в рамках нерадикальной стратегии. Она позволяет защитить, сохранить специфику строя при помощи принуждения всех и каждого капиталистического предпринимателя к соблюдению определённых норм и правил в их взаимоотношениях с трудящимися.

Трудящимся система социального партнёрства позволяет иметь устойчивую защищённость от социальных рисков, порождаемых буржуазно-демократическим обществом и капиталистической экономикой. Социальная цена такой защищённости — отказ трудящихся от радикальной (по целям) классовой борьбы, то есть отказ от стратегии борьбы за коренное переустройство общества на неэксплуататорских началах.

Социальное партнёрство позволяет на более или менее длительный срок смягчать социальные противоречия, предупреждать их обострение до степени социальных взрывов. Оно позволяет достигать и поддерживать взаимоприемлемые временные компромиссы между эксплуатируемыми трудящимися и капиталом. Эти взаимоприемлемые временные компромиссы предполагают *не только формальное равноправие, но и равносильность взаимо-*

действующих классов. В противном случае институты социального партнёрства приобретают ***декларативный, формальный характер, что, собственно, и имеет место в России.*** **Р**еальное содержание институтов социального партнёрства в России (в частности, содержание коллективных договоров) фиксирует не взаимоприемлемые компромиссы, а перевес сил и интересов капиталистического класса.

Социальное партнёрство не может сложиться в условиях отсутствия классово независимых профсоюзов, организованно представляющих работников в их взаимоотношениях с работодателями. У нас же самый крупное профсоюзное объединение — Федерация независимых профсоюзов России, в которой продолжают числиться около 40 млн. человек, сохраняет (в порядке наследства от прежнего тоталитарного строя) корпоративный характер. ФНПР объединяет и эксплуатируемых работников, и администрацию, представляющую на предприятиях интересы собственников, капитала.

Социальное партнёрство требует совершенно иной позиции, иной политики государства и иного “менталитета” работодателей. У нас же призывают работников “войти в положение” администрации или правительства, вынуждают их поступаться элементарными трудовыми правами вплоть до права получать заработную плату, не говоря уже о праве на достойную оплату труда. Трудящиеся пока ещё не способны организовать действенное сопротивление, “надавить” на работодателей, правительство и законодателей с тем, чтобы принудить их к социальному партнёрству не на словах, а на деле.

Критически оценивая идеологию и зарубежную практику социального партнёрства с точки зрения её перспектив в России, нельзя упускать из виду новейшие тенденции трансформации социально-трудовых отношений в связи с глобализацией капитализма. В России эти тенденции проявились весьма отчётливо сразу же с шоковым началом глобализационных реформ.

В ходе реформ постановка проблемы "цивилизованных" собственников и развития новых социально-тру-довых отношений видоизменялась, поскольку реформы не только не сформировали таких собственников, но даже не вносили полную ясность в вопросы о том, кто является реальным собственником, как отличить собственника от работодателя, от кого требовать партнёрских взаимоотно-шений.

Приведу краткий (обобщённый) перечень конкретных социальных проблем и требований, которые в период проведения шоковых реформ и закрепления их итогов были осознаны как актуальные претендентами на роль наёмных работников у частных собственников-капиталистов или капиталистического государства:

а) создание действенных правоохранительных механизмов для преодоления массовых нарушений законных социальных и трудовых прав трудящихся и профсоюзов и прежде всего — массовых нарушений элементарного права на своевременное получение заработной платы, превращающих труд в принудительный и полубесплатный;

б) пресечение явной тенденции к принятию антирабочих и антипрофсоюзных правовых норм; совершенствование правовой базы социально-трудовых отношений при сохранении благоприятных для работников прежних правовых норм (прежде всего благоприятных для работников норм КЗоТ) и при соблюдении как минимум международных норм в области трудовых прав и прав профсоюзов;

в) повышение реальной ответственности собственников, работодателей, государственных органов за нарушение законных прав и интересов работников и профсоюзов, за невыполнение обязательств, зафиксированных в соглашениях и коллективных договорах;

г) осуществление структурной перестройки экономики на условиях и способами, предотвращающими возникновение массовой устойчивой безработицы;

д) повышение гарантированной государством минимальной оплаты труда, пенсий, пособий, стипендий до уровня минимального потребительского бюджета (в более мягком варианте – до уровня прожиточного минимума) — с учётом роста реальной стоимости жизни, замещения сис-

темы бесплатного предоставления социальных услуг населению платной системой, роста стоимости жилья и пр.; разумное сочетание платности и бесплатности социальных услуг;

е) разработка и осуществление комплекса мер против ухудшения условий и охраны труда, в том числе повышение реальной ответственности собственников и администрации предприятий, всех должностных лиц за безопасные условия труда, нормальную работу систем жизнеобеспечения населения, экологическую безопасность;

ж) развитие (при поддержке государства) механизмов контроля со стороны работников, их представительных органов, профсоюзов за финансово-экономическим состоянием и деятельностью предприятий любых форм собственности; радикальное улучшение работы правоохранительных органов для пресечения тенденции перехода предприятий под контроль мафиозных структур, для преодоления экономической преступности, коррупции, финансовых махинаций администрации и новых собственников;

з) существенное облегчение для работников предприятий предварительных процедур, обеспечивающих законность любых форм организованного мирного протеста при отстаивании ими своих прав и интересов, в том числе законность забастовок солидарности и забастовок с политическими требованиями.

Мера радикальности конкретных требований к работодателям (государству, частным собственникам, администрации предприятий) со стороны согласных на роль наёмных эксплуатируемых работников вытекала из того, что претенденты на такую социальную роль не замахиваются на преодоление эксплуатации как на стратегическую цель рабочего класса и рабочего движения[173]. В главном и

[173] Вообще-то традиционный для русского языка термин "рабочий класс" сегодня в контекстах, подобных нашему, целесообразно видоизменить и говорить о "работническом классе", то есть о более широком круге наёмных эксплуатируемых работников, чем собственно рабочие.

в целом взгляды и практическая борьба этой социальной группы предполагает внесение в российский капитализм элементов, обеспечивающих изменение направленности развития в сторону становления социальной рыночной экономики и правового буржуазно-демократического государства.

3. Послеельцинский период так называемой государственной модернизации (2000-2002 гг.)

Перемены в общественном восприятии проблемы взаимоотношений работников и работодателей по сравнению с предыдущей стадией следует обсуждать в контексте обозначенных главой государства В.В.Путиным изменений в социально-экономическом курсе, в социальной политике и с учётом того, что к реализации этого курса (на уровне выработки программных и организационно-институциональных решений) Правительство приступило. Первое, в чём следовало бы в связи с этим разобраться, — а каковы, собственно, особенности заявленного курса, чем он отличается от прежней линии?

В научных и профсоюзных кругах в последнее время активно обсуждается вопрос о соответствии нового курса, программных правительственных решений конституционному определению России как социального государства. Констатируется и аргументируется несоответствие этого курса социальному государству. Это, без сомнения, правильная оценка. Невозможно противопоставить ей какие-либо серьёзные доказательства обратного. Но имеет ли смысл направлять пафос научно-критического анализа в первую очередь и в основном на то, чтобы доказывать, разъяснять очевидное? Тем более разъяснять это тем властным структурам, которые открыто настаивают на отказе от идеи реализации в России принципов социального государства.

В Посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ нет ни слова о социальном государстве, о со-

циально ориентированной экономике, когда речь идёт о стратегических установках государства. То же самое — в "Основных направлениях социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу" (так называемой "программе Грефа"). Напротив, в этой программе политика модернизации ясно противопоставлена курсу на социальное государство. Провозглашается иная политика, суть которой — целенаправленное ограничение функций и ответственности государства в сфере формирования условий жизнедеятельности населения, произвольное установление приоритетов социальной политики. Обоснованием необходимости такой политики служит расплывчатая и декларативная формула "ограниченных финансовых возможностей". Именно поэтому бессмысленными выглядят "разоблачения" Президента и Правительства. Да, заявленный курс не соответствует социальному государству. Это не скрывается, не маскируется. Президент и Правительство сознательно взяли курс на сужение социальных гарантий (их круга, объёма, масштаба охвата населения), а не на формирование такой системы гарантий, необходимость и эффективность которой обосновывалась бы социальными критериями. При этом открыто признаётся, что не на общество, не на государство, а в первую очередь и в основном на собственные силы должен опираться человек, чтобы обеспечить устойчивость своего социально-экономического положения, улучшить его, защититься от социальных рисков. "Каждый сам в ответе за свое счастье или несчастье" — так обычно характеризуют суть этой модели социальной политики.

Тенденция к отказу от демагогической маскировки реальной социальной политики — новый момент по сравнению с предыдущим периодом. Шоковые реформы начались в России с Указов Президента о социальном партнёрстве. И затем в течение восьми лет разговорами о создании и совершенствовании системы социального партнёрства прикрывалась фактически противоположная практика. Критики ельцинских реформ потратили много сил на

разъяснение и доказательство того, что в России на самом деле нет социального партнёрства, социального государства, социальной рыночной экономики.

В связи с тенденцией к отказу президентско-правительственных структур от демагогической маскировки реальной государственной социальной политики, вполне логичны такие перемены на институциональном уровне, как либерализация социального, в том числе и в первую очередь трудового законодательства. Вполне логично ожидать и попыток корректировки Конституции РФ в той части, где речь идёт о социальном государстве, чтобы не было больше законных оснований для критики расхождений фактической государственной политики с действующей Конституцией.

Последовательная линия президентско-правительственных структур на принятие Трудового кодекса, расходящегося с принципами социального государства, социального партнёрства, была очевидной[174]. Эта линия полностью соответствует тем обязательствам по реформе рынка труда, которые были включены в “Меморандум Правительства РФ и Центрального Банка о политике экономической и финансовой стабилизации” от 16 июля 1998 г. (эти обязательства я привела выше в главе 12).

"Старый КЗоТ не соответствует требованиям рыночной экономики" — этот аргумент выдвигался в качестве главного в пользу правительственного проекта нового Трудового кодекса. При этом сторонники этого проекта уходили от серьёзного обсуждения вопроса о том, соответствует ли этот проект принципам *социальной* рыночной экономики.

Суть противоположной позиции, которая выкристаллизовалась в ходе борьбы по поводу изменения КЗоТ: *старый КЗоТ ни в коей мере не препятствует*

[174] “Пережитком” демагогической маскировки выглядит включение в новый Трудовой кодекс (введённый в действие с 1 февраля 2002 г.) специального раздела под названием “Социальное партнёрство в сфере труда”.

развитию рыночной экономики; старый КЗоТ затрудняет развитие рыночной экономики либерального типа. Признавалось, правда, что в наших условиях старый КЗоТ затруднял развитие по либеральному сценарию по преимуществу *формально*, поскольку не удавалось добиться его соблюдения. Он нарушался постоянно и в массовом масштабе.

Если оценивать более строго суть и терминологическую сторону дискуссий по поводу характера социально-трудовых (и шире – социальных) отношений в России, то придётся констатировать, что для их характеристики вообще-то ***не подходят*** такие определения, как *"социализированные"* (соответствующие социальному государству; “осторожному”, социально “укрощённому” капитализму) или *"либеральные"* (соответствующие жёсткому капитализму). Такая типизация социальных отношений правомерна, когда речь идёт о развитых капиталистических странах. И терминология, и обсуждаемые проблемы заимствованы из реальности развитых стран. Россия же отброшена глобализационными реформами в реальность периферийно-колониального капитализма. В современной России не сложились необходимые предпосылки для реального действия и закрепления социальных механизмов буржуазной демократии вообще и тем более буржуазно-демократического социального государства.

Буржуазная демократия и демократическое социальное государство — продукты социально-классовых взаимодействий, а не результат введения институциональных норм, законов, Конституций. Конечно, те или иные институциональные нормы облегчают или затрудняют действие демократических социальных механизмов, содействуют их реализации или осложняют её. Но реальная демократия и демократическое социальное государство — результат *масссовой* профсоюзной и политической, а не кулуарно-парламентской активности. В буржуазно-демократическом обществе параметры социального положения трудящихся складываются не по доброй воле правящих структур, а в ходе и в итоге социально-классовой борьбы.

Тенденция отхода европейских стран от модели социального государства, социальной рыночной экономики, обозначившаяся с середины 70-х годов, объясняется не только и не столько начавшимся экономическим кризисом, сколько кризисом рабочего, профсоюзного и традиционного левого политического движений. Это был кризис *институционально-субъектной обеспеченности* модели социального государства.

А у нас? Самым важным достижением, завоеванием четвёртой русской революции является то, что получили право на жизнь институты гражданского общества — разные идеологии, разные научные школы, различные независимые общественные и политические организации и движения. Однако сейчас, как и 10 лет назад, гражданское (многосубъектное) общество находится в России в зачаточном состоянии. Социальные субъекты, действующие на политической сцене, и в первую очередь те, кто выступает от имени трудящегося большинства населения, по большей части являются формальными, декоративными. За ними нет реальных массовых движений, а потому их деятельность слабо коррелирует с интересами тех социальных групп, на представительство интересов которых они претендуют. Это относится и к руководящим структурам профсоюзов, и политических партий, и к парламентским фракциям, и к органам власти субъектов Федерации.

Один из показательных в этом отношении примеров — позиция руководства ФНПР, озвученная, например, заместителем председателя ФНПР В.С.Гончаровым на Всероссийской научно-практической конференции “Реальная социальная политика в условиях государственной модернизации: опыт, проблемы, перспективы” (13-14 марта 2001 г). В выступлении было сказано: *профсоюзы не против главной идеи правительственной программы — идеи самофинансирования человека через труд; профсоюзы ее поддерживают; но в "программе Грефа" отсутствуют условия для реализации этой идеи — повышение доходов граждан.*

Другой, ещё более показательный пример — заверения руководителей ФНПР (представленные, например, во многих публикациях и выступлениях заместителя председателя ФНПР А.К.Исаева) в том, что *согласованный с ФНПР новый Трудовой кодекс будет содействовать развитию социального партнёрства работников и работодателей.* И это говорится о законе, который (!):

— существенно уменьшает права профсоюзов; отнимает у них, в частности, признанное международными нормами право на объявление забастовок;

— существенно расширяет права работодателей в области увольнения работников, заключения срочных контрактов;

— нарушает равноправие профсоюзов в области договорного регулирования социально-трудовых отношений, фактически обеспечивает монополию на заключение коллективных договоров и соглашений корпоративным профсоюзам, входящим в ФНПР.

Противоположная позиция (за сохранение благоприятных для трудящихся норм старого КЗоТ) была представлена в общественном сознании и в общественных движениях весьма слабо. Новые профсоюзы, выступившие против либерализации трудового законодательства, не имеют критической массы членства, достаточной для организации мощного сопротивления. К тому же они раскололись на поприще тактики и не смогли (и, видимо, не смогут в ближайшее время) противостоять наступлению на права трудящихся и профсоюзов.

Но если самый многочисленный из профсоюзов — ФНПР не противостоит такому наступлению, то кто же тогда в России способен отстоять курс на социальное государство?

Надо прямо сказать, что для социального рыночного хозяйства, для "осторожного" капитализма в современной России нет ничего, кроме статьи 7 Конституции РФ. Нет самого главного и решающего — организованность трудящихся, сила профсоюзов, претензии работников не достигают достаточного уровня

для того, чтобы принудить капиталистический класс к социальному поведению в духе социального партнёрства.

Да и не в одном капитале дело. Необходимость социального государства в России часто обосновывают утверждением, что принципы такого государства соответствуют "менталитету" бывших советских людей. Такое утверждение — очевидная путаница.

Демократическое социальное государство и тоталитарное социальное государство — совершенно разные типы государств, кардинально противоположные типы. Им соответствуют противоположные типы массового общественного сознания (разные "менталитеты").

Демократическое общество формирует активных граждан, способных к солидарным совместным действиям для отстаивания своих прав, свобод и интересов, своего человеческого достоинства. Только на этой основе можно на деле продвигаться к выполнению документально зафиксированной ценностной установке мирового сообщества на "достойное человека существование" каждого трудящегося.

Казарменное (тоталитарное) общество формирует социально разрозненных, политически пассивных людей, задавленных страхом репрессий, не способных к самоорганизации, к совместной борьбе. Характер массового общественного сознания, доставшегося России в наследство от СССР, позволил и позволяет практически беспрепятственно осуществлять глобализационные реформы.

Точно так же не имеет пока что шансов на реализацию в России и либеральная (либеральная для капиталистического класса) модель социально-трудовых отношений, подобная социально-трудовым отношениям в развитых странах с "жёстким" капитализмом. В самом деле, жёсткая либеральная модель социально-трудовых отношений, например, американского типа – это модель эффективной защиты трудящихся от социальных рисков с опорой на их собственные силы, а не на государственные социальные гарантии. Эта модель предполагает та-

кой уровень оплаты труда, который позволяет достойно жить и в трудоспособном возрасте, и в старости. Но в России нищенские (и по общепризнанным международным меркам, и в сравнении с положением в СССР) уровень доходов и уровень жизни. А сколько-нибудь массовые акции давления “снизу” на власть происходили до сих пор отнюдь не под лозунгами обеспечения занятости и достойной оплаты труда.

Слабость негосударственных субъектов социальной политики, зачаточное состояние гражданского общества, слабость профсоюзного и политического движений трудящихся — вот главные причины отсутствия в России системы социальной защиты населения по типу развитых капиталистических стран (системы защиты как либерального, так и социализированного типов). Общественное сознание только ещё приступает к освоению этого обстоятельства.

“Шоковое” начало глобализационных реформ, пере-ведя население в режим выживания, существенно затор-мозило прогрессивную трансформацию массового обще-ственного сознания и социального поведения трудящихся. Современное состояние массового общественного со-знания – важнейший фактор, затрудняющий становление демократического общества, демократического государства, тем более — демократического социального государства.

Капитал в современной России живёт и укрепляется без социального партнёрства. ***Наиболее характерные черты классовых взаимоотношений в России – диктат работодателей, систематическое ущемление интересов и законных прав наёмных работников, неисполнение государством своих конституционных обязанностей.***

Когда руководители предприятий, представители профкомов предприятий заверяют с трибун, что на их предприятиях сложилось социальное партнёрство, то это следует воспринимать лишь как образное выражение. За такими заверениями может сегодня стоять всё что угодно,

но только не социальное партнёрство как специфический тип взаимоотношений между классами. Чаще всего на деле речь идёт о ситуации одного из двух типов:

а) либо о “партнерских” отношениях между *профкомом и руководством предприятия.* В основе таких отношений обычно лежит слабость профсоюза и (как следствие) — соглашательское поведение профкома, его готовность “входить” в положение администрации в ущерб интересам работников якобы во имя “выживания” предприятия, а на деле — для сохранения и укрепления своих личных позиций на предприятии;

б) либо о стратегии руководства предприятия *по мобилизации социальных факторов* экономической эффективности и конкурентоспособности предприятия.

Применительно ко второй ситуации можно спросить: а что в этом плохого? Какая разница для работника, почему ему повышают зарплату, улучшают условия труда и пр.? Пусть к нему относятся не как к партнёру, а как к социальному фактору эффективности, как к человеческому ресурсу. Пусть (как размышляли на рубеже 1980-1990-х годов, к примеру, в руководстве Независимого профсоюза горняков) эксплуатируют, лишь бы больше платили. Но разница есть.

Государственные гарантии — важнейший элемент системы социального партнёрства, по сути — основа такого рода отношений между классами. Государственные гарантии — наиболее высокая степень ответственности общества за нормальное социальное положение трудящихся и максимальная по масштабности (по охвату населения) форма социальной защиты. Корпоративная социальная политика, так сказать, по определению, не может обеспечить такую же степень социальной защищённости. Хотя бы потому, что любое предприятие, даже самое благополучное, может проиграть в конкуренции, разориться или же (в условиях глобализации) перебраться из России в другую страну. В обстоятельствах классовых отношений периферийно-колониального типа это означает “банкротство” наёмных трудящихся.

Не лучшая предпосылка для формирования социальной рыночной экономики — и высокий уровень фактической (в том числе скрытой) безработицы. Именно поэтому трудящиеся России используют в качестве способа давления на работодателей “рельсовые войны”, голодовки, захваты предприятий. Нормальный для социально-партнёрских отношений мирный (“цивилизованный”) способ защиты и улучшения положения трудящихся – забастовка. Но этот универсальный способ принуждения капитала к социальному партнёрству эффективен и универсален лишь в условиях *развития* экономики. Все разговоры о социальном партнёрстве, о социальном государстве по большому счёту беспредметны, если социально-экономическая политика российского государства не будет переориентирована на восстановление производства, экономический рост.

Перспективы демократии в России, перспективы отхода от социально-трудовых отношений периферийно-колониального капитализма однозначно связаны со становлением общественных сил, способных эффективно противостоять закреплению сложившихся тенденций, способных добиться перелома сложившихся тенденций.

Печатается по тексту монографии
Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 480 с.

Из Учебника «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Глава 1.6. Роль государства в социальной политике. Особенности государства как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере[175]

ПЛАН

1. Государственность и государство. Роль государственности и государства в социальной политике.
2. Социальные перспективы, социальные цели, социальные возможности, социальные риски и государство как ресурс их обеспечения, мобилизации или предотвращения (минимизации).
3. Государственная социальная политика.
4 Конституционные обязанности государства в области социальной политики. Международные обязательства государства в области социального развития.
5. Особенности государственной социальной политики в современной России.
6. Контрольные задания и задачи для самопроверки.

1. Государственность и государство. Роль государственности и государства в социальной политике

В наше время в который уж раз повторяются попытки многих людей самоопределиться в политике через крайности. Говорят примерно так: «Этот государственник, а тот, наоборот, демократ» или «Я — за державу, за государственность, а потому я против расширения прав и пол-

[175] ***Глава написана Б.В.Ракитским и Г.Я.Ракитской.***

номочий регионов». Казалось бы, такая малограмотность должна была остаться в прошлом. Но нет, она с нами. А потому нужна для начала элементарная справка.

Государственность — тип политической организованности общества, суть которого в том, что реально достигается и надёжно воспроизводится (то есть является устойчивым в процессе исторического развития) ***системное единство (целостность)*** факторов, взаимосвязей и взаимодействий, тенденций, форм и сфер жизнедеятельности людей и их общностей. Государственность есть достигнутая в ходе исторического развития такая ступень культуры (цивилизованности) политических отношений, которая обеспечивает жизнеспособность (то есть политическую, экономическую, социальную, культурную, нравственную эффективность) таких крупных социальных общностей, какими являются народы и многонациональные народы.

Государство — конкретная историческая форма осуществления государственности в жизни того или иного народа.

И ещё. **Власть** — способ поддержания социальной (политической в том числе) устойчивости общества. **Государственная власть** — та часть власти, которая обеспечивается в форме государства.

Как видим, во всех этих понятиях нет ничего сложного для уяснения, если, конечно, не впитать с молоком матери представления, будто государство и его функции — «нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохранённым»[176]

К сожалению, россияне из поколения в поколение сталкиваются с такими формами государства, которые не относятся к самым благоприятным для большинства населения. Отсюда, как минимум массовая недооценка той роли, которую могло бы при определённых обстоятельствах

[176] Ленин (Ульянов) В.И. Государство и революция. - Полное собрание сочинений. Изд.5. Том 33. Издательство политической литературы. 1969. Стр. 54.

сыграть государство в становлении гуманистической и демократической социальной политики.

Демократия — не есть нечто, противостоящее развитой государственности и эффективному государству. Напротив, демократия — это как раз форма развитой, высококультурной, цивилизованной государственности. Не диктатурные виды государства, а его демократические виды продемонстрировали в истории наибольший социальный эффект. Россия ныне нацелена на выход из тоталитаризма в демократию. Этот курс — прогрессивный. К сожалению, реальное развитие происходит со столь значительными деформациями, что наше современное государство всё ещё не стало реально демократическим.

Деформации (существенные искажения, отступления от качественно непременного) напрямую связаны с задержкой формирования в России гражданского многосубъектного общества. Демократия предполагает не только действия в интересах большинства народа, но обязательно действия самого этого большинства. А как действует большинство народа? Не только как избиратели (кстати, большинство, как правило, у нас на выборы не приходит), а в разнообразных формах повседневного общественного действия. Для этого требуется организованность большинства населения в партии, движения, ассоциации, комитеты, советы, самоуправленческие структуры и т.п. Эта-то организованность (а лучше сказать, самоорганизованность) большинства, готовность проявить гражданскую активность и фактическое непрерывное проявление активности в самых разных по масштабу общественно полезных делах — вот это всё в России возникает крайне медленно, с огромным отставанием от потребностей и возможностей демократизации.

Из-за такого отставания создалась и длится ситуация, не характерная для демократического общества: государство и его органы не имеют возможности опереться на влиятельных негосударственных субъектов общественной жизни, оказались вне контролирующих общественных воздействий, могут безнаказанно чинить произвол, ковер-

кать исполнение закона, даже больше — парализовать правоприменение, вводить мораторий на правопорядок и т.п. В результате население вновь испытывает отчуждение к государству, не надеется на него, уклоняется от законопослушания. Вместо демократии получается в той или иной мере приглушённое и индивидуально осуществляемое гражданское неповиновение.

Ненормальность сложившейся ситуации в том, что мы, большинство граждан, даже не пытаемся использовать государство для улучшения своей жизни, для реальной демократизации общей обстановки в стране, а оставляем государство в полном распоряжении меньшинства. В стране складывается два лагеря: меньшинство, приватизировавшее российское государство, и большинство, решающее проблемы жизни без государства, нередко в борьбе с государством. Нам надо понять, что если даже правящее государством меньшинство будет руководствоваться интересами облегчения народной участи, то и в этом случае задачи социального развития не будут должным образом решены. Только деятельное участие большинства в решении социальных задач может дать ощутимый эффект. Но для этого большинству надо, во-первых (и это уже отмечалось), внутренне организоваться, во-вторых, иначе отнестись к государству и полнее воспользоваться государством в общих интересах, в интересах страны и каждой из социальных групп, составляющих большинство народа.

В чём предназначение (главная функция) государства? В организации единства нации (народа как исторической общности). В этом, пожалуй, нет серьёзных расхождений. Расхождения существуют по вопросу о том, ***как, какими способами, какими методами*** достигается единство, организованность нации. Первый идейный и практический водораздел здесь такой:

— ***одни исходят из того,*** что государство существует и действует как бы отдельно от народа, оно обособляется от народа (пусть даже путём демократических выборов), принимает на себя ответственность за обеспе-

чение порядка и условий жизни народа, руководит народом, проводит социальную политику, экономическую политику. Активность народа государству либо вовсе ни к чему (вспомните знаменитое абалкинское «главное — не мешайте!», да и премьер Е.М.Примаков выражался ещё недавно в том же духе), либо эта активность выражается в деятельности (самодеятельности) неправительственных, негосударственных организаций. При таких представлениях развитое и благополучное демократическое общество состоит из государства и так называемого гражданского общества (негосударственных форм общественной самодеятельности граждан);

— ***другие полагают,*** что организация единства нации есть дело самой нации, и она может поручить это дело властным государственным структурам, но никогда не должна целиком передоверять этим структурам своих изначальных прав. Конституция Российской Федерации так решает этот вопрос:

«Статья 3.

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

4. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации...»

При таком подходе государство не противопоставляется народу, а является формой осуществления власти, которая по Конституции не может принадлежать никому кроме самого народа. Конструкция «Общество есть государство плюс гражданское общество» таким подходом упраздняется. Под гражданским обществом понимается демократическое реально многосубъектное общество, одним из субъектов которого является государство. При всей громадности и весомости такого субъекта, как государст-

во, он всё же перед лицом народа как единственного источника власти в стране равноправен с любым иным субъектом общества. Государству приданы народом полномочия и ресурсы для их осуществления, но государству не даны основания возвышаться над какими-либо иными субъектами, будь то даже отдельный гражданин. В недопущении исключительности государства и его органов состоит суть демократического конституционного строя.

Ну, вот, теперь, когда сказано минимально необходимое о государственности и государстве, о демократической государственности и демократическом государстве особенно, можно рассмотреть вопрос о роли государственности и государства в социальной политике. Понятно, что два только что отмеченных подхода существенно поразному и ставят, и решают этот вопрос.

Те, кто противопоставляют государство и народ (из них особенно много желающих подчеркнуть, что они так называемые «государственники»), видят в государстве организатора социальной политики, задающего порядок и регламенты взаимоотношений социальных групп, определяющего место каждой из групп в обществе. Зачастую такие представления выливаются в тягу заменить само понятие «социальная политика» на понятие «социальное развитие» и ещё того желательнее — «управление социальным развитием». Социальная политика при этом утрачивает свойства процесса взаимодействия социальных групп как субъектов социальной политики, она всё больше вырождается в совокупность государственных мер по переменам общественных условий жизни и параметров социального положения конкретных социальных групп («категорий населения» — на языке бюрократов).

Другой подход к роли государства и государственности в социальной политике не просто отрицает командную роль государства в социальной политике или — так скажем — верховенствующую роль в ней государственных органов и исполнительного аппарата власти. Одновременно с таким отрицанием раскрывается ничем не могущая быть заменённой роль государственности и

государства в социальной политике. Их роль состоит в следующем:

1. Государственность любого типа обеспечивает включённость человека в общество, социализированность его жизнедеятельности в целом и каждой из важнейших сфер жизнедеятельности (трудовая, семейно-бытовая, досуговая, общественно-политическая). Благодаря социализированности возникает общенациональное (пусть и классово-дифференцированное) представление о нормальных условиях жизни в обществе. Неблагоприятные отклонения от нормы (не властью утверждённой, а обществом осознаваемой нормы) воспринимаются как социальное неблагополучие и требуют общественного и государственного действия для нормализации.

2. Демократическое государство обеспечивает наилучшие из возможных в классовом обществе условия для развёртывания социальной активности граждан, общественных групп и общностей. При демократической государственности никто из граждан не только не исключён из общества, но не допускаются дискриминация по свойствам неклассового происхождения (раса, пол, возраст, национальность, вероисповедание) и сегрегация какой-либо части населения.

3. Демократическое государство не отнимает у граждан и социальных групп их общественной субъектности, а потому не культивирует патерналистские формы государственной социальной политики. Зато демократическое государство и не ставит ни для одной социальной группы преград для улучшения её социального положения. Единственное ограничение — полная законность методов такого улучшения.

4. Тем самым демократическое государство создаёт пространство общественных возможностей, защищённых от произвола частной силы, от разрушающего влияния ситуативного перевеса сил на взаимоотношения социальных групп с противоположными интересами и устремлениями.

Говоря прямее, государственность и государство (особенно демократическое государство) гарантируют возможность взаимодействия социальных групп и других устойчивых элементов социальной структуры как общественно упорядоченного, общественно признаваемого и общественно защищаемого системного процесса, то есть как социальной политики в масштабах страны. Социальная политика как механизм общественных взаимодействий невозможна в цивилизованных формах без государственности и государства как гарантов сохранения подходящего для социальной политики единого общественно-организованного пространства. И при такой своей гарантирующей роли государство (правда, не в своём целостном виде, а в виде государственных органов) является ещё и равноправным субъектом социальной политики.

Совмещённость в государстве функций гаранта реальных возможностей для регулярного протекания социальной политики и функций одного из субъектов социальной политики — то самое тонкое место, в котором рвётся, если государство действует не в реально многосубъекном (гражданском) обществе, а практически бесконтрольно и без серьёзной общественной поддержки. Проще говоря, государство постоянно сталкивается с соблазном присваивать власть, если единственный законный её собственник — народ — не блокирует попытки такого присвоения методом активного участия большинства в социальной политике, да и в политике в целом.

2. Социальные перспективы, социальные цели, социальные возможности, социальные риски и государство как ресурс их обеспечения, мобилизации или предотвращения (минимизации)

Итак, государство своей деятельностью гарантирует возможность цивилизованной социальной политики в национальных масштабах (а тем самым создаёт и определённые предпосылки и цивилизованных социальных отношений в международной сфере). Попробуем рассмотреть это конкретнее.

Гарантия — это обеспечивающее условие, система обеспечивающих условий. Необходимые и достаточные гарантии возможностей цивилизованной социальной политики возникают не тогда и состоят не в том, что государство надёжно огородило пространство жизни народа (нации) от неблагоприятных внешних факторов и тем самым даёт полную возможность всем народным социальным силам взаимодействовать, будучи защищёнными от неблагоприятных и разрушительных внешних воздействий. Это, конечно, существенно и необходимо, но далеко недостаточно. Система достаточных условий, обеспечивающих цивилизованную социальную политику, то есть система гарантий возникает и существует, если государство и его деятельность становится ресурсом (источником возможностей, влиятельным фактором) социальных взаимодействий.

Здесь тонкость. Можно ведь рассуждать и повести дело так: сами социальные группы, взаимодействуя, не могут добиться без эффективных действий государства того, чего добиваются при эффективном осуществлении государством его функций; потому государство должно приниматься за социальные проблемы и решать их. Здесь, в этом пункте — принципиальная развилка: либо государство станет пособлять субъектам социальной политики в их взаимодействиях, не подменяя их действия своими, либо оно начнёт подменять субъектов социальной политики и решать социальные проблемы вместо них, надеясь решить эти проблемы и лучше, и справедливее, и эффективнее («Главное — не мешайте! Дайте сделать, а потом судите!» — ах, как классически точно выразил этот подход в 1989 г. Л.И.Абалкин, будучи одним из руководителей Правительства СССР!»)[177]

[177] Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. — В кн.: Л.И.Абалкин. Избранные труды в 4 томах. М: «Экономика». 2000. Том III. Стр. 77.

Стать ресурсом цивилизованной социальной политики и «взять на себя» решение проблем, решаемых в процессе социальной политики, — не одно и то же. Демократическое государство становится ресурсом. Недемократическое — «берёт на себя».

В чём существо этого важного государственного дела — быть ресурсом эффективной социальной политики?

Общество как форма жизни целого народа сталкивается с проблемами, если можно так выразиться, целообщественными. То есть существуют проблемы, которые касаются общества в целом. Их может решить только народ в целом. Но он структурно расслоен и редко действует, будучи сосредоточенным на одну задачу как единое целое. По его поручению действует, как правило, государство. Ставя и решая целообщественные проблемы, государство и выполняет свою роль ресурса социальной политики.

Какие это проблемы? Назовём четыре:

1. Проблема социальных перспектив.
2. Проблема социальных целей.
3. Проблема социальных возможностей.
4. Проблема социальных рисков.

Проблема социальных перспектив и проблема социальных целей проистекают из того, что будущее реально вариантно. В истории не существует и не может существовать таких ситуаций, когда бы из одного и того же достигнутого состояния однозначно следовало бы единственно возможное продолжение. Продолжений всегда несколько, и притом не придуманно-сказочных, а вполне реальных, достижимых при определённых условиях и общественных действиях. Перспектива общества не однозначна, не фатально предначертана. Её требуется выбрать, то есть научно распознать (сориентироваться в возможном будущем), осознать как общественную цель и организовать деятельность целого народа для её достижения. Это делает прежде всего государство, не без народа, конечно, и не вместо народа, если оно демократическое.

Играя ведущую роль в определении перспектив, формируя стратегические цели развития общества, реалистически оценивая возможности с учётом времени, государство делает свой вклад в создание общих предпосылок для деятельности всех субъектов.

Конкретнее рассмотрим одну из целообщественных проблем — проблему социальных рисков. Она, как и остальные, всегда актуальна для социальной политики.

Социальные риски — риски социального происхождения; вероятные опасности, угрозы нарушения нормального (для данного общества) социального положения, вызываемые неустранимыми для данного общества причинами, коренящимися в самом его конкретно-историческом устройстве.

Социально значимым нарушением можно считать существенное отклонение от социальной нормы какого-либо (или нескольких) важнейших параметров социального положения той или иной социальной группы.

Риски нарушения нормального социального положения имеют разную природу, то есть возникают и могут воспроизводиться по разным причинам (стихийные бедствия, военные действия, эпидемии, революции, государственные перевороты, демографические взрывы и провалы и т.п.). Социальные риски выделяются в системе рисков тем, что они возникают и существуют не в чрезвычайных, а в обычных (нормальных) условиях развития общества, закономерно (а не случайно) сопровождают нормальное функционирование общества и — более того — имеют своими причинами именно базовые общественные отношения, нормальные (повседневные, регулярные) общественные порядки.

Пример. Частная капиталистическая собственность является общественной формой (предопределяет общественное устройство) капиталистического воспроизводства. На рынке труда частные предприниматели вправе нанимать не больше работников, чем им требуется для экономически эффективного хозяйствования. Общество и государство не в праве навязать им приоритет критериев

социальной эффективности (например, приоритет не прибыльности, а полной занятости). В связи с этим всегда существует вероятность, что суммарный спрос на рынке труда окажется меньше суммарного предложения. Постоянная вероятность излишка предложения равнозначна постоянной опасности для части работников оказаться без работы. Риск безработицы вытекает, следовательно, из главенства частной капиталистической собственности в организации общественного производства, из подчинения развития хозяйства всего общества частным интересам капитала. Риск безработицы — типичный риск социального происхождения. Примеры других социальных рисков — риски бездомности, безземельности, бедности, стандартизации потребления («массовая культура»), социальной дезинтеграции (опускания на «социальное дно», люмпенизации). В форме всех этих социальных рисков проявляются их глубинные причины — социально-классовые антагонизмы, отношения эксплуатации.

Понимая, что данное общественное устройство само из себя постоянно порождает социальные риски, общество порождает и развивает систему защиты от социальных рисков — социальную защиту. Делает это в решающей мере государство. Ни один из других субъектов социальной политики с подобной целообщественной задачей не справится.

Конкретный состав социальных рисков меняется в ходе общественного развития и постепенно (в фазах эволюций) и скачкообразно (в фазах революций и революционных реформ). В России скачкообразное изменение системы социальных рисков произошло в ходе четвёртой русской революции и революционных реформ 1990-х годов. Как в таких условиях государство выполняло свою роль гаранта и ресурса социальной политики — об этом речь впереди.

3. Государственная социальная политика.

В общем виде соотношение социальной политики и государственной социальной политики рассматривалось в главе 1.2. Там же было дано и определение государственной социальной политики. Сейчас имеет смысл развернуть её содержание. Но начать можно и с повторения определения.

Государственная социальная политика — действия государства в социальной сфере, преследующие определённые цели, соотнесённые с конкретно-историческими обстоятельствами, подкреплённые необходимыми организационными и пропагандистскими усилиями, финансовыми ресурсами и рассчитанные на определённые этапные социальные результаты.

В гражданском обществе государственная социальная политика осуществляется в многосубъектной среде. Её цели и содержание формируются как результат взаимодействий государства с субъектами гражданского общества и их представителями.

В тоталитарном обществе государство фактически сосредотачивает у себя всю полноту социальной политики, является её единственным субъектом. Все остальные структурные элементы общества оказываются объектами социальной политики, то есть занимают в ней сугубо пассивное положение. При этом их вынужденная пассивность расценивается как иждивенческие настроения, а деятельность государства — как неустанная забота о благе народа.

В периоды перехода от тоталитарного к демократическому гражданскому обществу сохраняется традиция сильной роли государства, а формирование субъектов гражданского общества происходит замедленно, отстаёт от потребностей общества. Социальная политика приобретает вынужденно государственный характер. Ресурс демократизации социальной политики используется слабо. Существует опасность бюрократизации социальной политики.

Государственная социальная политика в федеративном государстве имеет свои особенности в силу того, что само государство является многосубъектным. Функции и конституционные обязанности государства в социальной сфере распределяются между федеральным уровнем и уровнем субъектов федерации. Способами распределения являются: конституционное распределение пределов (предметов) ведения Федерации, ведения субъектов федерации и их совместного ведения (статьи 71, 72 и 73 Конституции Российской Федерации); договорное распределение функций и фактически сложившееся, но до времени неурегулированное нормативными актами и законами выполнение функций и взаимодействие при их выполнении.

Применительно к государственной социальной политике используется понятие «сильная социальная политика» Сильная социальная политика — активная, полноценная социальная политика, при которой демократическое государство в полном объёме выполняет свои конституционные функции по обеспечению прав, свобод и обязанностей граждан в социальной сфере, а тоталитарное государство в полном объёме проявляет свою недемократическую, антигуманную социальную сущность. В частности, при сильной социальной политике демократическое государство совместно с другими субъектами гражданского общества вырабатывает стратегию и приоритеты социальной политики, организует их практическое воплощение в жизнь. Тоталитарное государство при сильной социальной политике проводит решительные меры по социальной сегрегации населения, по образованию каст («категорий населения») с разным социальным положением, разными реальными возможностями и функциями, проводит имперскую политику внутри страны, при необходимости — массовые репрессии, депортации, запреты и ограничения гражданских свобод при одновременной массированной демагогии и прославлении заботы государства о народе, о человеке, о его благе.

Антипод сильной социальной политики — пассивная социальная политика, при которой демократическое государство не справляется с выполнением своих конституционно обязательных функций, а тоталитарное — загнивает и разрушается.

Бывают времена, когда кажется, что у государства вообще нет никакой социальной политики. Это только так кажется. И кажется не всем, а только тем, кто ждёт от государства исполнения его конституционных обязанностей, а дождаться не может. В это же самое время есть социальные группы и силы, которые понимают: бездействие государства в области социальной политики — это его самое мощное действие, это его предельно односторонняя, предельно сильная и предельно классовая социальная политика. Как, например, социальная политика в составе шоковых реформ.

В 90-е годы в связи с проведением радикальных рыночных реформ в России по модели "шоковой терапии' возникло даже специальное понятие «непопулярные меры». Реформаторы зафиксировали в этом понятии своё ожидание неодобрения реформенных мер со стороны широких слоёв населения. Реальной причиной ожидаемого реформаторами неодобрения перемен являлось проведение реформ в основном за счёт ухудшения положения трудящихся и их семей.

Основные компоненты содержания государственной социальной политики — это, конечно же, выработка и проведение в жизнь государственной стратегии социальной политики, определение государственных приоритетов социальной политики и направление всего процесса социальной политики в русло стратегии и приоритетов. Об этих сложных задачах речь пойдёт впереди в самостоятельной главе.

Проблемы государственной социальной политики отражаются в ежегодных посланиях Президента о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства, с которыми Президент обращается к Федеральному Собранию РФ; в бюджетных посланиях Президента Правительству; в концептуальных постановлениях и решениях Правительства; в постанов-

лениях Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ; в федеральных законах РФ.

4. Конституционные обязанности государства в области социальной политики. Международные обязательства государства в области социального развития

В главе 1.2 уже рассматривались типы социальной политики и было показано, что в основе её типизации лежат типы состояний общества. Типы состояний общества лежат и в основе типизации государства. Так что установление однотипности состояния общества, государства и социальной политики — это закономерный результат обретения обществом устойчивости.

Законодательным закреплением обретённой или желаемой и декларируемой устойчивости общества с фиксированием однотипности состояния общества, типа государства и типа социальной политики является конституционное оформление ориентиров государственного строительства, социального развития и обязанностей государства в обеспечении социальных и особенно социально-трудовых прав и свобод граждан, их общностей и социальных групп.

Конституционные обязанности современного российского государства зафиксированы в Конституции Российской Федерации 1993 г. Эти обязанности выстроены исходя из намерений создать в России социальное государство, в котором помимо верховенства закона немалую роль играет механизм так называемого социального партнёрства.

Социальное государство — понятие, призванное подчеркнуть, что социальные проблемы входят в состав приоритетных для данного государства. Например, статья 7.п.1 Конституции Российской Федерации гласит: "1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека".

Часть 2 той же 7-ой статьи Конституции РФ перечисляет основные направления деятельности российского социального государства, гарантии социальной защиты.

Из понятия "социальное государство" непосредственно не проистекает никаких правовых следствий и законных обязательств. Однако общее обозначение постоянной озабоченности государства социальными проблемами существенно в социально-психологическом плане.

Конституция страны содержит положения, фиксирующие обязанности государства в социальной сфере, то есть обязанности действовать в интересах благосостояния (благоприятного социального положения) граждан и социальных групп.

Социальная политика состоит, между прочим, и в том, что одни социальные группы (и представляющие их интересы социальные силы) заставляют государство эти обязанности выполнять, а другие группы и силы заставляют государство эти обязанности полностью или частично не выполнять, а то и вообще игнорировать. Чья возьмёт в той или иной конкретной ситуации, в тот или иной период, — это зависит от соотношения сил политического действия. По-настоящему социальным — вот таким, как обещает статья 7.п.1 Конституции РФ — государство может стать и быть при равновесии сил политического действия, при равной влиятельности основных социальных сил в обществе. Если силы существенно не равны, то нет и социального государства.

К числу демократических завоеваний 90-х годов следует отнести новое отношение государства к международным социальным документам, принципам и нормам. Статья 15 Конституции РФ (её 4 часть) определяет:

«Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.»

Для проблематики социальной политики первостепенное значение имеют такие международные акты о социальном развитии и правах человека, как:

Всеобщая декларация прав человека (ООН, 10 декабря 1948 г.),

другие документы, составляющие Международный билль о правах человека,

Копенгагенская декларация о социальном развитии (1995);

документы Совета Европы, в том числе Европейская социальная хартия, подписанная Россией в 2000 г., но ожидающая ратификации;

документы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ);

документы СНГ.[178]

5. Особенности государственной социальной политики в современной России

России нужна социальная политика, которая не противоречила бы интересам национальной безопасности, а обеспечивала и укрепляла бы национальную безопасность. В этом стратегическая суть необходимых перемен характера и содержания социальной политики.

Генеральное решение, необходимое и достаточное для обретения Россией такой социальной политики, состоит из двух взаимосвязанных принципиальных поворотов:

1) поворот от деятельности государства, создающей все новые социальные риски (социальные опасности и угрозы) для населения, к неукоснительному и в полном объеме выполнению государством его конституционных обязанностей по обеспечению законных социальных прав, свобод и интересов населения;

[178] Международные акты о правах человека. Сборник документов. — М:Изд.НОРМА. 2000.

2) поворот от недемократических к демократическим методам (механизмам) осуществления социальной политики, соответствующим Конституции Российской Федерации.

Государство — тот единственный субъект, который в создавшихся условиях способен практически изменить сложившиеся опасные тенденции и губительную траекторию разрушения страны. Это касается всех сфер жизни общества, включая и сферу социальной политики.

Реальной многосубъектности (гражданского общества) в России пока нет. Действия властей продолжают оставаться не только бесконтрольными, но и в полной мере произвольными по отношению к населению страны. Правда, правительство вынуждено считаться с требованиями и рекомендациями "большой семерки" и международного финансового капитала. Однако это не облегчает, а усугубляет положение: внешние силы действуют не в интересах народа России, а последовательно во вред его интересам.

Шоковый тип реформ был навязан именно внешними силами, в то время как не нашлось никаких внутренних сил, способных противостоять столь разрушительным подходам и планам. И до сих пор в стране нет настолько организованных массовых социальных сил, чтобы заставить власти изменить подходы к руководству хозяйством и социальной сферой. Отсюда *вся полнота исторической ответственности,* которая лежит сегодня на государстве.

На затянувшемся первом этапе реформ (1992-1998 гг.) государство решало и решило фактически одну-единственную задачу: создание частной собственности как господствующей формы и пусть ещё крайне нецивилизованного, но уже капиталистического хозяйственного уклада как доминирующего. Всецело сосредоточившись на этой исторической задаче, государство на несколько лет вышло из круга своих непременных социально-политических функций как в хозяйстве, так и в социальной сфере. Это не значит, что государство стало на время аполитич-

ным или же стало "над политикой". Напротив, оно сделалось на период первоначального накопления шоковыми методами непозволительно недемократическим, непозволительно политически односторонним. Государство всецело стало защитником интересов только одной социальной группы — претендентов на роль крупных частных собственников. Государство не выполняло своей общественно-политической функции обеспечения основ социального перемирия и социальной устойчивости, социально сбалансированного учёта интересов всех основных социальных сил.

В итоге трудящееся население оказалось раздавленным шоковыми реформами, лишилось многих существенных параметров достигнутого прежде социального положения, было отброшено к решению задач выживания без развития. В обстановке затяжного шока и необходимости физического выживания население не сумело и не смогло воспользоваться правами и свободами, появившимися благодаря ликвидации тоталитарного режима. Фактический мораторий на правопорядок, ставший необходимым сопровождением форсированного первоначального накопления, придал повышению экономической и социальной активности криминальный уклон. В результате подавляющее большинство населения не только не обрело достойного общественного положения, но и лишилось достойной перспективы. Социальная деградация, социальная дезинтеграция, даже необратимое социальное отчуждение (образование "социального дна") стали массовыми явлениями.

Сами реформаторы, стоящие у власти, не желали такого результата. Первоначально они планировали шок только на восемь месяцев. Не исключено, что реформаторы и вправду надеялись, что уже к концу 1992 года появятся признаки оживления, развития и возрождения. Однако шок длится уже десятый год, начат его дополнительный тур. Затяжной шок породил переход социально-хозяйственной ситуации в крайне нежелательное и по сути губительное качественное состояние.

Государству, если оно намерено действовать не во вред, а в интересах России, в создавшейся ситуации не остаётся ничего иного, кроме как перестать односторонне отстаивать интересы капитала, перестать быть орудием давления капитала на трудящееся население. Государство должно прекратить функционировать как основной источник непосредственных социальных опасностей для населения. Оно должно перестать замышлять и практически осуществлять по преимуществу антинародные меры.

Государство должно перейти к сбалансированной социальной политике. При этом речь даже не идёт о том, чтобы государство соответствовало своему конституционно установленному (статья 7) характеру — "социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека". Перспектива такого государства в современной России даже не просматривается. Речь идёт о гораздо меньшем, но жизненно решающем: государство должно перестать быть антинародным (по официальной фразеологии, "осуществляющим непопулярные реформы"). Это значит только одно: государство должно учитывать интересы не одной только стороны общественных преобразований, но всех сторон, а потому создавать всем социальным группам реальные возможности как формулировать, так и представлять и отстаивать свои интересы в рамках социального мира (перемирия).

Есть смысл рассмотреть иную (более согласующуюся с Конституцией РФ) схему осуществления Президентом и Правительством их государственных властных функций. Целесообразно исходить из многообразия идеологий и неконституционности установления (пусть не формально, а фактически) какой-либо идеологии в качестве государственной и обязательной. Поворот к иной схеме действия президентской и правительственной власти (к схеме, более, чем ныне принятая, согласующейся с Конституцией РФ) обеспечивается отказом от односторонней и априорной связанности Президента и Правительства

лишь с одной из идеологий общественно-экономического развития.

В стратегическом плане речь идёт о том, чтобы реально (а не формально только) допустить всех субъектов гражданского общества к процессу исторического выбора Россией своего будущего. И Президент, и Правительство, конечно же, вправе иметь свои собственные представления относительно правильности выбора Россией своего исторического пути. Но они не вправе своей властью исключать из реального процесса исторического выбора социальные силы (и идеологии), придерживающиеся иных представлений. Они не вправе вводить свою точку зрения как государственную, обязательную. Возможность публично высказывать иные позиции — это необходимо, но этого ещё недостаточно для демократии. Если иные точки зрения получают поддержку на выборах в представительные (законодательные) федеральные и региональные органы власти, а также на выборах глав администраций, то с ними надо считаться в той же мере, что и с точкой зрения самого президента. Считаться — значит искать и находить компромисс, согласовывать на деле, в практике государственного управления.

Сдвиги в этом направлении начались. Особенно заметным сдвигом стала работа Государственного Совета, усилиями которого уже подготовлена концепция экономической и социальной политики, по сути альтернативная правительственной.

Важным является также указание Президента о необходимости ослабить внешнее воздействие на внутреннюю политику России, выраженное в его Послании 2001 г.

6. Контрольные задания и задачи для самопроверки

(в данном издании не публикуются)

Опубликовано: — В учебнике "Социальная политика" – М.: "Экзамен", 2002 и 2003. Глава 1.6. Стр. 84-97.

2004 г. издание 2-е, стереотипное

2006 г. издание третье.

2008 – издание четвёртое, переработанное и дополненное. – М.: "Экзамен", 2002. Глава 1.5. Стр. 94-104.

Печатается по рукописи к 1-му изданию.

2002 и 2008

==========

Из Учебника «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Глава «СУБЪЕКТЫ-ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ОСНОВНЫЕ ТИПЫ»[179]

ПЛАН

1. Субъекты-институты социальной политики: определение, классификация.

2. Социальные силы и формальные социальные субъекты.

3. Государственные и негосударственные субъекты-институты социальной политики

4. Основные современные формы самоорганизации населения

4.1. Профессиональные союзы.

4.2. Современные социальные движения.

5. Контрольные вопросы и задания для самопроверки.

6. Литература.

---

*[179] **Текст этой главы создан в основном в 2001 г. и опубликован в составе главы 1.7 «Негосударственные субъекты-институты социальной политики» первого издания Учебника «Социальная политика» (2002). Для четвёртого издания учебника глава была переработана и стала главой 1.6 «Субъекты-институты социальной политики и их основные типы» — См. «Социальная политика. Учебник» - М.: «Экзамен». 2008. Издание 4-е, переработанное и дополненное. Стр.105-118.***

Печатается по рукописи Г.Я.Ракитской к изданию 2008 г.

1. Субъекты-институты социальной политики: определение, классификация

Субъекты-институты социальной политики (социальные субъекты-институты) – это организационные структуры (организации, органы, движения), которые на деле или на словах представляют в общественных взаимодействиях интересы тех или иных элементов объективно сложившейся социальной структуры общества — социальных групп, социальных общностей.

Активными сторонами социально-политических взаимодействий редко являются социальные группы и социальные общности *целиком.* Даже во времена наивысшего подъёма массовой социальной активности — когда история творится “на улицах” — только часть каждой из противоборствующих социальных групп или общностей выходит на митинги и демонстрации, сражается на баррикадах. И в демократически организованных выборах, и в референдумах реально участвуют не все члены общества. Пожалуй, только для малых социальных общностей — таких, как небольшой трудовой коллектив, община, коммуна, население микрорайона и т.п., — реально доступны формы прямой демократии (принятие решений “всем миром” — на общих собраниях, сходах) и участие всех без исключения в конкретных гражданских акциях.

На арене общественной жизни, где сталкиваются, противоборствуют, согласуются социальные интересы, в качестве сторон конкретных взаимодействий обычно выступают не сами социальные группы, социальные общности (первичные социальные субъекты), а *субъекты-институты* — вторичные социальные субъекты, субъекты-представители.

Для целей анализа социально-политических взаимодействий и прогнозирования их результатов важна классификация социальных субъектов–институтов по *степени их весомости* в социальной политике и по *степени их связанности с государством*.

По степени весомости в социальной политике среди субъектов-институтов следует различать:

а) реальные субъекты-представители (социальные силы),

б) формальные, или декоративные субъекты-представители (формальные социальные субъекты).

По степени связанности с государством среди субъектов-институтов следует различать:

а) государственные субъекты-институты,

б) негосударственные субъекты-институты (формы самоорганизации населения).

2. Социальные силы и формальные социальные субъекты

Социальные (социально-политические, политические) **силы**, или **реальные субъекты-представители** — это конкретно-исторические формы самоорганизации социальных групп и социальных общностей, которые позволяют им реально (на деле) предъявлять и отстаивать свои интересы во взаимодействиях с другими социальными субъектами. Организационная структура выступает как реально значимая социальная сила лишь при опоре на собственную *социальную базу.*

Социальная база конкретного субъекта-института (организации, движения, властно-управленческой структуры), обеспечивающая его функционирование в качестве социальной силы, — это социальные группы (группа) или социальные общности (общность), *признающие,* что данный субъект-институт в своей идеологии и практике действительно представляет их интересы, и в силу этого признания (доверия) оказывающие ему *устойчивую поддержку* — такую поддержку, которая придаёт ему весомость (силу) в обществе, т.е. делает влиятельным, реальным субъектом социальной политики.

Понятие “социальная сила” включает в себя процесс и состояние (результат на конкретно-историческую ситуацию) самоорганизации социальных групп. Из двух

ипостасей субъекта общественных отношений (сама социальная группа и производный от неё субъект-представитель) приоритетна ипостась активно и сознательно самоорганизованной социальной группы. В условиях демократии нормой является взаимодействие социальных сил в форме устойчивых общественных организаций и движений — политических партий, профессиональных союзов, союзов предпринимателей, других организаций и движений, которые образуются для постоянного социального действия по защите социально-групповых или общностных интересов (молодёжные, женские, экологические, правозащитные, национальные и др. организации и движения).

В буржуазно-демократическом обществе имеет место устойчивый перевес социальных сил, представляющих интересы капиталистического класса. Это обеспечивает доминирование его интересов в обществе – выдвижение, закрепление и реализацию интересов капиталистического класса в качестве приоритетных целей всего общества, подчинение этим целям общественной жизни, развития хозяйства и устроения социально-трудовых отношений.

Составная часть формирования структуры социальных сил, адекватной буржуазно-демократическому обществу, — процесс превращения наёмных трудящихся из пассивных разрозненных участников социальных процессов в активно и сознательно (целенаправленно) действующую социальную силу. Этот процесс обобщён в первоначальном марксизме в категориях превращения массы рабочих из “класса по отношению к капиталу” в “класс для себя”[180].

Существенные перемены в соотношении социальных сил способны изменить и в реальной истории фактически изменяют качественную специфику общества, т.е.

---

[180] См.: Маркс К. Нищета философии. Ответ на “Философию нищеты” г-на Прудона / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. С.183

приводят к радикальному (революционному) изменению общественного строя.

Реально значимыми социальными силами могут выступать неустойчивые (эпизодические) общественные движения, в том числе стихийные выступления типа бунтов. Подобного рода движения, как правило, так или иначе структурированы: в них функционируют как представители массы такие органы, как комитеты, советы, лидеры, вожди, вожаки и пр.

Формальные (декоративные) социальные субъекты, или **формальные субъекты-представители –** организационные структуры, не имеющие собственной широкой (массовой) социальной базы и в силу этого не имеющие реального веса в социально-политической жизни общества. Разновидности формальных социальных субъектов — субъекты-претенденты и манипулируемые субъекты.

Субъекты-претенденты на деле не являются формами самоорганизации тех или иных элементов социальной структуры, но претендуют на представительство их интересов. Такие организационные структуры — довольно распространённое явление в демократическом обществе.

Наличие множества субъектов-претендентов закономерно для общества, стремящегося перейти от тоталитаризма к демократии. Введение демократических норм, регулирующих общественную жизнь, создаёт в переходном обществе законную возможность для возникновения и деятельности разнообразных общественных и политических организаций. Однако в переходном обществе процессам самоорганизации населения противодействует его прошлый опыт пассивного социального поведения. Самоосознание социально-групповых и социально-общностных интересов, формирование на этой базе собственных организаций происходит крайне неравномерно и медленно в сравнении с открывшимися возможностями и в сравнении с задачей становления реальной многосубъектности общества, гражданского общества. Наиболее активная часть населения забегает вперед – создаёт организации, основывает “движения”, за которыми часто никто не стоит, кроме тех нескольких (по большей мере – нескольких сотен) человек, которые их основали.

Манипулируемые субъекты-институты являются инструментами проведения интересов иных социальных групп или общностей, нежели те, от имени которых или в интересах которых они якобы (на словах) выступают. Претендентский характер и манипулируемость зачастую сочетаются в деятельности конкретных организаций.

Организации, движения и социальные общности формируют для взаимодействия с другими социальными субъектами свои представительные органы. В связи с этим расширяются возможности появления и функционирования формальных социальных субъектов. Реальная проблема демократического общества – как противостоять тенденции фактического отрыва от организации, движения, общности тех органов, которые выступают от их имени (от имени профсоюза, партии, трудового коллектива, города, землячества и пр.). Это есть проблема противостояния тенденции к бюрократизации внутренней жизни организаций и движений.

В тоталитарных обществах, включая советский казарменный “социализм”, действует особый тип формальных (декоративных) социальных субъектов. Существуют различные формы не самоорганизации, а организации населения по указаниям или с санкции властвующей касты. Эти якобы субъекты-представители тех или иных слоёв населения функционируют как *объекты* социальной политики тоталитарного государства, а не как хотя бы претенденты на собственную реальную субъектность.

Свойство быть либо реальной социальной силой, либо формальным социальным субъектом в равной мере относится и к государственным властно-управленческим структурам, и к организационным структурам, не имеющим формально-юридического статуса государственных органов (государственных учреждений).

3. Государственные и негосударственные субъекты-институты социальной политики

Если проводить грань между государственными и негосударственными субъектами-институтами по чисто формальному признаку, то государственные субъекты – это органы (учреждения) государственной власти и государственного управления, а негосударственные – все другие. Более содержательная и имеющая практическую важность типизация субъектов-институтов получается, если её сделать по другому признаку: по степени *связанности (зависимости, сращенности) интересов и деятельности тех или иных социальных субъектов-институтов с государством.* При этом подходе грань между государственными и негосударственными субъектами-институтами становится в значительной мере условной.

Для концепций, считающих государство надклассовым институтом (субъектом-представителем интересов всего общества, всех социальных групп, всех классов), проблема связанности формально негосударственных субъектов с государством, если рассуждать строго, не актуальна. Чем теснее их взаимосвязь, взаимозависимость, подконтрольность друг другу, ─ тем лучше.

В концепциях, признающих реально конституирующую роль эксплуатации в формировании социальной структуры прошлых и современных обществ, государство осмыслено как классовый институт. Объективная социальная функция государства ─ обеспечивать не только сохранение целостности общества, но и сохранение господствующего положения определённой социальной группы (групп), доминирование её (их) интересов в общественном развитии. Являясь субъектом-представителем господствующего класса, государство в своей социальной политике учитывает в той или иной мере интересы социальных групп, занимающих подчинённое положение в данном обществе. Конкретно-историческая мера учёта интересов этих групп зависит от соотношения социальных сил, от степени активности подчинённых групп в отстаивании своих интересов, но не выходит за пределы, которые грозят утратой сложившегося характера социальной структуры, характера общественных отношений.

Организации и органы, представляющие интересы *господствующих классов*, выступают по сути ─ независимо от своего формально-юридического статуса ─ как *государственные* субъекты-институты. Они не столько зависят от государства, не столько подконтрольны ему, сколько подчиняют себе государство, контролируют, направляют его деятельность. Отсюда, собственно, и термин “партия власти”.

Связанность с государством субъектов-представителей социальных групп, занимающих в обществе *подчинённое положение*, выглядит существенно по-разному в тоталитарных, демократических и в переходных обществах.

В ***тоталитарных обществах*** социальные группы, занимающие подчинённое положение, не являются реальными субъектами социальной политики – не действуют сколько-нибудь самостоятельно, независимо от государства. Направленность, формы и степень их социальной активности ограничены направляющей и контролиру-ющей ролью государства. Тоталитарное государство допускает существование декоративных субъектов-предста-вителей подчинённых социальных групп как в государственных структурах, так и в форме негосударственных структур. Для тоталитарного общества закономерны предельная зависимость от государства, манипулируемый ха-рактер всех, по форме общественных (негосударственных) организаций, их тотальная подконтрольность государству ─ так называемое их *“огосударствление”.*

В ***демократических обществах*** есть возможность активной *самостоятельной,* т.е. реально независимой от государства деятельности разнообразных организаций, органов, движений, которые реально представляют интересы подчинённых социальных групп. Демократическое государство провозглашает одним из своих основополагающих принципов независимость, невмешательство в

деятельность негосударственных (неправительственных) организаций. При этом деятельность в рамках законов — не свидетельство зависимости от государства, а лишь свидетельство законопослушности.

Самостоятельное функционирование разнообразных независимых социальных субъектов-институтов, предъявляющих государству и негосударственным организационным структурам господствующего класса требования подчинённых социальных групп, отстаивающих эти требования и методами парламентской борьбы, и методами внепарламентского давления, – это как раз тот социальный механизм, который позволяет демократическому обществу сохранять качество демократического, не скатываться к диктатуре.

В ***обществах переходного типа***, стремящихся перейти от тоталитаризма к демократии, главной социальной проблемой является становление и развитие полноценной системы независимых от государства общественных и общественно-политических организаций, которые адекватно по содержанию и практически весомо представляли бы все существенно важные интересы каждой из социальных групп, социальных общностей. Тоталитарное прошлое порождает своеобразную ситуацию: провозглашённые новой государственной властью права и свободы *не востребуются* (или слабо востребуются) населением, поскольку оно не имеет навыка требовать, добиваться соблюдения своих прав и свобод с помощью социально организованного действия. Отсюда возникает реальная угроза восстановления прежних тоталитарных порядков.

Определим теперь развёрнуто понятие “негосударственные субъекты-институты социальной политики”.

Негосударственные субъекты-институты социальной политики – это формы самоорганизации населения в ***демократическом (гражданском)*** и ***переходном к нему*** обществах. Это организации, органы, движения, которые являются реально значимыми социальным силами, представляющими интересы социальных групп и социальных общностей, занимающих подчинённое положение в обществе. Это организации, органы и движения, которые действуют самостоятельно, т.е. независимо от структур, представляющих интересы социальных групп, занимающих в обществе господствующее положение, в том числе независимо от государственных органов власти и управления. Это организации, органы и движения, которые сохраняют свою самостоятельность и в тех случаях, когда они участвуют (в лице подконтрольных им своих представителей) в государственных и негосударственных властно-управленческих структурах.

4. Основные современные формы самоорганизации населения

Основные негосударственные субъекты-институты социальной политики – это такие формы самоорганизации подчинённых социальных групп, как профессиональные союзы, политические партии, социальные движения.

Условия демократического общества и общества, стремящегося перейти к демократии, позволяют людям, принадлежащим к одной и той же социальной группе или общности, осознавать сходство своего социального положения и жизненных проблем, создавать свои организации, выдвигать свои требования, концепции, программы и бороться за их реализацию — как путём давления “снизу” на государственную власть, так и при помощи представительства в органах государственной власти.

В современной России процесс социально-политической самоорганизации населения проходит первоначальную стадию, гражданское (многосубъектное) общество всё ещё находится в зачаточном состоянии. За организациями и органами, выступающими от имени трудящихся нет реальных массовых движений, а потому их деятельность слабо связана с интересами тех социальных групп, на представительство интересов которых они претендуют. Это в полной мере относится и к руководящим структурам российских профсоюзов, и к политическим партиям, пре-

тендующим на роль выразителей интересов и защитников рабочих и других трудящихся. В стране нет ни одной влиятельной партии, выросшей действительно “снизу” – из рабочего, профсоюзного или социальных движений. В 1990-х ─ начале 2000-х годов было немало попыток создания партий профсоюзами. Но все эти попытки порождали недолговечные и к тому же недемократические по своему устройству структуры, ориентированные на задачу “прорыва” узких групп профсоюзных активистов в депутатские кресла, а не на реальное представительство интересов трудящихся на политическом уровне.

Актуальная проблема России начала XXI века ─ не только политическая самоорганизация трудящихся, но и освоение трудящимися более простых форм самоорганизации – профсоюзной и социально-движенческой.

4.1. Профессиональные союзы

Профессиональные союзы (профсоюзы) ─ форма самоорганизации и самозащиты трудящимися своих социально-трудовых прав, свобод и интересов.

Федеральный Закон “О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности” (от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ) определяет профсоюз как “добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов” (ст.2, п.1). Закон устанавливает, что профсоюзы независимы в своей деятельности от органов исполнительной власти и местного самоуправления, работодателей и их объединений, политических партий и других общественных объединений (ст.5, п.1), что соответствует общепризнанным международным нормам.

Право трудящихся на объединение в профсоюзы признаётся международным сообществом одним из основополагающих прав в области труда, одним из условий постоянного социального прогресса и защищается международными нормами, в частности Конвенциями 87 и 98 МОТ (Конвенция 1948 года о свободе ассоциации и защите права на организацию, Конвенция 1949 года о праве на организацию и на ведение коллективных переговоров). Согласно Всеобщей декларации прав человека (ООН, 10 декабря 1948 г.), “каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов” (ст.23, п.4).

В современных ***буржуазно-демократических*** странах существуют три основных типа профсоюзов.

1. Объединения работников для ведения коллективных переговоров и для организации коллективного давления на работодателей в целях добиваться более выгодных условий найма. Подобного рода организации (тред-юнионы ─ торговые союзы; от английских слов “trade” - торговый, “union” - союз) впервые возникли в Великобритании в середине XVIII века. Идеология классического тред-юнионизма ограничивает задачи профсоюзов борьбой за улучшение условий продажи рабочей силы, в первую очередь – за повышение заработной платы, не ставит перед ними цели более масштабного, в том числе политического характера.

2. Организации самозащиты трудящимися всех существенно важных сторон своего положения в обществе, самозащиты и улучшения не только экономического, но своего социального положения в целом.

3. Компанейские (“карманные”, “директорские”, “жёлтые”) профсоюзы. Организации этого типа часто создаются по инициативе или при непосредственной помощи администрации предприятий, контролируются ею. Компанейские профсоюзы в той или иной мере имитируют профсоюзную деятельность, а фактически помогают администрации осуществлять такую политику на предприятии, которая выступает источником социальных рисков для работников. В компанейских профсоюзах присутствует тем самым социальный “иммунодефицит”.

В странах с ***тоталитарными режимами*** (СССР, гитлеровская Германия, Италия в период правления Мус-

солини и т.п.) организации, называющиеся профсоюзами, носят казарменный и корпоративный характер. Они жёстко контролируются государством — напрямую или через посредничество администрации предприятий, не выполняют самостоятельно никаких реальных функций по представительству и защите интересов трудящихся, используются для исполнения лишь таких социальных задач, которые возлагает на них государство.

Деятельность профсоюзов в СССР направлялась и целиком контролировалась партийно-государственным аппаратом, в том числе на уровне предприятий — администрацией предприятий и партийными комитетами. Казарменно-корпоративному характеру профсоюзов соответствовал порядок объединения в одних и тех же организациях и рядовых работников, и администрации (заводской администрации, государственных чиновников). Руководящие органы профсоюзов функционировали по сути как составная часть государственного аппарата.

В ***России*** за годы реформ, начатых с конца 1991 г., численность членов профсоюзов сократилась более чем на 40% — из-за спада производства, закрытия части предприятий, а также из-за изменения структуры занятых. Появление и увеличение занятости на новых частных мелких и средних предприятиях сократило численность членов профсоюзов, поскольку на таких предприятиях профсоюзы, как правило, отсутствуют. Определённую (но не основную) роль в уменьшении профсоюзного членства сыграл выход работников из старых профсоюзов, существующих со времен СССР, в результате осознания ими того, что эти профсоюзы не выполняют в должной мере функцию защиты интересов трудящихся. Одновременно произошли существенные изменения внутри профсоюзного движения — появились новые профсоюзы, число членов и влияние которых постепенно возрастало вплоть до введения в действие (с 1 февраля 2002 г.) Трудового кодекса РФ взамен КЗоТа РФ.

В *старых* профсоюзах наёмные управляющие (администрация) и рядовые наёмные работники по-прежнему

состоят в одних и тех же организациях – на том основании, что работники администрации тоже являются наёмными. Подавляющая часть старых профсоюзов входит в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), создание которой было провозглашено в 1990 г.

Смешанный социально-классовый состав, который ФНПР унаследовала от профсоюзов СССР, значительно затрудняет формирование механизмов независимого представительства и последовательного отстаивания интересов трудящихся в их взаимоотношениях с собственниками предприятий, хозяйственной администрацией и государственными органами управления. Профсоюзы старого образца работают на предприятиях (за редкими исключениями) под фактическим контролем администрации.

Создание новых профсоюзов, а также рабочих и стачечных комитетов, переизбрание профкомов на волнах забастовок — найденные практикой главные способы лишить администрацию её прежней роли в организациях трудящихся, её влияния на формирование стратегии и тактики рабочего и профсоюзного движения.

Новые демократические профсоюзы, которые стали возникать с конца 1980-х годов (Объединение социалистических профсоюзов СССР СОЦПРОФ — 1989 г., Независимый профсоюз горняков — 1990 г. и др.), ориентированы на реальную независимость от государства, собственников и администрации предприятий, а потому называют себя *свободными* профсоюзами. Новые профсоюзы ориентированы на сознательное членство, на объединение наиболее активной части работников. В большинстве новых российских профсоюзов принят (в более или менее жёсткой форме) классовый критерий членства: в них не могут состоять те или иные работники администрации, которые в силу своей должности или профессии представляют и обслуживают на предприятии интересы собственников.

Самые крупные объединения новых профсоюзов общероссийского масштаба - Всероссийская конфедерация труда (ВКТ), Конфедерация труда России (КТР), Объ-

единение профсоюзов России СОЦПРОФ, Федерация профсоюзов России (ФПР). Есть также новые профсоюзные организации, которые объединены на региональном и межрегиональном уровнях или же вообще не входят в какие-либо объединения.

По оценкам экспертов (оценкам оптимистическим), число членов новых российских профсоюзов на начало 2000-х г.г. — 1,5-2% от общей численности занятых. Пока ещё немногочисленные новые профсоюзы в критических ситуациях не раз оказывали гораздо более сильное воздействие на ситуацию на предприятиях и в стране, чем многочисленные старые профсоюзы, входящие в ФНПР (пикет на Горбатом мосту летом-осенью 1998 г., организованный Независимым профсоюзов горняков России; забастовки и другие коллективные действия, инициированные Федеральным профсоюзом авиадиспетчеров, профсоюзом работников АО “АвтоВАЗ” “Единство”, Профсоюзом лётного состава авиакомпании “Башкирские авиалинии” и др.).

Осенью 2000 г. три общероссийских объединения профсоюзов (ФНПР, ВКТ и КТР) были приняты в Международную ассоциацию свободных профсоюзов (МКСП).

Наиболее сильные новые профсоюзы – это профсоюзы узко профессиональные. Они ориентированы на то, чтобы отстаивать настоятельные текущие интересы своих членов, в лучшем случае — настоятельные текущие интересы профессии. Это, конечно, нужная и непростая борьба, но не может обеспечить устойчивость завоёванного, все достижения такой борьбы – дело временное, недолговечное, если в планы собственников не входит сохранение и развитие отрасли или конкретного предприятия.

И старые, и новые российские профсоюзы постоянно запаздывают с осознанием сути происходящего в стране, демонстрируют невысокий уровень претензий, осторожность выдвигаемых требований. В 1990-х годах большинство протестных акций, организованных профсоюзами (забастовки, голодовки, перекрытия транспортных магистралей), проходили с требованиями отдать начисленную

заработную плату. В начале 2000-х годов обозначился новый характер требований – повысить заработную плату, но претензии весьма скромные в сравнении с тем размером оплаты труда, который необходим для обеспечения достойного уровня жизни работника и его семьи.

Для современного зарубежного профсоюзного движения характерно дистанцирование от политических партий. Такая же тенденция до последнего времени имела место и в российском профсоюзном движении. Профсоюзные лидеры и активисты, опасаясь подчинения профсоюзов партийным аппаратам, вступали, как правило, лишь во временные тактические союзы с существующими партиями — в период предвыборных кампаний, а также эпизодически в порядке лоббирования своих интересов в органах власти. В то же время позиции конкретных профсоюзов по актуальным социальным проблемам и в реальных социальных конфликтах в значительной мере определяются политико-идеологическими позициями их руководства. В связи с этим в российском профдвижении есть профсоюзы, заявляющие стратегию и тактику социал-демократического (социал-реформистского) типа, анархо-синдикалистские организации, а также профсоюзы, находящиеся под явным влиянием взглядов и организаций крайне правого (сталинистского и открыто фашистского) толка.

Большинство российских профсоюзов ориентированы на социальное партнёрство как на принцип взаимодействия профсоюзов с работодателями и государством. Система институтов социального партнёрства стала создаваться в России с 1991 г., начиная с Указа Президента РСФСР Б.Ельцина “О социальном партнёрстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)” от 15 ноября 1991 г. № 212. Из-за фактической неразвитости профсоюзного движения (при гораздо более высоком, чем на Западе, удельном весе членов профсоюзов в количестве занятых) институты социального партнёрства носят в России по преимуществу формальный характер. Когда представители администрации предприятий или представители профкомов заверяют, что на их предприятиях сложилось соци-

альное партнёрство, то чаще всего речь идёт о “партнёрских” отношениях между профкомом и руководством предприятия. В основе таких отношений лежит слабость профсоюза и, как следствие, соглашательское поведение профкома, его готовность “входить” в положение администрации в ущерб интересам рядовых работников якобы во имя выживания предприятия, а на деле – для сохранения и укрепления личных позиций членов профкома на предприятии.

Трудовой кодекс РФ, действующий с февраля 2002 г., заметно сузил права профсоюзов в ряде областей. В частности, сократил права профсоюзов в области защиты работников от увольнений по инициативе администрации, оставил за профсоюзами право лишь на инициативу, но не на объявление забастовки. Введена также новая норма, дающая преимущество в осуществлении права представительства всех работников в коллективно-договорном регулировании социально-трудовых отношений тому из профсоюзов, который объединяет более половины работников организации (ТК РФ, ст.37). На практике это приводит на большинстве предприятий к фактической монополии членских организаций ФНПР на проведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров.

Изменение правовых условий деятельности профсоюзов существенно ослабило новые профсоюзы и мотивацию членства в них, помогает работодателям в их усилиях по “освобождению” от свободных профсоюзов. В то же время эти изменения играют роль фактора, побуждающего к формированию самими профсоюзами политических партий, задача которых — эффективно представлять интересы трудящихся во властных структурах, реально влиять на содержание социально-трудового законодательства. Попытки создания таких партий были предприняты в 2002 г. в преддверии введения в действие Трудового кодекса РФ (Российская партия труда — РПТ), а затем в 2004 г. (Партия Трудовая солидарность). Эти инициативы (как и предыдущие подобного рода) не дали пока что каких-либо

видимых результатов в деле выполнения задач профсоюзного движения.

История дала ряд примеров (наиболее яркий — польская “Солидарность” 1980-х годов), когда в условиях общественных кризисов, обострения социального противостояния профсоюзы фактически действуют как профессионально-политические (общеклассовые) организации, активно включаются в политическую борьбу за радикальное изменение общественной системы.

Условия глобализации делают актуальным конструктивное взаимодействие демократических профсоюзов с демократическими ветвями новых социальных движений в целях предотвращения или хотя бы смягчения негативных для трудящихся социальных последствий глобализации. В 2004-2005 гг. в России начала обозначаться тенденция налаживания практического сотрудничества новых профсоюзов с другими общественными организациями и движениями. Побудительной причиной для совместного выдвижения требований и проведения совместных протестных акций стал новый этап глобализационных социальных реформ, начавшийся с так называемой “монетизации льгот”.

Главная проблема и главная задача российского профсоюзного движения – превратить профсоюзы в эффективно действующий институт гражданского общества, в фактор становления и устойчивости демократического социального устройства.

4.2. Современные социальные движения

Современные социальные движения – это новые социальные движения конца XX века, которые возникли и развиваются как форма организованного протеста самых разных слоёв населения против социально-экономических следствий неолиберальной политики национальных государств и политики международного капитала на этапе глобализации капитализма.

Современные социальные движения отличаются от традиционных форм профсоюзной и политической самоорганизации и борьбы трудящихся по социальному составу, идеологии, практической ориентации, способам действий.

Основными факторами появления и расширения современных социальных движений являются следующие.

а) Кризис (с середины 1970-х годов) рабочего и профсоюзного движения в странах Западной Европы. Этот кризис связан с окончанием “золотого тридцатилетия” — периода послевоенного экономического роста и относительного социального благополучия. Рабочее и профсоюзное движение оказалось неспособным противостоять переходу правительств к либеральной политике, углубляющей социальную поляризацию общества, ухудшающей положение трудящихся (урезание социальных программ, распространение временной и частичной занятости, наступление массовой безработицы, ухудшение режима и условий труда и пр.).

б) Идейный кризис левых политических движений, представляемых традиционными коммунистическими, социалистическими, социал-демократическими партиями. Этот кризис связан, во-первых, с фактической либеральной политикой левых партий или поддержкой левыми партиями либеральной политики практически во всех случаях их реального участия в государственной власти. Он связан, во-вторых, с антитоталитарными (общедемократическими) революциями в СССР и странах советского блока в конце 1980-х-начале 1990-х годов. Отказ от сталинистской модели казарменного “социализма” в пользу буржуазной демократии был воспринят по большей части как историческое поражение идеологии и политической практики социализма (коммунизма).

в) Идейно-политический кризис национально-освободительных (антиколониальных) и демократических (против диктаторских, военных и т.п. режимов) движений в странах так называемого третьего мира. Кризис этих движений стал следствием неспособности новых правительств, пришедших к власти с их помощью, провести эффективные реформы для существенного улучшения положения населения, для преодоления отсталости, нищеты, безработицы, бездомности, неграмотности, голода, болезней.

г) Процессы глобализации, создающие всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность. Глобализация капитализма актуализирует проблему общенационального и интернационального согласования и объединения активной социальной борьбы широких слоёв населения, чтобы защитить гуманистические, в том числе демократические, ценности, противостоять тенденции исключения всё большей части населения планеты (“лишней” для капитала) из созидательной общественной практики, тенденции оттеснения “лишних” в социальную резервацию.

Социальный состав современных социальных движений весьма широк и разнообразен. Это обусловлено следующими особенностями современного этапа развития капитализма:

— уменьшение численности и удельного веса индустриального рабочего класса в общественной структуре;

— увеличение численности социальных слоёв, устойчиво “исключенных” из общества (безработных, бездомных, бесправных мигрантов и т.п.);

— ухудшение социально-экономического положения крестьянства; ослабление социальной защищённости трудящихся государственного сектора экономики и государственных служащих;

— обострение проблем национальной, расовой, по признакам пола и прочей социальной дискриминации в условиях возникновения глобального (всемирного) рынка труда.

Социально-групповой состав населения, страдающего от последствий неолиберальной политики и глобализации капитализма, зеркально отражается в возникновении и активизации организаций и движений людей “без”

(*без* работы, *без* жилья, *без* документов, т.е. иммигрантов без легального статуса), женских, крестьянских, правозащитных и других организаций и движений. Они существуют и действуют в масштабах отдельных стран, отдельных регионов и континентов. Проводятся различного рода акции локального, национального и более широкого масштаба.

В последние годы наблюдается стремление к согласованию действий, к организационному объединению вокруг тех или иных инициатив и к созданию устойчивых структур социального движения в региональных, континентальных (в том числе европейском) и мировом масштабах. С конца 1990-х годов регулярно проводятся крупные международные встречи (социальные форумы). Такие встречи были в Париже, Сиэтле, Женеве, Праге, Хайдарабаде, Аддис-Абебе и др. С 2001 по 2005 гг. были организованы ежегодные Всемирные социальные форумы в Порту-Алегри (Бразилия), в 2006 г. — в Каракасе (Венесуэла). С 2002 г. прошли Европейские социальные форумы во Флоренции, Париже, Лондоне, Афинах и др. Число участников Всемирных социальных форумов достигает 100-150 тысяч человек.

Организаторы международных встреч сознательно дистанцируются от политических организаций и партий. Члены таких организаций могут участвовать в мероприятиях форумов, но не как полномочные представители организаций. Представительство профсоюзов на форумах, напротив, приветствуется. Значительную часть участников форумов, особенно участников массовых протестных акций, составляет молодежь.

В рамках международных встреч проходят дискуссии по теоретическим и практическим проблемам социального и профсоюзного движений, организуются пикеты, митинги, марши, демонстрации. Крупные международные встречи и протестные акции проводились, как правило, параллельно (одновременно или близко по времени или же по времени и месту) мероприятиям финансово-экономических и политических организаций международного

капитала (таких, как Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный экономический форум в Давосе, “Большая Семерка” и др.).

Цели и лозунги современных социальных движений носят по преимуществу протестно-оборонительный, часто боевой, но нерадикальный характер. В документах и акциях международных встреч доминирует мотив сопротивления (мотив “против”), что соответствует самоопределению движений как оппозиционных глобализации (антиглобалистских) или неолиберальной глобализации (альтерглобалистских, то есть “за другую глобализацию”).

Одной из причин такого самоопределения является боязнь фактических лидеров движения вызвать раскол организационно неоформленного объединения многообразных ветвей движения, если вести серьёзные дискуссии на тему “за что”, то есть дискуссии о программно-стратегических ориентирах, о наступательной стратегии и тактике. Говорят, напротив, о сложности выработки (даже невозможности и ненужности) позитивной новой платформы, единой для всех ветвей движения, для всех стран и континентов. Вульгарные мотивы, идущие от участников движения с марксистской самоидентификацией, весьма сильны, живучи. Главным вульгарным мотивом экономического плана остается возложение ответственности за все социальные бедствия трудящихся на товарно-денежный характер хозяйственных связей.

Необходимость международной консолидации социального движения на конструктивно-наступательном поприще всё же осознаётся, но позитивные задачи (не “против чего”, а “за что”) формулируются пока что весьма расплывчато: работа во имя равенства, социальной справедливости, демократии и безопасности для всех; борьба за мир без нищеты, голода, дискриминации и насилия; борьба за построение лучшего будущего и пр. И ещё более расплывчато и осторожно в лозунговых формулах: *“Иной мир возможен”*, *“Все вместе”* и т.п. В то же время на форумах звучат и радикальные призывы. Так, на латиноамериканской секции шестого Всемирного социального фору-

ма (Каракас, январь 2006 г.) Президент Венесуэлы Уго Чавес выдвинул задачу “срочно создать новое социалистическое движение” и закончил своё выступление лозунгом “Социализм или смерть!”

Характер формулировок позитивных задач и лозунгов отражает наличие существенно разных идеологических направлений и расхождений в представлениях о способах решения конкретных социальных проблем, порождаемых неолиберальной политикой и глобализацией капитализма.

В качестве основы практической международной консолидации выдвигаются многообразные разноплановые и по преимуществу довольно узкие задачи: аннулирование государственных долгов экономически зависимых стран и передача высвобожденных таким образом средств на нужды населения и долгосрочного развития этих стран; контроль над финансовыми рынками и их учреждениями в целях препятствования международным финансовым спекуляциям; закрытие оффшорных зон; введение специального налога (так называемого налога Тобина) на все спекулятивные операции на валютных рынках и передача полученных средств международным организациям для борьбы с неравенством, голодом, для развития образования и здравоохранения в бедных странах (по расчётам автора этого предложения, американского экономиста Джеймса Тобина, при ставке налога в 0,05% может быть получено 100 млрд. долларов в год); борьба против принятия или за отмену отдельных конкретных решений международных финансовых учреждений, тех или иных положений межгосударственных договоров и соглашений; сопротивление приватизации природных ресурсов, общественного сектора и средств массовой информации; запрещение использования генетически измененных веществ и клонирования; борьба с социальной дискриминацией, в том числе дискриминацией сексуальных меньшинств; борьба с насилием против женщин; соблюдение права на организацию и ведение переговоров для профсоюзов; прекращение вмешательства международных финансовых

и военных организаций в национальную политику и внутренние дела стран; противостояние войнам и имперским тенденциям и т д.

Одна из наиболее сложных проблем развития консолидированного в мировом масштабе социального движения, оппозиционного глобализации капитализма, — выработка и реализация согласованной эффективной стратегии и тактики отстаивания интересов трудящихся в условиях, когда разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения.

Протестно-оборонительный в целом характер идейной стороны и акций новых социальных движений превращает их лишь в фактор запаздывающего сопротивления социальным последствиям глобализации капитализма. К тому же сопротивленческая узость толкает часть участников движения на экстремистские выходки (а возможно, предоставляет провокаторам удобные позиции для извращения целей движения).

Действительные демократические, гуманистические потенции новых социальных движений пока еще неясны.

В России социальные движения антиглобалистской (альтерглобалистской) направленности не получили пока что широкого общественного понимания и существенной поддержки, хотя отдельные российские учёные, активисты новых профсоюзов и некоторых других общественных организаций участвуют во всемирных международных встречах с 1999 г. В Европейских социальных форумах участвовали представители существенно разных российских организаций — как демократической, так и противоположной ориентации, в частности, члены РКРП-РПК. Они находятся на стадии ознакомления с идеологией и практикой зарубежных социальных движений и далеки ещё от выполнения роли заметного участника международного движения с собственной позицией, которая отражала бы особенности социально-экономической и политической ситуации в России. К сожалению, в составе молодёжной

части российских участников Европейских социальных форумов были и люди маргинального социального типа.

В середине 2004 — начале 2005 гг. в России возникли или же активизировали свою деятельность различные общественные организации для противостояния замыслам и результатам нового тура социальных реформ, затрагивающих интересы населения в сфере оплаты жилья, транспорта, доступа к услугам образования и здравоохранения. В течение нескольких месяцев в разных городах были созданы Советы общественной солидарности, Комитеты единых действий, Координационные советы и т.п. объединения разных организаций в целях проведения совместных протестных акций. В 2005 г. оформилось новое общественное движение “Образование для всех”.

Некоторые из российских участников международных социальных форумов инициировали и организовали проведение региональных социальных форумов в России — Сибирских социальных форумов в Барнауле (2004 г.), Новосибирске (2005 г.) и др. В апреле 2005 г. в Москве состоялся первый Российский социальный форум, в котором участвовало более тысячи человек из более чем 40 различных общественных организаций, в том числе представители новых профсоюзов.

Главные задачи таких форумов — обмен информацией и опытом деятельности по защите социальных прав и свобод трудящихся России, практическое освоение сотрудничества и солидарности, в перспективе — объединение разрозненных гражданских инициатив в различных сферах общественной жизни. Однако малочисленность участников российских встреч по типу зарубежных социальных форумов и состав представленных на них организаций лишь подчёркивают зачаточность социальных движений и гражданского общества в России.

Исторические перспективы современных социальных движений связаны в первую очередь с конструктивной наступательностью, то есть с превращением социальных движений в фактор обеспечения последовательно гуманистического (альтернативного капиталистической

глобализации) характера развития мирового сообщества. Поэтому к числу основных актуальных и притом взаимосвязанных проблем современных социальных движений относятся: выработка идеологически чётких конструктивных целевых ориентаций и опережающей стратегии, направленной на предотвращение социально разрушительных и социально деградирующих результатов и последствий неолиберализма и глобализации капитала; налаживание эффективного взаимодействия социальных движений с традиционными профсоюзными и политическими организациями и движениями; выход социальных движений на уровень политических задач и политических способов воздействия на национальные, межгосударственные и международные властные структуры.

5. Контрольные вопросы и задания для самопроверки

(в настоящем издании не публикуются)

6. Литература

1. Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). — М.: Институт перспектив и проблем страны, 2003.

2. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Социальная защита и самозащита труда. Часть вторая. Система социальной защиты и способы социальной самозащиты. — М: Институт перспектив и проблем страны, 2002

3. Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская. Уровень и перспективы демократического действия трудящихся. – Трудовая демократия. Выпуск 27. — М.: Институт перспектив и проблем страны, 2000.

4. Ракитская Г.Я Состояние и перспективы рабочего движения в России. – Вопросы экономки, 1995, № 6.

5. Можаев В.Е. Зарубежные профсоюзы – опыт и новации. – Библиотечка профсоюзного активиста, 1999, № 11.

6. Галлин Дан. Переосмыслить политику профсоюзного движения. – Трудовая демократия. Выпуск 30. Глобализация: модное слово или новые задачи для рабочего и профсоюзного движения? – М.: Институт перспектив и проблем страны, 2000.

7. Пайар Дени. Социальное движение – новое прогрессивное явление общественной жизни. – Бюллетень Школы трудовой демократии. № 10. – М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998.

8. Агитон Кристоф. Движение безработных во Франции. – Бюллетень Школы трудовой демократии. № 13. – М.: Институт перспектив и проблем страны, 1999.

9. Майданик К. “Мировой социальный форум” – издание пятое. – Альтернативы, 2005, № 1.

10. “Антиглобализм” как он есть. — Журнал «Альтернативы», 2002. № 3.

11. Бузгалин А. Социальные форумы становятся общепланетным явлением. – Журнал «Альтернативы», 2003, № 1.

В Глоссарий

Субъекты-институты социальной политики (социальные субъекты-институты) – это организационные структуры (организации, органы, движения), которые на деле или на словах представляют в общественных взаимодействиях интересы тех или иных элементов объективно сложившейся социальной структуры общества — социальных групп, социальных общностей.

Социальные (социально-политические, политические) **силы**, или **реальные субъекты-представители —** это конкретно-исторические формы самоорганизации социальных групп и социальных общностей, которые позволяют им реально (на деле) предъявлять и отстаивать свои интересы во взаимодействиях с другими социальными субъектами.

Формальные (декоративные) социальные субъекты, или **формальные субъекты-представители –** организационные структуры, не имеющие собственной широкой (массовой) социальной базы и в силу этого не имеющие реального веса в социально-политической жизни общества.

Негосударственные субъекты-институты социальной политики – это формы самоорганизации населения в ***демократическом (гражданском)*** и ***переходном к нему*** обществах Это организации, органы, движения, которые являются реально значимыми социальным силами, представляющими интересы социальных групп и социальных общностей, занимающих подчинённое положение в обществе. Это организации, органы и движения, которые действуют самостоятельно, т.е. независимо от структур, представляющих интересы социальных групп, занимающих в обществе господствующее положение, в том числе независимо от государственных органов власти и управления. Это организации, органы и движения, которые сохраняют свою самостоятельность и в тех случаях, когда они участвуют (в лице подконтрольных им своих представителей) в государственных и негосударственных властно-управленческих структурах.

Профессиональные союзы (профсоюзы) - форма самоорганизации и самозащиты трудящимися своих социально-трудовых прав, свобод и интересов.

Современные социальные движения – социальные движения конца XX века, которые возникли и развиваются как форма организованного протеста самых разных слоёв населения против социально-экономических следствий неолиберальной политики национальных государств и политики международного капитала на этапе глобализации капитализма.

Печатается по рукописи к 4 изданию учебника «Социальная политика» (2008).

2003

==========

КЛАССОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РОССИИ И ШАНСЫ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО[181]

1

Вот уже более 10 лет мы обсуждаем проблемы социально-трудовых отношений в России под углом зрения социального партнёрства: есть оно у нас или нет, складывается или не складывается, что нужно предпринять для развития социально-партнёрских отношений и т.д. Если свести воедино *реальные* оценки характера нынешних взаимоотношений между работниками и работодателями на степень соответствия социальному партнёрству, то придётся зафиксировать следующее.

Первое. Классовые взаимоотношения в современной России — взаимоотношения между эксплуатируемыми наёмными работниками и капиталистическим классом (так называемыми работодателями) — ***не отвечают принципам и критериям социального партнёрства.*** Не отвечают в первую очередь потому, что уровень жизни трудящихся чрезвычайно низок, социальная дифференциация чрезмерна, степень эксплуатации трудящихся чрезвычайно высока.

Верным показателем чрезвычайно высокой степени эксплуатации трудящихся служит весьма малая доля оплаты труда в валовом внутреннем продукте (ВВП). Она гораздо выше в развитых странах – не менее 50%-60% ВВП. У нас же за годы реформ доля оплаты труда в ВВП

[181] ***Доклад руководителя секции № 6 "Взаимодействие работодателей и работников, формирование системы социального партнёрства" на Всероссийской научно-практической конференции "Корпоративная социальная политика на современных российских предприятиях: проблемы, опыт, перспективы" (РАГС, 4-5 марта 2003 г.)***

понизилась с 50% почти до 20%. Это означает, что соответственно возросла степень эксплуатации трудящихся.

Второе. Созданные в России организационные и правовые институты, которые при прочих равных условиях могли бы быть институтами социального партнёрства, носят сегодня ***декларативный, формальный характер.*** Это некие сосуды, не наполненные реальным социал-партнёрским содержанием.

И третье. Для реализации и для формирования социального партнёрства ***нет в России целого ряда основополагающих условий.*** В ряде выступлений на пленарном заседании нашей конференции были названы некоторые из таких необходимых, но отсутствующих условий. В частности, говорилось об отсутствии законодательно закреплённых социальных стандартов, которые должны ограничивать свободу и аппетиты частного бизнеса, принуждать его к социал-партнёрскому поведению.

2

Чтобы оценить шансы на становление социального партнёрства в России и, тем более, продвинуться в сторону выработки соответствующей стратегии преобразования социально-трудовых отношений, следует прежде всего разобраться в вопросах о том, в чём состоит ***суть*** социального партнёрства***, кому и зачем*** оно нужно***.***

Социальное партнёрство – один из типов классовых взаимоотношений в капиталистическом обществе.

Капиталистическому классу система социального партнёрства позволяет удерживать классовую борьбу трудящихся в рамках нерадикальной стратегии. Она позволяет *защитить, сохранить специфику капиталистического строя* при помощи принуждения всех и каждого капиталистического предпринимателя к соблюдению определённых норм и правил в их взаимоотношениях с трудящимися.

Трудящимся система социального партнёрства позволяет иметь *устойчивую защищённость от социальных рисков*, порождаемых рыночно-капиталистической

экономикой (рисков нищеты, безработицы, бездомности и прочих). Социальная цена такой защищённости — отказ трудящихся от радикальной (по целям) классовой борьбы, т.е. отказ от стратегии борьбы за коренное переустройство общества на неэксплуататорских началах.

Социальное партнёрство не отменяет классовую борьбу, не гармонизирует интересы эксплуататоров и эксплуатируемых. Социал-партнёрские взаимодействия – это классовая борьба, введённая в определённые рамки.

Социальное партнёрство позволяет на более или менее длительный срок смягчать социальные противоречия, предупреждать их обострение до степени социальных взрывов. Оно позволяет достигать и поддерживать взаимоприемлемые временные компромиссы между эксплуатируемыми трудящимися и капиталом. Временные – так как социал-партнёрское поведение капитала имеет место только *при равновесии социальных сил,* которое обеспечивается активностью трудящихся в отстаивании своих прав и интересов. В противном случае институты социального партнёрства превращаются в формальные, т.е. их реальное содержание (в частности, содержание коллективных договоров) фиксирует не взаимоприемлемые компромиссы, а перевес сил и интересов капиталистического класса.

Равновесие социальных сил и социальное партнёрство – вообще-то исключение, а не правило в капиталистическом мире. Отношения социального партнёрства размываются в условиях кризисов рабочего и профсоюзного движения, что, собственно, и происходит сейчас в тех европейских странах, в которых после Второй мировой войны сформировался этот тип классовых взаимоотношений.

3

Если говорить более конкретно о содержательной стороне партнёрских классовых взаимоотношений, то следует выделить четыре главные их составляющие.

1) Государственные социальные гарантии. Они ограничивают степень (норму) эксплуатации трудящихся, устанавливают социально допустимый (для данных конкретно-исторических условий) *максимальный* её уровень и одновременно устойчиво защищают трудящихся от социальных рисков**.**

Государственные социальные гарантии закрепляются в конституционных и других законных нормах. Их соблюдение обеспечивается системой правоприменения и правопорядка.

2) Надёжное финансовое обеспечение государственных социальных гарантий — преимущественно за счёт налогов на работодателей.

3) Реальное участие трудящихся в управлении производством. По меньшей мере — участие трудящихся в формировании фактической степени их эксплуатации и режима использования труда (режима эксплуатации). По большей мере — их участие в управлении другими аспектами функционирования предприятий (вплоть до участия в принятии стратегических решений, что, однако, бывает крайне редко).

Причастность к управлению производством позволяет трудящимся организованно, на законных основах добиваться от своих работодателей *понижения степени эксплуатации* по сравнению с максимальным уровнем, который допускает государство. Причастность к управлению обеспечивается практикой заключения коллективных договоров и соглашений более высокого уровня, а также непосредственным участием представителей трудящихся в тех или иных органах управления производством.

4) Активная и реально значимая роль организаций трудящихся (профсоюзов, политических организаций и других структур гражданского общества) в формировании социальных (в том числе правовых) условий жизнедеятельности трудящихся. При этом государство содействует становлению и функционированию структур гражданского общества, независимости от государства и работодателей организаций трудящихся.

Понятно без особых доказательств, что перечисленных составляющих социального партнёрства в России либо нет, либо они находятся в зачаточном состоянии. Стоит, однако, подчеркнуть несколько важнейших обстоятельств.

Гарантированный законом размер минимальной заработной платы в силу малости не имеет никакого отношения к функции этого важнейшего социального стандарта в социально ориентированной рыночной экономике.

Без реально значимой государственной защиты трудящихся от социальных рисков партнёрских отношений между классами быть не может. В нашем же новом Трудовом кодексе, как это ни парадоксально, социальное партнёрство отождествляется с договорным регулированием социально-трудовых отношений. К тому же Трудовой кодекс ввёл ряд норм, которые содействуют усилению диктата работодателей, а не социальному партнёрству. В частности, он отнял у профсоюзов право на объявление забастовок; расширил права работодателей в области увольнения работников, в области заключения индивидуальных срочных контрактов; нарушил равноправие профсоюзов в области договорного регулирования социально-трудовых отношений.

Правопорядок – непременное условие для становления социального партнёрства. Для нынешней же российской ситуации характерны массовые нарушения трудовых прав работников, неисполнение даже имеющегося (не дотягивающего по содержанию до социал-партнёрского) социального законодательства. Правомерно говорить о фактическом моратории в России на правопорядок в социально-трудовой сфере.

Социальное партнёрство не может сложиться в условиях отсутствия классово независимых профсоюзов, организованно представляющих работников в их взаимоотношениях с работодателями. У нас же Федерация независимых профсоюзов России, в которую входят 40 млн. человек, сохраняет — в порядке наследства от прежнего тоталитарного строя — корпоративный характер: ФНПР

объединяет и эксплуатируемых работников, и администрацию, представляющую на предприятиях интересы собственников, капитала. При этом нормы нового Трудового кодекса фактически обеспечивают монополию организаций, входящих в ФНПР, на заключение коллективных договоров и соглашений.

4

Каковы шансы на развитие в России социального партнёрства, на формирование социального государства, социальной рыночной экономики? Сегодня они не просматриваются. Не просматриваются в первую очередь потому, что организованность трудящихся, сила профсоюзов, претензии работников не достигают достаточного уровня для того, чтобы принудить государство и капитал к социальному партнёрству. *Капитал в России живёт и укрепляется без социального партнёрства.* У нас укрепляется и развивается капитализм периферийно-колониального типа, характерный для стран третьего мира, тогда как социал-партнёрский характер отношений между классами возникал в истории лишь в развитых странах (причём далеко не во всех).

Наиболее характерные черты классовых взаимоотношений в России – диктат работодателей, систематическое ущемление интересов и законных прав наёмных работников, неисполнение государством своих конституционных обязанностей.

От этого никак нельзя абстрагироваться, открещиваться при рассмотрении проблем социальной политики на современных российских предприятиях. Когда руководители предприятий, представители профкомов предприятий заверяют с трибун, что на их предприятиях сложилось социальное партнёрство, то это следует воспринимать лишь как **образное выражение**. За такими заверениями может сегодня стоять всё что угодно, но только не социальное партнёрство как специфический тип взаимоотношений между классами. Чаще всего на деле речь идёт о ситуации одного из двух типов:

а) либо о “партнёрских” отношениях между *профкомом и руководством предприятия.* В основе таких отношений обычно лежит слабость профсоюза и, как следствие, — соглашательское поведение членов профкома, их готовность “входить” в положение администрации в ущерб интересам работников якобы во имя “выживания” предприятия, а на деле – для сохранения и укрепления своих личных позиций на предприятии;

б) либо о стратегии руководства предприятия *по мобилизации социальных факторов* экономической эффективности и конкурентоспособности предприятия.

Применительно ко второй ситуации можно спросить: а что в этом плохого? Какая разница для работника, почему ему повышают зарплату, улучшают условия труда и пр.? Пусть к нему относятся не как к партнёру, а как к социальному фактору эффективности, как к человеческому ресурсу. Пусть (как размышляли на рубеже 80-90-х годов, к примеру, в руководстве Независимого профсоюза горняков) эксплуатируют, лишь бы больше платили. Не так ли?

Нет. Не так. Разница есть. Государственные гарантии — важнейший элемент системы социального партнёрства, по сути – основа такого рода отношений между классами. Государственные гарантии — наиболее высокая степень ответственности общества за нормальное социальное положение трудящихся и максимальная по масштабности (по охвату населения) форма социальной защиты. Корпоративная социальная политика, так сказать, по определению, не может обеспечить такую же степень социальной защищённости. Хотя бы потому, что любое предприятие, даже самое благополучное, может проиграть в конкуренции, разориться, закрыться. А в условиях классовых отношений периферийно-колониального типа это означает “банкротство” работников.

И последнее. Высокий уровень фактической безработицы (около 10% экономически активного населения) и излишней занятости (на нашей конференции называлась цифра 10 млн. чел.) – не лучшие предпосылки для формирования социальной рыночной экономики. Именно поэтому трудящиеся России используют в качестве способа давления на работодателей “рельсовые войны”, голодовки, захваты предприятий. Нормальный для социал-партнёрских отношений мирный (“цивилизованный”) способ защиты и улучшения положения трудящихся – забастовка. Но этот универсальный способ принуждения капитала к социальному партнёрству эффективен и универсален лишь в условиях развития экономики.

Все разговоры о социальном партнёрстве, о социальном государстве по большому счёту беспредметны, если социально-экономическая политика российского государства не будет переориентирована на восстановление производства, экономический рост.

Опубликовано в периодическом издании “Перспективы и проблемы России”. Выпуск 28. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. Стр. 19-25.

Опубликовано в сборнике научных статей: «Социальное партнёрство: проблемы и перспективы развития». – М.: Изд. РАГС. 2003. Стр. 27-32.

2003

==========

АКТУАЛЬНОСТЬ ВЫСОКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ[182]

Мемуарный подступ к теме

В самом начале 1992 года Б.В.Ракитскому как директору Института проблем занятости РАН довелось принимать солидное должностное лицо из Всемирного банка реконструкции и развития. Тема встречи — начавшаяся реформа и её перспективы. Гостя интересовала оценка "известным экономистом" самого проекта реформ. "Известный экономист" сказал, что думал: проект разрушительный, губительный для России; проект — не ошибочный, а сознательно разрушительный; российскому государству отводится в нём роль коррумпированной Западом (через займы) колониальной администрации, а российскому народу — роль жертвы экономического геноцида.[183] Удел населения в период реформ — всесторонняя массовая деградация, которая не позволит населению подняться на организованное сопротивление реформам и заставить правительство отказаться от губительного социально-экономического курса. Гость пошёл пятнами и не скрыл раздражения.

[182] Написано Б.В.Ракитским и Г.Я.Ракитской.

[183] Первое публичное наименование затеянных шоковых реформ как экономического геноцида было сделано в статье вице-президента России А.В.Руцкого, опубликованной 17 января 1992 г. Официальная квалификация этих реформ как экономического геноцида была дана Государственной Думой ФС РФ в мае 1999 г.

В марте 1992 г. в перерыве заседания Трёхсторонней комиссии зам. председателя Правительства РФ А.Н.Шохин обратился к Ракитскому:

— Борис Васильевич! Надо бы поговорить... Вы что, говорят, критикуете правительство?

— Ну что Вы, что Вы! Боже сохрани! Наоборот, защищаю. Когда при мне говорят о правительстве "эти мальчуганы в розовых штанишках и т.п.", я резко обрываю: "Я этих мальчуганов всех знаю. Это талантливые и очень грамотные специалисты. Доктора наук — не липовые, а настоящие. Они исполняют нынешние реформы прямо с листа, экспромтом, и, кстати, без малейшей фальши! Другое дело, что сам проект реформ преступный".

- А-а-а... Теперь понятно... - протянул А.Н.Шохин.

Понятно ему стало, почему Г.Э.Бурбулис решительно вычеркнул фамилию Ракитского из числа предложенных в советники Правительства.

Из списка приглашаемых на приёмы в Посольство США Ракитские исчезли после речи Ракитского на приёме, в которой социальная политика реформ оценивалась как сознательно и последовательно конфискационная (изъятие так называемого "инфляционного навеса", запуск правительством механизма гиперинфляции[184] со 2 января 1992 г.).

[184] Это сейчас использование механизма гиперинфляции в ходе реформ мало кем оспаривается и даже признаётся официально. Но у кого есть память, тот подтвердит, как долго Е.Т.Гайдар, да ещё Б.Г.Фёдоров валяли дурака насчёт того, как трудно правительству вести реформы из-за того, что дело осложняет инфляция. Подняв цены за 1992 г. в 26,3 раза, эти правители демонстрировали нам глубокое удовлетворение: "Слава Богу, удалось избежать катастрофы, удалось удержать экономику на самом краю, иначе бы — гиперинфляция!" Через год, когда цены за два года выросли в 230 раз, мы услышали от Гайдара и Фёдорова: "Слава Богу, удалось избежать катастрофы, удалось удержать экономику на самом краю, иначе бы —

К чему подобные мемуары? Совсем не к тому, чтобы предъявить своё алиби относительно шоковых реформ. Есть потребность более существенная и общественно действительно значимая — потребность выявить роль культуры мышления в формировании, проведении и оценке результатов социально-экономического курса властей, программ и требований социальных сил как субъектов социальной политики.

Задача настоящего доклада

Крайняя замедленность формирования в новой России гражданского многосубъектного общества воспринималась реформаторами в начале и даже ещё в середине 90-х годов как фактор, благоприятствующий реформам. Это, пожалуй, так и было, если смотреть на реформы с позиций либерального фундаментализма. Если нам не изменяет память, то наиболее ярко цели реформ с этих позиций сформулировал Анатолий Борисович Чубайс[185]: “Задача реформ — переместить Россию в точку невозврата”.

Попугивание “социальным взрывом” очень скоро вышло из моды как очень уж фантастический вариант для страны, во-первых, выходящей из тоталитарного состояния, а во-вторых, ввергнутой в режим “выживания” при массовой деградации сфер труда, быта, досуга. Провозглашённые и отвоёванные четвёртой русской революцией

гиперинфляция!” И кто-то ещё мог сомневаться в их квалификации! Наивная страна — Россия!

[185] А.Б.Чубайс — один из немногих реформаторов, достойный уважения за изначальную отчётливость, твёрдость и последовательность своих взглядов на необходимые стране преобразования. Свидетельствуем, что ещё в период перестройки, в конце 80-х годов, при всех обсуждениях будущего для страны молодой ленинградский доцент А.Б.Чубайс твёрдо стоял на том, что “страну надо протащить через капитализм”. Так отчётливо тогда редко кто формулировал свои мысли.

и зафиксированные в Конституции РФ 1993 г. права и свободы граждан и социальных групп в обстановке экономического геноцида оказались не востребованными практически. Обстановка замороженности (паралича) демократического развития дала поистине фантастическую смесь в том месте реальной общественной жизни, на котором у нормально (самостоятельно и прогрессивно) развивающихся народов располагается общественное сознание и культура общественного сознания.

Сталинистская культура мышления (насквозь метафизическая, мертвящая, базирующаяся на вульгарном экономическом детерминизме) мало сказать преобладала (и до сих пор преобладает) в головах большинства в любой социальной группе. В обстановке экономического геноцида и замораживания демократического развития сталинистская культура мышления оказалась защищённой от ударов свободной мысли, так как свобода мысли, свобода слова, реальная множественность идеологий не понадобились народу, подвергнутому экономическому геноциду и отказавшемуся от сопротивления геноциду.

Одновременно в российское общественное сознание была механически трансплантирована прагматическая культура мышления американского толка. Это стало реальным фактором, блокирующим в России оживление корней и восстановление добротной европейской культуры мышления. Если кто-либо специально займётся исследованием этой темы, пусть не забудет оценить реальный ущерб, нанесённый культуре мышления в России 90-х годов XX века так называемой “грант-наукой”.

Полная беспомощность сложившейся мыслительной мешанины отчётливо проявилась в её неспособности дать анализ и прогноз социально-экономических и социально-политических процессов. Имеются в виду глубокие научные исследования, осуществляемые синхронно с замыслами и преобразованиями и вполне отвечающие потребностям практической общественной реакции на них.

Чем дальше, тем нужней такие научно глубокие и практически пригодные исследования. Но чтобы заложить

и исполнить такие исследования по профилю экономической или социальной политики, совершенно необходимо возродить в России как преобладающие высокие методологии.

Задача настоящего доклада — привлечь общественное и профессиональное внимание к актуальности высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики.

Понятие и значение высокой методологии

Беспомощность сложившейся в России мыслительной мешанины проявляется не только в неспособности многих выработать собственный взгляд на ситуацию в стране и на злободневные проблемы, но и в неспособности критически отнестись к тому дурману и туману, какого напускают составители правительственных программ. Казалось бы, чего непонятного в целях, методах и вероятных результатах программ “перехода к рынку” или “рыночных реформ”, составленных под эгидой МВФ и ВБРР или созвучных с ними? А глядите-ка, какая уйма диссертаций, монографий и статей написана на эту тему, но без серьёзного критического анализа. И вдруг выступает в печати главный экономист Всемирного банка Дж. Стиглиц и сообщает не только о провале реформ в России, но пытается толковать о причине этих провалов:

“Я утверждаю, что провалы реформ в России ...обусловлены не тем, что плохо осуществлялась в общем-то здравая политика. Причины неудач гораздо глубже, они коренятся в непонимании реформаторами самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ. ...Например, обещания провести быстрые экономические преобразования и создать “народный капитализм”, основанный на ваучерной приватизации и системе инвестиционных фондов, оказались иллюзорными”. И вот ещё, об “эксперименте” “возврата социалистических стран к принципам рыночной экономики”: “Безусловно, это — одно из крупномасштабных и относительно внезапных изменений правил игры в истории. С такой же поспешностью, с какой данные страны провозгласили отказ от коммунизма, западные советники выступили со своими “безошибочными” рецептами быстрого перехода к рыночной экономике”[186].

Сколько было комментариев к этим словам! И ведь никто из комментаторов не вспомнил, что Д.Стиглиц лишь повторяет пропагандистский приём, многоразово использованный либеральными фундаменталистами, побывавшими на высших правительственных должностях и остающимися в системе власти. Этот приём — говорить о своих ошибках, о драматизме содеянного, но не только не приступать к исправлению “ошибок”, но запугивать каждого, кто начнёт их исправлять. Помните трижды повторенное Чубайсом на всю страну: “Начнёте пересматривать итоги приватизации — будем стрелять!”. А шире это звучит так: “Начнёте исправлять наши ошибки — будем стрелять!”

Громкие слова об ошибочности курса и провале реформ по времени совпадают с засекреченной разработкой так называемой “Программы Г.Грефа”. Эта штука поциничней и поразрушительнее ельцинских реформ! И как же воспринята научной общественностью эта программа? Г.Греф, М.Дмитриев, А.Починок, М.Зурабов и др. публично “отводят людям глаза” или откровенно дурачатся (как Починок), а учёные и практики ***вместо разоблачения и отторжения этой программы в принципе*** вносят конкретные предложения по смягчению ужасающих запрограммированных последствий. Объяснить такую капитуляцию можно только одним: разрушенностью культуры мышления, примитивностью методологии у большинства тех, кто осмысливает проблемы социальной политики и социальных перспектив.

Крайне правые силы мыслят и действуют собранно, последовательно, программно. Те, кто должен бы отра-

---

[186] Дж. Стиглиц. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). — Журнал “Вопросы экономики” №7. 1999. Стр.4 и 5.

жать интересы большинства, демонстрируют (за редкими исключениями) методологическое бессилие.

Преодолеть методологическое бессилие тех интеллектуальных сил, которым не чужды интересы большинства населения России, можно только одним путём — вооружить эти силы высокой методологией. Вульгарный экономический ли, технарский ли, демографический ли, имперский ли, другой ли односторонний детерминизм, подброшенный убогий прагматизм не испарятся сами собою. Они могут отступить лишь под напором культурной обществоведческой мысли. России исторически ближе всего европейская культурно-мыслительная традиция.

Высокая методология означает для нашего, российского общества именно культуру мышления, воплощающую лучшие достижения европейской общественной мысли. Это утверждение не надо трактовать деструктивно, как противопоставление европейской мыслительной культуры другим и тем более как призыв к изоляции от других мыслительных культур. Речь идёт о ясной в общем-то задаче — возродить то, что оказалось утраченным, и тем самым вытеснить из общественного сознания сталинизм и прагматизм как господствующие ныне мыслительные типы. Без этой работы невозможно приступить к таким социально-политическим исследованиям, которые обеспечили бы, во-первых, практическое массовое действенное демократическое сопротивление проводимой в России губительной социальной политике и, во-вторых и одновременно с этим, привили бы большинству населения осознанный и стойкий иммунитет к имперским и коммуно-державным проектам “восстановления” обновлённого тоталитаризма.

Международный и отечественный капиталы, хозяйничающие в России, могут быть окорочены в их бесчинствах только широким народным сопротивлением. Одно из начал этого сопротивления — обретение высокой методологии наукой, отстаивающей интересы большинства населения.

Целостно-обществоведческий подход (метод) как высокая методология. Мера целостности знания как мера его необходимой и достаточной практичности[187]

Первое, что следует отметить как свойство высокой методологии в обществоведении вообще и в социально-политических исследованиях в частности, — это её ***идеологическая принадлежность.*** Так или иначе, но исследователь не может не “привязать” своё исследование к тому, что у естественников называется “картина мира”, а у обществоведов любого дисциплинарного профиля — идеологией. Так удовлетворяется потребность в целостности для обеспечения полноценности, доброкачественности и достоверности теоретического знания. Суммирующие обобщения могут в этом деле выручить и не подвести только в том случае, если все суммируемые выводы были достигнуты в ходе теоретической деятельности, исходящей из общей теории, основанной на достаточно ёмкой увязке с идеологией.

Уместно спросить: с какой идеологией? Идеология в обществе не одна. Единственность идеологии в обществе может случиться лишь при жесточайшем подавлении субъектности всех социальных групп, кроме одной, и при принудительной обязательности единственной идеологии. В обычном случае общество реально структурно, реально многосубъектно, общественная практика социально дифференцирована, а потому социально дифференцировано и научное обществоведческое знание. Потребность в общей теории и в высокой методологии реально возникает и

---

[187] Настоящий раздел доклада написан не двумя, а одним автором — Г.Я.Ракитской. Текст взят из её рукописи “Общая теория социально-трудовых отношений и проблемы становления их демократического регулирования в современной России” и несколько ею же отредактирован.

воспроизводится у исследователей каждого социально-классово ориентированного (партийно-научного) направления (научной школы).

Поэтому реальна множественность общих теорий одного и того же, казалось бы, предмета. “Казалось бы”, говорим мы и не оговариваемся. Предмет у разных по классовой ориентированности научных школ внешне один и тот же. Но на самом деле один и тот же не предмет, а объект изучения (одна и та же реальность). Предмет же (задачи исследования) разный, и это различие привносится различием интересов “социальных заказчиков” — субъектов общественной практики. Отсюда и сомнительность тождественности методологий при нетождественности предметов.

Издавна в общественных науках завелись понятия “в широком смысле слова” и “в узком смысле слова”. Завелись не от нечего делать, а из нужд и для нужд познания. Используются эти понятия, правда, совершенно поразному. Но при любом использовании они суть инструментарий выхода из того закономерного состояния познания, когда сам процесс познания фактически многопредметен при едином объекте исследования.

Объект общественного характера (это обычно общественные отношения) отражается в научном познании с позиций разных социальных интересов, а потому отражается вариантно. Разброс отбора актуальных для изучения свойств (сторон), круга анализируемых фактов и измерений, интерпретаций и выводов — весьма значителен. Как быть с этой вариантностью научного обществоведческого знания, создающей впечатление расплывчатости, неточности знаний в общественных науках?

Само собою, затеваются свары, споры, возникают дезавуирование и остракизм, привлекаются в качестве оценщиков истины авторитеты и, особенно охотно, влиятельные в обществе структуры (“у них” — общественное мнение, у нас, по традиции, — властные структуры). Но это всё и невежественно, и зря. Ведь по-разному социально ориентированные исследования добыли разные части

правды, все они вместе и есть реальный процесс истины. Поэтому серьёзные учёные пытаются обобщить (рационально охватить) вариантное знание. Вот тут-то и пригождается понятие “в широком смысле слова”.

Учёные пользуются методом “расширения смысла” по-разному, весьма по-разному. До такой степени поразному, что разработанные ими категории “в широком смысле слова” имеют не только мало общего, но и существенно разный смысл.

Об эклектиках мы не говорим: результаты их “обобщений” научного смысла не имеют.

Часть исследователей (не эклектиков) принимается обычно извлекать общее из вариантных результатов, погашая различия, отшелушивая их от результирующих выводов. Этот приём даёт, по справедливой оценке Ф.Энгельса, весьма банальные результаты. Смысл (содержание) выводов оказывается не только не шире каждого из вариантных результатов, но и худосочнее, легковеснее.

Другая часть учёных, использующая понятие “в широком смысле слова”, воспринимает вариантность результатов по-разному социально ориентированных исследований как позитивное познание. В марксистской (не вульгаризированной сталинизмом и маоизмом) общественной науке опыт обобщений классово вариантного знания накапливался с самого начала. Такие труды, как “Манифест Коммунистической партии” (1848) или “Капитал” (1867) — добротные примеры подобных обобщений[188]

Точность общественных наук состоит не в очищенности от вариантов единого (то есть бесспорного, инвари-

[188] К примеру, “Манифест Коммунистической партии” не только излагает доктрину научного (пролетарского) социализма, но и очерчивает спектр классово дифференцированных доктрин социализма (реакционный социализм — феодальный, мелкобуржуазный, “истинный”; консервативный, или буржуазный, социализм; критически-утопический социализм и коммунизм).

антного, но для всех чуждого) вывода. Точность общественно-научного знания — в адекватном отражении процесса классово-дифференцированного познания и результатов этого процесса. Просто пользоваться обществоведчески точным знанием следует совсем не так, как пользуются знанием естественно-научным.

Общая теория при обобщении, дорожащем вариантностью классово-дифференцированного знания, приобретает вид целостного знания, пригодного для практики взаимодействия реальных социальных групп в обществе, то есть для социально-политической и политико-экономической практики. Целостность такой общей теории обеспечивается признанием множественности идеологий в едином обществе, множественности методологий исследования одного и того же объекта при реальной классовой вариантности предмета исследований.

Освоить в современных российских условиях высокую методологию социально-политических исследований — значит преодолеть две ловушки для научного познания. Одна из них — по-сталинистски трактуемая партийность общественных наук, на деле оказывающаяся не партийностью, а идеологическим рабством для общественных наук, порабощением общественных наук государственной и обязательной для всех идеологией, запретом множественности идеологий в науках об обществе. Конституция РФ (статья 13) признаёт множественность идеологий. А массовое общественное сознание и привычная культура мысли — пока нет, не признают. По нашим наблюдениям, 9 из 10 российских обществоведов не соглашаются с тем, что правд (истин) много, что обществоведческая истина социально (партийно) структурна. Последний методологический рубеж, до которого они считают возможным отступить таков: “Ну, пусть правд много, но истина всё-таки одна”. “Одна” означает у них при этом не “единая”, а “единственная”.

Другая ловушка была расставлена на волне отрицания обществоведами идеологического рабства. Был выдвинут лозунг деидеологизированности общественной науки. Ну, кто у нас из обществоведов может служить примером деидеологизированности? Может быть, Е.Г.Ясин? Или Е.Т.Гайдар? Или С.Ю.Глазьев? Или Г.А.Явлинский с Г.А.Зюгановым? Все ведь они обществоведы видного калибра. С примерами деидеологизированности обществознания у нас в России очень туго, и чем дальше — тем будет туже.

Идеология, ориентация на которую поможет возродить в России высокую методологию в изучении общества и в выработке научно обоснованных программ действий в интересах большинства населения, — **идеология реального гуманизма**. Несколько идеологий стараются изобразить себя реально гуманистическими. Для нас минимально необходимыми признаками идеологии реального гуманизма являются:

— представление о желаемом и реально возможном будущем состоянии общества как об обществе без эксплуатации (то есть без принудительного социального донорства, без разделения общества на господствующие и подчинённые социальные группы, на угнетающие и угнетённые народы);

— реальная народная демократия;

— реальное участие большинства во власти в обществе и во власти в хозяйстве (собственности);

— реально свободное развитие каждого есть непременное условие свободного развития всех.

История представляет собою процесс и результат взаимодействия социальных сил, социальных групп, классов, общностей. Прогрессивный исторический процесс многосубъектен.

Множественность идеологий и недопущение на деле государственной и обязательной идеологии — критерий здоровой духовной атмосферы в обществе.

Научный процесс классово (социально) дифференцирован. Многосубъектность общественного развития и идеологическое многообразие предопределяют множественность методологий и подходов. Эта множественность

должна восприниматься не иначе, как закономерное явление и ресурс научного развития.

Идеологии реального гуманизма адекватен целостно-обществоведческий подход (метод), целостно-обществоведческая методология.

Целостно-обществоведческий подход — высокая методология, обладающая разрешающими (познавательными) способностями (возможностями), необходимыми и достаточными для общественной практики. Впервые в научном виде[189] этот подход как культура мышления сформировался в XIX веке, но не только не стал всеобщим методом, но подвергся явному остракизму и вульгаризации и фактически оказался утерянным в XX веке. Основоположниками целостного обществоведческого подхода по праву должны быть признаны Карл Маркс (1818-1883) и Фридрих Энгельс (1820-1895). Изначальное наименование метода как универсального — диалектический материализм, а как метода обществознания — исторический материализм.

Конечно, метод развивался и развивается. Но процессы вульгаризации, к сожалению, преобладали. Тем более, что и сами основоположники в порыве открытия нового метода и воодушевлённые его мощью не оберегли последователей от опасностей разрыва с методом в особо тонких местах, требующих особой чуткости и культуры мышления.

Вульгаризация метода исторического материализма (целостно-обществоведческого подхода) прошла, как минимум, три фазы. Первая — после (и в ходе) превращения марксизма в идеологию широкого европейского рабочего движения в конце XIX века. Вторая — в период третьей русской революции и сразу после революции (ленинский этап). Третья фаза — сталинская эпоха и тоталитарный режим, оставивший от исторического материализма одно лишь наименование, под которым стал существовать антипод исторического материализма — вульгарный экономический материализм и догматизм. Эту идеологию (сталинизм) мы в советское время изучали в вузах. Вместо целостно-обществоведческого подхода нас вооружили представлениями вроде того, что экономика связана с политикой, а политика — с экономикой, что экономика — базис, основа всего развития, а всё остальное — надстройка, которая “оказывает обратное влияние” и т.п. Не вдаваясь в обсуждения, отметим, что всё это и подобное не только не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни с диалектическим и историческим материализмом, ни с целостно-обществоведческим подходом, но и прямо им враждебно. Как говаривали в сталинскую эпоху, диаметрально противоположно.

Подавляющее большинство наших коллег твёрдо уверено, будто что-что, а марксизм и исторический материализм им прекрасно известны. Это заблуждение, уводящее их в сторону от освоения высокой методологии.

Очертим те свойства целостно-обществоведческого подхода, которые позволяют ему обеспечивать качественно превосходящий (до него не существовавший) уровень научной адекватности и научной строгости в изучении общественных явлений (в том числе и социально-экономических). Качественное повышение уровня научности обеспечивает, добавим, и качественно более высокий уровень практичности.

Главная особенность использования целостно-обществоведческого подхода — ***выделение предмета в актуальном целостном контексте.*** Это положение, мы понимаем, требует содержательного раскрытия.

Прежде всего, что понимается под целостным контекстом? Это общество, всё целиком, без каких-либо произвольных или “хитромудро” обоснованных изъятий. Что бы обществовед ни исследовал (неважно, какой он предметной специализации — экономист ли, социолог ли, тру-

[189] Оговаривая “в научном виде”, мы отдаём должное, например, очень многим античным мыслителям (исключая таких, как Демокрит), у которых целостность восприятия мира ещё не была нарушена глубокой специализацией знания и распространившейся на её почве метафизичностью мысли.

довик ли, юрист ли, политолог ли), предмет его исследовательского интереса не просто расположен в обществе, а активно взаимодействует ***со всем*** в обществе, зачастую **встроен** во все общественные реалии. Ведь все обществоведы, говоря обобщённо и ясно, изучают **общественные отношения.** А отношения есть общественная **форма** протекания реальных процессов (и потому вместе с содержанием она сама — общественная реалия).

Целостность общественного контекста, в котором изучается любой специальный предмет любой отрасли (дисциплины) обществоведения, позволяет сохранять в подлинном (не препарированном научной дисциплиной) жизненном виде все существенные взаимосвязи предмета с реальностью. В силу большой сложности общественных явлений круг существенных связей подвижен, изменчив, гибок. Большой вопрос, обеспечивает ли какое бы то ни было, даже самое тщательное научное препарирование действительности (ради более удобного изучения предмета) необходимую и достаточную полноту круга существенных связей предмета с общественной реальностью. По нашему мнению, едва ли. И уж точно — далеко не всегда: хорошо, если через два раза на третий. Целостно же обществоведческий подход не препарирует общественную реальность для изучения, а сохраняет её целиком в процессе изучения как целостный реальный жизненный контекст бытия изучаемого предмета.

Это во-первых. Во-вторых, целостно-обществоведческий подход предлагает научно обоснованный ***ориентир для выявления круга действительно существенных взаимосвязей*** предмета изучения с иными реалиями. Целостный контекст — это великолепно, это идеально в смысле неутраты при исследовании каких-либо существенных связей и отношений. Но ведь этот целостный контекст огромен, бесконечен в своих конкретностях, помноженных на динамичность! Как выбрать, отобрать, сгруппировать существенное, выделить существенное в смеси существенного и несущественного?

Решение задачи таково: предмет изучения следует выделять не в целостном общественном контексте вообще, а в ***актуальном*** целостном контексте. Это значит, что целостный контекст и изучаемый предмет в этом контексте берутся не абсолютно, а относительно, а именно ***применительно к задачам практики***, то есть актуально. Истина практична, процесс истины имеет положительный (конструктивный) смысл не иначе, как сторона практики, для практики. Известны суждения: “Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна” или вот — “Практика есть критерий истины (истинности)”. Если эти суждения не окостеневают и не используются как потерявшие живой смысл догмы, то они верны[190].

Характеризуя целостно-обществоведческий подход, важно отметить, что он ***всегда конкретно-исторический.*** Собственно говоря, это вытекает из принципа практической актуальности знания, из рассмотрения целостного общественного контекста в актуальном измерении. Конкретно-исторический подход означает, что достоверными являются и признаются не любые знания, взятые вне исторического времени и пространства, а непременно соотнесённые со временем и пространством общественной

[190] Трудно устоять против искуса оттенить водораздел между целостно обществоведческим подходом и прагматизмом. Ведь и прагматизм ставит практику на пьедестал и считает её критерием истинности (у него это, правда, не истинность, а, скорее, пригодность, ценность). Сходство есть, не так ли? Так, да не так. Прагматизм не заботится о целостности общественного контекста, он для него непрактичен. Сама практика у прагматизма не целостная общественная, а фрагментарная, в ареале интереса практикующего субъекта. А субъект этот — частный субъект, частичный. То, что для прагматика выглядит как общее, на самом деле составное, а не целостное. Так что у прагматизма из практики есть актуальность, но нет целостного общественного контекста. Похожие критерии истинности на самом деле глубоко различны.

практики, для которой они актуальны. Кстати, почти прямое следствие из этого — признание вздорными идей трансплантации практического зарубежного опыта, если не учтены социокультурные сходства и различия стран и их общественной практики. Момент этот бывает остро надобен при рассмотрении ряда вопросов реформы социально-трудовых отношений в России, начиная с 90-х годов. К примеру, при рассмотрении проблем, связанных с пенсионной реформой, с жилищно-коммунальной реформой, с заменой Трудового Кодекса.

При целостно-обществоведческом подходе совершенно иначе, чем при любых иных методологиях, стоит и решается проблема конкретности и практической пригодности теоретического знания. Эта сторона вопроса методологически исключительно важна и, насколько нам известно, не освещалась до сих пор никем из методологов обществознания. Поэтому раскроем её по существу (хотя и в тезисном виде).

Как изучает свой предмет любая из методологий, не являющаяся целостно-обществоведческой? Она как бы останавливает объект, расчленяет его, отделяя ту часть, которую будет изучать под своим предметным ракурсом. Она, стало быть, препарирует объект для изучения, упрощает объект, делает его частичным, не полным. Это неизбежное следствие глубокой специализации общественных наук. Их предметы частичны, очень специализированы. Ситуация такая, как в медицине, где врачи специализируются на конкретных болезнях отдельных органов, но никто не занят здоровьем организма в целом. В общественных науках такое предметное дробление сильно отдаляет изучаемую часть объекта от реальной практики, от живой взаимосвязи в рамках практического целого. Отсюда их специфическая проблема — обрести практическую ценность, по возможности вернуть или компенсировать потерянную целостность. Решается эта проблема в последние десятилетия практически “на ощупь”: с помощью междисциплинарного подхода, многофункционального анализа, а там, где объект устроен

попроще, нежели общество, — с помощью системного подхода, синэргетического подхода и т.п.

Словом, все методологии (кроме целостно-обществоведческой) культивируют исследовательские подходы по схеме “утратить, а потом вернуть или компенсировать”, добыть сперва упрощённое знание, отражающее усечённый объект, часть объекта с “обрубленной частью связей”, а затем складывать из добытого частичного знания более ёмкое, более или менее приближающееся к полному.

Целостно-обществоведческий подход основан на совершенно иных принципах. Прежде всего, основоположники исторического материализма исходили из настоятельной потребности восстановить целостность обществоведения. Это не означало нигилистического отношения к узко предметным общественным наукам, а означало актуализацию целостного знания об обществе. Такие великие труды, как “Капитал” и “Положение рабочего класса в Англии”, — разве укладываются первый в политическую экономию, а второй — в конкретные социологические исследования? Конечно, не укладываются. Поэтому К.Маркс — основатель такой политэкономии, какой не было до него, а Ф.Энгельс — такой социологии, какой и теперь считай что нет.

Знание, добытое с помощью целостно-обществоведческой методологии, сохраняет в себе отражение связи предмета с актуальным целостным контекстом. Это изначально придаёт ему высокую меру практической пригодности. Этот вывод можно выразить и по-другому: ***сущностное знание, полученное на основе целостно-обществоведческого метода, обладает свойствами особой конкретности.*** Конкретность в нём как бы архивирована (свёрнута) и легко и эффективно разворачивается. Это можно обозначать (трактовать) терминами “жизненность”, “практичность”. То есть это та самая хорошая теория, практичней которой, по выражению Л.Больцмана, нет ничего. Да и то сказать: все мы попривыкли к странному представлению о конкретном как о детальном описании

устройства. А ведь конкретное-то — это ***единство*** многообразного, ***целостная*** полнота связей и отношений. Конкретное содержательно разнообразием единого, но не суммированного, а целостного.

Но довольно "чистой методологии". Обратим в заключение внимание на два дополнительных аспекта.

Первый — тупиковость попыток использовать суррогаты целостности. Прежде всего это относится к методам агрегирования эмпирических знаний и к конструкциям междисциплинарного знания. Они не имеют шансов когда-либо дорасти до качественной высоты целостного знания (и это, вроде бы, не следует повторно объяснять). Более того, они в своём прогрессе не приближаются к целостному знанию, а удаляются от него. Они безнадёжно, необратимо метафизичны. Они — игра в кубики знаний, упражнения в суммировании фрагментов, среди которых не хватает и всегда не будет хватать тех, которые обеспечивают движение, жизнь, развитие. Целостность обладает свойством ухватывать причины движения, движущие силы не по отдельности, а в динамичном взаимодействии.

Второй аспект (он для социально-политических исследований более важен) — мера целостности знания.

Отмеченные преимущества целостно-обществоведческого подхода вовсе не обеспечивают этому подходу свойства давать абсолютные знания. Об этом речь не должна вестись. Проблема в достижении не абсолютного, а практически эффективного знания. Целостно-обществоведческий подход открывает принципиальную возможность такого процесса познания, который непрерывно обеспечивает практически эффективное знание. Однако эта возможность не реализуется автоматически. Возможность открыта, но как её реализовать?

В самом деле, знание, добытое в исследованиях на базе целостно-обществоведческой методологии, может оказаться практически неэффективным. Что это означает: фиаско самого подхода или изъян в его применении? Сам по себе подход (как таковой) не содержит внутри себя каких-либо препятствий для непрерывно эффективного по-

знания. Стало быть, следует искать изъян в применении подхода исследователем. В общем виде этот изъян всегда связан с недостаточностью целостности, с тем, что исследователь посчитал некие взаимосвязи объекта несущностными для предмета, тогда как в действительности они оказались сущностными. То есть исследователь вывел предмет из актуального целостного контекста и тем лишил результат эффективной практической конкретности.

Стало быть, при пользовании целостно-обществоведческим подходом перед исследователем всегда стоит задача соблюдения меры целостности знания как меры необходимой и достаточной практичности.

Проблема "раздвижения" целостного до достаточно целостного, или — что то же — проблема удержания предмета в пространстве актуального целостного контекста — это проблема охвата всего, что существенно для практики, проблема обеспечения достаточной (практически актуальной) конкретности как теоретического, так и прикладного знания.

Где же граница целого? Вернее, каковы признаки достаточной полноты актуального целостного контекста? В разных отношениях целостность имеет разные границы. Можно проиллюстрировать это на примере социально-трудовых отношений.

Пользователь знаний — практика. В этом своём качестве пользователя она и критерий истины, то есть мера должной (с точки зрения пользователя знания) целенаправленности процесса истины, содержательности, достаточной наполненности этого процесса. Истина — не продукт, не завершённый результат, а процесс, включаясь в который, пользователь знаний использует текущее состояние этого процесса как продукт (знание).

Принцип соразмерности (качественного соответствия) практике определяет подход к параметрам необходимой и достаточной целостности.

Но что есть практика? Преобразовательная деятельность — это несомненно. Преобразование может быть рассмотрено со стороны изменения преобразуемого объ-

екта. Это правомерно, но неполно. А для труда как преобразовательного процесса явно недостаточно, ибо ухвачен (как говорят философы) результат преобразования, *результат* труда, а *не процесс*.

Процесс же труда может быть рассмотрен со стороны структуры и механизмов его преобразовательных функций (цель, способы, методы, приёмы и т.п., касающиеся процесса преобразования). Опять-таки верно и допустимо. Но недостаточно. Недостаточно потому, что труд — процесс человеческий, а выше очерченное рассмотрение труда пахнет тейлоризмом, игнорировавшим в трудящемся человеке именно человеческое. Значит, актуальный целостный контекст изучения труда не может не включать его человеческую сторону.

В 20-е годы XX века не только Тейлор недооценивал неразрывность процесса труда с общественным существованием человека. Вот идеи Л.Д.Троцкого, изложенные в "Тезисах ЦК РКП "О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд"":

"...Основным рычагом для поднятия хозяйства страны является, следовательно, ***живая рабочая сила***, её организация, её распределение и целесообразное использование.

... Законченное проведение начал всеобщей трудовой повинности в рамках общехозяйственного плана сможет быть осуществлено путём усовершенствования всего административного и хозяйственного аппарата страны и введения во всеобщий обиход трудовой книжки, которая давала бы точное определение места, занимаемого каждым гражданином и каждой гражданкой Советской республики в хозяйственной системе и в системе обороны страны"[191]

[191] Л.Д.Троцкий. К истории русской революции. — М.: Изд. политической литературы. 1990. Стр. 151 и 153.

Разорванность, нецелостность подхода к трудящемуся человеку, усечение его до рабочей силы породило и тейлоризм, и такую социально оскоплённую науку, как экономика труда. Это в сфере познания. А в практической сфере следствия были ещё более горькими.

Проверка высокой методологией социально-политического смысла важнейших российских реформ

Освоение высокой методологии в исследованиях социальной политики оставляет в стороне всевозможные пропагандистские и демагогические побрякушки и "брэнды" типа "трансформация", "переход к рынку", "рыночная экономика", "институциональные ловушки", "ошибки реформаторов" и пр.

Принцип рассмотрения предмета в актуальном целостном общественном контексте не позволяет укрывать существо за поверхностными явлениями и словесными миражами. Борьба с этим принципом в 90-е годы шла по ряду направлений, основные из которых — борьба с "измами" (то есть с категориальным аппаратом, отображающим идеологическую структуру общественного сознания); борьба с формационным подходом, позволяющим научно точно и глубоко типизировать характер устойчивых состояний общества; объявление исчерпанным для России лимита на революции; борьба с представлениями о классовой структуре общества и с идеями классовой борьбы.

Между тем эмпирически выкристаллизовался более или менее отчётливый критерий различения научных и ненаучных методологий в обществознании. Ненаучные методологии (в отличие от высоких, научных методологий) априори и самым решительным образом исключают из рассмотрения каких бы то ни было общественных реалий и проблем социально-классовый аспект, вплоть до того, что отрицают сам факт социально-классовой структурированности общества и социально-классовую дифференциацию и типизацию интересов.

Мы не переставали вести социально-политические исследования с позиций идеологии реального гуманизма и целостно обществоведческого подхода с 60-х годов. Мы вправе заявить, что накопили немалые заделы и результаты в области высокой методологии и даже развили на её основе научную школу (редкое, надо сказать, явление в обстановке тоталитарной системы). Благодаря этому события перестройки, четвёртой русской революции и преобразований 90-х годов получали с нашей стороны вполне синхронное научное рассмотрение, что мы и считаем своим вкладом в четвёртую русскую революцию и в борьбу за свободную демократическую Россию. Борьба эта далеко ещё не окончена.

Рассмотрение замыслов, событий и результатов реформ 90-х годов (и современных) с позиций методологии, ставящей во главу угла социально-классовый подход, отражено в десятках наших публикаций.[192] Смеем считать, что наши оценки и прогнозы не заставляют нас краснеть

[192] Назовём несколько, не подбирая и не выбирая специально. "Стратегия и тактика перестройки" (М."Наука"1990); "Основы теории переходного периода" (1990); "Современные требования трудящихся к социально-экономической политике"(1993); "Положение населения России: социальная надломленность при "прыжке в рынок" (1993); "Защита интересов трудящихся при реформе собственности"(1993); "Есть ли у России будущее?"(1994); "Так называемые рыночные реформы, интересы трудящихся и деятельность профсоюзов" (1997); "Уровень и перспективы демократического действия трудящихся"(2000); "Концепция социальной политики для современной России" (2000); "Общество, в котором мы жили в СССР" (2000); "Глобализация капитализма как новейший этап социальной организации человечества (глобализация социальной непримиримости)"(2001); "Социальная защита и самозащита труда"(2002); "Взаимоотношения работников и работодателей в современной России (1987-2001гг.)" (2002); "К критике общественного сознания в новой России" (2002).

за них и через 10 с лишним лет. И не требуют существенного пересмотра.

Позволим себе сообщить некоторые оценки и выводы, полученные при исследовании социальной политики с применением высокой методологии.

Российские реформы в целом

1. Характер реформ в России в 90-е годы определился под влиянием двух основных факторов.

Один фактор (внутриполитический) — антитоталитарная и антиимперская четвёртая русская революция (1988-1991 гг.). Это предопределило ***революционный*** характер реформ и их главную цель — выход из тоталитарной системы в сторону демократии. Из нескольких возможных вариантов будущего в силу слабости демократического движения и отсутствия рабочего движения для реализации оказался избранным вариант недемократического первоначального накопления капитала, столкнувший позднее ситуацию к варианту недемократического капитализма колониально-периферийного типа.

Такому развитию событий способствовал второй фактор (геополитический) — вовлечение России в процесс глобализации в роли донора международного капитала. Это предопределило ***глобализационный*** характер реформ и их главное следствие — зависимое положение России в мире, её периферийное положение в мировом хозяйстве не как временное или стартовое, а как надлежащее в системе современного миропорядка и поддерживаемое функционированием этой системы[193]. Поэтому первые строки из "Программы Г.Грефа":

[193] Ещё в статье 1993 г. к важнейшим угрозам национальной безопасности мы относили и "беззащитность от попыток Запада колонизовать Россию", и "беззащитность от всё более вероятных силовых давлений, затем ультиматумов, затем "наказаний" за попытки настаивать на самостоятельности России" ("Есть ли у России будущее?" -М.:1994. Стр.111). Эти угрозы теперь усугуби-

"К рубежу третьего тысячелетия Россия утратила положение страны-сверхдержавы и столкнулась с угрозой оказаться на периферии формирующегося нового мира. Опасность остаться за рамками процессов глобализации, становления открытого сообщества и постиндустриальной, информационной экономики является для России всё более реальной" — эти строки свидетельствуют о неквалифицированности анализа. Квалифицированный анализ не может выдавать свершившийся факт за угрозу. Это значит отставать в осмыслении происходящего на целую эпоху.

2. Социальная структура тоталитарного СССР была кастовой (не классовой) и эксплуататорской. Корпоративным частным собственником была правящая каста — номенклатура. В ходе реформ (первый этап — 1990-1991гг., второй — 1992-1995гг.) была осуществлена принудительная приватизация, в итоге которой, по точному определению А.Б.Чубайса, "распределение собственности в России, как, впрочем, и в других странах, происходит пропорционально существованию властных элит".[194]

3. Источников новых крупных частных состояний в России два (и оба преступные не по форме, а по существу): разграбление (распределение пропорционально власти) государственной собственности и резкое урезание доходов населения.

4. Населению с самого начала реформ была предназначена роль донора первоначального накопления капитала. Способ осуществления принудительного донорства (экспроприации) — экономический геноцид, в числе конкретных инструментов последнего — конфискационная социальная политика, развязанная правительством гиперинфляция и др.

5. Российское частное предпринимательство, неконкурентоспособное в условиях глобализационного "от-

лись, и после 20 марта 2003 г. в СМИ об этом стали говорить почти впрямую, а между собою — совершенно откровенно.

[194] ***Интервью в газете "Известия" 6 декабря 1995 г.***

крытия" экономики, получило постоянную компенсирующую подпитку в виде искусственно поддерживаемого государством занижения цены рабочей силы. Тоталитарная государственная эксплуатация удерживала цену труда на уровне 25-30% западноевропейского уровня (за одинаковый труд и результат). Ныне либерально-фундаменталистское государство удерживает гарантированную цену труда на уровне 1-1,5%, а фактическую — на уровне 2-2,5% от западноевропейской цены.

Это обстоятельство порождает "зарплатный демпинг" и, возможно, будет снято при вступлении в ВТО.

6. В итоге реформ Россия не располагает жизнеспособным социально-политическим и социально-экономическим механизмами, не обрела "собственной основы" для устойчивого воспроизведения и, как никогда, зависит от случайностей.

7. Социальная политика продолжает оставаться социальной политикой экономического геноцида. Массовая деградация состава занятий, качества трудового потенциала, культуры труда, быта, досуга, отраслей социального хозяйства — продолжается. "Программа Г.Грефа" открыла новый этап социальной политики, существо которого — реализация процессов, дающих в итоге социальную сегрегацию населения на 15-20% "нужных рынку" и 80-85% — обречённых на прозябание (а при благоприятных обстоятельствах и при щедротах капитала — на обустройство в социальных резервациях).

В заключение приведём научную экспертизу двух современных социально-политических реформ — пенсионной и жилищно-коммунальной.

Пенсионная реформа

Руководство страны ныне признаёт неудовлетворительность уровня пенсионного обеспечения. Принимаются меры и по оперативному увеличению пенсий неработающим пенсионерам, и по изменению самой организации пенсионного дела.

Это не первый благой приступ к больной проблеме. Но и на этот раз принимаемые решения не сулят успеха[195]. Трудно сказать, почему сама проблема ставится в корне неверно — из-за непонимания сути проблемы или из-за нежелания отступать от ***конфискационного*** подхода к постановке и решению любых социальных вопросов. Конфискационным называется подход, при котором забота государства о благе всего общества и граждан сознательно (или — реже — бессознательно) основана на принудительном изъятии у большинства граждан части их доходов.

Часть конфискаций — на виду. Например, только обесценение просроченных долгов по зарплате в результате девальвации[196] в августе-сентябре 1998 г. отобрало у трудящихся покупательную способность, равную 8 млрд. долларов США.

Редко заходит речь о других конфискациях. Самые большие из них — непризнание правительством и государством страховых обязательств перед населением, возникших ещё в СССР. Новая Россия унаследовала имущество СССР, но не признаёт его обязательств перед населением. С этим в решающей мере связана дистрофия всего социально-страхового дела в современной России.

---

[195] ***Более или менее развёрнуто суть пенсионной реформы рассмотрена в статье Б.Ракитского "Пенсия для донора российского капитала" // "Государственная служба". №2 2001. Стр.56-60.***

[196] ***Напомним, что ни премьер С.В.Кириенко, ни "возвратный" премьер В.С.Черномырдин, ни "политический тяжеловес" премьер Е.М.Примаков не пожелали признать девальвацией устроенное правительством 3-4 кратное понижение курса рубля к доллару и соответствующее понижение покупательной способности рубля. Признать это событие девальвацией означало бы взять обязательства (как минимум, моральные) по индексации доходов населения или каким-то иным способам компенсирования. Курс был такой: перед 17 августа 1998 г. — 6 рублей 30 коп. за доллар, через два месяца — уже более 23 рублей.***

Поясним это на примере пенсионной системы.

У чиновников от социальных дел в большом ходу речёвка насчёт того, что соотношение работающих и пенсионеров изменяется не в пользу работающих, а через несколько лет на одного работающего будет приходиться один пенсионер. Из этого следует послушайте какой вывод: работающим всё труднее содержать пенсионеров, а потому надо увеличивать взносы в пенсионные фонды из заработной платы. Поэтому через несколько лет из зарплаты будет удерживаться "на собственную старость" до 9%!

Ничего себе решеньице! Особенно если учесть, что под ним нет никаких, ну ни малейших здравых обоснований. И причины вымышленные, и результаты будут плачевные, так как не обеспечат ни устойчивости, ни надёжности пенсионной системы, ни достойного уровня пенсий.

То, что работающие кормят пенсионеров — это неумная выдумка. Но как же трудно объяснить и министрам и журналистам, что её неэтично, оскорбительно повторять!

Какие средства тратит пенсионер, получающий пенсию по старости (а именно таковы почти все наши пенсионеры)? Он тратит средства, которые ***резервировались*** (то есть откладывались в резерв) при ежемесячном начислении его зарплаты в течение всего трудового стажа. Если бы эти средства не резервировались, зарплата была бы на 28-29% выше. Средства эти ***в обязательном порядке собирает государство*** (называется "обязательное пенсионное страхование", хотя тут, строго говоря, не страхование, а именно резервирование). За год каждый работающий с помощью государства резервирует в России почти три с половиной месячных зарплаты. За время существования пенсионного фонда (с 1992 г.) каждым работающим уже отложено (зарезервировано на его старость) 35 месячных зарплат. За 20 лет резервируется 69,6 месячных зарплат, за 25 лет — 87 месячных зарплат. При выходе на пенсию в 60 лет у нормального россиянина имеется по 35-37 лет трудового стажа, а значит — по 121-

128 зарезервированных месячных зарплат. Считается, что пенсионер должен получать пенсию в размере 70% от зарплаты. Значит, зарезервированного хватит ему от 60 до 75 лет (примерно на 15 лет). Но пенсионер у нас, к сожалению, так долго в массе своей не живёт, во-вторых, в массе своей продолжает работать, а значит и резервировать, а, в-третьих, пенсия его в среднем намного ниже 70% зарплаты.

Так что и государство, и общество уже сейчас крупно наживаются на недоплате пенсионерам зарезервированных ими средств. Давайте спросим себя: если бы в стране внезапно не осталось ни одного работающего, имелись ли бы средства для содержания пенсионеров-стариков? Правильный ответ: да, имелись бы — это зарезервированные ими средства за время их трудового стажа. Но совсем точный ответ такой: имелись бы, если бы их не украли. Не конфисковали бы, извините за оговорку.

Конфискация зарезервированного на старость: вот как это сделано в новой России. Существовавшая в СССР система распределения и организации движения средств не ставила целью прозрачно отразить их конечное предназначение. Централизация ресурсов в “общий котел” — госбюджет, а затем выделение целевых ассигнований из бюджета — такой была принципиальная схема. Издержки производства содержали лишь символическую величину на месте той части необходимого продукта, которая дополняет заработную плату. То есть издержки предприятий занижались за счёт того, что часть необходимого продукта, потребная для страхования и резервирования, изымалась в основном не в форме страховых платежей, а через налоги (в основном через налог с оборота) и отчисления от прибыли в бюджет.

Такой механизм движения значительной части необходимого продукта сосредоточивал средства на социальную защиту в руках (на счетах) государства. ***Эти средства и сейчас составляют часть государственной собственности.*** В силу своего предназначения

эта часть государственной собственности не должна была перейти в частные руки ни при какой приватизации. А если перешла — значит конфискована государством.

С начала реформ были введены страховые и резервные платежи во внебюджетные государственные фонды. Размер платежей в момент введения был соразмерен задачам социальной защиты. ***Но подчеркнём — ибо это принципиально важно! — размер введённых с начала реформ обязательных страховых платежей был достаточен для социальной защиты только работающих. Потребности социальной защиты нетрудоспособных этими платежами не покрывались и не должны были покрываться, так как закончившие трудиться (или проработавшие к тому времени по 10-15 лет) поколения уже накопили средства для своей социальной защиты (полностью или в значительной мере).***

Позже, при резком понижении реальных заработков размеры платежей стали совершенно не соразмерными задачам социальной защиты. Но общий подход остался прежним. Если даже поднять обязательные платежи до объективно необходимых размеров, это решит задачи социальной защиты только тех, кто начинает трудиться. Средства же для социальной защиты тех, кто ещё жив и трудился до начала радикальных реформ, частично (в немалых объемах) находятся в составе государственной собственности.

Шоковый метод реформ широко использует конфискации. В явном виде были конфискованы денежные сбережения населения. Средства на социальную защиту также конфискованы, но как бы в скрытом виде. Было объяснено, что общественные иждивенцы (прежде всего пенсионеры) получают пенсии за счёт страховых взносов ныне работающих. Это подлог, это конфискационный трюк. Он игнорирует природу пенсионных, а отчасти и страховых фондов как резервных, отложенных для будущих трат теми, за кого или кем в течение трудовой жизни вносились страховые платежи.

Стало быть, возникающая с начала реформ система социальной защиты обречена на хроническую дистрофию, на хронический недостаток средств, поскольку накопленные до начала реформ средства на социальную защиту были сосредоточены у государства, а с началом реформ конфискованы государством. Конфискация состояла в непризнании государством наличия исходных накопленных ресурсов для социальной защиты и в организации практики пенсионного обеспечения, медицинского и социального страхования исключительно за счёт текущих страховых платежей.

Государство должно вернуть народу средства для социальной защиты, накопленные до начала реформ. Для этого государство должно передать часть своей собственности государственным внебюджетным фондам.

Расчёт государственного долга системе социальной защиты может быть сделан в кратчайшие сроки. Методика расчёта разработана научно и имеется. ***Дело за готовностью государства*** вывести систему социальной защиты из экономической дистрофии, сделать её надёжной и устойчивой. Ну какой же идиот согласится добровольно участвовать в новых пенсионных мероприятиях правительства, если это государство на весь мир прославилось беспримерным грабежом!? Конфискациями, извините за оговорку.

Признание государством средств для социальной защиты, накопленных до начала реформ, разновидностью внутреннего государственного долга, выделение в составе государственной собственности соразмерной этому долгу части, а, возможно, и передача управления этой частью государственной собственности внебюджетным страховым и реэервным фондам — всё это ничуть не нарушило бы ход экономических процессов, а лишь более стройно и целесообразно структурировало (наладило бы) их. Описанные операции можно сравнить с выделением в том же самом кармане отдельного кошелька с чётким осознанием, для чего отложены находящиеся в нём средства.

Выделение в составе государственной собственности средств на социальную защиту, накопленных до начала шоковых реформ, позволило бы нормализовать финансовые взаимоотношения между поколениями. Пока накопленные средства остаются конфискованными, работающие поколения и вправду отдают свои страховые платежи на содержание экспроприированных нетрудоспособных. Тем самым ныне работающие поколения остаются без накопления части необходимого продукта и вынуждены будут зависеть в будущем от последующих поколений. Однако трудно надеяться на будущие поколения, воспитываемые в духе крайнего индивидуализма, жестокости и духовной убогости.

Защищённость ныне работающих поколений станет на прочную основу, если вносимые теперь и расходуемые теперь страховые платежи можно будет рассматривать как постепенное (в рассрочку) замещение тех накоплений, которые выделены государством в составе государственной собственности и представляют собою реальные ресурсы, реальные гарантии наличия средств на социальную защиту[197].

Жилищно-коммунальная реформа[198]

Реформа ЖКХ есть составная часть той же самой конфискационной социальной политики, которая принесла конфискацию сбережений в январе 1992 г., “чёрный

[197] Ещё раз о распространяемых сюжетах насчёт того, что пенсионеры живут за счёт работающих. Когда это делают журналисты, с них взятки гладки: мы уже привыкли, что журналисты в новой России по большей части безграмотные и бессовестные. Другое дело — государственные служащие. Им должно быть указано на служебное несоответствие, ибо распространение глупой выдумки небезобидно. Оно культивирует социальную рознь между поколениями нашего общества.

[198] Подробнее см. доклад Б.Ракитского “КРИЗИС ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ” на парламентских слушаниях в Комитете Совета Федерации ФС РФ по социальной политике 28 февраля 2003 г.

вторник" Черномырдина в октябре 1994 г., 17 августа 1998 г. Кириенко, выплату долгов по зарплате обесцененными деньгами в 1999 г. правительствами Примакова и Путина и т.п.

Предлагаемая, продавливаемая федеральным правительством и в основном уже сделанная реформа жилищно-коммунального хозяйства представляет для населения огромные социальные опасности — опасности ещё большего обнищания и массовой бездомности

В 2000 г. все услуги ЖКХ стоили 300,7 млрд.руб. (11,1 млрд.долл). Население уплатило 118,5 млрд руб. (4,4 млрд.долл.). 121,3 млрд.руб. (4,5 млрд.долл.) поступило из всех видов бюджета. 59,1 млрд.руб. (2,2 млрд. долл.) так и не были никем покрыты в 2000 г.

Суть реформы ЖКХ (вернее единственное, что в ней интересует федеральное правительство) — заставить население платить в год за жилищно-коммунальное обслуживание все 11,1 млрд. долларов сполна. "Выигрыш" государства (по Конституции социального, между прочим), как минимум, 4,5 млрд. долларов, но вероятнее всего 6,7 - 7 млрд. долларов. Ровно столько же теряет население.

Наша позиция состоит в том, что предложенный вариант реформы ЖКХ по существу есть новая крупномасштабная государственная конфискационная акция, направленная против интересов народа и не имеющая под собой никаких веских социальных и экономических аргументов, кроме произвольного желания правительства отнять средства у нищего в своей массе народа. Государство, отнявшее у трудящегося народа в период шоковых реформ пять шестых его реальных доходов, решило продолжить грабёж. Вот и всё его обоснования реформы ЖКХ.

11 лет экономического геноцида наполнены опытом сламывания народа реформаторами, продавливания одного за другим мероприятий, ухудшающих социальное положение большинства населения. Ни одна из акций геноцидных реформ не встретила организованного массового народного сопротивления. Бывали случаи очаговых

протестов, но касались они не стратегии реформ, а тактики её проведения (например, забастовки шли не по поводу резкого понижения реальной цены труда, а по поводу задержек выплат унизительно низкой зарплаты и т.п.). Это даёт реакционным правым силам (либеральным фундаменталистам) формальную возможность заявлять, будто народ поддерживает проводимые реформы. По нашему же мнению, имеет место не поддержка реформ народом, а неготовность достойно сопротивляться им, губительная покорность.

В очередном мероприятии властей — в реформе ЖКХ — ситуация в принципе повторяется. ***Народ по существу покорно принимает очередную конфискационную меру***, но ерепенится по частностям: не так, дескать, вдруг; отсрочьте; смягчите меру конфискации, дайте скидку; ломайте, но не всё подряд; и т.п.

Сегодняшний кризис реформы ЖКХ состоит для властей ***в тактических трудностях её осуществления***, в растягивании сроков конфискации у населения очередных 7 млрд. долларов покупательной способности ежегодно.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ РЕФОРМЫ ЖКХ. УЛИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДВОЙНОМ СТАНДАРТЕ.

Социальные и экономические основания для предложенной и проводимой правительством реформы ЖКХ отсутствуют. Государство применяет двойной стандарт, рассуждая о рынке. Реформа ЖКХ есть грабёж населения государством

Экономическая аргументация правительственного проекта базируется на том, что бюджету трудно поднимать такую ношу, как дотация на оплату услуг ЖКХ. Цена, рассуждают, есть цена, товар есть товар, покупка есть покупка. Купил, потребил услугу — уплати полную цену. Не можешь оплатить сполна — купи меньше, вообще не покупай, но не рассчитывай на дядю, на государство. Иначе не бывать рынку, рыночному хозяйству, полезной конкуренции, эффективности и справедливости. Поэтому квартиросъём-

щики должны оплачивать полную цену услуг ЖКХ. Бюджетные дотации должны перестать существовать.

Эта часть рассуждений и эти выводы не вызывают наших возражений. Возражения и наше принципиальное неприятие вызывают:

— во-первых, подходы к вопросу о справедливости или несправедливости, обязательности или необязательности сложившейся некогда и существующей до сих пор системы бюджетных дотаций на оплату услуг ЖКХ,

— во-вторых, само решение вопроса об источнике средств, которые заменят собой бюджетные дотации.

Упорные попытки изобразить дотации из бюджетов на оплату услуг ЖКХ как некие “подарки”, “халяву”, советский “собес” некорректны, искажают реальность. Дотации родились как часть механизма тоталитарного распределения доходов. Этот механизм, нерыночный от начала до конца, исключал не только гражданскую, но и экономическую субъектность (самостоятельность действий) трудящегося. На руки работнику, общественному иждивенцу, получателю социальной поддержки выдавалось как можно меньше из всего, что фактически затрачивается на воспроизводство рабочей силы. Государство стремилось обобществлять как можно больше конкретных форм жизни и брало на себя их финансирование, делая их бесплатными для потребителя. На разных этапах оно и питание старалось делать бесплатным, как в казарме. Ещё в 60-е годы более или менее всерьёз воспроизводились эти подходы, так что при начале массового жилищного строительства рассматривались идеи строить жилища вообще без кухонь (в предвкушении близкого коммунизма, при котором питание всё будет общественным). Но потом всё же было решено с этим подождать и зарплате и другим видам индивидуально-семейных доходов по-прежнему придавать некоторые воспроизводственные функции.

Следовательно — **и это фундаментально важно** — ***дотации на оплату услуг ЖКХ — изначально не щедроты тоталитарного государства, а огосударствленная часть воспроизводственных функций трудовых доходов и соответствующая часть необходимого продукта (стоимости рабочей силы).*** Другие виды того же самого — бесплатное предоставление жилища в пользование “по нуждаемости”, нормативное развитие сети бесплатных учреждений социального хозяйства (школы, вузы, библиотеки, больницы, поликлиники, музеи, красные уголки, дома культуры и т.д.). Классическое (и притом официальное) объяснение причин заниженности размеров зарплаты и других индивидуально-семейных (так называемых располагаемых) доходов — ссылка на совсем иную модель воспроизводства рабочей силы, нежели рыночная капиталистическая. Главная особенность — высокая доля бесплатности благ для потребителя (огосударствление гораздо большей доли необходимого продукта, чем в капиталистической рыночной экономике).

В связи с внедрением в жизнь такой тоталитарной модели структура (и сама функция) цены на услуги ЖКХ не могла не быть деформированной под выполняемые задачи. Считается и говорится, что дотация — доплата из бюджета к цене. Но эта доплата была вдвое-вчетверо больше того, что платила семья трудящегося. Так что правомерно ставить вопрос и иначе: квартиросъёмщик ***доплачивал*** к государственной бюджетной цене.

Уместно напомнить и такое важное обстоятельство: очень большая часть жилищ дотировалась не из бюджетов, а из себестоимости продукции, поскольку жилищно-коммунальное хозяйство в своей значительной части находилось на балансе предприятий, а дотации на него (плановые убытки) покрывались за счёт издержек. ***Этот механизм позволял в конечном счёте покрывать дотации за счёт цен на потребительские товары, то есть опять же из средств населения.***

Как ни гляди, а смена тоталитарной модели воспроизводства рабочей силы и формирования необходимого продукта на рыночную не позволяет оставлять прежнюю схему ценообразования на услуги ЖКХ. Тем более, что один из мощных источников дотации — плановые убытки от содержания непроизводственной сферы предприятий —

перестал существовать с передачей этой сферы муниципалитетам.

Приходится уличить современное российское государство в применении двойного стандарта как в главном изъяне всей идеологии реформы ЖКХ, начиная с её замысла. Аксиома, что рыночный механизм стоит на принципе эквивалентности обменов. При переходе от тоталитарной организации хозяйственных обменов к рыночной их организации имевшая место неэквивалентность должна смениться эквивалентностью. Не может стать и быть пропорциональным и воспроизводимым рыночное хозяйство, если в ходе этой смены по части обменов неэквивалентность восстанавливается, а по части усугубляется. Но именно так и происходит в период геноцидных реформ в России, начиная с 1992 года. Цены на товары и услуги населению дорастают до мировых и европейских, последовательно отчищаются от дотаций и льгот, а цены на рабочую силу одновременно с этим всё больше и больше отклоняются от европейских и мировых. В 70-е годы за сопоставимый по квалификации, условиям и результатам труд в нашей стране платили 25-30% европейской цены труда. Сейчас в России цена за сопоставимый труд на легальном рынке труда составляет 2,5% от европейской.

Искусственное занижение цены труда в России, усугубившее тоталитарную деформированность в оплате труда, — дело нашего современного государства. Именно государство, обязанное законодательно регулировать гарантированную минимальную оплату труда, намеренно не выполняет эту свою конституционную обязанность по существу, хотя формально выполняет, устанавливая гарантированную минимальную оплату на уровне от 7 до 25% им же устанавливаемого (явно заниженного) прожиточного минимума. Сейчас это 450 рублей при 1817 рублях утверждённого правительством в октябре 2002 г. прожиточного минимума. Откомментируем словами В.И.Ленина: “По форме правильно, а по существу издевательство”.

В связи со сказанным сам замысел замещения бюджетных дотаций для ЖКХ средствами из бюджетов

семей приходится квалифицировать как замысел ограбления, конфискации, о чём уже и говорилось.

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНО И ЭКОНОМИЧЕСКИ ГРАМОТНОЕ РЕШЕНИЕ ОСНОВНОГО ВОПРОСА РЕФОРМИРОВАНИЯ ЖКХ

Научно обоснованное, справедливое и стопроцентно рыночное решение — устранить искусственное занижение цены рабочей силы; добавить к доходам на душу по 5,5 долларов; подсократить богадельню, “собес” для капиталистического предпринимательства.

Вот тут и возникает главный вопрос — ***об источнике покрытия*** той части цены услуг ЖКХ, которая при тоталитаризме покрывалась дотациями из бюджета и плановыми убытками предприятий, списываемыми на себестоимость продукции.

Может ли новым источником стать повышение расходов самого населения? Нет. Ни в коем случае. Цена труда, уровень всех трудовых доходов и выплат был при тоталитаризме преднамеренно занижен на величину этих дотаций. При переходе к рынку эта прежде огосударствленная часть объективно необходимого продукта не была возвращена работнику. Более того, покупательная способность трудовых доходов была понижена государственными шоковыми реформами в 6-10 раз! Государство признаёт, что доля заработка в валовом внутреннем продукте понизилась за годы реформ с 50% до 30% (при том, что объём самого ВВП снизился более чем вдвое). Чтобы население уплачивало цену услуг ЖКХ полностью, ему сначала надо выдавать на руки по 7 млрд. долларов ежегодно. У него самого их не было и нет.

Могут ли бюджеты всех уровней продолжать выплачивать дотации в прежних объёмах? Могут, если уровень налогов им позволяет. Но налоги правительство хочет снижать, тем более, что и предприниматель скулит и скулит о непосильном якобы налоговом бремени. В свете такой налоговой политики крайне нецелесообразно остав-

лять основным источником покрытия издержек ЖКХ бюджетные дотации.

Обложить частные предприятия новым налогом на содержание ЖКХ было бы не по-рыночному. Кстати, введённые в 90-е годы и существовавшие в регионах оборотные налоги на содержание ЖКХ и учреждений социально-культурной сферы (в Москве было 1,5% от реализованной продукции) только что отменены.

Что же остаётся? Есть ли грамотный и притом не грабительский выход из создавшегося положения? Из положения, оставленного нам в наследство тоталитаризмом с его огосударствлением части необходимого продукта?

Научно обоснованный, справедливый и стопроцентно рыночный (но не "а-ля МВФ" и не "а-ля либеральный экономический фундаментализм") — такой выход есть!

Выход этот — ***устранить искусственное занижение цены рабочей силы.*** Предприниматель в России получает сегодня колоссальную фору на практически бесплатном труде (издержки резко занижаются), продавая свой продукт по мировым или европейским ценам или близким к ним. Надо для начала добавить к каждой зарплате, к каждой пенсии, к каждой стипендии и к каждому денежному пособию одинаковую для всех и для каждого величину — по рублёвому эквиваленту 5,5 долларов США (в феврале 2003 г. это по 175 рублей). Притом без дифференциации по регионам, городам и селам. К каждому **основному** для гражданина **легальному** доходу — по 175 рублей. И с месяца фактического введения такой добавки к основному легальному доходу можно смело и решительно взимать с квартиросъёмщика 100% оплаты за услуги ЖКХ.

Тяготы этой меры лягут в основном на работодателей. Они вынуждены будут дополнительно к нынешней символической плате за труд выплачивать незначительную сумму, достающуюся им сейчас задаром и совершенно незаслуженно. Цена труда по-прежнему останется заниженной по сравнению с западноевропейской в 40-50 раз. Так что богадельня, "собес" для капитала, созданный в России усилиями шоковых реформаторов и МВФ, продолжит своё существование.

После этой акции, для которой всё готово, кроме решения, можно было бы приступить к реальной реконструкции полуразрушившегося ЖКХ. Вторая очередь работ — государственные федеральные и государственные региональные программы коренных улучшений ЖКХ — тех улучшений, о которых ничего не говорится в правительственном проекте реформы ЖКХ, но зато полно необязательных расплывчатых слов о том, как квартиросъёмщик станет требовать за свои деньги повышения качества услуг. Больше всех таким требованиям удивляются работники ЖКХ: ведь полная за счёт жильцов оплата их работы совсем не предусматривает роста общего объёма ресурсов ЖКХ, а только замену дотаций из бюджета на такую же по объёму доплату квартиросъёмщиками.

Правительство позорит себя своим проектом реформы ЖКХ, тогда как есть надёжный, экономически обоснованный, а главное — честный и справедливый выход.

И между прочим, единственно рыночный.

Опубликовано в Периодическом издании "Перспективы и проблемы России". Выпуск 30. – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2003. 43 с.

2004

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[199]

1. Научная постановка проблемы социальных конфликтов — именно сама постановка — должна учитывать реальное состояние общества, вектор его движения и тенденции социально-группового структурирования.

Мало кто будет возражать против такого подхода, подхода целостнообществоведческого, а потому и конкретно-исторического. Однако мало соглашаться с целостнообществоведческой методологией на словах. Нужно последовательно проводить её в социальных исследованиях, в том числе и в исследованиях социальных конфликтов, чтобы получить практически значимые научные результаты.

Какова обычная, самая распространённая постановка проблемы социальных, в том числе социально-трудовых конфликтов? Как правило, речь идёт о *предупреждении* и *преодолении* конфликтов. Из этой постановочной формулировки вроде бы следует вывод: наличие социальных конфликтов в России — крупная проблема для правящей партии, бизнеса и народа, требуется преодолеть столь острую конфликтность или хотя бы существенно её смягчить. Посмотрим, однако, на реальное положение дел.

Разве мы наблюдаем острую социальную конфликтность, не говоря уж о таких межклассовых конфликтах, которые раскалывают наше общество, мешают ему

[199] ***Доклад на научной конференции в Институте сравнительной политологии Российской академии наук (ИСП РАН) 14-15 апреля 2004.***

продуктивно работать? Есть ли свидетельства подъёма уровня конфликтности в стране? Не является ли установка на *преодоление* социальных конфликтов сгущением красок, очернительством нашего благополучного общественного состояния?

Напомню, что Президент на последних выборах получил 70% голосов, а проправительственные партии и блоки — более 80%. Не свидетельствует ли это о глубокой удовлетворённости большинства населения, в том числе и эксплуатируемых трудящихся, проводимой политикой? Президент недавно, совершенно не искажая никаких фактов, сообщил, что забастовочное движение в стране практически прекратилось при возросшей, как сказал Президент, активности профсоюзов. Так существует ли в действительности в России проблема преодоления конфликтности как актуальная научная и практическая проблема?

Тем не менее я убеждена, что, говоря о задаче преодоления конфликтов, большинство обществоведов имеют в виду положение *по существу,* а не конкретные способы и формы социальных взаимодействий, в которых это существо проявляется. А по своему существу положение в сфере социальных и, прежде всего, социально-трудовых отношений в современной России — это наличие и нарастание *глубоких внутренних противоречий между трудом и капиталом.* Противоречия эти реально существуют, хотя и не проявляются в сколько-нибудь серьёзных социально-групповых, классовых конфликтах. Или, точнее, проявляются в серьёзных социальных конфликтах лишь эпизодически, как исключение.

Правильная постановка главной социальной проблемы нашего общества с точки зрения конфликтности — *губительная бесконфликтность социального существования при фактической массовой деградации трудящегося и эксплуатируемого населения, люмпенизации все большей части рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, безработных.*

Сформулируем эту мысль и несколько иначе: главная проблема современного российского общества —

социальная деградация трудящихся в обстановке межклассовой бесконфликтности, деградация без сопротивления, без классовой борьбы. Российское общество бесконфликтно дрейфует от состояния шока, вызванного глобализационными социально-экономическими реформами 1990-х годов, в сторону казарменной бесконфликтности.

2. Почему так происходит? Каковы главные причины межклассовой бесконфликтности российского общества?

Социальные конфликты — это субъектная форма движения социальных противоречий, это взаимодействие субъектов социальной политики, имеющих различные (вплоть до антагонистически противоречивых) интересы. В социально-трудовых конфликтах проявляются и сталкиваются социально-групповые (классовые) противоречия в сфере труда.

Социальная конфликтность в демократическом обществе предполагает *реальную* многосубъектную общественную структуру, которую принято называть гражданским обществом. Сложилась ли в России такая структура? Нет, в России многосубъектная социальная структура не сложилась. И нет признаков её формирования.

Самым важным достижением четвёртой русской антитоталитарной революции было завоевание права на существование и функционирование разнообразных институтов гражданского общества — разных идеологий, разных научных школ, независимых общественных и политических организаций и движений. Однако сейчас, как и тринадцать лет назад, гражданское общество находится в России в зачаточном состоянии. Профсоюзное, социальные и политические движения трудящихся не являются сколько-нибудь весомыми субъектами социальной политики. Руководящие структуры профсоюзов и партий, парламентские фракции, действующие на политической сцене от имени трудящегося большинства населения, не опираются на собственную социальную базу. Другими словами, за ними нет сколько-нибудь массовых народных движений,

которые обеспечивали бы их функционирование как реальных (весомых) социальных сил А потому социальная многосубъектность нашего общества по большей части *формальна, декоративна.* Россия отброшена шоковыми глобализационными реформами начала 1990 гг. на периферию мировой капиталистической системы.

Демократические правовые нормы, заимствованные из социальной практики развитых капиталистических стран, — декорация, за которой сложился и развивается *периферийно-колониальный капитализм.* В стране отсутствуют цивилизованное правосознание и элементарный правопорядок, беспрецедентны масштабы теневой экономики, коррупции, организованной преступности.

Реальность и предсказуемые тенденции перемен в социальных и социально-трудовых отношениях в России заключаются в:

— чрезвычайно низком уровне жизни большинства населения при высочайшей степени эксплуатации трудящихся;

— лишении большинства трудящегося населения продуктивной по мировым меркам занятости;

— массовой деградации занятий населения, общем понижении культуры труда, качества рабочей силы, трудовой морали;

— появлении и закреплении новых массовых профессий, в которых воплощается процесс социального регресса состава занятий (охранники, рэкетиры, проститутки, нищие, профессиональные наёмники и пр.);

— сегрегация населения на нужных глобальному капитализму (относительно благополучных) и на остальных, обречённых на прозябание, отсталые занятия или — в перспективе — на жизнь в мало-мальски обустроенной социальной резервации.

Казарменное (тоталитарное) общество, утвердившееся в СССР, сформировало, за редким исключением, политически пассивных людей, задавленных страхом репрессий, не способных к самоорганизации, к совместной борьбе. Характер массового сознания, доставшегося Рос-

сии в наследство от тоталитарных времён, — главная причина, по которой шоковое начало глобализационных реформ практически не встретило реальных препятствий, реального сопротивления трудящихся.

На заре реформ одни со страхом, а другие с надеждой говорили об опасности социального взрыва. Но ничего похожего на социальный взрыв не произошло. Были и иные прогнозы, которые как раз и сбылись, — прогнозы, исключающие социальный взрыв. Сбылись научные выводы, прогнозировавшие не просто консервирование прежней массовой социальной пассивности, а деклассирование трудящихся, люмпенизацию населения, чреватую фашизацией массового сознания.

Мы фиксировали в 1992-1993 гг.: профкомы на предприятиях есть, а классово самостоятельные профсоюзы — в зародышевом состоянии; многопартийность разрешена и вроде бы возникает, а политической самоорганизации трудящихся нет и в зародыше; рабочие в России есть, а рабочего класса нет. Его нет, говоря словами К. Маркса, как «класса для себя», то есть как реальной социальной силы с собственной идеологией и стратегией. К настоящему времени ситуация, к сожалению, не изменилась сколько-нибудь существенным образом.

Шоковые реформы и их продолжение сделали самой настоятельной для большинства населения потребность биологически выжить, а не бороться за достойную жизнь, за демократические и гуманистические ценности и цели, за сохранение и развитие основ культурного и нравственного образа жизни. Вовлечённость трудящихся в классово самостоятельные общественные организации и движения далека от уровня, необходимого для действенного солидарного востребования и защиты своих прав, свобод и интересов. Гражданское сопротивление носит очаговый и эпизодический характер. Не видно реальных перспектив перехода от разрозненных протестно-оборонительных акций к целенаправленной наступательной борьбе эксплуатируемого большинства населения на основе собственной идеологии и стратегии.

Придать научный характер анализу социально-трудовых отношений и классовых взаимодействий в России может их рассмотрение *только* в очерченном выше конкретно-историческом контексте. Естественно, я имею в виду не науку вообще и не так называемую «объективную» науку, а науку, исследующую социальную реальность с позиций трудящихся и в целях формирования выводов, практически значимых для социальной практики трудящихся.

3. Научный анализ с позиций трудящихся (особенно с точки зрения исторических перспектив российских трудящихся) приводит к следующему выводу.

Перспективы демократии в России, выхода страны из тупика периферийно-колониального капитализма жёстко связаны со *становлением классово самостоятельных организаций и движений трудящихся, наращиванием их силы, освоением трудящимися культуры цивилизованных социальных конфликтов, культуры организованной классовой борьбы.*

Известно, что принудить власть и капитал к социально ответственному (так называемому социал-партнёрскому) поведению невозможно в условиях неравновесия социальных сил. Социально-политическая активность трудящихся, уравновешивающая, по меньшей мере, силы эксплуатируемых и эксплуататоров, — единственный способ заставить власти и капитал считаться с народом.

Обществоведческая российская наука, обслуживающая интересы трудящихся классов, должна быть сегодня озабочена в первую очередь не тем, как предупреждать или преодолевать текущие локальные конфликты и конфликтики[200]. Она должна быть озабочена в первую

[200] Примечательно, что Комитет по труду и социальной политике Государственной Думы ФС РФ, возглавляемый А.К. Исаевым (депутат от Единой России и ФНПР), оперативно организовал парламентские слушания по голодовке шахтёров шахты «Енисейская» в Хакассии. Конфликт, конечно, вопиющий, но частный. Зато по принципиальной

очередь и по преимуществу тем, как содействовать развитию разнообразных форм самоорганизации, самозащиты, сотрудничества и солидарности трудящихся — их развитию в целях оживления и оздоровления общества при помощи конфликтных классовых взаимодействий.

Здесь как нельзя более уместно напомнить слова Фридриха Энгельса из его блестящей работы «Положение рабочего класса в Англии» (1844-1845 гг.): «... Перед рабочим альтернатива: покориться судьбе, стать “хорошим рабочим”, “верно” соблюдать интересы буржуа — и тогда он неизбежно превращается в бессмысленное животное — или же противиться, всеми силами защищать своё человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии» [201]. Сознательное участие в организованной классовой борьбе — единственный путь к возрождению человеческого и гражданского достоинства российских трудящихся, раздавленного и утраченного дважды — в период тоталитарного режима в СССР и в период экономического геноцида (шоковых реформ). Недостаточная развитость или отсутствие человеческого и гражданского достоинства, чувства социальной полноценности, отношения трудящихся к себе как к субъекту общественной жизни — основная причина крайней слабости социальной и политической активности трудящихся в современной России.

4. Организованное конфликтное взаимодействие противоположных (по интересам) социально-классовых групп предполагает, что на арене общественной жизни действуют реальные субъекты-представители каждой из групп — организационные структуры (органы, организации,

стратегической проблеме — по изменению либерально-радикальной и сегрегационной социальной политики правительства — Комитет слушаний не проводит и не планирует.

[201] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т.2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С.352.

движения), адекватно выражающие и весомо отстаивающие их текущие и стратегические интересы.

Организации и движения, претендующие в России на роль субъектов-представителей трудящихся, в действительности весьма далеки от того, чтобы адекватно и весомо выполнять эту роль не только на классово-национальном уровне, но и в локальных взаимодействиях (на уровне предприятий, городов, регионов).

По каким направлениям вклад трудящихся в дело становления гражданского демократического общества особенно настоятелен и даже остро необходим? Назовём основные:

1) трансформация псевдопрофсоюзов в *профсоюзы;*

2) формирование классово солидарного самосознания и классового поведения трудящихся на основе *собственной идеологии;*

3) освоение трудящимися способов и форм *политической* самоорганизации;

4) дорастание социальных конфликтов до уровня политической борьбы, действительно *классовых* конфликтов.

Подавляющее большинство организаций, называемых в России *профессиональными союзами,* имеет смешанный социально-классовый состав. В одних и тех же организациях состоят и рядовые работники-исполнители (эксплуатируемые трудящиеся), и управляющие (работники эксплуатирующего труда) — на том законном основании, что все они являются наёмными. В первую очередь это относится к старым профсоюзам, входящим в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР). Поэтому, если рассуждать строго, ФНПР вообще не является профсоюзным объединением, а является объединением псевдопрофсоюзов.

Смешанный социально-классовый состав профсоюзов значительно затрудняет формирование механизмов независимого представительства и последовательного отстаивания интересов эксплуатируемых трудящихся.

Смешанный состав существенно влияет на позицию профсоюзов по принципиальным проблемам и в острых ситуациях — предопределяет в целом соглашательско-капитулянтский характер их поведения под маской социального партнёрства.

В большинстве новых российских профсоюзов в более или менее жёсткой форме принят классовый критерий членства. Их уставы не позволяют состоять в профсоюзах тем или иным работникам администрации или же не позволяют им быть избранными в руководящие профсоюзные органы. Новые профсоюзы (в отличие от старых) ориентированы, как правило, на сознательное членство, на объединение наиболее активной части работников. По этим причинам пока ещё немногочисленные новые профсоюзы не раз оказывали гораздо более сильное воздействие на ситуацию на предприятиях и в стране, чем многочисленные старые профсоюзы, входящие в ФНПР.

Формирование самостоятельной и эффективной стратегии и тактики профсоюзного движения невозможно, если наёмные руководители будут по-прежнему состоять в профсоюзных организациях и потому будут по-прежнему в существенной мере определять позицию профсоюзов в их взаимоотношениях с собственниками предприятий, хозяйственной администрацией и государственными властно-управленческими органами.

Можно утверждать, что неблагоприятное для эксплуатируемых трудящихся соотношение социальных сил в России имеет место не в последнюю очередь потому, что организации, носящие название профсоюзов, даже по формальным признакам не являются независимыми от «работодателей», а точнее, от наёмной администрации, обслуживающей интересы господствующего класса.

Самоорганизация эксплуатируемых трудящихся в реальную социальную силу предполагает освоение и развитие ими *собственной идеологии,* прежде всего — формирование классово солидарного сознания.

Собственная идеология трудящихся — это система осознанных на теоретическом уровне идей и представлений о практических действиях, которая обладает следующими свойствами:

— во-первых, правильно (адекватно) отражает действительное положение трудящихся в обществе и перспективы изменения этого положения;

— во-вторых, выражает настоятельные текущие интересы трудящихся в форме требований, направленных на улучшение условий и способов их жизнедеятельности в данном обществе;

— в-третьих, выражает коренные, стратегические интересы трудящихся — в форме задач (целей) политических движений, выступающих за радикальное изменение социально-экономического положения трудящихся, их места в социальной структуре общества.

Массовое сознание, по определению, фрагментарно, непоследовательно, прагматично. Оно оперирует по большей части понятиями, фиксирующими взаимосвязь поверхностных и повседневных явлений, ориентировано по преимуществу на ближайшие интересы, с трудом удерживает перспективу, склонно впадать в те или иные крайности в неблагоприятных обстоятельствах. Поэтому и существует проблема восприятия и прочного усвоения трудящимися собственной идеологии, проблема её творческого применения и развития в самостоятельной классовой практике. Российские трудящиеся (да и то не большинство) находятся на начальной стадии этого процесса.

Проблема *политической самоорганизации* российских трудящихся приобретает всё более актуальный характер. В стране нет ни одной влиятельной политической партии, выросшей «снизу» — из рабочего, профсоюзного или социальных движений. Нет оснований рассчитывать в ближайшие годы на скачкообразный переход от нынешнего зародышевого состояния классово самостоятельных профсоюзов и демократических социальных движений к массовой сознательной политической активности и политической самоорганизации трудящихся. Новейшие попытки провозглашения партий для представительства профсоюзов на политическом уровне рождают декоративные и

недемократические по своему устройству недолговечные структуры под деляческую задачу прорыва узких групп лиц в депутатские кресла.

Проявленная трудящимися России в последние пятнадцать лет неспособность к профсоюзной и политической классовой самоорганизации (и особенно — к сохранению классовой независимости собственных организаций) становится губительной причиной для новейшей российской истории. Именно отсутствие трудящихся и эксплуатируемых *как класса — субъекта исторического действия* позволило столкнуть Россию на траекторию дрейфа в сторону периферии империалистического мира.

С начала 1990-х годов много раз возникали и сейчас постоянно возникают обстоятельства, требующие и достойные *общеклассовой политической борьбы* трудящихся — согласованных повсеместных выступлений, общероссийских политических стачек, мощного внепарламентского давления на власти и капитал.

Однако ни шоковые реформы в целом, ни принятие нового Трудового кодекса, ни введение единого социального налога, ни проекты его снижения не вызвали реального сопротивления трудящихся. Не наталкивается на сколько-нибудь широкое сопротивление новый тур социальных реформ, задуманный и осуществляемый федеральными властями с 2000 года. А эти реформы ведут к обвальному росту и без того чрезмерных социальных рисков (угроз нормальному положению трудящихся) — рисков безработицы, нищеты, бездомности, безземельности, опускания на «социальное дно».

Митинги, демонстрации, пикеты, забастовки, даже «рельсовые войны» и голодовки стали в России обычным явлением. Но всё это после 1998 года, как правило, не выходит за пределы локальных конфликтов из-за невыплат заработной платы. Массовые акции, особенно в последние годы, организуются фактически лишь с одобрения и под контролем властей, проходят под красивыми, но расплывчатыми общими лозунгами.

Трудящимся Запада далеко не всегда удаётся отбить наступление капитала, новейшие попытки урезания социальных программ, ухудшения трудового законодательства. Но организуются массовые протестные акции, люди выходят на улицу, бастуют. Во всяком случае, существует понимание происходящего. Осмысливается необходимость консолидации трудящихся в интернациональном и мировом масштабах — для противостояния неолиберальной политике глобального капитала, для защиты гуманистических, в том числе демократических ценностей. У нас же сопротивление ограничивается в основном телевизионными дебатами между дежурными политиками и пикетами, в которых участвуют не более нескольких сотен, а то и десятков человек.

Что могут и должны сделать для оживления, для конфликтного оздоровления нашего общества социальные науки и российская интеллигенция — образованные люди, осознающие себя ответственными перед народом? Сегодня всё более и более настоятельно обсуждение именно этих вопросов, а не проблемы преодоления текущих локальных конфликтов.

Печатается по тексту публикации:
Г.Я.Ракитская, Проблематика социально-трудовых конфликтов в контексте реального состояния и социально-групповой структуры российского общества. — В кн.: «Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России». – М.: Современная экономика и право. 2004. Стр. 118-125.

2004

==========

Социальные риски особенного исторического происхождения[202]

Положения общей теории социальных рисков

Социальными рисками называются риски социального происхождения, то есть вероятные опасности, угрозы нарушения нормального социального положения (для данной социальной группы или общности), вызываемые неустранимыми для общества причинами, *коренящимися в самом его конкретно-историческом устройстве.*

Социально значимым нарушением можно считать существенное отклонение от социальной нормы какой-либо (или нескольких) из важнейших характеристик социального положения той или иной социальной группы.

Риски нарушения нормального социального положения имеют разную природу, то есть возникают и могут воспроизводиться по разным причинам (стихийные бедствия, военные действия, эпидемии, революции, государственные перевороты, демографические взрывы и провалы и т.п.). Социальные риски выделяются в системе рисков тем, что они возникают и существуют не в чрезвычайных, а в обычных (нормальных) условиях развития общества, закономерно (а не случайно) сопровождают его нормальное функционирование и, более того, имеют своими причинами именно базовые общественные отношения, повседневные, регулярные общественные порядки.

Разным по типу общественным системам присущи и разные системы социальных рисков — каждой своя.

Социальные риски имеют вероятностный характер, то есть осуществляются не обязательно в каждом конкретном случае, нарушают социальное положение не обязательно каждого без исключения человека и каждой без исключения семьи. Они действуют в рамках ансамбля. Они обязательно затронут и действительно затрагивают какую-то значимую часть граждан и их семей.

Социальные риски — не результат грубых ошибок управляющих (властей) или каких-то "поломок" в механизме управления обществом. Даже когда все системы установленного общественного порядка действуют идеально, безошибочно, риски нарушения социального положения всё равно есть, и притом они существенны. Потому-то они и названы социальными (рисками социального происхождения), что коренятся в социальном (общественном) устройстве.

Когда рассматривается нарушение нормального социального положения, в расчёт принимаются не текущие перемены в работе, в семейном быту или досуге, а существенные ухудшения *общественных условий* жизни. Социальное положение классов, групп складывается из некоего множества существенных характеристик. Если значительно нарушена одна из важнейших, а тем более несколько важнейших характеристик, то привычный уклад жизни не может воспроизводиться, человек и его семья вынуждены приспосабливаться к нарушениям. Эти существенные отклонения в худшую сторону от социальной нормы, от привычного и считаются нарушением нормального социального положения.

В эксплуататорских обществах весь крут социальных рисков формируется в конечном счёте именно системой эксплуатации, противоречивостью интересов господствующих и подчинённых классов. В том смысле “в конечном счете”, что противоречивость интересов выливается в риск нарушения нормального социального положения не прямо и непосредственно, а посредством функционирования хозяйственных, социальных, политических, культурных порядков и институтов, выстроенных с учетом расхождения интересов господствующих и подчиненных классов при приоритете первых.

Конкретно-исторические системы эксплуатации качественно отличны друг от друга. Эти отличия воплоща-

---

[202] ***Статья написана Г.Я.Ракитской и Б.В.Ракитским***

ются и в системах социальных рисков, порождаемых общественным устройством.

При *тоталитарной системе эксплуатации* основные социальные риски для трудящихся проистекают из реальной возможности того, что власти и тоталитарные предприниматели (“командиры производства”) не посчитаются с человеческим и гражданским статусом рабочей силы, сочтут “живой элемент”, “личный состав” производства непригодным или, напротив, пригодным на всё, что потребуется и вздумается. Произволу по отношению к правам и свободам трудящегося для тоталитарной системы эксплуатации ограничений нет. При этом тоталитарная система может накладывать ограничения (а может и снимать) на регламент использования “человеческого ресурса” отдельными “командирами производства”.

При *капиталистической системе эксплуатации* (когда она не просто провозглашена, а реально сложилась и отлаженно действует) не принято использовать тоталитарные методы. Здесь трудящийся имеет гражданские права и свободы не только на бумаге. Нарушения законных прав и свобод пресекаются государством и гражданским обществом. Тоталитарная система рисков перестает быть нормальной, произвол по отношению к трудящимся становится антиобщественным делом и преследуется в уголовном порядке. На смену тотально подконтрольному и командно-карательно управляемому труду приходят частнокапиталистическая организация, ориентация на конкурентоспособность, на минимизацию удельных издержек производства.

Социальные риски при капиталистической системе эксплуатации проистекают уже не оттого, что трудящегося могут не считать за личность и за человека. Они возникают оттого, что трудящегося могут признавать исключительно за производственный ресурс, оперировать с рабочей силой наравне с другими производственными ресурсами (сырьём, материалами, покупными полуфабрикатами и т.п.) по схеме “закупили — по нормативам использовали — затраты отнесли в издержки”. Опасности проистекают от игнорирования социальной стороны трудовых отношений.

Пример. Частная капиталистическая собственность является общественной формой (предопределяет общественное устройство) капиталистического воспроизводства. На рынке труда частные предприниматели вправе нанимать не больше работников, чем им требуется для конкурентоспособного хозяйствования. Общество и государство не в праве навязать им приоритет критериев социальной эффективности (например, приоритет не прибыльности, а полной занятости). В связи с этим всегда существует вероятность, что суммарный спрос на рынке труда окажется меньше суммарного предложения. Постоянная вероятность излишка предложения равнозначна постоянной опасности для части работников оказаться без работы. Риск безработицы вытекает, следовательно, из главенства частной капиталистической собственности в организации общественного производства, из подчинения развития хозяйства всего общества частным интересам капитала. Риск безработицы — типичный риск социального происхождения. Примеры других социальных рисков: риски бездомности, безземельности, бедности, стандартизации потребления (“массовая культура”), социальной дезинтеграции (опускание на “социальное дно”, люмпенизация).

Общество порождает и развивает систему защиты от социальных рисков — социальную защиту.

Нормальная смена систем социальных рисков

Конкретный состав социальных рисков меняется в ходе общественного развития и постепенно (в фазах эволюций), и скачкообразно (в фазах революций и революционных, то есть социально-структурных реформ).

Смена присущей тоталитаризму системы социальных рисков на систему социальных рисков капиталистического типа происходит по мере становления нового общественного строя и ухода из практики прежних отношений.

В переходных состояниях может наблюдаться и действительно наблюдается сосуществование рисков старой и новой систем. Могут также возникать риски, происходящие от способов осуществления перехода.

Глобализационный характер реформ, "бандитский" капитализм и экономический геноцид населения — причины российских деформаций смены систем социальных рисков

В России скачкообразное изменение системы социальных рисков произошло в ходе четвёртой русской революции и революционных (социально-структурных) реформ 1990-х гг. В этот период система социальных рисков, свойственная тоталитаризму, должна была смениться системой социальных рисков, присущей нормальному демократическому капиталистическому обществу. Сама по себе эта смена предполагает не столько разрушительную, сколько созидательную работу и государства, и иных субъектов гражданского общества. Граждане, трудовые коллективы, семьи, территориальные общности, работники и работодатели, предприниматели, собственники, выборные органы, органы исполнительной власти и иные части общества шаг за шагом должны были пройти путь от положения управляемых сверху объектов до положения полноценных субъектов социальной политики, демократически действующих и взаимодействующих при верховенстве законов, а не вышестоящего начальства. Демократический конституционный порядок и демократический правопорядок должны были стать гарантами нового типа их социального положения и системы защиты от социальных рисков, присущих капиталистическому демократическому обществу.

Однако фактическое историческое развитие было осложнено и деформировано, во-первых, форсированным первоначальным накоплением капитала (разграблением государственной собственности и резким урезанием реальных доходов населения, особенно трудящегося его

большинства), а во-вторых, глобализационным характером реформ, отбросивших Россию на периферию капиталистического мирового хозяйства и поставивших её в зависимость полуколониального и даже колониального типа. Такие тяжёлые деформации сами стали причинами дополнительных социальных рисков, не характерных для развитых капиталистических стран (центров капиталистического мирового хозяйства). Такие риски правомерно называть социальными рисками особенного исторического происхождения. Их состав и существо предопределены устойчивыми отклонениями от **нормальной ожидаемой** исторической траектории для России как **европейской** страны, выходящей из исторического тупика тоталитаризма в пространство ***самостоятельного и притом демократического*** развития. Брэнд (бантик) "социального государства" можно при этом отбросить как явно не имеющий и с самого начала не имевший никакого обоснования в силу: 1) изначальной несовместимости с программой и курсом шоковых глобализационных реформ и 2) по существу государственной (то есть государством принудительно насаждаемой и продавливаемой) идеологии оголтелого либерального фанатизма (последнее "полное издание" — "программа Г. Грефа" 2000 г.).

Фактически сложившиеся отступления от нормальной ожидаемой траектории пореволюционного развития (деформации) оказались столь глубокими и значительными, что *сложившиеся тенденции не выводят Россию ни к демократии, ни к рыночному хозяйству.* Это обстоятельство нельзя упускать из виду. Некорректно рассуждать о современной российской практике как о рыночной и демократической. Нельзя и исходить из того, что рыночность и демократия уже, дескать, есть, уже завелись, но пока не окрепли, не развились, не проявили себя в полную силу. Дело складывается, к сожалению, не так: надо ещё доказать, что фактические перемены идут в русле созидания, а не только разрушения как хозяйства, так и общества (включая государственность как цивилизованную форму организации общества). Отметим основные принципиальные отступле-

ния от закономерной логики демократических преобразований, прямо касающиеся перемен в социально-трудовых отношениях.

1. Шоковые методы реформирования ввергли большинство населения в тяжелейшее экономическое положение, поставили выше других задачу биологического выживания фактически ценой деградации всех сфер жизнедеятельности (труда, быта, досуга, общественной активности). Вместо становления человека, семьи, коллектива, территориальной общности как субъектов гражданского общества получились углубление разобщённости, отчуждённости от общества, возрастание враждебности и агрессивного индивидуализма. Массовое распространение стали получать явления асоциальные и антисоциальные. Оказался заблокированным основной фактор оздоровления общества, экономики и социально-трудовой сферы — возрастание гражданской активности, общественно полезной и социально эффективной инициативы, предприимчивости, самостоятельности, ответственности. Ведь все эти благотворные процессы могут возникать и развиваться только в обществе и при помощи общества. В обстановке шокового воздействия на большинство населения парализуются в первую очередь именно коренящиеся в большинстве народа факторы благотворных перемен. Шок, допустимость которого очень и очень спорна даже на период месяцев, растянулся на жизнь целого поколения и тем самым превратился из краткого периода перенапряжения сил в механизм исторического регресса для народов России.

2. Государство, намеренное по своей Конституции быть или стать социальным, начиная с 1992 г. действует прямо противоположным образом. Оно не является основным институциональным гарантом защиты большинства населения от социальных рисков, а *само выступает источником основных социальных рисков* (в этом ведь вся суть шоковой модели реформирования). Устранившись от выполнения своих конституционных обязанностей в регулировании социально-трудовой сферы, перейдя от демократического к шоковому методу управления, государство открыло возможности деградации труда, разрушения его как основной социальной ценности.

3. Труд во всё большей степени попадает в сферу незаконных и преступных занятий. Одновременно с формированием “хозяйственного двоевластия” (сосуществования и борьбы законного и незаконного секторов) формируются и два типа социально-трудовых отношений. В то время как в законном секторе экономики управление трудом деградирует, в теневом секторе складывается своё особое управление трудом, разрушительное для общества и губительное для перспектив страны. Теневой рынок труда, теневой сектор приложения труда — не зародыш жизнеспособного нового, а конец нежизнеспособного старого состояния социально-трудовой сферы, причём конец, наступающий не в ходе развития, а как результат разрушения без перспективы (исторического регресса).

4. Одностороннее подчинение реформ задаче форсированного первоначального накопления капитала не позволило поставить и начать решать коренную задачу демократизации трудовых отношений — задачу формирования законности и правопорядка в трудовой сфере. В угоду интересам претендентов на собственность и власть в хозяйстве государство фактически парализовало механизм правоприменения. В результате при наличии достаточной правовой базы отсутствуют элементарный правопорядок, элементарная защищённость прав и свобод трудящихся. Положение ухудшилось даже в сравнении с тоталитарным бесправием. Возобновилось нечто схожее с рабством, хотя теперь оно осуществляется не под конвоем, а в виде вынужденной бесплатной работы.

5. Провозглашаемые лозунги социального партнёрства выглядят как глумление над самой этой идеей. В России нет не только более или менее равных по силе сторон для социального партнёрства, но даже и просто фактического равноправия работника и работодателя, что требуется при демократии, а тем более при социальном партнёрстве. Государство не только не пытается компен-

сировать социальную беспомощность трудящихся, но всецело действует на стороне работодателя и исключительно в интересах работодателя. Социальное партнёрство в этих условиях приобретает облик безоговорочной капитуляции работника перед работодателем, согласия на любые условия работодателя, в том числе и на противозаконные действия.

Отмеченные и иные деформации стали ныне причиной нового кризиса социально-трудовой сферы. Задачи преодоления этого кризиса объективно выдвинулись в ряд приоритетов государственной политики. Удовлетворительная стратегия выхода из опасного для общества состояния до сих пор не выработана. После 17 августа 1998 г. положение скачкообразно осложнилось. Опасность финансового банкротства страны (дефолта) отвела внимание государства и общества от предельного состояния кризисности социально-трудовой сферы. Трудящееся население в очередной раз было использовано как донор решения задач, связанных с геополитической зависимостью России. Это усугубило необеспеченность национальной безопасности народов России,

Несколько лет благоприятной конъюнктуры на мировом нефтяном рынке дали передышку правительству и время для нормализации в сфере социально-трудовых отношений. Президент и правительство, надо это отметить, не делают заявлений о больших успехах в нормализации социально-трудовых отношений и об улучшении социально-трудового положения большинства. Но отдельные моменты отмечаются ими как явно положительные. Наши наблюдения и наш анализ не дают пока что оснований для вывода хотя бы о начале преодоления деформаций социально-трудовых отношений, вызванных шоковыми реформами. Напротив, деформации приобретают хронический характер.

Пребывая в дурмане либерального фундаментализма, государство рискует не сохранить Россию как геополитическую реальность

Это обстоятельство — хронический и системный характер деформаций — заставляет более пристально и ответственно взглянуть на общественное развитие современной России, на состояние и перспективы её социально-трудовой сферы.

Самый распространенный теперь подход к обозначившимся проблемам (в том числе и у властей) примерно таков: 1) да, проблемы есть, проблемы немалые, но страна вступила-таки на капиталистический путь развития; 2) капитализм — не рай и не собес, тут надо работать и крутиться: кто лениво работает или неграмотно предпринимает тот и испытывает особенные трудности; 3) улучшение положения и в экономике, и в социальной сфере — дело времени; удвоение ВВП за 10 лет и борьба с бедностью — системно связанные задачи, в их решение и надо впрягаться всем миром.

Такой подход более или менее объясним только для классических представлений о капитализме, при которых периферийные области капиталистической системы выключаются из рассмотрения. Но такой подход неуместен, недопустимо абстрактен (в смысле абстрагирования от реальности), если рассматриваются социально-трудовые проблемы и социальные риски именно в периферийной части капиталистической системы. А сложившаяся траектория исторических перемен в России ведёт, к сожалению, нашу страну на периферию капиталистической системы, не в число империалистических стран (реципиентов результатов глобализации), а в число зависимых стран, колонизуемых стран (доноров глобализации). Находясь на такой траектории, российское государство и российское общество пытаются прилежно перенимать опыт и методы хозяйствования и социальной защиты стран, пользующихся лидерством в глобализации. Но по-

ложение донора по отношению к ним делает это прилежание заведомо безрезультатным. Скажем другими словами: Россия разучивает и примеривает на себя манеры и формы жизни лидирующих стран, рассчитывая со временем “наполнить эти формы” надлежащим содержанием. Однако реальное развитие идёт совсем в иную сторону, а потому и надлежащего наполнения в перспективе объективно не может возникнуть.

Отсюда объяснение существа происходящего в системе социальных рисков. Государство и наука замечают новые риски, проистекающие как будто при всяком капитализме, — безработица, бездомность, бедность части населения и т.п. Их очень значительная тяжесть (в сравнении с “западными странами”) вроде бы объяснима временными трудностями перехода к капитализму, неумением на первых порах эффективно работать по-капиталистически. Мы утверждаем, что такой подход и такое понимание недопустимо поверхностны. Они улавливают внешнее сходство социально-рисковых форм и отношений, игнорируя принципиальное, коренное различие — различие типов общественных обстоятельств, в которых возникают и существуют социальные риски и их конкретные формы.

Разнотипность общественных обстоятельств возникает из принципиального различия векторов общественного развития. Вектор, который представляется российским властям и науке как реализующийся, — это вектор выхода страны из тоталитаризма в семью развитых капиталистических стран — реципиентов результатов глобализации. На самом же деле реализуется вариант исторического развития с совершенно иным вектором — с вектором отбрасывания России на периферию капиталистического мира, в число зависимых и нещадно эксплуатируемых стран. Так будет, пока не настанет перелома, который, быть может, видят власти и их либеральные учёные советники, но мы как добросовестные исследователи — не видим. Одно дело — мечтать и уповать, другое дело — иметь реальные необходимые и достаточные

факторы. Утопическое видение тенденций развития (а именно оно сейчас имеет место как доминирующее у наших властей) — не преступление. Но оно и не сулит ничего, кроме потери времени для конструктивного действия и кроме разочарований. Часть разочарований Россия уже испытала в последние потерянные 10-15 лет.

В обстановке глобализационных реформ, отбрасывающих Россию в число зависимых стран на периферии мировой капиталистической системы, социальные риски укоренены не так, как в развитых частях этой системы. Социальные риски и защита от них — вариантный параметр капитализма. Если глядеть поверхностно, то сходство несомненное. Везде — безработица, беспризорность, бездомность, социальная дезинтеграция и везде — схожие задачи защиты от них. Кстати, этот “обобщённый” взгляд прекрасно отражён во многих международных документах, касающихся деклараций о социальном развитии и международных норм социального права. Но если вглядеться пристально и по существу, применительно к конкретно-историческим обстоятельствам страны, то различия качественные. Различия настолько значительные, что характер, казалось бы, схожих рисков оказывается разнотипным.

К примеру, типичные уровни и формы существования рисков безработицы и других обычных социальных рисков капитализма совершенно различны в моделях “осторожного” и “жёсткого” капитализма, что обеспечивается различием систем социальной защиты. Но ни при “жёстком”, ни при “осторожном” капитализме в развитой части мировой капиталистической системы эти риски не приводят к массовой люмпенизации и деградации населения. На периферии же мировой капиталистической системы массовая деградация, люмпенизация, социальная сегрегация населения — явление непременное. На периферии капиталистической цивилизации целые страны и народы, большинство их населения подвержены риску исключения из прогрессивного развития, а порой — исключению из гуманистического подхода к правам человека.

В Россию вернулись эпидемии ранее преодоленных заболеваний. В России наблюдаются люмпенизация населения в массовых масштабах, деградация состава занятий, застойная безработица, разрушение элементарных систем жизнеобеспечения (замерзание зимой целых городов, массовая пожароопасность, опасность отравляющих выбросов, разрушение водоснабжения и т.п.). Это тенденция. Тенденция нарастания рисков особого типа, связанных с переменой вектора развития от социального прогресса к социальному регрессу для большинства населения.

Этот новый для нашей страны тип социальных рисков нуждается не только в осознании, но в изучении и в выработке мер защиты от него как от социального риска необратимого нарушения национальной безопасности.

Направления изучения социальных рисков особенного исторического происхождения

Система дополнительных социальных рисков, связанных с деформациями при переходе от тоталитарного к капиталистическому обществу периферийно-колониаль-ного типа, изучена пока что недостаточно полно и глубоко. Отдельные массовые проявления такого рода социальных рисков зафиксированы в России, начиная с 1990-х гг., измерены и описаны. Среди них массовые невыплаты работодателями и государством начисленных доходов (зарплат, пенсий, пособий), регулярные конфискационные меры государства применительно к населению (гиперинфляция, конфискация денежных сбережений, некомпенсированные девальвации, принятая схема отмены дотаций при оплате услуг ЖКХ), мораторий на правоприменение, урезание социально-трудовых прав, систематическое сокращение социальных расходов, абсолютное обнищание большинства населения, гипертрофированный теневой сектор, беспрецедентная коррупция, коррозия элементарных ценностей, официальная идея отказа государства от своих социальных обязательств и т.п.

Категории “социальные риски”, “социальная защита”, “социальная защищённость” широко вошли в российскую общественную науку в 1990-е годы. Они получили в эти годы заметное системное социально-экономическое обоснование, прежде всего в части выявления социальной сущности. Однако они всё ещё требуют основательного развития, по крайней мере в следующих отношениях.

Первое. Вычленение социальных рисков как рисков социального происхождения и защита от них было крупным теоретическим продвижением, но на уровне логической (сущностной) структуры рисковых отношений. Однако отношения рисков включают разнообразные риски, а не только те, в происхождении (в природе) которых доминируют факторы общественного устройства.

Существование рисков с доминированием иных факторов (природные, техногенные, непредсказуемые и предсказуемые опасности, случайные существенные отклонения, внешние для данного общества обстоятельства и др.) осложняет осознание системы социальной защиты, ибо и собственно социальные, и иные риски происходят в обществе и с людьми, жизнедеятельность которых всегда общественна (социальна). Социальная сторона (социальная составляющая) есть у любых рисков, касающихся реальной жизни людей. Так что разграничение социальных рисков и иных рисков на логическом (сущностном) уровне не снимает вопроса, а предполагает вопрос о конкретизации (и “инструментализации”) научных представлений о системе рисковых отношений и их “социального измерения”.

Второе. Требуется существенное уточнение понятий “социальный риск”, “социальная защита”, “социальная защищённость” со стороны объектов, которые охватываются этими понятиями. По нашим представлениям, адекватным объектом таких понятий являются социальные ансамбли (социально-классовые группы, социальные общности; социально-демографические, социально-профессиональные группы и т.п.), а не отдельные (единичные) люди

и граждане. Это не значит, что перечисленные понятия не касаются отдельных конкретных людей. Это означает просто, что эти понятия применимы к конкретным людям лишь в их социально-групповых (социально-общностных) ипостасях.

Разработка проблемы социальных рисков в этом направлении должна определить, насколько опасны или безопасны либерально-фундаменталистские подходы и схемы разрушения страховых систем, основанных на принципах солидарности. Пенсионная реформа и иные новации в страховании, содержащиеся в практически осуществляемой "программе Г. Грефа", направлены именно на разрушение классических страховых систем европейского типа.

Третье. Реальное общественное развитие включает не только устойчиво воспроизводимые состояния общества (формационные состояния), но и революции, и переходные состояния, и деформации. На таких необычных стадиях "социальная составляющая" любых рисков ведёт себя нестандартно. Вполне возможно, что она в необычных общественных условиях становится доминирующей, так что обычно несоциальный риск превращается в несомненно социальный. Современное переходное российское общество дало богатый материал для такого развития теории социальных рисков и социальной защиты.

Четвёртое. Научно установлена отличительная особенность формирования деформированной системы социальных рисков при деформациях переходных процессов, вызванных глобализационными шоковыми реформами. Она состоит в том, что государство действует не как демократическое и правовое, не как основной субъект защиты от социальных рисков, а как источник и фактор усугубления дополнительных социальных рисков. Преодоление деформаций системы социальных рисков прямо связано с освоением государством его конституционно обязательных функций по обеспечению социальных прав, свобод и интересов граждан и социальных групп и с выполнением этих функций неукоснительно и в полном объёме. Предстоит исследовать и установить, какими должны и могут быть реальные механизмы общественной защиты национальной безопасности от деятельности государства, объективно направленной против интересов обеспечения национальной безопасности. Провал импичмента Ельцина в 1999 г. доказывает, что существующие механизмы обеспечения национальной безопасности эфемерны.

Глубокое теоретическое исследование всех этих вопросов ещё предстоит. Но обозначить его необходимость (по крайней мере по четырём названным направлениям) нужно, чтобы имеющаяся теория социальных рисков, социальной защиты и социальной защищённости не была утрачена и отброшена из-за невыстроенности всех необходимых конкретизирующих переходов от неё к уровню реальной социально-защитительной практики.

Печатается по тексту публикации в книге: "Социальные риски в рыночной экономике и политика их смягчения". – М.: ГУ ВШЭ. 2004. Стр. 356-370.

2004

==========

Методологические аспекты современного рынка труда[203]

Четыре наиболее существенных момента методологического плана при обсуждении конкретных проблем рынка труда и занятости обращают на себя внимание.

Первый момент — подход к определению границ рынка труда

Какие явления и научные категории относятся к рынку труда? Конечно, и рабочая сила, и найм, и цена рабочей силы (труда). Суженная трактовка границ рынка труда, представленная профессором А.Э.Котляром, исключает из рынка труда большинство занятых. Дискуссия о правомерности такой или расширительной трактовки рынка труда в действительности отражает **различия задач**, которые выдвигаются перед исследованием и управлением. В методологическом плане важно, чтобы в анализ вовлекался такой круг явлений и категорий, который необходим и достаточен для решения поставленных задач. Отталкиваться надо именно от целей, от задач исследования и управления. И суть дела не в терминах. Можно назвать круг анализируемых явлений и отражающих их категорий рынком труда, можно назвать как-то иначе. Главное, чтобы он был достаточен для достижения исследовательских и управленческих целей, которые вы перед собой ставите.

Суженная трактовка, видимо, отвечает задачам анализа текущей конъюнктуры на рынке труда, понимаемой как соотношения спроса и предложения рабочей силы, и задачам прогнозирования текущей конъюнктуры. Но такая трактовка недостаточна для других целей. Она не работает, например, при объяснении и прогнозировании

[203] ***Выступление на методологическом семинаре «Теоретико-методологические проблемы рынка труда и занятости», состоявшегося в РАГС в феврале 2004.***

движения цен на труд (заработной платы). В данном случае не обойтись без вовлечения в сферу внимания отношений между работниками и работодателями в процессе самого труда, в сфере производства (так называемых промышленных отношений).

Цена труда — это, без всякого сомнения, категория рынка труда, а не категория из какой-то совершенно иной области. Вряд ли кто-нибудь будет против этого возражать. Но цена труда устанавливается в том числе и договорным регулированием. Конечно, не только договорным, и государство участвует в этом процессе. Но фактические цены на рабочую силу устанавливаются и договорным регулированием в том числе. Цены пересматриваются в процессе и в результате взаимодействия работодателей с **занятыми** работниками. Они не увольняются (не выбрасываются из производства) всякий раз по истечении срока соглашений и коллективных договоров. Работники в период пересмотра условий соглашений и договоров остаются в состоянии занятости, точнее в состоянии нанятости. При этом в качестве одного из регуляторов выступают **забастовки занятых** работников, а не ищущих работу безработных, занятые далеко не всегда подыскивают себе новую или дополнительную работу, хотя и не удовлетворены сложившимся уровнем оплаты их труда.

Сила давления занятых на работодателей в существенной мере определяет цену труда, а в долгосрочном плане соотношение социальных сил формирует не только цену труда, но и стоимость рабочей силы. Без учёта действия этого фактора нельзя ни понять, ни объяснить то, что происходит в России в ходе реформ 90-х гг. Сначала резко упала **цена** труда (заработная плата), а затем в результате сложившегося устойчивого неравновесия социальных сил (не в пользу трудящихся) эта весьма низкая цена рабочей силы начинает восприниматься новыми поколениями как объективная (нормальная для России) национальная **стоимость** рабочей силы.

Итак, первое методологическое положение состоит в следующем. Объём привлекаемых знаний (научных ка-

тегорий) зависит от целей анализа, исследования, управления. Он должен быть достаточен для выполнения этих задач. Для одних целей логично и допустимо исключать из рынка труда занятых работников. Для других целей — нелогично, недопустимо. Если мы изучаем и прогнозируем движение цен на труд, то из рынка труда никак нельзя исключать процессы взаимодействия, соотношения сил занятых (нанятых) работников и работодателей.

Второй момент — подход к определению природы товара, являющегося предметом купли-продажи на рынке труда.

Что продаётся на рынке труда — рабочая сила или труд? По этому вопросу можно спорить до бесконечности, но договориться, придти к единой позиции невозможно. Это такой спор, в котором не может родиться одна на всех истина. Не может потому, что расхождения восходят к существенно различным исходным мировоззренческим установкам спорящих сторон, к разным картинам мира. В одной картине мира существует эксплуатация, и она считается несправедливой. В другой картине мира эксплуатации нет.

В картине мира, **отрицающей эксплуатацию труда капиталом**, товар, который продаётся и оплачивается (причём, оплачивается, как правило, справедливо) на рынке труда — труд. В обмен на труд работник получает эквивалент той части стоимости продукта, которая создана трудом. Другие части стоимости продукта созданы не трудом, а землей (природными факторами) и капиталом. Эта позиция развивает в направлении, отрицающем эксплуатацию труда, так называемую догму Смита (стоимость продукта = заработная плата + прибыль + рента). Картина мира, отрицающая существование эксплуатации, подкрепляется теорией факторов производства, которая является мировоззренческой основой концепции социального партнёрства. Социальный смысл теории факторов производства состоит в том, что каждый из владельцев ресурсов получает лишь «свое»: один — зарплату, другой — прибыль, третий — ренту.

В картине мира, **признающей эксплуатацию труда капиталом,** товар, который продаётся и оплачивается на рынке труда — рабочая сила. В производстве продукта участвуют все ресурсы (труд, земля, капитал), но стоимость продукта создаётся только трудом. Труд переносит стоимость средств производства на продукт и добавляет новую стоимость. Сторонники трудовой теории стоимости никогда не согласятся с тем, что на рынке труда продаётся труд, за который работники получают эквивалент того, что создано их трудом. Согласно трудовой теории стоимости, работники получают в обмен на свой труд лишь стоимость совокупной рабочей силы (необходимый продукт), которая составляет лишь часть стоимости произведённого общественного продукта. Другими словами, продаётся и покупается рабочая сила, а заработная плата — это цена труда, колеблющаяся вокруг той части необходимого продукта, которая возмещается рыночным механизмом (другая часть необходимого продукта возмещается через механизм социальных трансфертов). Часть стоимости продукта, превышающую исторически сложившуюся стоимость рабочей силы (так называемую прибавочную стоимость), получают не работники, а собственники средств производства. Таким образом, продажей на рынке труда рабочей силы (даже и по стоимости) обосновывается **эксплуатация труда.**

Итак, теория факторов производства отрицает эксплуатацию труда, а одним из пунктов обоснования является положение о продаже труда на рынке труда. Теория трудовой стоимости обосновывает существование эксплуатации, а одним из пунктов в цепи доказательств является положение о продаже на рынке труда рабочей силы. Бессмысленно рассчитывать на то, что сторонники одной из позиций могут убедить в своей правоте сторонников другой позиции. Расхождения слишком глубоки и принципиальны.

Имеет смысл отметить, что теория факторов производства развивалась и в XIX, и в XX веках. О трудовой теории стоимости этого не скажешь. В советские времена

был канонизирован вариант трудовой теории стоимости К. Маркса. Требуется существенное развитие доказательной стороны теории трудовой стоимости и теории эксплуатации как в части анализа причин эксплуатации, так и в части её механизмов. В частности, требуется развить представления о макросоциальных механизмах, формирующих стоимость совокупной рабочей силы и соотношение необходимого и прибавочного продукта (национальную стоимость рабочей силы и национальную степень эксплуатации).

Третий момент — необходимость строгих рассуждений в рамках избранной мировоззренческой позиции.

Приведём лишь один из примеров нестрогого обоснования. Не стоит, на наш взгляд, использовать фиксацию момента выплаты заработной платы в качестве одного из аргументов в пользу того, что на рынке труда продаётся именно труд, а не рабочая сила. Это весьма слабый аргумент. Выплата действительно происходит, как правило, после того, как совершён (овеществлён) труд. Но, во-первых, не всегда. Иногда не работник авансирует свой труд, а работодатель выдаёт оплату авансом. Во-вторых, цена того, что продаётся (будь это труд или же рабочая сила), устанавливается **до** совершения процесса труда — в договоре найма. Поэтому факт оплаты потом (например, через две недели) ничего не доказывает. Точно так же факт оплаты труда авансом (до начала процесса труда) не доказывает, что продаётся рабочая сила.

Четвертый момент — необходимость различения категорий «занятость» и «труд».

Профессор А.Э. Котляр привлекает внимание к этой проблеме.

Особенно важно понимание различий между категориями «занятые» и «трудящиеся». Однако эти различия будут фиксироваться на поверхностном уровне, если не вводить в арсенал анализа представления об эксплуатации труда.

Весьма плодотворным, как представляется, может быть анализ на основе зафиксированной А.Э. Котляром системы парных категорий: **занятость — труд**; **занятые — трудящиеся**; **эффективность занятости — эффективность труда.**

В заключение подчеркнём своё несогласие с утверждением не только об ошибочности, но и о вредности расширительной трактовки рынка труда. В современной России остаются в тени проблемы эффективности занятости и выпячивается проблема минимизации безработицы не по вине распространённости расширительного понимания рынка труда, а совсем по иным причинам, лежащим за пределами тех или иных научных трактовок.

Печатается по тексту, опубликованному в сборнике. «Рынок труда и занятость: современные проблемы теории и практики. Серия «Точка зрения». – М.: Изд. РАГС. 2004. Стр. 123-127.

2002, 2005

Новая научная постановка проблемы безработицы[204]

1. Существо предлагаемого нами нового подхода к осмыслению безработицы как общественной проблемы

Безработица как экономическое и как социальное явление массовидного характера изучается давно в интересах повышения эффективности макроэкономической политики и социальной политики.

Спектр подходов при этом широк: от постановки задачи предупреждения безработицы и надёжного исключения её из жизни общества до планирования и проведения общественной профилактики неблагоприятных социальных последствий развития на основах общественного устройства, содержащего в себе социальные риски массовой безработицы. Широта спектра теоретических и практических подходов к безработице ***гносеологически*** коренится в эклектизме современного обществознания и конъюнктурном прагматизме социальной и экономической политики, а ***социально-классово*** — в плюрализме идеологий и вариантности научного видения будущего.

Самостоятельной содержательной и практически важной научной задачей могло бы стать сравнительное изучение разных подходов к проблеме безработицы. Но эта задача оставляется нами в стороне.

Существует два относительно самостоятельных исторических потока осмысления безработицы как общественной проблемы. Один из них — исследования безработицы экономистами (в том числе, конечно, и политэкономами) в рамках теорий функционирования экономических систем. Другой — рассмотрение проблем безработных (и безработицы как общественного состояния безработных) в рамках общегуманистических подходов и правозащитного движения.

Оба потока исключительно ценны и содержательны. Но пока они не объединены, они односторонни, чреваты односторонностью и не дают целостной общественной картины проблемы.

Новизна предлагаемого нами подхода — осмысление проблемы безработицы с целообщественных позиций. Методологически эта новизна обеспечивается целостно обществоведческим подходом, позволяющим избегнуть односторонностей как экономического, так и абстрактно-гуманистического (правозащитного) подхода к безработице и — главное — раскрыть более глубокие основания, механизмы складывания, воспроизведения и разрешения проблемы безработицы.

Уместно отметить, что тяга к целостно общественному видению безработицы постоянно нарастает и в экономическом, и в правозащитном потоке рассмотрения безработицы. Обозначается эта тяга как последовательные шаги отказа от крайне односторонних взглядов, а иной раз и просто от абсолютизации экономического или гуманитарно-ценностного аспекта проблемы.

2. Вехи продвижения экономической мысли к пониманию природы безработицы не как сугубо экономического (ресурсного), а как социально-экономического феномена

Представления классической школы о механизмах хозяйственного регулирования основывались, как известно, на доктрине рыночного саморегулирования (“невидимая рука рынка”), более того — на доктрине самодостаточности рынка как экономической системы. Не тут ли гносеологический корень той дани, которую заплатил мар-

[204] ***Статья написана в 2002 г. Г.Я.Ракитской и Б.В. Ракитским***

ксизм за то, что одним из его идейных источников была классическая английская политэкономия?

Дань эта была в XIX веке уплачена не только марксизмом, но, например, и дарвинизмом. Ч.Дарвин трансплантировал в представления об эволюции конкуренцию как универсальный способ взаимодействий ("борьбу всех против всех"), сделал конкурентную борьбу механизмом естественного отбора. Этим он излишне кардинально упростил представления об естественном отборе: в жизни тот сложнее и эффективнее, нежели борьба всех против всех.

В учении гениального К.Маркса влияние метафизичности классической английской политэкономии проявилось в допущении экономико-детерминистских трактовок взаимодействия экономических и неэкономических общественных отношений (печально знаменитая схема взаимодействия базиса и надстройки, где базис — всегдашняя причина изменений в надстройке, а она "оказывает обратное влияние"). На старости лет Ф.Энгельс указал на это упущение и восстановил во всей её прелести и мощи марксистскую трактовку детерминизма в обществе. Но что было, то было.

Метафизика классической школы состояла по сути дела в полном отрыве экономики от общества. Рыночные механизмы управляли экономикой сами по себе, а обществу оставалось заниматься своими общественными, не экономическими делами. Во всяком случае, так восприняли строение мира либералы. Они и до сих пор исходят из того, что экономика тем эффективнее, чем меньше государство суёт в неё свой нос.

По логике классической школы, безработицы в принципе не может быть в последовательно рыночном хозяйстве. Цена рабочей силы формируется объективно, её уровень в условиях рыночного равновесия надо воспринимать как естественный. Кто из рабочих не желает работать за естественный уровень зарплаты, тот **добровольно** становится безработным. Жизнь давала множество практических опровержений такого упрощённого пред-

ставления о рыночном хозяйстве. Тем не менее классическая теория долго господствовала в умах, а сейчас всплывает на поверхность каждый раз, когда терпит крах альтернативная ей, но тоже метафизическая доктрина.

Кризисная полоса 1929-1933 г.г. окончательно убедила многих, что рынок не есть самодостаточный механизм, а с рабочей силой нельзя даже на рынке обращаться так, как обращаются с вещными ресурсами (имуществом).

Правда ещё раньше, в конце XIX века, когда монополии, рождённые рынком, сильно покорёжили классические рыночные механизмы, пришлось-таки ввести в зону внимания экономической науки и государство, заговорить о его экономических функциях. Казалось бы, настало время отказа от метафизики, от отрыва экономики от общества, от политики. Но метафизика оказалась сильнее влияний практики. Возникла новая метафизическая (насквозь эклектическая) концепция смешанной экономики. Но это новшество обошло стороной проблемы рынка труда и проблемы занятости и безработицы.

Д.Кейнс, напротив, создал доктрину, в которой и рынок, и государство стали компонентами единой конструкции хозяйственного регулирования. Абсолютизация автоматического рыночного регулирования была снята. Пропасть между экономикой и обществом была устранена. На безработицу перестали смотреть как на сугубо экономическое явление, а на безработного — только как на неиспользуемый экономический ресурс. К слову сказать, марксизм стал ближе западным экономистам, и они пошли вдогонку за русской экономической школой, сделавшей рывок именно благодаря Марксовой методологии (правда, догонять скоро стало некого, поскольку лидеров тогдашней мировой экономической мысли — видных советских экономистов — сталинский режим физически истребил).

Нет необходимости излагать здесь содержание теории Кейнса. Достаточно обратить внимание, что в объяснение причин и механизмов безработицы всё настойчи-

вее вкрадывались такие реалии, которые находятся за пределами “чистой экономики”, а именно:

— потребность учитывать семейное положение такого производственного ресурса, как рабочая сила;

— способность рабочей силы объединяться в профсоюзы и вынуждать вести с собой переговоры и заключать договоры;

— необходимость для класса капиталистов действовать именно классово, а не пофирменно, то есть действовать в экономике политически (целообщественно), а не только экономически, не только как товаропроизводитель.

Вовлечение государства и других классовых и общественных субъектов в экономические схемы — это уже отступление от экономической односторонности. Разнообразные концепции “смешанности” экономики лежат в этом же русле. Не в смешанности экономики тут дело, а в её общественности.

Казалось бы, путь к истине нащупан. Но гаечка не наживилась на резьбу. Экономисты не стали обществоведами. Они продолжали искать не целообщественные, а в основе своей ***экономические*** способы решения общественной проблемы. И тут не только профессиональная узость, здесь присутствует и идеологическая ограниченность, открывающая дорогу экономическому материализму как методологии и традиционно загораживающая дорогу опережающей методологии исторического материализма.

Почему экономисты, и так, и эдак выкручиваясь из трудностей объяснения проблем реального хозяйства, изо всех сил упираются против перехода к методологии целостно общественного видения, при которой за первичное и определяющее принимается общество в целом с его целями и проблемами, а экономика рассматривается на её реальном месте — на месте ресурсного блока (подсистемы) общества? Думается, не только по традиции, а скорее потому, что отражают интересы класса, безраздельно господствующего в экономике, а через это — и в обществе.

Иначе пришлось бы в лоб демонстрировать верховенство интересов капитала. А так это верховенство проводится через примат интересов экономики (в скобках проясним — ***частнокапиталистической*** экономики) над интересами общественными.

Резюмируем. Экономисты (а именно они по традиции считаются специалистами, ответственными и компетентными за обсуждение и понимание проблем безработицы) неизбежно и последовательно продвигаются от сугубо экономического к общественному взгляду на проблемы хозяйства в целом и на проблемы безработицы в частности. Но они упорно не идут на приоритетно общественное видение проблем безработицы, занятости и иных общехозяйственных проблем.

Может быть осуществлён анализ эволюции абстрактно-гуманистического (правозащитного) подхода к проблемам безработицы. У этого подхода есть немаловажное преимущество перед сугубо экономическим: он изначально ставит впереди всего общественный интерес. Но это абстрактный общественный интерес, отягощённый наследием методологии робинзонад и личности вне общества или, точнее, до общества. Такой анализ, если он будет проведён, надо предполагать, покажет, что продвижение также идёт в сторону отказа от абстрактного представления об обществе как скопище личностей. Сущностная конкретизация, отвергая намеренно бесклассовую стратификацию, должна продвигаться к уяснению реальной социально-классовой структуры общества и к принятию во внимание механизмов общественного действия. Другими словами, абстрактные гуманисты, упёршиеся мыслью и действием в отдельного человека, вынужденно осваивают истины: “Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества” и “Нельзя быть свободным вне общества и без содействия общества”.

Понятно, что для абстрактных гуманистов всё актуальнее становятся проблемы социальных рисков и социальной защиты и притом не только применительно к отдельному “человеку и гражданину вообще”, а примени-

тельно к реальным человеческим и гражданским ансамблям — к социальным группам, классам, общностям, слоям. Вот тут-то и наступает потребность вникнуть в устройство и механизмы функционирования общества в целом и его важнейших подсистем — экономики, юстиции, морали, политики и др.

Суть предлагаемого нового подхода — исходить при рассмотрении безработицы из общества, типа его устройства, социальной структуры, структуры интересов, ценностей и целей. Это даёт существенно иные постановки, видения и решения проблемы безработицы, нежели традиционные подходы, лишённые целостно общественного подхода.

3. Следствие (результат) новой постановки проблемы — новая концепция скрытой безработицы

Традиция рассматривать безработицу как явление экономическое сформировало и распространённый подход к скрытой безработице. Скрытая безработица рассматривается всего лишь как неполное (неэффективное) использование формально занятой рабочей силы.

Считается, что поскольку скрытая безработица не фиксируется рынком труда, постольку трудно определить её реальный объём. В качестве основных критериев отнесения той или иной группы населения к скрыто безработным выступают:

— формальная занятость (полная или частичная);

— неэффективное или неполное использование трудовых ресурсов.

Иногда в качестве критерия скрытой безработицы выдвигают относительно низкий уровень заработной платы или задержку выплаты заработной платы. Хотя сами по себе они не свидетельствуют о скрытой безработице и тем более о том, что их причиной является именно скрытая безработица. Это вполне может быть принудительный характер труда или иная причина, коренящаяся не на фирме, а в обществе.

Сугубо экономический подход приводит к выводу, что для современной России скрытая безработица не является принципиально новой проблемой. В СССР при формально полной занятости во всех отраслях существовал высокий уровень скрытой безработицы в виде избыточной занятости, которая принимала как форму сверхзанятости по сравнению с научно обоснованными нормами, так и форму неэффективного использования высококвалифицированного труда.

Считается, что с переходом к рыночным отношениям, с падением уровня общественного производства часть скрытой безработицы приобрела открытый характер, а другая часть избыточной занятости превратилась в частичную. И всё же в 1991-1994 г.г. так понимаемая скрытая безработица (как в виде избыточной, так и в виде неполной занятости) увеличивалась. Затем скрытая безработица несколько пошла на убыль, в основном за счёт увеличения открытой безработицы.

Экономический подход заканчивается выводом, что здоровое развитие хозяйства предполагает последовательное сокращение скрытой безработицы, но не за счёт превращения в открытую, а за счёт увеличения эффективной занятости.

Новый, предлагаемый нами подход позволяет выдвинуть более содержательные критерии занятости, безработицы и скрытой безработицы.

Анализируя социально-трудовую сферу с целью установить наличие и оценить степень распространённости скрытой формы безработицы, приходится зафиксировать как исходный пункт анализа ***достаточно содержательный критерий занятости и безработицы.*** Очевидно, что сам по себе факт нанятости или же факт самозанятости недостаточен для изучения скрытых форм безработицы. Он слишком прямолинеен и одномерен, он не ухватывает той сложности реальных социально-трудовых отношений, которая включает в себя и скрытые формы.

Нужен такой критерий общественно нормального (социально благополучного) и общественно ненормального (социально неблагополучного) включения человека в экономическую деятельность общества, который делал бы показательными (то есть достоверными свидетельствами) для оценки благополучности и неблагополучности более или менее разнообразный круг поверхностных проявлений того, что скрыто для прямолинейного одномерного критерия (допустим, факта нанятости).

Подходы к выработке и фиксации нужного критерия занятости и безработицы таковы.

Требования современного мирового сообщества (современные критерии цивилизованности) к обеспечению человека работой формируются в увязке проблем занятости и безработицы с проблемами социализации (социальной интегрированности) и социальной отчуждённости человека. Проще, но то же самое говоря, проблемы занятости и безработицы рассматриваются как демонстрирующие, нужен человек обществу или он для него лишний, ненужный, дорожит общество человеком или же безразлично к нему. Гуманизм по самому своему существу исходит из того, что человек не может не быть ценностью для общества, Отсюда без всяких вариантов гуманизм отвергает справедливость и тем более общественную якобы полезность даже малой безработицы, признавая её варварским способом принесения человеческих жертв, не оправдываемых никакими гуманными. а тем более негуманными целями. Современное мировое сообщество признаёт обязательной целью для любой страны полную и притом продуктивную занятость.

Обязательство 3 Копенгагенской декларации о социальном развитии (Россия подписала декларацию в марте 1995 года) гласит:

“Мы обязуемся способствовать достижению цели полной занятости в качестве одного из основных приоритетов экономической и социальной политики и создавать для всех мужчин и женщин надёжные и устойчивые воз-

можности зарабатывать себе на жизнь посредством свободно избранного производительного труда и работы.”

Это обязательство целиком соответствует обязательству 4 , суть которого — содействие социальной интеграции.

Принятый в Копенгагене другой международный документ (а по Конституции Российской Федерации он приобрёл силу закона) под названием “Программа действий Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития” содержит развёрнутый раздел “Расширение продуктивной занятости и снижение уровня безработицы”. В Программе действий в качестве основы для действий и цели фиксируется, в частности, следующее:

“Производительный труд и занятость являются центральными элементами развития, а также элементами, ***определяющими характер человеческой личности... Полная*** и должным и соответствующим образом оплачиваемая занятость является действенным средством борьбы с нищетой и ***содействия социальной интеграции.*** Реализация ***цели полной занятости*** требует от государства, социальных партнёров и всех других слоёв гражданского общества на всех уровнях сотрудничества и создания условий, ***позволяющих каждому*** участвовать в производительном труде и пользоваться его результатами...”

Выделенные курсивом установки отражают стержень современных подходов мирового сообщества к проблемам безработицы и занятости.

Занятость — не просто нанятость или наличие самостоятельного занятия в экономической структуре общества. ***Занятость есть надёжная и устойчивая возможность зарабатывать себе на жизнь посредством свободно избранного производительного труда и работы.*** Занятость одновременно с этим есть ***непременное условие и состояние социальной интегрированности человека, определяющее социальный характер человеческой личности.***

Безработица, соответственно, не может быть сведена к отсутствию в данный момент или данный период времени нанятости или же занятия ради заработка. ***Безработица есть лишённость человека надёжной и устойчивой возможности зарабатывать на жизнь посредством свободно избранного производительного труда или занятия. Безработица есть одновременно с этим фактор и состояние социальной отчуждённости человека и общества, определяющие социальную неполноценность человеческой личности.***

Главная опасность безработицы для общества, признак общественного неблагополучия — именно социальная отчуждённость. именно социальная неполноценность человеческой личности. ***Скрытая безработица — такое состояние занятости, при котором за внешними показателями нанятости и наличия занятий развиваются и являются существенными для состояния социально-трудовых отношений процессы социального отчуждения и социальной неполноценности трудящегося человека.***

Признаки, по которым скрытая безработица может быть обнаружена. Принимая за основу характеристики занятости как общественно нормального параметра социально-трудовой сферы и безработицы как параметра социального неблагополучия общества и человека, формулируем следующие ниже признаки скрытой безработицы. Они могут порознь или совмещаясь формировать социальное положение скрыто безработного (это особая тема) и скрытую безработицу как существенный для всей социально-трудовой сферы параметр неблагополучия, отклонения от общественно нормального состояния.

Итак, признаки скрытой безработицы:

а) вынужденная неполная занятость;

б) излишняя занятость в сравнении с нормативами нормальной организации труда и производства (нормальной для данного рабочего места и для культуры производства данной страны, а реально — культуры производства конкретной отрасли в данной стране);

в) ненадёжность занятости;

г) неустойчивость занятости;

д) недостойно низкий заработок (доход). Полноценная занятость должна оплачиваться по стоимости рабочей силы. Если заработок существенно занижен, то налицо либо сверхэксплуатация, либо излишние затраты труда;

е) вынужденно по существу, но формально свободно выбранная работа или занятие;

ж) по существу вынужденное систематическое выполнение такой работы или такое занятие, которые существенно уступают квалификации работника;

з) полная бесполезность или недостаточная общественная полезность работы (или занятия), осознаваемые обществом или трудящимся;

и) формирование работой или занятием социального отчуждения человека от общества;

к) наличие признаков дискриминации или сегрегации в требованиях при приёме на работу;

л) распространённость незаконных занятий и систематических нарушений трудового законодательства.

4. Вовлечение в концептуальную разработку аспекта глобализации как не подлежащего абстрагированию (сущностного)

Новый подход к пониманию безработицы делает актуальным вовлечение в её рассмотрение типа общественного устройства. Дело не только в том, демократическим или тоталитарным, капиталистическим или казарменно-“социалистическим” является строй общества, в какую сторону и к какому подвиду общества ведут влиятельные тенденции. Дело ещё и в том, в русле каких геополитических и мирохозяйственных тенденций оказалась на современном этапе развития наша страна.

История реформенных преобразований 90-х годов в России убеждает в недостаточности теоретических пред-

ставлений о типе общественного устройства, которые применимы для отражения ситуации в современной России и в её ближайшем будущем.

Существенная недостаточность теоретических представлений связана как раз с тем, что упускается из рассмотрения фактор внешний, мировой, геополитический.

В мире происходит интенсивная и агрессивная глобализация. Россия попала под каток глобализации, став её крупной жертвой. Сегодня Президент России дипломатично ставит задачу об ослаблении влияния внешних факторов на внутреннюю жизнь России. Говоря проще, он признаёт проблему сохранения страной своей самостоятельности. Немалое число специалистов прямо обсуждает проблему колонизации России и противостояния колонизации.

Сегодня недопустимо абстрагироваться от фактора глобализации, осмысливая, ставя и решая практически проблемы безработицы.

По нашим понятиям, назрела нужда в развитии в связи с этим теории резервной армии труда и теории социальной дезинтеграции. Попытку такого развития представляет собою общая теория социальной резервации. Именно эта теория вкупе с макроэкономическими теориями развития позволяет неодносторонне раскрыть реальные исторические (и логические) координаты безработицы как социально-экономического явления.

5. Новая фаза поиска исторической альтернативы для России применительно к проблеме безработицы

В ряду приоритетных общероссийских проблем социальной политики проблематика безработицы располагается по преимуществу в составе приоритетной проблемы, которая может быть сформулирована следующим образом:

“Повысить экономическую активность, направить её в русло созидания и прогресса. Обеспечить народу России возможности трудиться”.

Государство обязано озаботиться пресечением опаснейшей тенденции разрушения и деградации сферы трудовой жизнедеятельности населения. Необходимо выработать и предложить меры, необходимые и достаточные для направления экономической активности в созидательное русло прогресса.

Совершенно не соответствует ни стратегическим этапным, ни стратегическим долгосрочным целям установка на достижение возможно большей, но при этом неважно какой занятости, проводимая в последние годы (политика минимизации безработицы). Это политика смягчения шока, но она не противодействует всесторонней деградации состава занятий и трудового потенциала страны. Коварна и принципиально ошибочна в российских условиях апология массового малого предпринимательства как якобы прогрессивного социального процесса.

Необходимо решительно отказаться от политики абы какой занятости, ***перейти на политику обеспечения полной и продуктивной занятости*** в стране. Такая политика может быть со стороны государства поддержана и в своей основе обеспечена тремя-четырьмя общероссийскими государственными программами

1. Государственная долгосрочная программа реконструкции хозяйства России.

Среди целевых установок программы в качестве приоритетной должна быть установка на достижение в течение 10-15 лет надёжной занятости подавляющего большинства (не менее двух третей) трудоспособного населения страны на современных производствах и рабочих местах, конкурентоспособных по уровню производительности, условиями труда и культуре организации с рабочими местами и производствами в развитых зарубежных странах.

2. Государственная программа обеспечения полной занятости и предотвращения массовой

безработицы, включая массовую скрытую безработицу.

Следует выполнять взятое Россией обязательство обеспечивать *полную и продуктивную занятость* (документы Копенгагена,1995г.).

Обеспечение полной занятости (предотвращения безработицы как массового бедственного состояния населения в виду отсутствия трудового источника средств существования) уже несколько лет как выдвинулось в число первоочередных дел, которое, однако же, никак не решается. Напротив, бедственное состояние усугубляется, проблема становится застойной, хотя внешне дело обстоит вроде бы и не катастрофически (число зарегистрированных безработных растёт медленно, удерживается на уровне, который мог бы быть выше при обвальном падении производства). Правительство и проправительственные аналитики молчаливо признают теневую занятость компенсатором массовой незанятости. Глубокие и оттого долговременные социально-психологические ущербы теневой занятости не принимаются в расчёт.

Массовый характер приобрела скрытая безработица, деформирующий и перерожденческий эффект которой связан с массовым чувством социальной неполноценности (одна из форм социальной отчуждённости). Два вида скрытой безработицы приобрели в современной России застойно-разрушительный характер: формальная занятость с символической оплатой и массовый переход к занятиям, которые по составу и квалификации работ означают качественное понижение и деградацию трудового потенциала.

3. Программа содействия общественно полезному и эффективному предпринимательству.

Потенции и активность предпринимателей заслуживают государственного внимания и государственного ориентирования.

Программа содействия общественно полезному и эффективному предпринимательству могла бы дать долгосрочные ориентиры относительно общественных и государственных интересов, очертить основные условия подключения предпринимательской активности к достижению этих интересов, включая элементы государственных гарантий и страхования рисков. Уместен был бы в такой программе моральный стимул (рассчитанный как на тщеславие и честолюбие, так и на чувство высокого долга).

Программа содействия предпринимательству не сможет быть успешной, если будет строиться на зауженной базе только частнособственнического предпринимательства. Целесообразно предусмотреть содействие предпринимательству на основах коллективной групповой, кооперативной, государственной собственности.

4. Целесообразно поставить проблему ***возвышения качества экономической активности населения*** и наметить направления её постепенного и последовательного решения. Речь идёт о прогрессивном развитии структуры экономической активности, состава занятий населения. В такой большой стране, как наша Россия, не стоит вопрос о преимущественной специализации населения на какой-либо группе занятий. Россия имеет и, надо надеяться, будет иметь полный комплекс современных отраслей хозяйства. Кризисное состояние экономики, разрушение ряда отраслей в переходный период породило отток трудоспособного населения, в том числе высококвалифицированных кадров из ряда отраслей в отрасли, требующие менее квалифицированного и менее эффективного труда. Поэтому потенциал трудовых ресурсов России используется сейчас в режиме невостребования, расточительности. Поскольку такая ситуация длится, потенциал просто понижается, рабочая сила деквалифицируется. Таким образом, переходный период с его разрушительными шоковыми реформами породил задачу восстановления прежнего (дореформенного) качества занятий населения. Это во-первых.

А во-вторых, продолжает оставаться актуальной проблема прогресса в её обычной постановке. В мире продолжается научно-техническая революция. Уже не обновление техники, а обновление технологии стало крите-

рием нормальности темпа развития производства. В тоталитарных условиях исходный импульс прогрессивному развитию структуры народного хозяйства давали централизованные решения, подкреплённые инвестициями в новые отрасли, в реконструкцию отраслей, в НИОКР, в подготовку кадров по новым специальностям, в переквалификацию и повышение квалификации. Налаженная некогда система возвышения качества экономической активности теперь не может функционировать в прежнем виде, она парализована разрушением командной экономики. Но система-преемница, позволяющая перенести полезное в новые общественные условия, учесть особенности и закономерности переходного состояния, всё ещё не создана. Более того, острая потребность её создания в масштабах России, похоже, не осознаётся. Вместо этого правительственные органы просто созерцают перемещения занятых из одних отраслей в другие, не сопоставляя эти перемещения ни с желаемой перспективной структурой занятости, ни с динамикой качества рабочей силы в стране.

***

Новые подходы к проблемам безработицы заслуживают более развёрнутой разработки и доведения до фундаментального научного обоснования и практических предложений программного характера.

Написано в 2002.
Напечатано в книге: "Социальная политика России. Актуальные проблемы и перспективы их решения. – М.: КНОРУС. 2005. Стр. 145-158.
Печатается по рукописи.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЁРТОГО ТОМА

2003
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ (Общая теория и проблемы становления их демократического регулирования в современной России) …….....…… 5

ВВЕДЕНИЕ. Конкретно-исторические обстоятельства, требующие существенного развития представлений о труде и трудовых отношениях ……... 6

Раздел 1. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ …..…… 18

***Глава 1*. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ (ТЕМЫ). ОБ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИЯХ …..…… 18**

1. Труд и трудовые отношения как общественные реалии, как объект и предмет исследования …… 18

2. Множественность методологий исследования труда и трудовых отношений как отражение в научной сфере множественности идеологий …….. 22

3. Познавательные задачи и возможности общей теории и её познавательно-практическая направленность ...……..…. 29

4. Целостнообществоведческий подход (метод). Мера целостности знания как мера его необходимой и достаточной практичности ……..... 33

***Глава 2.* СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СУЩНОСТЬ, КРУГ ОСНОВНЫХ (СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ) ОТНОШЕНИЙ И КАТЕГОРИЙ ……..... 45**

1. Историческое вызревание целостного представления о труде и трудовых отношениях …… 45

2. Сущность социально-трудовых отношений …… 60

2.1. Труд (процесс труда) и рабочая сила …… 60

2.2. Социально-трудовые отношения как общественная реалия и как категория науки …… 68

3. Круг основных (содержательных) социально-трудовых отношений и категорий …… 78

Глава 3. **ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАК ТИП СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ …… 91**

Предваряющее замечание …… 91

1. Общая теория эксплуатации и эксплуатации труда. Современная теория эксплуатации …… 92

2. Социально-трудовые отношения в глобализуемом мире …… 138

3. Теория социальной резервации как развитие теории эксплуатации с учётом фактора глобализации …… 153

Глава 4. **ОРГАНИЗОВАННОСТЬ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА) СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ. СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СИЛ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ …… 159**

1. Институциональная структура общественных (в том числе социально-трудовых) отношений …… 159

1.1.Организационно-субъектная структура общества (институты-субъекты) …… 162

1.2.Формы общественной организации взаимодействий социальных субъектов (институты-регуляторы) …… 165

1.3. Институционализация социально-экономических (и социально-трудовых) процессов …… 167

2. Соотношение социальных сил как фундаментальная категория регулирования социально-трудовых отношений …… 177

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …… 191

Глава 5. **СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АКТУАЛЬНОМ ЦЕЛОСТНОМ КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …… 191**

1. Исторические координаты и исторический вектор современной России. Критерий прогрессивного развития …… 191

2. Революционные (социально-структурные) реформы 90-х годов …… 201

2.1. Общая канва и логика преобразований …… 201

2.2. Интегральная оценка результатов реформ…206

3. Необъявленная комплексная реформа социально-трудовых отношений в составе российских реформ 90-х годов ……..….. 214

4. Варианты будущего и стратегии развития. Обобщённая (генеральная) постановка проблемы развития социально-трудовых отношений для современной России ……..…….. 245

Глава 6. **ОБОСНОВАНИЕ КРУГА УЗЛОВЫХ ПРИОРИТЕТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРОБЛЕМ ……..... 252**

1. Проблемная структура социально-трудовых отношений. Понятие узловой социально-трудовой проблемы ……..….... 252

2. Субъектный ряд социально-трудовых отношений. Множественность стратегий развития социально-трудовых отношений. Множественность подходов к определению приоритетов ……..…… 253

3. Круг узловых приоритетных социально-трудовых проблем как социально-политическое пространство взаимодействия социальных групп и их представителей ……. 255

4. Категория социального положения. Место социально-трудовых характеристик в социальном положении группы (класса) …… 258

5. Категории “нормального” и “достойного” в социально-трудовых отношениях ……..…… 263

6. Современный этап развития России и отражение его специфики в постановке узловых социально-трудовых проблем ……..……. 270

7. Состав узловых приоритетных социально-трудовых проблем ……..…… 275

Глава 7. **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСПОДСТВУЮЩИХ И ПОДЧИНЁННЫХ КЛАССОВ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ……..… 279**

1.Классовые интересы и механизмы обеспечения их компромисса. Внутриклассовые противоречия интересов и механизмы их нормализации ……..…… 279

2. Обеспечение социальных макропараметров нормализации (и стабильности) социально-трудовых отношений. Модели обеспечения социальной макропропорциональности: социальное партнёрство и “жёсткий” капитализм …… 283

3. Роль государства в обеспечении социальной устойчивости социально-трудовых отношений ……..… 290

4. Особая модель взаимоотношений господствующих и подчинённых классов в условиях глобализационных рыночных шоковых реформ в России в 1990-е годы .. 295

Глава 8. **ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ) И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ. СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО НА ТРУД …… 298**

1. Ценностная функция труда. Трудовая социализация и альтернативы ей ……. 298

2. Трудовая дезинтеграция, её степени и виды. Обозначение нового подхода и показ его особенностей на примере изучения безработицы. Скрытая безработица 302

3. Современное право на труд как демократическая форма трудовой социализации (социально-трудовой интегрированности) 314

4. Модели (типы) интегрированности 325

Глава 9. **СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА (СИСТЕМЫ) НАЁМНОГО ТРУДА 329**

1. Классические (абстрактные) представления о нормальных капиталистических социально-трудовых отношениях 329

1.1. Найм как форма трудовой социализации для большинства населения. Виды наёмного труда 329

1.2. Взаимоотношения наёмного работника и работодателя в системах наёмного труда. Их права и обязанности как общественно регулируемая норма 335

1.3. Рынок труда и его место в современных системах наёмного труда 338

1.4. Конкурентные и монопольные отношения в системе наёмного труда. Проблема недобросовестной конкуренции 343

1.5. Право наёмных работников на участие в управлении предприятием 346

2. Непременно необходимая конкретизация классических представлений о нормальных капиталистических социально-трудовых отношениях 347

Глава 10. **РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. РУДОВЫЕ ДОХОДЫ 350**

1. Первичное распределение эффекта. Необходимый и прибавочный продукт 350

2. Проблемы становления в России демократического регулирования трудовых доходов и демократического контроля за уровнем заработной платы 355

Глава 11. **СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 366**

1. Социальные риски как угрозы нарушения нормального социально-трудового положения, проистекающие из общественного устройства 366

2. Нормальные и ненормальные для периода переходных реформ перемены в социально-трудовом положении и в социальных рисках 371

Глава 12. **СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И САМОЗАЩИТА В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ 382**

1. Социальная защита как основополагающее социальное право 382

2. Защита трудовых прав на основе действующего Трудового кодекса Российской Федерации 399

3. Самозащита трудовых прав и интересов 403

Глава 13. **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РАБОТНИКОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОТИВОБОРСТВО ИДЕЙ И РЕАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ (1987 – 2002 гг.) ……..…… 410**

1. Предреволюционная и революционная ситуация (1987-1991 гг.) ……..…… 410

2. Период шоковых реформ и закрепления их социальных итогов (1992-1999 гг.) …… 416

3. Послеельцинский период так называемой государственной модернизации (2000-2002 гг.) …… 423

Библиография (основные документы и научные публикации) *(в данном издании не приводится)*

Список публикаций Г.Я.Ракитской по проблематике книги
(в данном издании не приводится)

2002
Из Учебника «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
Глава 1.6. Роль государства в социальной политике. Особенности государства как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере ……..…… 433

2002 и 2008
Из Учебника «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
Глава «СУБЪЕКТЫ-ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ОСНОВНЫЕ ТИПЫ» …….. 456

2003
Классовые взаимоотношения на предприятиях России и шансы на социальное партнёрство …….. 484

2003
Актуальность высокой методологии для исследований и практического осуществления социальной политики ……..…….. 492

2004
Проблематика социально-трудовых конфликтов в контексте реального состояния и социально-групповой структуры российского общества ……... 532

2004
Социальные риски особенного исторического происхождения …… 544

2004
Методологические аспекты современного рынка труда …….. 560

2002, 2005
Новая научная постановка проблемы безработицы …… 566

Научное издание

Ракитская Галина Яковлевна

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

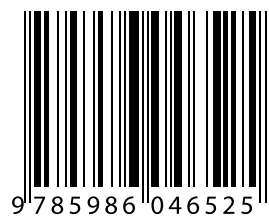
ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

**Теория и практика
социально-трудовых отношений.
Социальная политика**

Школа трудовой демократии имени Г.Я. Ракитской
119361, Москва, Озёрная улица, 25-287
Тел. (495) 437-04-97

Подписано в печать 24.11.2017.
Формат 60x90/16. Объем 37 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98604-652-5



Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru